

И.Л.Жеребцов, Э.А.Савельева, А.Ф.Сметанин

**ИСТОРИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ:
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ**

Сыктывкар
Коми книжное издательство
1996

История Республики Коми: научно-популярные очерки. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. – 286 с.

А в т о р ы : И.Л.Жеребцов (очерки II-VIII),
Э.А.Савельева (очерк I), А.Ф.Сметанин (очерки IX-XII).

Составитель И.Л.Жеребцов

В книге в популярной форме рассказывается о важнейших событиях истории Республики Коми с древнейших времен до конца 1980-х гг. Читатель узнает о появлении первых людей на Европейском Северо-Востоке, о происхождении коми народа, о Стефане Пермском и христианизации коми, о вхождении Коми края в состав Русского государства, участии жителей края в освоении Сибири и многом другом. По-новому рассматриваются проблемы установления Советской власти и гражданской войны в Коми крае, коллективизации, приводятся данные о репрессиях 1930-х гг. против местного населения. Книга рассчитана на всех, кто интересуется историей Республики Коми.

© Жеребцов И.Л., составление, 1996
© Коми книжное издательство, 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы заметно увеличился интерес к истории родного края во всех регионах нашей страны. В Республике Коми этот интерес особенно велик - показателем его является большая популярность разнообразных научно-популярных, краеведческих, справочных изданий и других публикаций о древней и современной истории республики, о традиционной культуре и быте местного населения. Назрела необходимость подготовки общего очерка истории Республики Коми, в котором нашли бы отражение научные достижения историков, археологов и других исследователей последнего времени. Вышедшая в свет в 1978 г. и переизданная в 1981 г. "История Коми АССР с древнейших времен до наших дней" (не говоря уже об опубликованных еще раньше "Очерках по истории Коми АССР") давно стала библиографической редкостью, да и многие ее положения нуждаются в пересмотре. Нет и учебных пособий для высших учебных заведений по курсу истории Республики Коми, а богатейшие сведения по истории и культуре населения республики, содержащиеся в издававшихся в 80 - начале 90-х гг. сборниках научных статей и тезисов докладов краеведческих и научных конференций, монографиях, научно-популярных публикациях, мало доступны основной массе читателей из-за их небольшого тиража.

Для того, чтобы в какой-то мере восполнить этот пробел, подготовлены эти исторические очерки. Они написаны, главным образом, на основе имеющихся публикаций различных ученых и краеведов, открытий археологов, сделанных в последние годы. Так, при подготовке очерка о развитии медицины были использованы работы этнографов И.В.Ильиной и М.Б.Рогачева, историка С.В.Вайровской и др., очерков о развитии просвещения, науки и культуры - публикации Я.Н.Безносикова, О.Е.Бондаренко, Л.П.Рощевской, Т.А.Малковой, М.Б.Рогачева, П.П.Котова, Р.Л.Поповой, П.Г.Сухогузова, З.И.Воеводовой, М.Г.Сивковой и др., очерков политической истории - исследования Л.П.Рощевской, Г.И.Тираспольского, В.И.Чупрова, М.В.Таскаева, В.Н.Давыдова, М.А.Мацука и др., очерков социально-экономической истории - монографии и статьи А.Н.Турубанова, Т.И.Беленкиной, Л.И.Суриной, О.Е.Бондаренко, В.Н.Королева, А.Н.Козулина, Ф.М.Трубачева, Н.С.Калинина, Н.Н.Чесноковой, В.В.Политова, М.А.Мацука, В.В.Шаньгиной, К.А.Аверьянова и др. (список основных работ приведен в конце книги). Использован также и собранный самими авторами материал. Эта книга не претендует на роль всеобъемлющего фундаментального исследования, ликвидирующего все без исключения "белые пятна" в нашей истории, раз и навсегда расставляющего все акценты и дающего окончательные оценки тех или иных событий и деятелей. В задачи авторов входило показать, как в целом шло историческое развитие нашего края, какие новые черты в экономике, политике, культуре, демографии появлялись от столетия к столетию. Более обстоятельно все эти и другие проблемы будут рассмотрены в многотомной "Истории Республики Коми", над которой в настоящее время работают историки Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, сотрудниками которого подготовлено настоящее издание.

Очерк I. ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОШЛОЕ КОМИ КРАЯ

Палеолит (древнекаменный век)

Древнейшие люди на земле появились в эпоху, называемую геологами плейстоценом. Плейстоцен, который начался около 700 тысяч лет тому назад и закончился около 12-15 тысяч лет назад, - это время великих материковых оледенений и появления человека. Ледники покрывали громадные территории гор и равнин Европы, Азии, Северной Америки и Антарктиды. Причины наступления ледников ученые видят в увеличении количества осадков. В связи с этим из центра ледников - Субарктики - гор Севера Европы и Америки они стали сползать на юг, превратив обширные пространства (до 30% суши) в ледяную пустыню. В то же время усилилось развитие горных ледников в Пиренеях, Альпах, на Кавказе, Алтае, Гималаях, которые также пришли в движение, спустившись в прилегающие районы. По окраинам этой безжизненной ледниковой пустыни располагались заболоченные равнины и тундры, переходившие в холодные степи и лесостепь.

Ледниковая эпоха - очень длительная. В её развитии выделяется ряд ледниковых периодов и периодов межледниковья, на протяжении которых климат довольно резко менялся. В период максимального оледенения ледники доходили до района Львова и образовывали два языка: первый продвигался южнее Киева, почти до Днепропетровска, второй - примерно до широты Твери.

Максимальные оледенения не совпадали с максимумом холода. Так, в период максимального оледенения климат был холоднее, чем в межледниковье, но относительно мягкий. В это время вымерли или частично переселились на юг гиппопотамы, теплолюбивые виды слонов и носорогов. Их место заняли приспособленные к холодному климату мамонты и шерстистые носороги. Были широко распространены дикие лошади, бизоны (зубры), первобытные быки (туры) и пещерные хищники: пещерный медведь, пещерный лев, пещерная гиена. Вблизи края ледника встречались северный олень, мускусный овцебык, песец.

В период последнего оледенения Европы площадь, занятая ледниками, была меньше, чем в предыдущей. Льдами был покрыт Скандинавский полуостров, Северо-Запад Европейской части России, юг Прибалтики и север Англии. Однако климат в это время был гораздо более суровым. На огромных просторах простирались тундры и холодные степи с островами северного леса, в которых обитали северные олени, дикие лошади, бизоны, туры, а также мамонты. В этот период мамонты проникали вплоть до территории, занимаемой ныне Римом.

Палеолитические люди на протяжении плейстоцена заселили обширные пространства Старого и Нового Света. Первобытный человек продвигался на север в периоды межледниковья, которые отличались большими климатическими изменениями.

Проблема первоначального освоения первобытным человеком Севера является одной из самых важных и интересных. Когда древние люди впервые появляются на Европейском Северо-Востоке? Где находилась их прародина? Ведь общеизвестно, что территория нашей Республики, Север в целом не являлись местом антропогенеза (формирования человека), хотя есть гипотеза об арктической прародине человечества, разработанная сибирским археологом Ю.А.Молчановым. И все-таки это предположение кажется маловероятным.

До начала 60-х годов нашего столетия большинство исследователей полагало, что в эпоху палеолита, в ледниковую эпоху Север представлял собой безлюдную пустыню. И только немногие ученые верили в возможность открытия стоянок в высоких широтах. К таким исследователям относится видный советский археолог С.Н. Замятин, который был уверен в том, что древние люди уже в эпоху палеолита достигали побережья Ледовитого океана. Он обращал внимание исследователей на находки костей плейстоценовых животных - мамонта, шерстистого носорога, диких лошадей и др., которые были современниками древнейших людей.

Предсказание С.Н.Замятина оказалось пророческим. В 1959 г. Коми филиалом АН СССР (ныне Коми научный центр Уральского отделения Российской Академии наук) был организован Печорский археологический отряд, бессменным руководителем которого вплоть до трагической кончины в 1972 г. был видный археолог В.И.Канивец. Он совместно с геологом Б.И. Гуслицером в 1960 г. начал поиски палеолитических памятников на Печоре.

Первым объектом раскопок была избрана Медвежья пещера, находящаяся на верхней Печоре. Именно здесь было сделано сенсационное открытие - найдены следы обитания палеолитического человека. Раскопки продолжались в течение трех лет (1960-1962 гг.). Медвежья пещера является самой крупной из известных на Печорском Урале - общая длина доступных осмотру ходов составляет 480 м. Она имеет очень древний, доледниковый возраст.

В слое, который относится ко времени посещения пещеры древним человеком, найдено огромное количество костей, принадлежащих вымершим плейстоценовым (мамонту, волосатому носорогу, пещерному медведю, тигрольву) или обитающим сейчас на Севере животным (овцебыку, лошади,

зубру, сайге и др.). По остаткам костей животных, данным спорово-пыльцевого анализа, ученые восстановили климат того времени, когда древний человек обитал в пещере. Тогда на Печоре была развитая лесная растительность, но покров леса не был сплошным - существовали обширные открытые пространства, по которым бродили лошади, сайга и другие животные степей. Климат был несколько суровее современного, зима малоснежная, климат континентальной.

Основной охотничьей добычей первобытного человека, обитавшего в Медвежьей пещере, был северный олень. В.И.Канивец полагал, что пещера служила лагерем охотников за северным оленем. Следы жилища не найдены, но ученые предполагают, что обитатели пещеры укрывались от холода и голода под каким-то навесом или закрытым жилищем, для сооружения которого использовались рога северного оленя, принесенные в грот человеком.

В культурном слое пещеры найдено более 700 предметов, обработанных человеком, Весь кремь местного происхождения. Судя по большому количеству отходов производства, в Медвежьей пещере существовала своеобразная мастерская по обработке кремня. Только 58 предметов из раскопок первых лет имеют форму законченных изделий или следы употребления в работе.

Орудия обработки кремня представлены отбойником, отжимником и 7 ретушерами. Найдены нуклеусы (ядрища, с которых скалывались отщепы), пластины и пластинчатые отщепы. Среди орудий труда выделяются ножи из кремневых плиток. Обитатели пещеры пользовались также режущими орудиями с составными лезвиями из кремневых вкладышей в виде ножевидных пластин. Наиболее многочисленную группу составляют орудия, применявшиеся для скобления: скребла или скребки, скребки. Многие из них использовались для обработки дерева и кости. Медвежья пещера использовалась для жилья довольно продолжительное время. Обитатели грота производили на месте обработку кремня и в этом же районе добывали сырье для орудий.

Медвежья пещера была первой палеолитической стоянкой, расположенной выше 62° с.ш. Это открытие показало, что люди эпохи верхнего палеолита заселяли не только умеренную полосу Европы, но и ее субарктическую зону. В.И.Канивец писал: "Теперь не приходится сомневаться, что, продвигаясь вслед за стадами северных оленей, лошадей, мускусных овцебыков и других крупных животных, охотники эпохи палеолита достигли древнего побережья Ледовитого океана". Его прогнозы оказались пророческими. В 1963 г. началось исследование второго палеолитического памятника на Печоре - стоянки Бызовая. Еще в начале XX века на правом берегу Печоры, в 2 км восточнее д.Бызовая местное население находило кости крупных ископаемых животных. В течение пяти лет (с 1964 по 1968 год) на Бызовской стоянке проводились раскопки. За время раскопок собрано более 3000 костей плейстоценовых животных: мамонта, волосатого носорога, мускусного овцебыка, лошади, северного оленя, волка и медведя. В отличие от стоянки в Медвежьей пещере на Бызовской абсолютное большинство костей принадлежит мамонту (99,1%). Пол и возраст животных различны: есть и молодые, и старые особи. Мамонты, судя по костям, были довольно крупные. П.Ю.Павлов предполагает, что здесь было кладбище мамонтов.

Кроме костей животных на стоянке найдены каменные предметы: 130 - из кремня и кремнистых пород, а также кварцита, базальта, роговиков и сланца. Более половины каменных изделий составляют орудия труда. Среди них выделяются бифасы - крупные орудия из кремня и кремнистой породы, которые служили преимущественно ножами и применялись для разделки охотничьей добычи. Они могли служить и наконечниками, и скребками, и остриями. Большую группу орудий составляют скребки. Кроме того, найдены наконечники, острия, проколки, режущие орудия, резец, пилообразное орудие и др. Возраст Бызовской стоянки - 25-29 тысяч лет. Ученые полагают, что стоянка представляла собой промысловый лагерь охотников.

Исследования палеолитических памятников были продолжены только в 80-е годы археологом П.Ю.Павловым. В последнее десятилетие им были сделаны открытия, представляющие выдающийся научный интерес. Прежде всего, были продолжены раскопки Медвежьей пещеры и Бызовской стоянки, которые дали новые важные материалы. Кроме того, открыты новые стоянки: Навес Студеный (верховье Печоры), Уньинская пещера (на р. Унье, притоке Печоры), Мамонтова Курья (Интинский район), а также Пымва-шор (Воркутинский район Республики Коми).

При раскопках Медвежьей пещеры в 1982-1984 гг. П.Ю.Павловым совместно с Б.И.Гуслицером уточнен возраст Медвежьей пещеры, которая датируется 30-28 тыс. лет назад. Установлено, что в это время верхняя Печора входила в зону тундры. Найдено 780 каменных изделий, в том числе крупные скребла, скребки, проколка, а также костяные изделия.

В 1984 г. недалеко от Медвежьей пещеры открыто еще одно палеолитическое местонахождение у навеса Студеный. В 1983-1985 гг. проводились раскопки на стоянке Бызовская, на которой выделено два культурных горизонта. Среди находок верхнего горизонта выделяются листовидный двустороннеобработанный наконечник, скребки, скребла, острия и проколки, в т.ч. игловидное острие,

бифасы. Во II культурном горизонте также найдены скребла, бифасы, плоские нуклеусы и др., но по технологии изготовления они древнее предыдущих,

Среди других открытий особый научный интерес представляет находка на стоянке Мамонтова Курья бивня мамонта, украшенного насечками, нанесенными в строгом ритмическом порядке. Какую информацию хотел передать нам наш далекий предок? Пока неясно. Бесспорно одно - они имеют глубокую смысловую нагрузку. Это древнее письмо, дошедшее до нас из глубины тысячелетий.

Все известные пока памятники на территории Республики Коми относятся к верхнему палеолиту, от 35 000 лет и позже. Однако есть все основания предполагать, что Европейский Северо-Восток был заселен значительно раньше - в эпоху нижнего палеолита. В соседнем Прикамье, на берегу р. Чусовой, П.Ю.Павловым и Б.И.Гуслицером открыта и исследована многослойная палеолитическая стоянка в гроте "Большой глухой", нижний слой которого датируется временем около 300 тыс. лет. В нем найдены грубые примитивные каменные орудия (чопперы), отщепы, осколки из кварцитопесчаника и др. Чоппер - это грубое рубящее орудие из куска гольша или толстого отщепа камня, выпуклый или прямой рубящий рабочий край которого сформирован оббивкой лишь с одной поверхности. Форма чоппера - неправильная, иногда несколько приближается к овальной.

Они не были приспособлены для скрепления с рукояткой, а употреблялись будучи просто захваченными рукой, в качестве универсальных рубящих и режущих орудий. Ими могли обрабатывать дерево, убивать животных или расчленять их туши, пользоваться как оружием. Найденные в нижнем слое грота "Большой глухой" изделия залежали в слое вместе с многочисленными костями пещерного медведя и северного оленя. Кроме того, из этого слоя происходят кости пещерного льва, песца, волка, северного оленя, зайца и др. Климат в то время был несколько холоднее современного, в этой ныне таежной зоне господствовала лесотундра и тундра. Эти и другие нижнепалеолитические памятники, исследованные в бассейне Камы, позволяют считать, что уже на ранних этапах своего развития первобытный человек проникал далеко на Север. Так, у пос. Харута (граница Архангельской области и Республики Коми) были найдены древние каменные изделия вместе с костями трогонтариевого слона, который обитал на Земле около 300 тысяч лет тому назад. Вероятнее всего, таков же возраст и каменных изделий, обнаруженных у п. Харута.

Таким образом, первоначальное освоение Европейского Северо-Востока произошло в нижнем палеолите, не менее 300 тысяч лет тому назад. Откуда пришли на Север первобытные люди? Это сложный вопрос и для его решения необходимы новые материалы. В.И.Канивец предполагал, что первоначальное заселение Европейского Северо-Востока происходило со стороны Поволжья и Прикамья, и исходной (или промежуточной) была территория Северного Кавказа и Закавказья. В позднем палеолите, по его мнению, было две волны заселения: первая шла с юго-запада, из средней полосы Русской равнины, вторая - из Сибири. Новые материалы, полученные П.Ю.Павловым в последнее десятилетие, позволили ему уточнить некоторые положения гипотезы В.И.Канивца. Он полагает, что возможными исходными территориями первоначального заселения Европейского Северо-Востока могли быть Сибирь, Казахстан или южная часть Русской равнины. Для окончательного решения этого вопроса имеющихся материалов недостаточно.

Более определенно решается проблема освоения первобытным человеком северных широт в эпоху верхнего палеолита. Известные на Печоре памятники этой эпохи разнородны в культурном отношении. Медвежья пещера близка стоянкам Алтая (датируется от 30-28 тысяч лет). Бызовская обнаруживает наибольшую близость памятникам центра Южнорусской равнины (костенковско-стрелецкой культуры), возраст которых устанавливается в 29-25 тысяч лет. Чрезвычайно любопытно, что Бызовская стоянка входит в обширную общность близких по культуре верхнепалеолитических памятников, охватывающую не только Русскую равнину, но и области Центральной Европы. Это означает, что в культуре первобытных людей, живших на Печоре, с одной стороны, и в Центральной Европе, с другой, обнаруживается ряд общих черт. Каким образом возникла эта общность? Наиболее вероятно предположение, что в результате очень длительной постепенной миграции населения.

Каков был образ жизни первобытных людей? Главным источником их существования была охота на мамонтов, лошадей, северного оленя, бизона, пещерного медведя и многих других животных. Огромное влияние на хозяйственный уклад первобытных людей оказывал климат, особенно на ранних этапах их существования, до тех пор, пока люди не овладели огнем и не научились строить утепленные жилища, изготавливать одежду. Только с появлением этих важнейших достижений в материальной культуре человек мог проникнуть в приполярные широты. В зимнее время древний человек не мог обходиться без теплой одежды и зимних жилищ даже в умеренных широтах, тем более на Севере.

Для укрытия от ветра, непогоды использовались пещеры, ложбины, балки, но наряду с этим сооружались зимние утепленные жилища. Особенно большие успехи были достигнуты в эпоху верхнего палеолита, когда сформировался "Homo sapiens" (человек разумный). Именно в эту эпоху формируется охотничье-рыболовецкий уклад хозяйства, появляются долговременные жилища. Высокие технические

достижения эпохи верхнего палеолита позволили верхнепалеолитическим людям совершать неоднократные миграции и значительные переселения, приспосабливаться к самым разнообразным климатическим и ландшафтным условиям. И, наконец, к этой эпохе восходит формирование духовной культуры человека, того, что коренным образом отличает его от животного мира. В верхнем палеолите возникает искусство. Почти одновременно появляются живопись, скульптура, гравюра, орнамент. Есть свидетельства существования музыкальных инструментов и танцев. В эту эпоху появляются верования, сложные магические обряды, попытки объяснить мир. Учеными убедительно обосновано и доказано, что палеолитические люди накопили большой объем рациональных знаний в области математики (знакомство со счетом), астрономии (знание календаря), медицины, химии, биологии и т.д. Словом, фундамент всей дальнейшей человеческой культуры был заложен именно в эпоху палеолита.

Мезолит (VII-V тыс. до н.э.)

Мезолит (среднекаменный век) - очень важная эпоха в истории человеческого общества. Начало ее ознаменовано наступлением новой геологической эпохи (голоцена), которая продолжается и по сей день. Одним из самых важных явлений этой эпохи стало отступление ледников. На территории земли постепенно сформировался современный растительный и животный мир. Человек расселяется по всей территории земли.

Эпохальные изменения в природной среде привели к перестройке всего жизненного уклада древнего населения. Загонная коллективная охота на крупных стадных животных в связи с их исчезновением сменилась индивидуальной охотой на более мелких и подвижных животных. Резко усилилась роль рыболовства, которое для северных племен играло примерно ту же роль, что земледелие для южных - оно являлось фактором оседлости. В мезолите в южных районах наблюдаются первые попытки одомашнивания диких животных и культивирование диких злаков, что было обусловлено кризисом природных ресурсов.

Иная ситуация складывалась на Севере. Огромные просторы тайги с ее богатейшими лесами, реками, озерами создавали благоприятные условия для охотничье-рыболовческого хозяйства, которое начиная с этого времени на многие тысячелетия становится главным источником существования древних людей Севера. Мезолитические стоянки известно значительно больше, чем палеолитических, во всех районах земного шара. На территории нашей Республики их более 100. Они располагаются по берегам рек и озер, на борových террасах и даже в поймах рек. Существовали и кратковременные стоянки, и места более длительного обитания. Известны и жилища этой эпохи - наземные (вероятно, временные, летние) и углубленные в землю землянки (зимние).

Важнейшим техническим достижением этой эпохи является изобретение лука и стрел. Хотя они появляются еще в эпоху позднего (или верхнего) палеолита, но широкое распространение получают только в мезолите, так же как и сложные составные орудия. Основу их составляют дерево или кость, в пазы которых вставлялись мелкие ножевидные пластины. Эта техника скалывания мелких ножевидных пластин (тонких и узких) получила название микролитической (микрос - маленький, литос - камень). На мезолитических памятниках Европейского Северо-Востока микролитические пластинки и изделия из них составляют абсолютное большинство. Это - скребки, скобели, проколки, резцы. Изредка встречаются и наконечники стрел на пластинах.

Наряду с микролитами в таежной зоне Европейской части России получили распространение и макролиты - крупные рубящие орудия, которые обычно изготавливали из кварцита (топоры). Для изготовления рубящих орудий использовали плоские осколки валунов. Однако крупные макролитические орудия на мезолитических памятниках встречаются редко. Абсолютное большинство изделий изготовлено техникой отжима ножевидных пластин. Основная масса орудий была вкладышевой. Ножевидные пластины снимались с ядрищ, которые называются нуклеусами. Нуклеусы имели конусовидную или карандашевидную форму. Для получения нуклеуса у кремневого желвака отбивалась грубая корка, затем на образовавшемся куске кремня ударами подготавливалась треугольная площадка, а перпендикулярно ей другая, служившая затем отжимной (верхней) площадкой нуклеуса, с которой и снимались трехгранные ножевидные пластины.

Составные орудия представляли собой кинжалы, наконечники стрел и копий. Вкладышами служили мелкие пластинки, имеющие ретушь - на краях, углах и концах и т.д. Наряду с составными в мезолите существовали и цельные орудия из кремня - пластины с резцовыми сколами, служившие резцами, инструментами для обработки костей, а также скребки, ножи, острия - проколки, отжимники или ретушеры.

Мезолитические стоянки известны в бассейне Печоры, Вычегды, в Большеземельской тундре. Особый интерес среди них представляет I Висский торфяник, расположенный возле д. Синдор Княжпогостского района Республики Коми. В I Висском торфянике наряду с обычными для мезолита

кремневыми изделиями (отщепами с ретушью, скребками, нуклеусами, резцами, призматическими пластинами) найдены четыре шлифованных топора, а также более 120 изделий из растительных материалов (дерева, коры, травы): луки, дугообразные рукоятки, лыжи, полозья саней, весло, обруч, диск, фрагменты рыболовных снастей и др. 12 из найденных деревянных изделий орнаментировано зигзагами, насечками, косой сеткой, V-образными фигурами и косыми крестами.

Среди изделий из дерева - охотничьи луки, дугообразные рукоятки орудий, полозья саней, лыжи, вилка, диск с отверстием, обручи, лопаточка и др. Особый интерес среди них представляют пять охотничьих луков, из которых один целый. Вот как описывает этот лук исследователь Висских поселений Г.М.Буров. "Все луки вырезаны из стволов небольших деревьев или из веток со снятой корой. Целый лук представляет собой дугообразное изделие длиной 129,5 см и максимальной шириной 4,8 см. Один конец его массивнее другого. Лук почти на всем протяжении имеет линзовидное сечение (внутренняя сторона выпуклая) и только более тонкий конец его пятигранный, завершается рельефным выступом и снабжен отверстием для прикрепления тетивы. Противоположный конец лука для той же цели имеет с внутренней стороны поперечный дугообразный желобок. В средней части хорошо выражена выемка для стрел. Конец с отверстием орнаментирован с внутренней и внешней стороны поперечными зигзагами".

Полозья саней изготовлены из древесины хвойных и лиственных пород (береза). Они имели ширину 12-18 см, были снабжены сверху невысоким плоским бортиком по одному из краев; по краям наблюдалась пара отверстий. Судя по одному из обломков полозьев длиной 185 см, сани были довольно длинные. Г.М.Буровым выполнена реконструкция высоких саней. Одни были бескопильные, двухполозные, асимметричные. При помощи ремней, пропущенных через отверстия, концы двух полозьев скреплялись друг с другом таким образом, что внешние края их становились несколько приподнятыми. Груз к таким саням надо было привязывать. Сани другого типа также бескопильные, плоские, скрепленные из двух полозьев-досок с бортиками по внешнему краю. У заднего конца полозьев и в средней части были отверстия. Передняя пара отверстий на полозьях служила, очевидно, для привязывания ремня, при помощи которого человек тащил сани за собой, а остальные использовались для закрепления поперечных соединительных брусков.

Но особый интерес среди висских деревянных изделий представляет лыжа. Передний возвышающийся конец ее оснащен снизу скошенным назад выступом, оформленным в виде головы лося. Этот выступ, опущенный ниже плоскости скольжения, имел прежде всего практическое значение: он выполнял роль тормоза (препятствуя обратному движению лыжи) и стабилизатора. Одновременно, скульптура лося выполняла и ритуальные магические функции, обусловленные важным местом лося среди объектов охоты мезолитических охотников.

Судя по данным радиоуглеродного анализа, I Висский торфяник датируется VII - концом VI тыс. до н.э. Следовательно, уже в VII-VI тыс. до н.э. мезолитическое население Европейского Северо-Востока освоило технику выделки каменных шлифованных орудий, оно достигло высокого мастерства в обработке дерева, бересты. И, наконец, уже в это время местное население было знакомо с простейшими средствами передвижения и перевозки (лыжи, сани и лодки).

Какова этнокультурная история региона в рассматриваемую эпоху? Г.М.Буров, один из исследователей мезолита Европейского Северо-Востока, полагал, что I Висский торфяник тяготеет к культурам балтийского круга, а более поздние памятники - V тыс. до н.э. относятся к камско-вычегодско-печорскому мезолиту южного происхождения. На современном уровне знаний представляется, что среди мезолитического населения Европейского Северо-Востока были прежде всего потомки верхнепалеолитического местного населения.

Нет сомнений и в том, что в эпоху мезолита существовали тесные контакты между населением Вычегодского и Камского бассейнов. Однако, как считает ленинградский археолог И.В.Верещагина, "предположение о возможном расселении мезолитических племен в Вычегодский край через бассейн Камы было бы весьма поспешным". Она полагает, что вычегодские, печорские и тундровые мезолитические памятники обнаруживают большую близость с волго-окским. Более вероятным представляется предположение о продвижении в позднем мезолите населения из Верхнего Поволжья через Северную Двину в бассейны Вычегды и Печоры, а оттуда в Большеземельскую тундру.

Трудно определить этническую принадлежность этого населения, хотя следует отметить, что именно к этой эпохе многие исследователи относят формирование крупных языковых семей, в том числе уральской, в состав которой входят предки современных самодийцев (ненцев, энцев, нганасан и селькупов) и финно-угров (прибалтийских, волжских, пермских финнов и венгров, хантов и манси). Однако нет никаких убедительных оснований для отождествления мезолитического населения Европейского Северо-Востока с уральцами.

Неолит (новокаменный век)

Эпоха мезолита сменяется неолитом. Это последняя, заключительная стадия в развитии каменного века и исключительно важная в истории человечества. Своеобразие ее заключается в том, что, с одной стороны, это еще каменный век, и все достижения в области производства уходят корнями в предыдущую эпоху. С другой стороны, именно в эту эпоху резко усилилась активная реакция человека на природные изменения, что сыграло важную роль в дальнейшем интенсивном развитии человечества. В неолите вся пригодная для обитания территория Земли была освоена. Однако, как и в настоящее время, природно-климатические условия на территории земного шара отличались большим разнообразием. Они наложили отпечаток на характер материальной культуры. И, пожалуй, самое главное - в эпоху неолита различная природная среда разграничила направление хозяйственной деятельности. В южных районах произошел массовый переход к производящим формам хозяйства - земледелию и скотоводству.

“Переход к производству пищи, сознательному выращиванию съедобных растений, особенно злаковых, и приручению, разведению и отбору животных явился экономической революцией, величайшей в истории человечества после того, как человек овладел искусством добывать огонь, - писал выдающийся английский археолог Г.Чайлд. - Она открыла людям возможность прибегать к более богатому и надежному источнику пищи, который находился теперь под собственным контролем человека, представляя ему почти беспредельные возможности и требуя от него взамен лишь приложения сил”. В науке это событие называют неолитической революцией. Она началась ранее всего на Ближнем Востоке (Ирак, Турция) около 9500 г. до н.э. (еще в эпоху мезолита) и закончилась около 6500 г. до н.э.

Переход к земледелию и скотоводству на Ближнем Востоке был обусловлен прежде всего благоприятными природно-климатическими условиями (наличие диких злаковых растений, животных, которых можно было приручить). Раннеземледельческие неолитические культуры известны в Средней Азии, на Кавказе, в Северном Причерноморье. Г.Чайлд считает, что земледелие распространилось от Ирана до Швеции и Британии всего за 500 лет. В неолите большая часть Европы познакомилась с земледелием. В то же время на огромной территории, занятой лесной и тундровой зоной, основными занятиями населения оставались охота и рыболовство.

Различное направление хозяйственной деятельности обусловило и различия в технике изготовления и главное - наборе соответствующих орудий труда. В эпоху неолита появились различия и в социальной организации общества. В районах, где произошел переход к производящим формам хозяйства, появляется избыточный продукт и, как следствие этого, предпосылки для имущественного неравенства. Не случайно первые классовые общества и государства появляются именно в этих районах. На Севере Европы и Азии это период расцвета первобытнообщинного строя.

Важные перемены происходят в этнической карте мира. В результате развития земледелия и животноводства увеличивается численность населения. При экстенсивной форме сельского хозяйства и ограниченных территориях, благоприятных для его развития, начинаются активные передвижения населения на новые территории, уже освоенные людьми. Это приводит к смешению различных этносов и соответственно к скрещиванию культур, появлению новых этнокультурных общностей. К эпохе неолита восходят истоки крупнейших этноязыковых общностей современности, в частности, финно-угорской.

Однако есть общие черты для всей эпохи неолита, независимо от природно-климатических условий, которые и позволяют выделить ее в особый период в истории человеческого общества. К ним относятся распространение двустороннеобработанных ретушью орудий (ножей, кинжалов, наконечников стрел), высокая техника обработки камня, широкое распространение шлифования и полирования, использование различных пород камня и др. Одной из наиболее специфических особенностей эпохи является изобретение керамики - глиняной посуды. Значение этого открытия трудно переоценить. Впервые человечество изобрело принципиально новый материал (до этого оно использовало только имеющийся в природе материал для изготовления орудий труда и предметов быта).

Керамика - это прежде всего сосуды для приготовления пищи и хранения запасов, что предполагает наличие излишнего продукта, заготавливаемого впрок. Кроме того, глиняные сосуды являются признаком стабилизирующейся оседлости. Своеобразие неолитических сосудов заключалось в их орнаментации. Орнаментация - это особая отрасль искусства, в которой нашли свое воплощение эстетические потребности и вкусы древнего населения. Но кроме того в ней отразились представления человека об окружающей природе, о простейшей геометрии и счете и т.д.

Неолит наступает не одновременно на различных территориях земного шара, однако разрыв этот не столь значителен. Известный советский исследователь Н.А.Хотинский, занимающийся проблемами палеогеографии, считает, что появление неолитических племен в лесной зоне Европейской части России относится к экстремальной фазе климатического оптимума голоцена - примерно 6500 - 4700 лет назад, когда благоприятное соотношение теплообеспеченности и увлажненности содействовало наибольшему расцвету растительного и животного мира умеренного пояса Европы. Теплолюбивая лесная растительность продвигается на север и восток, что определялось потеплением и усилением воздушных масс Атлантики, проникающих на восток значительно дальше, чем в предшествовавшее и последующее

время. Тундровая зона в этот период почти полностью исчезла с материковой части Европейской территории России. Граница между лесом и степью за это время достигла положения, близкого к современному.

По данным Н.А.Хотинского, в южной половине лесной зоны господствовали теплолюбивые широколиственные леса из дуба, вяза, липы и лещины. В составе широколиственно-хвойноподтаежных лесов они распространялись на 500-600 км к северу и северо-востоку от их современного положения. Именно здесь началась неолитическая революция в лесной зоне Европейской части России.

Территория нашей республики в то время входила в основном в зону таежных темнохвойных лесов, где сформировались культурно-исторические общности с охотничье-рыболовческим хозяйством. Население не было знакомо ни с земледелием, ни с животноводством. Прогресс в развитии северных племен проявляется в совершенствовании техники обработки камня, появлении новых технологий, производств, усовершенствовании охоты и рыболовства, появлении сложных рыболовных сооружений, совершенствовании средств передвижения (лыж, лодок, саней), развитии обмена. Именно в неолите на Европейском Северо-Востоке появляются долговременные поселения с прочными жилищами, более оседлым становится быт.

Если раннеолитические памятники в центре Русской равнины появляются в последней четверти V тыс. до н.э., то на Европейском Северо-Востоке хронологические рамки неолита определяются IV-III тыс. до н.э. В позднем неолите неолитические племена появляются и в тундре, что было обусловлено смещением в этот период ландшафтных зон - продвижением тундры в южном направлении, частичной деградацией широколиственных лесов и увеличением роли холодостойких элементов в растительном и животном мире лесной зоны. Эти изменения, происшедшие 4600-4100 лет тому назад, привели к активизации миграционных процессов.

На Европейском Северо-Востоке открыто более 40 неолитических памятников, расположенных по берегам рек и озер. Наиболее выразительные комплексы представлены на озерных памятниках: Синдор, Ямозеро, Косминские озера, Эньты. В развитии местного неолита выделяются два периода: ранний и поздний. К раннему неолиту относятся несколько памятников: Черноборская III на Ижме, Эньты I на Средней Вычегде, две стоянки на р.Индиге (центральный Тиман), часть материалов Висских поселений, а также Пижма I и Пижма II на Ямозере.

Что представляют собой раннеолитические памятники? Поселение Эньты I, изученное археологом Э.С.Логиновой, расположено на правобережье средней Вычегды, у старинного озера Эньты. Здесь найдены очаги, хозяйственные и столбовые ямы, обложенные камнями, многочисленные кремневые изделия, обломки глиняных сосудов, обожженные кости (лося и северного оленя). Среди каменных орудий труда выделяются острия, сверла, проколки, ножи, тесловидные орудия. Они выполнены на пластинах и отщепах. Неправильные пластины и их обломки применялись в качестве ножей, скребелей, скребков, пластинчатые отщепы - в качестве скребков, скобелей, ножей, вкладышей. Наибольшим разнообразием отличаются скребки и ножи.

Однако, своеобразие памятнику придают кремневые геометрические орудия. Заготовками для них служили обломки и сечения пластин небольших размеров. Они имеют форму трапеции, прямоугольника, треугольника, параллелограмма или аморфную. Геометрические микролиты служили вкладышами составных наконечников стрел, копий, дротиков и иных орудий. Они вставлялись в пазы составных орудий, являясь их лезвием. Глиняная посуда представлена сосудами закрытой формы, диаметром по краю 22-36 см. Днища были или приостренные, или плоские. Сосуды украшены орнаментом сверху до дна. Характерная особенность орнаментации - нанесение ямок в один-два ряда под венчиком. Узоры на сосудах составляют ямочные вдавления и отпечатки гребенки. Почти во всех случаях узоры располагаются горизонтальными зонами, реже - вертикальными. Большинство сосудов украшено горизонтально чередующимися гребенчатыми зонами.

Поселение Черноборская III исследовано В.Е.Лузгиным. Оно находится на левобережье р.Ижмы у д.Черноборская Ижемского района Республики Коми. Площадь памятника 100 кв.м. На поселении найдены многочисленные кремневые изделия, значительную часть которых составляют пластины и изделия на них (27%). В отличие от раннеолитического поселения Эньты I здесь найдены наконечники стрел архаичных форм: ромбовидной, с усеченным основанием, с черешком. Кроме того, представлены скребки, часть которых сделана на пластинах, большая часть - на отщепах, а также скребла, резец, резчики, ретушеры, нуклеидные куски, два рубящих орудия. Наибольшим разнообразием отличаются режущие орудия: ножи из ножевидных пластин, из отщепов овальной и подтреугольной формы.

Сосуды округлой формы, с прямым, уплощенным сверху венчиком, с лощеной поверхностью. Они орнаментированы небольшими ямками. Раннеолитический возраст описанных поселений определяется тем, что в кремневом инвентаре, с одной стороны, сохраняются мезолитические черты, с другой - появляются новые не известные в мезолите. К мезолитическим относится преобладание орудий на пластинах, к неолитическим - более крупные размеры пластин и появление техники двусторонней

обработки, а также значительное количество орудий на отщепах. И, наконец, выразительным признаком неолитического возраста этих поселений является глиняная посуда, отсутствовавшая в предшествующую эпоху.

Как сформировался ранний неолит на Европейском Северо-Востоке? С одной стороны, обнаруживается его генетическая преемственность с местной мезолитической культурой. Иначе говоря, в раннем неолите на этой территории жили потомки местного мезолитического населения. С другой стороны, некоторые особенности раннеолитических поселений, в частности, ямчатая керамика, указывает на общность культуры населения, обитавшего в бассейне Печоры, Северной Двины и верхней Волги, что может свидетельствовать или о миграциях населения, или сложении этой обширной историко-культурной общности на единой основе родственных мезолитических культур.

Позднеолитические комплексы выделены на Висских поселениях, Ямозере, Косминских озерах, на Мезени, Вычегде. Наиболее изученными являются Висские и Энтьгские поселения. На поселении Энты III исследован комплекс из пяти жилищ, в том числе однокамерные и двухкамерные с одним-двумя выходами. Жилища прямоугольной формы площадью 60-100 кв.м, с хозяйственными ямами и очагами. Жилища были наземные, крыша двускатная, в отдельных случаях был крытый выход. Встречены жилища пятиугольной, а также округлой формы. В жилищах найдены кости лося, северного оленя и мелких грызунов.

Кремневые изделия позднеолитических поселений отличаются от раннеолитических. Господствует техника изготовления орудий на отщепах. Пластин гораздо меньше, они довольно грубые и массивные. При обработке кремневых изделий преобладает техника двусторонней ретуши. Из орудий труда найдены ножи, скобели, скребки, режущие орудия, ромбовидные и листовидные наконечники стрел. Встречаются резцы, проколки, комбинированные изделия, а также шлифованные сланцевые топоры и тесла.

Но основную массу вещественного материала позднеолитических поселений составляет керамика. Она представлена сотнями сосудов разных размеров: от очень крупных до миниатюрных. На первый взгляд глиняная посуда довольно однообразна. Она имеет полуяйцевидную форму, по всей поверхности украшена гребенчато-ямочными узорами. Но это только на первый взгляд. Выделяются десятки различных комбинаций сочетания ямок и отпечатков зубчатого штампа, которые, в свою очередь, также составляют различные узоры. Кроме того, встречаются оттиски перевитого шнура, личиночного, фигурного штампов и др.

Для археолога керамика является наиболее информативным источником. Форма посуды, основные элементы орнамента, узоры, даже примеси в тесте являются своеобразным паспортом памятника. Не случайно у древнего населения таежной зоны (охотников и рыбаков), ведущих подвижный образ жизни, сосуды были остродонные и круглодонные, а у оседлого земледельческого населения более южных широт - плоскодонные. Совершенно различными были и узоры. Растительные мотивы, концентрические круги, спирали и волны, изображения животных - это символы земледельческого мира. Для таежного мира характерны комбинации узоров из зубчатых (гребенчатых) оттисков и ямок, которые также символизировали представления северного населения об окружающем мире.

Археологи на основе анализа керамики (форм сосудов, примесей в тесте, орнаментации) пытаются определить и этнокультурную принадлежность памятников. Они отмечают близость материальной культуры позднеолитического населения нашей территории к культурам Прикамья и Поволжья. Ученые полагают, что в бассейны Вычегды и Печоры в позднем неолите проникали различные группы населения из Волго-Окского междуречья и Прикамья. В результате их взаимодействия на Европейском Северо-Востоке формируется гибридная, многокомпонентная культура, окончательно оформившаяся к концу этой эпохи.

Можно ли определить этническую принадлежность позднеолитических памятников? Кто были наши неолитические предки? В науке существуют две точки зрения на этот вопрос. Согласно первой, население лесной полосы от Урала на востоке до Прибалтики на западе, включая Прикамье, Среднее Поволжье, Волго-Окское междуречье, в эпоху позднего неолита заселяли древние финно-угры. Эта мысль впервые была высказана крупнейшим финским лингвистом Кастреном. Правда, он считал, что прародина финно-угров находится в предгорьях Алтая и Саян. Эта гипотеза (об алтайской прародине финно-угров) в дальнейшем была отвергнута лингвистами. Сетяля, Шибештьен, Хайду, Тойвонен и другие лингвисты считали, что основная территория финно-угорского населения находится в Волго-Камье и прилегающих областях Среднего Урала.

До недавнего времени считалось, что ямочно-гребенчатая культура в Верхнем Поволжье сменилась пришлой из Волго-Камья волосовской культурой (прафинно-угорской по этнической принадлежности). Последние открытия свидетельствуют о том, что никаких миграций из Волго-Камья не было. Культуры середины III - первой четверти II тыс. до н.э. (ранневолосовская и волосовская

культуры) формируются в Верхнем Поволжье в результате дальнейшего процесса развития местных неолитических племен. Исходя из этих новых материалов, наиболее вероятно, что племена с ямочно-гребенчатой керамикой были древними финно-уграми. Это хорошо согласуется с данными палеолингвистики. Согласно этим данным, территория обитания древних финно-угров (уральцев) определяется на основе выделения общих видов животного и растительного мира, названия которых сохранились во всех финно-угорских (уральских) языках. К таким общим понятиям относятся слова, обозначающие “ель”, “кедр”, “пихту”, “лиственницу” и “вяз”. Крупнейшие современные лингвисты, в частности, венгерский исследователь академик П.Хайду на этом основании прародину уральцев (предков финно-угров и самодийцев) помещал на территории от междуречья Оби и Иртыша до верховий Печоры. Именно здесь при преобладании еловых лесов встречаются кедр и пихта. Согласно этой теории, лиственница проникает к западу от Урала только в позднем голоцене, после распада финно-угорской общности на финно-пермскую и угорскую. Другие названия широколиственных пород (дуб, липа, орешник), по мнению П.Хайду, попадают в словарный запас финно-угров после распада уральского единства и их продвижения на Запад.

Однако новейшие палеографические данные свидетельствуют о том, что уже с раннего голоцена на Севере Печорской низменности произрастали еловые леса с примесью кедра. В среднем же голоцене ареалы кедра, лиственницы и пихты были даже шире, чем сегодня, что убедительно доказано в работах известного коми биолога Н.И.Непомилуевой. Следовательно, древние уральцы заселяли значительно более обширную территорию, чем предполагает П.Хайду, от Обско-Иртышского междуречья вплоть до Карельского перешейка. Несостоятельным оказался и аргумент о том, что слова “дуб” и “липа”, представленные в финно-угорском словаре, попали в него в процессе продвижения финно-угров к западу, в Волго-Камье, где они познакомились с этими деревьями. По данным палеогеографии, дуб и липа в составе хвойных лесов произрастали в голоцене и в Зауралье. Следовательно, финно-угорская прародина не смещалась к западу, а оставалась в пределах территории уральской прародины (от Обь-Иртышья до Карелии). Известный венгерский ученый П.Вереш считает, что названия дуба, липы и вяза были в прафинно-угорском языке, но в связи с наступившим похолоданием в Зауралье и исчезновением дубовых и липовых лесов названия этих деревьев исчезают из финно-угорского языка (кроме вяза, который сохранился в венгерском языке).

Учитывая все эти новейшие материалы, археолог В.С.Стоколос пришел к выводу, что Европейский Северо-Восток в эпоху развитого неолита был заселен древними финно-уграми. Древняя финно-угорская общность распадается на прафинно-пермскую и угорскую в следующую эпоху, которая называется энеолит (или медно-каменный век), около середины III тыс. до н.э.

Медно-бронзовый век

Начало этой эпохи ознаменовано знакомством древних людей с металлом. Первым металлом, который человечество стало использовать для изготовления орудий труда, различных изделий была медь. Человек познал способность металла плавиться и принимать определенные формы. Он получил новый материал для орудий, который позволял изготовить разнообразные орудия, более совершенные, чем каменные. В начале стали использовать легкоплавкие металлы, способные плавиться в кострах и примитивных плавильных печах. Как произошло знакомство древнего человека с металлом?

Известно, что металлы распространены в природе как в самородном состоянии, так и в виде металлических руд. Медь встречается как в составе руды, так и в самородках. Но самородная медь встречается в поверхностных выходах значительно реже, чем медные руды. Мнения ученых о первоначальных способах использования меди разделились. Одни полагают, что первые медные изделия изготовлены из медной руды. Но большинство ученых считает, что первоначально использовалась самородная медь, которую древние люди могли вначале принять за одну из разновидностей камня. Когда они стали обрабатывать ее, то открыли такое ее свойство как ковкость, т.е. способность изменять форму при ударе. Затем было замечено, что нагретый в огне раскаленный кусок меди лучше поддается ковке.

Самые ранние опыты использования самородной меди относятся к VII-V тыс. до н.э. (в Малой Азии, Палестине и Иране). Но начало металлургии связано с освоением выплавки металлов из руд. Это событие также ранее всего произошло на Ближнем Востоке и относится к рубежу VIII-VII и VII-VI тыс. до н.э. Однако, период освоения получения меди растянулся на многие тысячелетия. В конце V - начале IV тыс. до н.э. первые металлические изделия появились на территории крайних юго-западных предгорных районов Средней Азии, в Туркмении, в IV тыс. до н.э. - на территории Кавказа, в конце IV - начале III тыс. до н.э. в районах правобережной Украины и Молдавии. В Среднем Поволжье и Приуралье разработки медистых песчаников велись во II тыс. до н.э. На Урале известно много древних медных рудников и мест древней выплавки меди из руды. В конце III тыс. до н.э. у охотничье-рыболовецких

племен, живущих с восточной стороны Урала, в Среднем Зауралье существовало собственное литейное производство.

Однако период использования чистой меди в качестве материала для изготовления орудий труда был непродолжительным. На смену медному приходит бронзовый век. Бронза - это сплав меди с оловом или мышьяком. Раньше всего - в III тыс. до н.э. - она появилась на Ближнем и Среднем Востоке. На территории Европейского Северо-Востока бронзовые изделия появляются во II тыс. до н.э.

Первоначально в древности медь из руды получали на открытых очагах. Но в этом случае выход металла из руды был незначительным, очень много невосстановленного металла оставалось в руде. Поэтому одним из древнейших способов выплавки меди из руд, в том числе и в открытых очагах, была ее плавка в глиняных сосудах, так называемых тиглях. Тигли наполнялись рудой и покрывались плотным слоем древесного угля. Уголь разгрузался и с помощью дутья мог давать достаточную температуру для получения металла из руды. После окончания плавки на дне тигля образовался слиток металла, а над ним - более легкий шлак. Дутье обеспечивалось силой легких человека. Предполагается, что для дутья древние использовали дутьевые трубочки, снабженные на конце наконечником - так называемые сопла, сделанные из огнеупорной глины. Но этот способ дутья был неэффективен, и вскоре изобрели простейшие ручные меха, которые изготовлялись из шкур животных. Использование мехов позволило достигнуть более высоких температур. Вначале меха были ручные, а затем появились ножные. Постепенно технология получения металла из руд совершенствовалась. На смену открытым очагам приходят металлургические печи. Существовали углубленные в землю ямные печи, стенки которых либо выкладывались камнем с последующей обмазкой их огнеупорной глиной, либо просто обмазывались глиной. В них послойно насыпалась медная руда с древесным углем. Медный слиток в процессе плавки руды опускался на дно печи. Встречены печи наземного типа с невысокими стенками, сложенными из камня и внутри обмазанные глиной, сверху открытые, а снизу слегка углубленные в землю. Наряду с печами небольших размеров в бронзовом веке получили распространение крупные печи большой емкости.

Слитки меди, полученные в печах или ямах, содержали шлаковые включения, которые удалялись металлургами с помощью молотов. Из полученного металлургами металла в дальнейшем изготавливались различные изделия: орудия труда, оружие, украшения, предметы быта. Существовало два способа изготовления древних металлических изделий: ковка и литье. Первые металлические изделия, изготовленные методомковки, по форме не отличаются от каменных. Но настоящий прогресс в медно-бронзовом веке был достигнут после открытия литья, благодаря которому ассортимент бронзовых изделий стал значительно более разнообразным. Жидкий металл разливали по литейным формам, которые делались из камня, металла, глины, существовали простые и сложные (состоящие из нескольких складывающихся частей) формы. Металл перед литьем расплавлялся и непосредственно из тиглей или специальных сосудиков-лячек разливался в литейные формы. После того как металл застывал, получалось готовое металлическое изделие. Литейщики работали небольшими группами. Как правило, они обслуживали свои поселения, но были и странствующие мастера, которые могли совершать дальние походы, удовлетворяя потребности в металлических изделиях не только соседних, но и отдаленных племен.

В начале эпохи раннего металла медь и бронза были довольно редкими и дорогими материалами, поэтому большинство изделий изготовляли из камня. Постепенно, в течение тысячелетий, медь и бронза вытесняют из обихода кремневые орудия труда. Но процесс этот был очень длительным. Только железу удалось вытеснить камень, и то не повсеместно. На Европейском Северо-Востоке и в эпоху железа сохраняются кремневые наконечники стрел и особенно долго - скребки. Только в эпоху средневековья - к концу I тыс. н.э. кремневые орудия труда вытесняются железными. Бронза остается основным материалом для изготовления украшений и предметов быта.

Открытие металла сыграло исключительно важную роль в истории человечества. Внедрение меди и бронзы в производство позволило повысить производительность труда во всех отраслях хозяйства, где использовался металл, ускорило темпы развития человеческого общества. По исследованиям, произведенным опытным путем, медным топором можно было срубить сосну диаметром 25 см за 5 минут - это в 3 раза быстрее, чем каменным. В особенно благоприятных условиях оказались коллективы, которые жили в районах рудных месторождений. Там раньше, чем в других областях появляются специализированные поселки металлургов, где одновременно и торговали готовыми изделиями. Идеи металлургии, опыт мастеров распространяются и в районы, далекие от металлургических очагов, в том числе и на Европейский Северо-Восток.

В эпоху энеолита, которая приходится на период потепления в Атлантикуме, особенно в конце этого периода (6000-5000 лет тому назад), возникли благоприятные условия для дальнейшего освоения территории Европейского Северо-Востока. Эпоха энеолита-бронзы на нашей территории представлена десятками поселений на Печоре, Ижме, Мезени, Вишере, Выми, Вычегде, водораздельных озерах

Тимана. Они имеют различную площадь - от нескольких сот до нескольких тысяч квадратных метров. Известны долговременные поселения с остатками жилищ, хозяйственных и иных сооружений: Галово II на Ижме, Топыр-Нюр XIII, Шиховское IV и Адзья на Печоре, Чойновты I и II и Чужьяель на Мезени, Ниремка I на Выми и другие.

Жилища представляют собой бревенчатые полуземлянки прямоугольной формы площадью от 13 до 70 кв.м с наземными и углубленными в материк очагами, с одним или двумя входами в виде траншей. Встречаются столбовые ямки, поддерживающие кровлю жилища. На поселениях по Печоре и Усе выявлены жилища, пол которых покрыт охрой. Охристые пятна встречаются и в жилищах на поселении Чойновты на Мезени. Рядом с жилищами встречаются хозяйственные и ритуальные ямы. Нередко жилища окружены слабо заметным валом. Наряду с полуземлянками встречаются наземные жилища, однокамерные и двухкамерные. Поселения представляли собой родовые поселки, состоящие из нескольких десятков жилищ.

Энеолит на нашей территории датируется III - третьей четвертью II тыс. до н.э. В четвертой четверти II тыс. до н.э. племена Европейского Северо-Востока вступают в бронзовый век. Однако большинство изделий по-прежнему изготавливается из кремня. Среди ранних металлических изделий обращают на себя внимание медно-бронзовый кельт, найденный на стоянке Красная Гора. Кельт - это своеобразный инструмент для обработки дерева, деревянная рукоять которого имела отходящий под прямым углом конец для ее насадки в полную втулку.

Из поселения Вис II, что вблизи д. Синдор, происходит бронзовый наконечник копья, датируемый концом II - началом I тыс. до н.э., листовидный нож с усеченным основанием, из поселения Вис I - обломок плоского топора. Набор медных вещей представлен в Ульяновском погребении (близ с. Ульяново на Вычегде). Здесь найдены бляшка в форме восьмилепестковой розетки, четырехгранное шило и остаток украшения очень плохой сохранности, возможно, подвески или браслета. Наибольшее количество бронзовых вещей, относящихся к медно-бронзовому веку, найдено в Канинской пещере, в том числе ножи и кинжалы, обломок плоского топора, пила, рыболовный крючок, а также стерженьки, продолговатые пластинки и небольшие слитки. Многочисленную группу составляют обломки пластинчатых режущих и колющих орудий, которые могли служить ножами, кинжалами и наконечниками копий. Выделяются обломок массивного ножа или кинжала, слегка согнутый, сломанный с двух концов тонкий нож, изогнутые ножи. Особый интерес представляют два обломка фигурных рукояток: часть ажурной рукоятки кинжала с обломком клинка внутри, которые имеют аналогии в Зауралье и Прикамье.

На многих поселениях обнаружены следы местной металлообработки: слитки и кусочки металла, тигли и льячки, литейные формы: на стоянке Лебяжской на средней Печоре, на Знаменской стоянке на верхней Печоре на поселении Галово II на Ижме, стоянке Щельяюр II на Печоре, поселении Чуддинты на Вычегде, Вис II возле д. Синдор и др. Среди металлических изделий этой эпохи выделяются медные и бронзовые. Бронзовые изделия представлены различными сплавами: оловянистыми, сурьмянисто-оловянистыми, мышьяковисто-оловянистыми.

На территории нашей Республики неизвестны рудники этого периода. Вероятнее всего, местные металлурги пользовались готовыми привозными сплавами. Эпоха энеолита-бронзы на Европейском Северо-Востоке представлена рядом археологических культур, изучение которых позволяет реконструировать хозяйство, быт, этническую историю древнего населения. Одной из ярких культур этой эпохи является чужьяельская, выделенная археологом В.С. Стоколосом. Памятники этой культуры открыты на огромной территории: на Мезени, Ижме, Печоре, Вычегде, в Большеземельской тундре, в Зауралье.

Она существовала на протяжении более 1,5 тысяч лет - с середины IV тыс. до н.э. до начала II тыс. до н.э. Чужьяельская культура представляет собой сложное этнокультурное образование, в формировании которой приняли участие различные группы населения. На ранней стадии ее развития (середина IV - середина III тыс. до н.э.) четко прослеживается проникновение на Европейский Северо-Восток населения из Прикамья. Памятники этого периода известны на Мезени (Чойновты I, Гырка-Ель) и Ижме (поселение Кельчи-Юр II). В дальнейшем ареал культуры расширяется - осваиваются Приполярные территории, а также Зауралье. Появляются поселения в Большеземельской тундре, на р. Коллавис и озерах в истоке этой реки (Нерчей II, Колва-Вис 25). Население Чужьяельской культуры почти достигает прибрежной полосы Арктики. Поселения этого времени известны в приустьевом районе Печоры, на нижней Оби. Близкие чужьяельским памятники открыты на Ямале. В этот период (середина III тыс. до н.э. - III четверть III тыс. до н.э.) тундра еще не охватила всю территорию Заполярья - в его южной половине сохранились облесенные территории. На позднем этапе существования культуры (последняя четверть III тыс. до н.э. - начало II тыс. до н.э.) ареал ее сокращается. Памятники этого периода немногочисленны: они открыты на Мезени (Осичой I, Усогорск I, Лекчойди II, Сула I), на Ижме (Картаель II и др.).

Памятники разных этапов отличаются между собой и отражают, с одной стороны, эволюцию культуры, с другой - участие в ее формировании различных групп населения. Поселения располагались на краю береговых речных террас или вершинах приозерных дюн. Жилищами служили бревенчатые полуземлянки с одним или двумя входами в виде узкой траншеи. Очаги были наземные, иногда сооружалась опалубка или земляная подушка.

На ранней стадии культуры прослеживается приток на Север позднеолитического населения из Прикамья, в составе которого были выходцы из более южных территорий (Поволжья). Они принесли с собой воротничковую посуду и накольчатую технику нанесения узоров. Этому способствовало потепление климата и вследствие этого - продвижение широколиственных пород (дуб, липа, вяз) в составе хвойных пород на широту Вычегды и далее до 63° с.ш.

Керамика этого периода представлена сосудами полуяйцевидной (иногда котловидной) формы, густо украшенными гребенчатым орнаментом, круглыми ямками под венчиком. Встречаются узоры, нанесенные накольчатой техникой. Каменный инвентарь малочислен. Найдены кремневые наконечники стрел, скребки, ножи. В средний период существования культуры, когда ареал ее расширяется вплоть до побережья Арктики, в ней появляется ряд новых черт, связанных с притоком новых групп населения. Изменяется керамика. Это период расцвета гребенчатого орнамента и угасания накольчатого. В орнаментации сосудов появляются новые мотивы: ромбы, треугольники, ромбическая сетка. Именно тогда появляется новый элемент орнаментации - чешуйчатый, выполненный дуговидным штампом. Сосуды, найденные на поселениях Большеземельской тундры, богато украшены, кроме того, фигурнозубым штампом. Здесь же открыты оригинальные жилища - многоугольной планировки, с остатками сложных архитектурных деталей в виде траншей, канавок, углублений.

В конце этого периода на поселениях, расположенных в при- и заполярных районах, появляется новый элемент в орнаментации сосудов - так называемые сотовые геометрические узоры. Они характерны для зауральских культур - от Среднего Приобья до Южного Зауралья и Северного Казахстана. В.С.Стоколос полагает, что появление этой керамики на севере Западной Сибири и Крайнем Северо-Востоке Европейской части России связано с миграциями населения из Южного Зауралья. Южное Зауралье и Северный Казахстан относятся к числу районов, где в то время была развита металлургия меди и бронзы. Не исключено, что именно с этим населением на Европейский Северо-Восток попадают первые металлические изделия, сама идея металлообработки. С приходом южных групп населения происходят изменения и в кремневой индустрии, появляются новые типы наконечников стрел (треугольные и треугольно-черешковые), новая техника обработки камня (пильчатая ретушь, пиление на кремневых породах посредством песчаниковых пил) и др. На позднем этапе существования чужьяельской культуры фиксируется усиление контактов носителей этой культуры с населением, входящим в другую общность (прикамскую), которая носит название гаринско-борской (о ней речь пойдет дальше). Анализ керамики, кремневого инвентаря этого периода свидетельствует об интенсивных контактах населения различного происхождения. В конце III - начале II тыс. до н.э. следы чужьяельской культуры теряются - она прекращает свое существование. Появляются новые культуры, по материалам которых восстанавливается этнокультурная история региона.

Среди других древностей эпохи энеолита-бронзы особое место занимает чойновтинская культура, получившая свое название от одноименного поселения на р. Мезени. Памятники этой культуры открыты в бассейнах рек Вычегды (кроме южных притоков), Мезени и Печоры. Все они расположены в лесотаежной зоне. Культура датируется началом четвертой четверти III тыс. до н.э. - серединой - третьей четвертью II тыс. до н.э. Поселения располагаются по берегам рек и озер. Жилища столбовой концентрации представляют собой прямоугольные или подквадратные полуземлянки с одним или двумя входами в виде узких траншей или без входа.

Сосуды полуяйцевидной открытой или слегка прикрытой формы, котловидной или чашевидной формы. Они орнаментированы гладким или гребенчатым штампом, перевитым шнуром, нарезками и наколками. Узоры представляют собой сочетание горизонтальных линий и ломаных полос. Разнообразны изделия из камня: кремневые наконечники стрел листовидной, треугольной, миндалевидной и пятиугольной форм, сланцевые шлифованные долота, тесла, клинья. История формирования населения, оставившего чойновтинскую культуру, восстанавливается следующим образом. Прежде всего, основу его составляли потомки предшествующего неолитического местного населения, пришедшего на Европейский Северо-Восток из Волго-Окского междуречья. С другой стороны, прослеживается влияние прикамского (гаринско-борского), а также соседнего чужьяельского населения.

По мнению В.С.Стоколоса, в эпоху энеолита на обширных пространствах лесной полосы Европейской части России, от Прибалтики до Приуралья, жили древние финно-угорские племена. По этим землям проходил древний янтарный путь, по которому на территорию нашей Республики попали украшения из прибалтийского янтаря. Судя по археологическим материалам, в эпоху энеолита на Европейский Северо-Восток из Прибалтики проникли племена, относящиеся к индоевропейскому миру.

Этнокультурная ситуация на Европейском Северо-Востоке еще более усложняется в эпоху бронзы. Усиливаются миграции населения, формируется ряд новых культур, которые отражают смешение различных групп населения, как аборигенов, так и пришельцев.

На Севере, в долине Печоры, и по ее притокам, открыты археологические памятники, относящиеся к атаманнюрской культуре (по названию поселения Атаман-Нюр). Исследованные жилища площадью от 25 до 120 кв.м имеют подквадратную или многоугольную в плане форму и наклонные входы-пандусы. Полы и пандусы нередко посыпаны охрой. В середине помещения располагается очаг.

Кремневые изделия представлены наконечниками стрел, скребками. Встречаются изделия из меди бронзы. Сосуды полуяйцевидные и плоскостонные, орнаментированы гребенчатыми, гребенчато-ямочными узорами. Встречается накольчатый, а также прочерченный орнамент. Исследователи полагают, что в формировании этой культуры принимали участие зауральские группы населения, которые к концу эпохи бронзы покинули Северное Приуралье в связи с похолоданием климата, которое наступило 3200-2500 лет тому назад.

Одной из выразительных культур бронзового века, сыгравших важную роль в последующей истории населения Европейского Северо-Востока, является лебяжская. Она относится к концу бронзового века. Нижний рубеж ее относится к XIII-XII вв. до н.э., конец - к X-IX вв. до н.э. Культура получила название от названия стоянки у починка Лебяжское на средней Печоре. Памятники лебяжской культуры открыты на огромной территории - от Большеземельской тундры на Севере до камского водораздела на юге и от Уральского хребта на востоке до среднего течения Вычегды на западе. В Заполярье они не известны.

Поселения лебяжской культуры располагались на речных террасах или на возвышениях среди поймы. Найденные жилища - наземные, возможно, в виде двускатного шалаша с завалинкой. Встречаются наземные кострища и очажные ямы. На многих поселениях сохранились следы бронзолитейного производства. Так, на стоянке у починка Лебяжское на средней Печоре на различных участках в очажных ямах найдены застывшие капли металла и кусочки бронзы. Возле одной из таких ям лежала разбитая глиняная льячка (или же гель) для разливания (или плавки) металла. Следы бронзолитейного производства обнаружены В.Е.Лузгиным на Знаменской стоянке (на верхней Печоре). При раскопках в кострище найдены два небольших слитка (один медный, другой бронзовый) и обломки тиглей. Металлические слитки были обнаружены и в Канинской пещере. На верхней Вычегде на стоянке Чуддинты II около кострища также сохранились обломки одного или нескольких ошлакованных тиглей. Эти факты указывают на освоение лебяжским населением процесса металлообработки. Однако кремневые изделия по-прежнему преобладают. Более того, поздний медно-бронзовый век на Севере был периодом расцвета техники обработки кремня. В комплексе орудий абсолютное большинство составляют кремневые наконечники стрел и копий, а также ножи и скребки, отличающиеся большим разнообразием. Встречаются фигурные кремни - в виде рыбы, млекопитающего и др. Для изготовления орудий труда, бытовых изделий широко использовалась кость.

Глиняные сосуды представляют собой широкогорлые круглодонные чаши с выпуклым туловом и сравнительно коротким венчиком. В большинстве случаев орнамент украшал верхнюю половину сосудов, но иногда был расположен ниже середины тулова. Под венчиком шел ряд ямок, ниже узоры, нанесенные зубчатым штампом - горизонтальные, наклонные линии, зигзаги - ромбическая сетка.

В Заполярье, в европейских тундрах, в эпоху бронзы жили племена, отличающиеся по своей культуре от лесотаежных лебяжских. Культура этого тундрового населения получила название коршаковской (по названию поселения Коршак I на левобережье Печоры, в 8 км выше устья Ижмы).

Поселения и кратковременные стоянки нередко располагались не на открытом прибрежном участке, а в глубине террасы, что, вероятно, не случайно. Возможно, таким образом создавались условия для обороны или для обзора при окате. Один из исследователей коршаковских памятников В.С.Стоколос обратил внимание на интересное обстоятельство. Некоторые поселения располагаются вблизи древних переправ мигрирующих стад северного оленя, которые до сих пор используются пастухами для перевода стад с одного берега на другой. Очевидно, охота на северных оленей занимала важное место в жизни древнего коршаковского населения.

Жилища были легкие, переносные, типа чума. Сосуды полуяйцевидной формы украшены мелкоструйчатым прокатанным и сетчатым орнаментом. Для изготовления орудий труда использовались различные породы камня - кремль, кварцит, окаменелые породы сланца, песчаник. На поселениях коршаковской культуры найдены следы металлообработки - сопло, литейная шишка, льячка. Ученые полагают, что это связано с проникновением в европейские тундры западносибирского населения с высоким уровнем металлургического производства.

Хозяйство населения в рассматриваемую эпоху базировалось на охоте и рыбной ловле. Охотились на лося, северного оленя, птиц, зайцев, бурого медведя и других промысловых животных. Особо важное место в жизни племен, живших в высоких широтах, занимала охота на северного оленя.

Стада северных оленей сезонно мигрировали из леса в тундру, к побережью арктических морей и обратно в связи с изменениями климата, которые приводили к отступлению лесов на юг. Группы охотничьих стойбищ возникали в местах концентрации стад северных оленей, у переправ.

У некоторых групп населения преобладало рыболовство. О его развитии свидетельствуют многочисленные находки рыболовных грузил. Рыболовство способствовало большей оседлости населения. Поселки рыбаков обычно носят более долговременный характер. Наряду с охотой и рыболовством в эпоху энеолита-бронзы продолжали развиваться другие традиционные отрасли хозяйства: кремневое и керамическое производства, обработка дерева, кости и др. Дальнейшее развитие получают прядение и ткачество. На ряде поселений найдены пряслица из глины, обломков керамики, камня. Для плетения использовались растительные волокна - осока, дикорастущие конопля, лен.

Важнейшим достижением этой эпохи является освоение процесса металлообработки - меднолитейного и бронзолитейного производств, которые относятся к производящим факторам экономики. В.С.Стоколос высказал предположение, что в эту эпоху местное население заимствовало от своих соседей и навыки земледелия. По мнению видного советского археолога Ю.А.Краснова, лесная полоса европейской части страны могла быть местом окультивирования льна и конопли, которые произрастали на этой территории в диком виде. Вполне возможно, что к эпохе бронзы на Европейском Северо-Востоке относятся первые опыты возделывания технических культур.

Как указывалось выше, древнее население Европейского Северо-Востока в рассматриваемую эпоху селилось по берегам рек и озер. Поселения состояли из одного-двух жилищ, в которых могло обитать от двух до шести семей. На одном поселении одновременно могло жить 20-25 человек. В одном жилище располагалась одна или две малые семьи, каждая из которых имела свой очаг. Жилища с большим количеством очагов встречаются редко. Духовная культура населения характеризуется верованиями, связанными с почитанием животных и птиц, обитавших в северных широтах, с космогоническими представлениями и др.

Этнокультурная карта Европейского Северо-Востока в эпоху энеолита-бронзы отличается от последующих периодов истории наибольшей пестротой. Основным этническим образованием, сыгравшим определяющую роль в дальнейшей этнической истории региона, является финно-угорский этнос, который сформировался здесь еще в эпоху неолита. В это время существовала еще нераспавшаяся финно-угорская общность, занимавшая территорию по обе стороны Урала. С этой общностью сопоставляется ранний (неолитический) этап чужьяельской культуры. Около середины III тыс. до н.э. (средний период чужьяельской культуры) финно-угорское единство распадается - на угров (в Зауралье) и финно-пермские группы (Северо-приуральскую и Камскую) к западу от Урала. В дальнейшем в Северном Приуралье продолжают обитать финно-пермские племена.

В чойновтинской культуре также предполагается финский компонент, так как в ее формировании принимало участие волго-окское население, финно-угорское по этнической принадлежности. Таким образом, в эпоху бронзы на рассматриваемой территории в итоге взаимодействия разноэтничных, разнотипных групп населения, проникавших из-за Урала и Поволжья, основным определяющим этносом остается прафинно-пермский. Он не мог развиваться в изоляции от соседних миров. На Севере, по Печоре обитали древние самодийцы (носители атаманнюрской культуры), в тундре - Зауральские палеоазиаты (коршаковская культура). В прафинно-пермской культуре местного населения ощущается влияние индоевропейского мира. Судя по археологическим материалам, определенный след в древней истории Европейского Северо-Востока в этот период оставили группы населения, пришедшие из Поволжья.

Эпоха раннего железа

Ранний железный век приходит на смену бронзовому. Наступление новой эпохи было ознаменовано освоением металлургии железа, которое становится основным материалом для изготовления орудий труда, оружия, предметов бытового назначения. Железо является самым распространенным в мире металлом, однако оно позже других стало служить человечеству. Железо в природе практически в чистом виде не встречается. Хотя железные руды в природе распространены повсеместно, в отличие от медных и оловянных, но получить из руды железо было значительно труднее, так как для его плавки необходима очень высокая температура (1528°), что было неосуществимо для древних мастеров. Железо получали в тестообразном состоянии с помощью сыродутного процесса. Сущность его заключалась в восстановлении железной руды углеродом при температуре 1110-1350° в специальных печах, вдувая воздух кузнечными мехами через сопло. На дне печи образовывалась крица-комки пористого, тестообразного железа весом от 1 до 8 кг, которую затем неоднократно проковывали молотом для уплотнения и частичного выдавливания из нее шлака. Кричное железо было мягким, поэтому его закаливали (обуглероживали). Таким образом, железо не отливали, а "варили". Железные

изделия получали путемковки. Ковали на металлической подставке-наковальне. Кусок железа раскаляли в горне, а потом кузнец, держа его клещами на наковальне придавал ему необходимую форму с помощью молота.

Более высокие механические качества железа, общедоступность железных руд и вследствие этого дешевизна нового материала способствовали тому, что железу удалось вытеснить бронзу, а затем камень. Однако процесс этот был также достаточно длительным и произошел не одновременно в различных частях земного шара. Впервые железо упоминается в переписке египетского фараона с хеттским царем (XIV в. до н.э.). В Греции железные изделия появляются в XI-X вв. до н.э., в начале I тыс. до н.э. - в Закавказье, в лесной полосе Европейской части России - в VIII в. до н.э.

Распространение железа привело к технической революции в истории человечества. Появились новые, неизвестные в бронзовом веке предметы: ножницы, щипцы, клещи, напильники и др. Ускорилось развитие ремесла, особенно кузнечного и оружейного. Благодаря железному топору и сохе с железным лемехом стало возможным продвижение земледелия на север, в лесные районы. В целом, появление железа сыграло исключительно важную роль в истории человечества, создав условия для значительного ускорения темпов развития тех человеческих коллективов, которые освоили процесс получения железа из руды и кузнечное производство.

На Европейском Северо-Востоке начало раннего железного века датируется VIII в. до н.э. Первый период раннего железного века датируется VIII-III вв. до н.э. и определяется в истории населения Северного Приуралья как ананьинский. Название периода происходит от ананьинской культуры, первый памятник которой (Ананьинский могильник) был открыт в 1856 г.

Ананьинский период в Северном Приуралье по аналогии с прикамскими древностями датируется VIII-III вв. до н.э. Выделяются два этапа в его развитии: VIII-VI вв. до н.э. и V-III вв. до н.э. Памятники этого периода известны на Вычегде, Печоре, Мезени, Ижме, Выми и представлены неукрепленными поселениями и грунтовыми могильниками. Комплексы этого периода открыты на поселениях Вис I и II, Мыелдино, Лебяжск, Джуджыдыг на Вычегде, Нимейчой I, Нимейчой V, Елва III, Елва V, Руччой, Ус I, Ус III и др. на Мезени, Ямашор, Перный, Чаркобож, Щельябож II и III, Лыжа, Сынявом и др. на Печоре, Усть-Коин, Весляна IV и др. на Выми, Ластва IV, Баля Ягнюр II, Картаель III и др. на Ижме и многие другие. Поселения располагаются как вблизи больших рек, так и в стороне от них, на склонах небольших протоков или ручьев, а также в их устьях. Площадь поселений различна. Жилища, судя по отсутствию котлованов, были наземные. Остатки жилищ определяются по кострищам, сохранившимся на их площади.

В.И.Канивец выделил четыре культурных типа ананьинского периода в Северном Приуралье, имеющие культурно-хронологические различия: Ластва, Перный, Ямашор и Чаркобож.

Культурный тип Ластва относится к раннему этапу ананьинского периода и датируется VIII-VI вв. до н.э. Памятники этого типа известны почти на всем протяжении средней Печоры, ее левом притоке Ижмы, в бассейнах Вычегды, Выми и на верхней Печоре. Они охватывают огромную территорию, простираются в широтном направлении от западных склонов Среднего Тимана до предгорий Северного Урала, а в меридиональном направлении - от южного края Большеземельской тундры до вычегодско-камского водораздела. Основную массу на поселениях составляют обломки глиняных сосудов. Керамика - круглодонная, представлена широкогорлыми горшками с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком, обычно с выпуклым туловом и чашами с наклонным внутрь венчиком. Орнамент покрывал верхнюю часть сосудов и располагался горизонтальными зонами. Узоры образованы горизонтальными, либо полого наклонными линиями. Основные элементы узора: глубокие круглые ямки, отпечатки шнура, оттиски зубчатого штампа, волнистые ("змеевидные") линии и мягкие углубления. Ямки располагались только под венчиком и, как правило, в один ряд. Характерной особенностью является тонкая встроенная или сдвоенная шнуровая линия. Зубчатые оттиски образуют горизонтальные линии, косые отрезки и одинарные или двойные зигзаги. "Змеевидные" отпечатки образуют горизонтальные линии или наклонные отрезки.

На ластинских памятниках выявлены многочисленные отходы производства кремневых орудий - отщепы, чешуйки, осколки. Техника обработки кремня довольно высокая, хотя в целом качество кремневого инвентаря в сравнении с предшествующей эпохой ухудшается. Наконечники стрел изготовлены довольно тщательно, а скребки становятся грубее, массивнее. Кроме наконечников стрел, копий, дротиков и скребков встречаются топорик, ножевидные изделия (на поселении Щельябож III).

Население занималось и бронзолитейным производством. На поселении Щельябож III большой интерес представляет скопление сильно обожженных, ошлакованных обломков одного или нескольких толстостенных сосудов типа тигля для плавки металла. Предметы бронзолитейного производства найдены и на поселении Шиховское I. К ним относятся два обломка грубо вылепленного ошлакованного толстостенного сосуда с закругленным дном, служившего тиглем или льячкой. К поверхности одного из обломков прикипел кусочек застывшего металла. Химическим анализом установлено, что это

оловянистая бронза, содержащая несколько процентов олова, значительную естественную примесь железа, а также небольшие количества микроэлементов.

Памятники типа Ластва составляют особую культуру, отличную от ананьинской, хотя отмечаются и некоторые общие черты ластинской и раннеананьинской керамики. Убедительно доказано формирование культурного типа (культуры) Ластва на основе местной лебяжской культуры.

Второй культурный тип ананьинского периода на Европейском Северо-Востоке называется Перный. Памятники этого типа известны на Печоре (Перный, Топыд-Нюр I, Питьюяг I, Китостав и др.), на Ижме (Ижма I), на Выми (Весляна IV), на Вычегде (Мыелдино). Они датируются VI-III вв. до н.э. и, следовательно, представляют собой второй этап в развитии культуры ананьинского периода в Северном Приуралье. Поселения располагаются на речных песчаных террасах и в глубине их и представляют собой неукрепленные временные становища охотников-рыболовов.

Основную массу находок составляют фрагменты керамики. Сосуды - лепные, в форме широкогорлых горшков с округлым дном, выпуклым туловом и, как правило, уплощенным венчиком, который в археологии носит условное название "воротничок". Сосуды украшены узорами в верхней части. Среди элементов орнамента первое место занимают отпечатки зубчатого штампа, затем ямки, шнуровые и фигурные вдавления. Отпечатки зубчатого штампа образуют горизонтальные линии, наклонные короткие отрезки, зигзаг, иногда узор в виде "птичьей лапы". Шнуровые оттиски встречаются только в сочетании с другими элементами орнамента - ямками и гребенчатыми отпечатками. Шнуровые вдавления всегда расположены горизонтальными рядами. Ямки располагаются не только под венчиком, но иногда и на оттисках сосуда. Ямки сгруппированы по две-три вместе. Иногда ямки образуют узор в виде треугольников. Фигурные отпечатки, изредка встречающиеся на перныйской керамике, близки гребенчатым. В.И.Канивец так характеризует перныйскую керамику: "В целом перныйская керамика в технологическом отношении более совершенна, чем посуда ранее описанных памятников позднего медно-бронзового века и начала эпохи железа, что особенно заметно в качестве обжига. Орнамент разнообразен, но в большинстве случаев выполнен в скупой, несколько холодной геометрической манере. В узорах всецело господствует прямая линия - горизонтальная, косая или зигзагообразная, и лишь фигурные оттиски вносят в эту схему криволинейный элемент".

Значительную категорию находок составляют кремневые изделия: наконечники стрел, дротиков, копий, ножи, но наиболее многочисленны скребки. Они изготовлены довольно грубо из отщепов разнообразной, часто неправильной и случайной формы, что свидетельствует об упадке кремневой техники. На ряде поселений выявлены следы бронзолитейного производства. Так, на поселении Перный найдено шесть небольших сильно ошлакованных обломков толстостенных сосудов, служивших тиглями или льячками. Все они подверглись действию сильного огня, имеют ноздреватую структуру и слегка растрескались, некоторые сильно деформировались. Спектральный анализ показал, что в этих тиглях плавляли оловянистую бронзу.

Как указывалось выше, памятники типа "перный" датируются IV-III вв. до н.э., т.е. временем развитой и поздней поры ананьинской культуры. Однако памятники этого типа не могут быть включены в круг собственно ананьинской культуры. Они существенно отличаются между собой. Характерными памятниками ананьинской культуры Среднего Поволжья и Прикамья в VI-III вв. до н.э. являются городища (на Севере они неизвестны).

Различным был культурно-хозяйственный тип ананьинского и перныйского населения. Основу хозяйства прикамского населения составляли земледелие и животноводство, на севере - охота и рыбная ловля. К специфическим особенностям культуры перныйского населения относится и довольно высокий уровень кремневой обработки. Перныйское население продолжало изготавливать из кремня наконечники стрел, дротиков и копий, а также ножи, которых практически уже не было в обиходе прикамских племен. И, наконец, имеются отличия и в глиняной посуде - в teste сосудов, их орнаментации.

Памятники типа Ямашор открыты на Печоре и Усе. В отличие от предыдущих, на керамике этих поселений наряду с ямочными и шнуровыми узорами представлены различные фигурные отпечатки, характерные для зауральских памятников. Особое своеобразие этой керамике придают волнистые "змеевидные" линии, фигурные оттиски (в виде шевронов короткого вертикального зигзага, вопросительного знака, запятой, латинской буквы S, русской буквы Б, подковообразных или серповидных вдавлений) и густонанесенные ямки различной формы (круглые, полукруглые, овальные, трапецевидные, подтреугольные, ромбические, квадратные).

Кремневые орудия представлены только скребками. На основании анализа керамики и кремневых орудий В.И.Канивец датировал памятники типа Ямашор VI-III вв. до н.э. Он полагал, что в культуре населения, оставившего эти памятники, ощущается сильное зауральское влияние.

На нижней и средней Печоре, а также на Ижме и верхней Вычегде выделяется группа памятников, названных чаркабожской. Все известные памятники этой группы расположены в районах, прилегающих к Северному и Приполярному Уралу, восточнее 54° в.д. и южнее Полярного круга.

Они представлены неукрепленными поселениями, расположенными на боровых террасах. Керамика представлена широкогорлыми чашевидными сосудами, украшенными в верхней части ямками под венчиком, мелким косым крестом, а также зубчатыми, шнуровыми и фигурными отпечатками. Характерная особенность этих памятников - высокий уровень обработки камня. На поселениях встречены разнообразные орудия труда: наконечники стрел, копий и дротиков, ножи и скребки. Памятники типа Чаркобож относятся к VIII-VI вв. до н.э. и принадлежат особой североуральской группе населения, в культуре которого ярко проявляется зауральское культурное влияние, исходным районом которого являются лесостепная и лесная полоса Зауралья и Приобья.

Кроме поселений, на Европейском Северо-Востоке известны и могильники. Первые погребения раннего железного века были открыты К.С.Королевым на средней Вычегде. На поселении Шойнаты II на каменной вымостке обнаружено пока одиночное грунтовое погребение с кучкой кальцинированных костей и углистым заполнением могильной ямы. Два аналогичных погребения открыты в низовьях р.Угдым (левый приток Вычегды). На дне ям расчищена каменная вымостка, на которой сохранился углистый слой толщиной около 4 см. В углистом слое лежали фрагменты сосудов, украшенных отпечатками шнура, ямками, змеевидными оттисками. В одной из ям сохранился сильно коррозированный железный предмет.

Изучение памятников ананьинского периода представляет особый научный интерес, так как к этому времени археологи и лингвисты относят выделение прапермской общности, сопоставляемой с нераспавшимся этносом, включающим предков народа коми (коми-зырян и коми-пермяков) и удмуртов. Археологи полагают, что этим этносом оставлены памятники ананьинской культуры или общности, в ареал которой включается огромная территория - Карелия, Беломорье, Каргополье, Вологодчина, бассейны рек Северной Двины, Мезени, Сухоны, Печоры, Ветлуги, Вятки, верхней и средней Волги, все Прикамье, а также среднее и нижнее течение р.Белой в южном Предуралье. Однако, как показали новейшие исследования, материалы на этой огромной территории заметно отличаются между собой, на что обратил внимание В.И.Канивец, отвергнув выдвинутую Г.М.Бутовым миграционную концепцию происхождения памятников ананьинского периода на Вычегде и Печоре (согласно которой ананьинские племена проникли сюда из Прикамья). По мнению В.И.Канивца, эти памятники генетически связаны с предшествующей лебяжской культурой. В последние годы казанский археолог В.Н.Марков высказал интересное предположение, что основной областью формирования и распространения гребенчато-шнуровой керамики, по которой и выделялась ананьинская общность, являются Северное Приуралье, а в других районах она появляется позже - в VI-V вв. до н.э., в результате передвижения североприуральского населения. Эта миграция была связана с изменениями климата, с периодом повышенной влажности, наступившим в период раннего железного века.

Население Северного Приуралья, по мнению В.Н.Маркова, благодаря своей мобильности, широко расселилось по североазиатской части России. Однако это не означает, что на всей территории сложился единый этнос. Между различными группами населения, входящими в так называемый "ананьинский мир", существовали разного рода связи и контакты. Тесные контакты связывали население Пермского Прикамья и Северного Приуралья, что привело к взаимоотношению культур. Население пермского Прикамья испытывало мощное воздействие скифского мира, импульсы которого прослеживаются и на Европейском Северо-Востоке. Иллюстрацией этого положения являются, в частности, материалы Шиховского могильника V-III вв. до н.э. на Печоре, исследуемого И.О.Васкулом. Здесь найден выразительный комплекс вещей этого периода.

Второй период раннего железного века на Европейском Северо-Востоке представлен памятниками двух типов: гляденовского и бичевницкого. Первые получили свое название на основе типологического сходства с гляденовской культурой, выделенной в Прикамье, вторые - по поселению Бичевник I на Печоре. К рассматриваемому периоду (конец III в. до н.э. - V в. н.э.) большинство исследователей относят выделение пракоми общности, включающей предков коми-зырян и коми-пермяков. Она локализуется в Верхнем и Среднем Прикамье и на Европейском Северо-Востоке. На нашей территории в настоящее время известно 54 поселения, три могильника и три святилища, на которых выявлены гляденовские комплексы. Они известны в бассейнах Вычегды, Мезени, Печоры в Малоземельской тундре. Поселения площадью от 80 до 3000 кв.м располагаются на боровых террасах, по берегам рек и озер. Среди них выделяются кратковременные стоянки и места более длительного обитания. На поселениях открыты жилища, культовые сооружения, хозяйственные ямы. Жилища открыты на поселениях Ибское, Парчъяг, Пожегдин II. Они имеют небольшую площадь (10-21 кв.м), прямоугольную форму и слегка углублены в землю. На полу жилищ выявлены очаги-кострища, наземные или слегка углубленные в землю. На поселениях, судя по их размерам и количеству жилых построек, могли обитать 20-30 человек, а в одном доме - 4-7 человек.

Представляют интерес культовые сооружения. Исследователи полагают, что к ним могут относиться углубленные в землю постройки, внутри которых обнаружены культовые изделия. Такая

постройка найдена на поселении Пожегдин II. К бесспорным памятникам культового характера относятся каменные вымостки. Такая вымостка открыта К.С.Королевым на поселении Джуджыдыг. Диаметр ее 2,8 м, на поверхности которой сохранился углисто-золенный слой мощностью 4-6 см. Культовые сооружения служили для совершения ритуальных церемоний, жертвоприношений с целью добиться благосклонности богов, чтобы они обеспечили им удачу в охоте, рыбной ловле, благополучие рода, семьи.

Погребальные памятники немногочисленны. К.С.Королевым на поселении Джуджыдыг обнаружено три погребения, С.М.Плюсниным у с. Новый Бор - два погребения. Они не имели на поверхности никаких внешних признаков. Могильные ямы на поселении Джуджыдыг овальной формы, длиной от 120 до 155 см, шириной 50-80 см и глубиной 45-65 см, орнаментированы по линии "северо-восток - юго-запад" или "запад-восток". Только в одном из погребений сохранился череп со следами воздействия огня. Вещевой инвентарь небогатый: обломки сосудов, железный нож с горбатой синькой, железный поясной крючок.

Гораздо более богатый набор вещей представлен в погребениях у с. Новый Бор. Здесь обнаружены обломки пяти бронзовых круглых дисков, определяемых в науке как зеркала, стеклянные бусы с металлической прокладкой, обломок синей глазчатой бусины, бронзовые литые бусы и бронзовая бусина из согнутой пополам пластинки, трапециевидные подвески, сегментовидная и коническая бляшки, бронзовая литая обоймочка с насечками по краю, умбоновидные, овальные и трапециевидные бляхи, обломки костяных наконечников стрел. Особый интерес представляет бронзовая скульптура мужчины, на голове которого вместо головного убора отлита птица с хищным клювом и распростертыми крыльями. Назначение этого предмета, несомненно культовое, ритуальное. Как полагает исследователь погребений у с. Новый Бор И.О.Васкул, здесь захоронены люди особого статуса - шаманы, осуществлявшие различные магические церемонии.

Материалы, относящиеся к этой эпохе, выявлены и в пещерных святилищах на р.Печоре - в Адакской I, Канинской и Уньинской пещерах. Они представлены костяными и металлическими наконечниками стрел и разнообразными украшениями.

В Адакской I и Канинской пещерах найдены бронзовые наконечники стрел, в Канинской - железный листовидный втульчатый наконечник стрелы, в Адакской I - трехлопастной черешковый, а также костяные двушипные наконечники стрел.

Большим разнообразием отличаются украшения. Найдены плоские литые полированные бляшки трапециевидной и овальной формы с отверстиями, на которых выгравированы дугообразные и зигзагообразные линии, прямоугольные, конические, умбоновидные круглые сферические, бобовидные бляшки, бляшки-тройчатки и др. Кроме того, в Адакской I и Канинской пещерах найдены трапециевидные подвески, глазчатая синяя бусина, бронзовые обоймочки, наконечники ремня и другие предметы.

На поселениях основной и наиболее распространенной категорией находок является керамика, однако встречаются изделия из металлов, стекла, кости. Так, на поселении Джуджыдыг найден железный черешковый наконечник стрелы, бронзовая ромбическая подвеска, на поселениях Шиховское II и Ягкоджты - крупные бронзовые сферические бляхи, на поселении Угдым III - сдвоенная спиральновитая височная подвеска и наконечник ремня, на поселении Вис II - бронзовая каплевидная подвеска. Богатый комплекс вещей найден на поселении Пожегдин II - круглые сферические бляшки, крупная круглая бляшка, обломок пластинчатой пряжки с неподвижным язычком, изображения хищных пушных зверьков и, хищной птицы с человеческой личиной на груди, четырехгранное шило, обломок ножа с долем и другие предметы. На поселении Джуджыдыг, кроме упомянутых вещей, найден бисер из желтого стекла, на поселении Ягкоджты - стеклянные бусы с металлической прокладкой. Однако самым массовым материалом на поселениях гляденовского типа на Европейском Северо-Востоке является керамика. Она представлена широкогорлыми сосудами со слабовыпуклым туловом, округлым или уплощенным дном. В верхней части сосуды украшены ямками, зубчатыми, шнуровыми отпечатками и насечками, а также каннелюрами. Преобладающим элементом орнамента являются насечки. По керамике вычегодские и печорские памятники несколько отличаются между собой. В глиняное тесто вычегодских сосудов добавлялись органические примеси, печорских - минеральные. Кроме того, характерной особенностью печорских сосудов является такой элемент узора как каннелюры, редко встречающихся на вычегодской керамике. На печорской посуде чаще, чем на вычегодской, встречаются ямки. Отпечатки шнура, наоборот, более характерны для вычегодской керамики. Исследователи полагают, что в рамках единой гляденовской общности существовали две территориальные группы памятников: пиджская (на Печоре) и джуджыдыгская (на Вычегде), которые объединяются в две отдельные культуры. Возникает закономерный вопрос - оставлены ли эти памятники одним или двумя различными этносами. Для однозначного ответа на этот вопрос пока материалов недостаточно, однако обращают на себя внимание следующие факты. Вычегодские и печорские древности гляденовского типа генетически связаны с предшествующими им по времени памятникам типа Перный и Ямашор, между которыми также имелись определенные различия. Они не исчезли в гляденовскую эпоху, а как будто даже определились более

четко. Возможно, это связано с усилением влияния иноэтничного, инокультурного западносибирского мира. Вычегодские же памятники обнаруживают большее сходство с прикамскими, что предполагает их этническую близость. Вопрос о том, оставлены ли рассматриваемые вычегодские и печорские памятники одним этносом, остается открытым. Не исключено, что в составе печорского населения были пришлые группы. Однако черт сходства между вычегодскими и печорскими памятниками больше, чем различий, что позволяет предполагать их единую древнекоми этническую принадлежность.

Памятники бичевницкой культуры открыты на верхней Вычегде, Печоре, а также в Большеземельской тундре и нижнем Приобье. Они представлены неукрепленными поселениями. Свообразна керамика этой культуры. Это сосуды, орнаментированные горизонтальными каннелюрами, овальными вдавлениями, шнуровыми и зубчатыми оттисками.

Эпоха раннего средневековья. Ванвиздинская культура

Вторая половина I тыс. н.э. - исключительно важный период в истории народов Приуралья. Он ознаменован существенными сдвигами в развитии экономики, социальных отношений, обусловленных дальнейшим развитием металлургии и металлообработки, прежде всего железа, повышением производительности труда всех отраслей хозяйства, что способствовало ускорению темпов социально-экономического развития общества. К этому периоду относится начало формирования этнических общностей, давших основу современным пермским народам (пракоми и праудмуртам).

Важное событие в жизни народов Приуралья происходит в середине I тыс. н.э. В IV-V вв. н.э. мирная жизнь местного населения была нарушена в связи с появлением пришлых кочевых скотоводческих воинственных племен, проделавших огромный путь от Центральной Азии через степные просторы Южного Урала вплоть до Рима. Это были гунны. Они вовлекли в свое движение по пути своего продвижения многочисленные племена, положив тем самым начало эпохе, получившей название эпохи великого переселения народов. События этой эпохи коснулись не только южных территорий, но и соседнего с нами Прикамья и даже Европейского Северо-Востока. В Прикамье, а затем и в Северном Приуралье в бассейне Вычегды в V-VI вв. появляются воинственные скотоводы-кочевники, следы пребывания которых остались в виде курганных могильников. Первый такой могильник был открыт в 1961 г. Э.А.Савельевой на Выми возле д.Весляна. Вещи, которые были найдены при раскопках, поразили воображение не только студентов университета, проходящих полевую практику в экспедиции, но и маститых московских и ленинградских археологов. Погребения отличались исключительным богатством. Было найдено никогда ранее не встречавшееся здесь оружие - мечи и кинжалы в ножнах, серебряные и золотые наглазники и наротники (остатки погребальных масок), богатейшие поясные наборы ожерелья из стеклянных, сердоликовых и янтарных бус, фигурки коней и медведей, отливки из бронзы и многое другое.

Одним из наиболее богатых погребений могильника является погребение 23. В нем обнаружены массивная железная кольчуга, непременный атрибут воина-всадника, серебряный ритон (ритуальный кубок) в форме головы быка, серебряная витая гривна, круглопроволочный браслет, деревянные ножны, прямоугольные поясные накладки, золотое ромбовидное украшение, инкрустированное каменной вставкой в обрамлении зерни, а также серебряные сасанидские монеты - Пероза (чеканка предположительно 465 г.) и Кавада I (чеканка 506 г.).

В погребении 24 найден еще один уникальный предмет - деревянная чаша, имеющая ручку в виде медведя. Скульптура медведя и чаша выточены из единого куска дерева. Туловище и лапы зверя украшены медными штыками, уши - серебряными накладками. Очень выразительна морда зверя с полуоткрытой пастью. Чаша по краю окантована медными пластинками треугольной формы.

Могильник относится к VI-VII вв. Через 20 с лишним лет подобные могильники были открыты Л.И.Ашихминой на Нившере (Боргангельский, Юванаягский), а затем И.О.Васкулом на Сысоле (Шойнаягский), давшие также довольно богатые материалы.

Вероятно, пришлые группы населения были немногочисленны. Они постепенно растворились в среде местного населения. Это прослеживается даже в материалах могильников. Так, на Веслянском I могильнике ранние погребения совершены под курганными насыпями, а поздние - в обычных грунтовых ямах, так как хоронило местное население. Однако пришельцы оставили глубокий след в культуре местного населения. Именно с этого времени на севере появляется животноводство. Возможно, они внесли свою лепту и в развитие местной металлургии и металлообработки.

Культура местного населения, являющегося потомком предшествующего, гляденовского, носит название ванвиздинской. Она получила название по поселению, открытому в 1919 г. геологом Д.Д.Рудневым у д.Ванвиздино Усть-Вымского района Коми АССР. Памятники этой культуры, датируемой VI-X вв. н.э., известны на огромной территории - от Большеземельской тундры на севере до

водораздела Вычегды и Камы на юге, от верховий Печоры на востоке до Северной Двины на западе. Она представлена неукрепленными поселениями (их известно более 50) и грунтовыми могильниками.

Поселения располагаются в тех же топографических условиях, что и предыдущие - на борových террасах по берегам рек и озер. На многих поселениях выявлены остатки наземных жилищ, очаги, хозяйственные ямы, производственные сооружения. Остатки наземных жилищ открыты на поселениях Вис II (возле д.Синдор), Веслянском I (на Выми), Лозым (на Сыsole) и других. На многих поселениях открыты очаги со следами металлургического производства: Лозым, Весляна I, Усогорск III и др. Особый интерес представляет Лозымское поселение, на котором вскрыты жилище и производственная мастерская с многочисленными следами металлургического производства: шлаками, тиглями, льячками, формочками для отливки украшений и т.д.

Поселения этой эпохи, как правило, долговременные и служили местом обитания людей в течение длительного времени. Площадь жилищ составляет около 50 кв.м. Они обогревались очагами, которые часто переносились с одного места на другое. Вход в жилище предположительно шел через тамбур-коридор. Иногда жилища соединялись между собой переходами. Представляют интерес два жилища, раскопанные Г.М.Буровым на поселении Вис II. Одно из них было прямоугольной формы, второе - квадратной. Они различаются между собой по характеру найденного инвентаря. В первом из них были сосредоточены в основном орудия труда, во втором - главным образом, украшения. В жилище № 1 и возле него найдено 11 костяных наконечников стрел и наконечник гарпуна, две костяные проколки, удильный крючок и два пряслица; рядом с жилищем отмечено скопление костяных изделий.

Во втором жилище и у его края лежали четыре бронзовых украшения, туалетные щипчики и шесть стеклянных бусин, а также пять костяных наконечников стрел и два железных ножа. Г.М.Буров высказал предположение, что обнаруженные помещения представляли собой две камеры одного сооружения: жилище № 1 являлось мужской половиной, жилище № 2 - женской.

Погребальных памятников ванвиздинской культуры пока известно только три: Угдым II, Шойнаты I на средней Вычегде и Евдинский на Выми. На могильнике Угдым II К.С.Королевым выявлено 15 грунтовых одиночных захоронений, на могильнике Шойнаты I - 10. Могильные ямы обычно средних размеров длиной от 160 до 200 см, шириной от 70 до 100 см и глубиной от 30 до 70 см. Могильные ямы не имеют устойчивой ориентировки. Погребения совершались как способом ингумации, так и кремации. Вещевой инвентарь небогатый и невыразительный: обломки сосудов, ножи, кинжал, редкие украшения.

Материальная культура ванвиздинского населения восстанавливается на основе достаточно разнообразного и многочисленного инвентаря, найденного при раскопках поселений. Наиболее массовым материалом поселений является керамика. Сосуды имеют горшковидную и чашевидную форму. Богато (как правило) украшены разнообразными узорами в верхней части ямками, кружками, отпечатками шнура, гребенчатыми оттисками в различных комбинациях. Ямки чаще всего расположены горизонтальными рядами, отпечатки шнура - горизонтальные ряды, иногда - подковки, отпечатки зубчатого штампа - короткие вертикальные наклонные ряды, зигзаги, ромбы, фигуры в виде елочки, птичьей лапы и другие.

Кроме керамики, на поселениях найдены изделия из железа, бронзы, кости, дерева. Особый интерес представляют материалы II Веслянского торфяника, относящиеся к этой эпохе. Прежде всего, в нижней толще торфяника обнаружены концы свай и вертикально воткнутых жердей, расположенных рядами поперек бывшего русла реки, а в средней - упавшие сваи и жерди со срезами на концах. По мнению Г.М.Булова, это рыболовные заграждения для установки западной типа верш. В торфянике сохранились, кроме того, многочисленные кости животных, сотни деревянных изделий, веревочка из травы, костяные наконечники стрел и стеклянные бусы. Среди деревянных изделий особо следует отметить пластины от рыболовных снастей, поплавки от сетей, удильные крючки, весло, лыжу, полозья саней, стрелу, мотыгу, коленчатые рукоятки кельтов, муфту проушной кирки, рукоять с пазами лопаточки для размешивания глины, керамический штамп, гвозди, пряслица, лучки. Особый интерес представляет маленькая скульптура человека.

Интересные находки сделаны и при раскопках суходольной части Висского II поселения. Здесь найдены изделия из железа: ножи, обломок рубящего орудия, проволочная дужка с ушками на конце, скоба и др. Железные ножи и наконечники стрел известны и с поселения Лозым, исследованного Н.Н.Чесноковой. На Висе II и в торфянике найдена серия костяных наконечников стрел. Подобные наконечники известны из Канинской и Уньинской пещер, поселений Кузьявомын, Ванвиздино и др. К своеобразным находкам относятся костяные жерлицы для ловли рыбы, происходящие из Висских поселений и Канинской пещеры.

Ванвиздинские поселения дали богатую коллекцию бронзовых изделий, преимущественно украшений. Исключение составляют латунный рыболовный крючок. Из бронзовых украшений выделяются браслеты, калачевидные серьги, спиральновитые перстни, подвески, бубенчики и др. На

многих ванвиздинских поселениях сохранились бусы из глухого и прозрачного стекла, в т.ч. бисер, золоченые, серебряные, глазчатые и мозаичные бусы. Особую группу предметов, относящихся к ванвиздинской культуре, составляют изделия культового литья, известные как предметы пермского звериного стиля, на которых изображены сложные зоо-антропо-орнитоморфные образы: лося-человека, человеческой личины в центре в обрамлении лосиных голов, человеческой личины, над которой изображена птица с распростертыми крыльями. Встречаются фигуры медведей, как плоские, так и объемные (скульптуры), мифических существ, получивших в науке название “ящер”. Об этих предметах написано много. Известный этнограф Л.С.Грибова посвятила этой теме книгу, которая так и называется “Пермский звериный стиль”. Некоторые исследователи справедливо полагают, что все эти предметы можно объединить под общим названием “Чудской звериный стиль”, потому что в рамках его выделяются разные группы, которые можно разделить территориально: печорская, пермская и западносибирская и т.д., что, возможно, отражает и этнические различия между создателями этих предметов. Хотя между исследователями существуют некоторые разногласия в трактовке этих изделий, но ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что это были культовые, ритуальные предметы. Они отражали космогонические представления наших далеких предков о строении вселенной, происхождении человека и его месте в космосе. Как свидетельствуют исследования таких корифеев науки как академик Б.А.Рыбаков, предметы пермского звериного стиля - это своеобразная модель вселенной, состоящей из трех миров: верхнего, среднего и нижнего. Символом верхнего мира являются небесные лоси, медведи, олени, птицы, среднего - человек или человекоподобное существо (человек-лось, человек-лень), а нижнего - мифологическое существо (ящер), которое трудно сопоставить с конкретным реальным животным. Это хтоническое существо, символ нижнего подземного мира, мира мертвых.

Среди предметов этого круга особое место занимает древнекоми промысловый календарь. Он был найден возле с.Сторожевск выпускником Сторожевской средней школы Н.А.Латкиным и передан в 1975 г. археологу К.С.Королеву, который проводил здесь раскопки. Он отмечал, что найденная вещь связана с охотничьими обрядами. В 1987 г. этот предмет привлек внимание этнографа Н.Д.Конакова, который и определил его как промысловый календарь, расшифровав имеющиеся на нем изображения. Календарь представляет собой плоское кольцо, на лицевой стороне которого изображены лиса, выдра, лось, олень, росомаха, горностай, северный медведь, куница и белка - всего девять животных. На кольце изображены два солярных знака. Внешний и внутренний края кольца украшены косыми насечками. Оно снабжено отверстием для подвешивания.

Н.Д.Конаков, взяв за основу годичные биологические ритмы промысловых животных, установил, что изображения зверей на кольце представляют собой годовой цикл чередования сезонов в промысловом календаре. Каждый зверь олицетворял определенный период (“меслу”). Внимательное изучение насечек по внешнему контуру кольца позволило исследователю выявить определенные закономерности. Насчитывается 90 насечек, каждая из которых соответствует четырем суткам. Среди косых насечек выделены и иные знаки: треугольник, трапеция, угол, удлиненные горизонтальные насечки, размещенные в определенном порядке (их всего шесть). После четырех из таких знаков направление наклона косых насечек меняется на противоположное. Пять различных знаков находятся между соседними изображениями зверей. Отсчет времени на календарном диске велся против часовой стрелки.

Счет в древнекоми календаре начинался с 21 марта (по современному календарю), что соответствует дню весеннего равноденствия. Двигаясь против часовой стрелки, выделяются период медведя (с 22 марта по 27 апреля), оленя (с 28 апреля по 2 июня), горностая (с 3 июня по 4 июля), росомехи (с 5 июля по 9 августа), лося (с 10 августа по 4 октября). Интересно, что под мордой лося изображен солярный знак, приходящийся на 23 сентября, день осеннего равноденствия. Период выдры приходится на 5 октября - 19 декабря (завершение охоты на боровую дичь и переход к пушному промыслу). 20 декабря начинался период лисицы, завершающийся 24 января. С 25 января по 21 февраля отмечался период белки, с 22 февраля по 21 марта (день весеннего равноденствия) - период куницы. Таким образом, год делился на девять периодов, подразделяющихся на два цикла: производительный (сезон охоты) и непроизводительный (выводковый сезон).

Данный календарь интересен тем, что дает представление о мировоззрении древних коми, накопивших огромный опыт познания окружающего мира, овладевшего знаниями в области астрономии, знакомого со всеми четырьмя солнечными фазами. Это календарь охотничьего таежного населения, жизнь которого в значительной мере зависела от охоты, объекты которой и изображены на уникальном изделии древнего мастера. Все изображенные на календаре животные относятся к самым значимым, занимавшим важное место в быту и хозяйстве населения. Именно они являлись основным источником пищи, а также поставляли ценные меха, использовавшиеся не только для шитья, но и служившие предметом и даже эквивалентом обмена.

Богатые материалы раскопок поселений позволяют восстановить быт, хозяйство, материальную и духовную культуру ванвиздинского населения. Основу хозяйства, как и в предыдущие эпохи, составляли охота и рыбная ловля, но в эту эпоху появляются зачатки животноводства. Охотились с помощью лука со стрелами, наконечники которых были костяные или железные. Наконечники разнообразны по форме и размерам, что указывает на их специализацию. Использовались разные наконечники для охоты на птицу, боровую дичь, пушных зверей и крупных млекопитающих. На поселениях сохранились кости бобра, куницы, северного оленя, бурого медведя, лося, соболя, выдры, лисицы, волка, белки, зайца. Среди перечисленных животных первое место по количеству особей занимает бобр.

О развитии животноводства свидетельствуют кости лошади, коровы, овцы (или козы). Правда, костей домашних животных в сравнении с дикими значительно меньше. На поселении Вис I они составляют 2,66% общего количества костей млекопитающих, а по числу особей - лишь 7,14%. Следует однако отметить, что эти цифры вряд ли отражают реальное соотношение охоты и животноводства. Лошадей, коров и овец, вероятно, держали не как источник мясной пищи и забивали лишь по старости.

Традиционным занятием ванвиздинцев была рыбная ловля. Об этом свидетельствуют и кости рыбы, сохранившиеся в культурном слое поселений, и рыболовные снасти: удочки, жерлица, гарпуны, сети. Были развиты различные домашние производства: строительство, керамическое производство, обработка дерева, бересты, кости. Значительные успехи были достигнуты в области металлургии и металлообработки. Только в эту эпоху из обихода исчезают кремневые наконечники стрел. Из кремня изготовлялись только скребки, использовавшиеся для обработки шкур.

О развитии железоделательного производства свидетельствуют многочисленные факты. Прежде всего, это железные изделия, отличающиеся большим разнообразием типов и форм и остатки производственных мастерских, шлаки, оставшиеся после варки железа. Как и в предыдущую эпоху, железо добывали из болотно-дерновых руд, легкодоступных и широкораспространенных.

Качественно новый этап наступает в цветной металлургии и металлообработке. Изменяется качественный состав сплавов. Проведенный спектральный анализ бронзовых изделий показал, что в это время появляются новые сложные сплавы: свинцово-оловянно-цинковые, оловянные, оловянно-свинцовые и цинково-свинцовая латунь. Ученые полагают, что переход к использованию сложных бронз был обусловлен освоением полиметаллических свинцово-цинковых руд Северного Урала.

О развитии металлообработки на поселениях свидетельствуют находки многочисленных тиглей для плавки металла, а также шлаков на поселениях (I Веслянское, Лозымское, Вис II и др.). Особый интерес представляют находки литейных форм для отливки украшений, что является свидетельством местного производства бронзовых изделий. Из бронзы изготовляли различные украшения, а также культовые изделия. Таким образом, хозяйство ванвиздинского общества характеризуется сочетанием традиционных присваивающих форм хозяйства (охоты и рыболовства) с производящими (металлургией, металлообработкой и животноводством).

Как и в других районах лесной полосы Европейской части России, важное место в экономике занимал пушной промысел, особенно на бобра, являвшийся основным источником избыточного продукта, шедшего на обмен. Материалы раскопок ванвиздинских памятников свидетельствуют об оживленных экономических связях местного населения с соседними и отдаленными племенами и народами. Южные купцы в обмен на меха везли на Север украшения из драгоценных металлов, стеклянные, сердоликовые, хрустальные бусы. Не случайно к этой эпохе относится несколько кладов, содержащих богатые наборы украшений (Подчеремский, Тохтинский, Усть-Уньинский, Уньинский). Следовательно, в эту эпоху происходят важные социальные перемены в обществе, колы в руках знати скапливаются значительные богатства. Они были обусловлены прогрессом, прежде всего, в развитии металлургии и металлообработки и других отраслей хозяйства.

Важным представляется вопрос об этнической принадлежности носителей ванвиздинской культуры. В науке существуют различные точки зрения. Нет сомнений в том, что они являлись потомками местного гляденовского (пракоми) населения, с одной стороны, с другой - связаны генетическими корнями с последующей культурой перми вычегодской - непосредственных предков коми-зырян. Преемственность и генетическая связь этих культур прослеживается в керамике, технологии кузнечного производства, цветной металлургии и металлообработке, в культовом литье, погребальной обрядности.

Культура перми вычегодской

Ванвиздинская культура послужила основой формирования культуры перми вычегодской, существовавшей в XI-XIV вв. Этот период знаменуется завершением начального этапа формирования народности коми, происходящего на базе родственных племен, упоминаемых в письменных источниках: вычегжан, вымичей, сысоличей, ужгинских сырьян и т.д. Характерными чертами народности являются

общность языка, территории и культуры. О древнепермском языке дают представление памятники древнепермской письменности XIV-XVII вв. Он распадался на несколько территориальных диалектов: нижневычегодский, вымский, удорский и сысольский. На основе этих диалектов в XV-XVII вв. возникает современный коми-зырянский язык. Постепенно складывалась и общность территории. В “Житии Стефана Пермского”, а также в источниках XV в. очерчивается ареал обитания вычегодских пермян - это прежде всего бассейн Вычегды с ее притоком Вымью, который являлся центром Пермской земли, а также Вашка, Луза, Пинега. Археологические материалы убедительно свидетельствуют об общности культуры перми вычегодской в XI-XIV вв. на Вычегде, Выми, Вашке, Сыsole, Лузе.

Первые археологические памятники перми вычегодской были открыты еще в середине XIX в. Усть-сысольский мещанин П.С.Мельников в черте г.Усть-Сысольска раскопал два погребения, давший богатый выразительный материал. Но раскопки не были продолжены, и только в 20-е годы нашего столетия в связи с оживлением краеведческого движения памятники древности вновь привлекают внимание. Особо следует отметить вклад в изучение памятников перми вычегодской А.С.Сидорова, работавшего в те годы учителем. Им были открыты и частично раскопаны могильники и городища на Выми. Небольшие раскопки на Вычегде провел А.Н.Грен. Первые профессионалы-археологи в Коми крае появились в 1925 г. Это была московская экспедиция Главнауки, состоящая из аспирантов крупнейшего российского археолога В.А.Городцова, возглавляемая А.П.Смирновым. Однако до конца 50-х годов археологические раскопки на территории нашей республики проводились лишь эпизодически. Систематические планомерные исследования начались в конце 50-х - начале 60-х годов. За прошедшие три десятилетия исследованы десятки памятников на нижней и средней Вычегде, Выми, Вашке, Мезени, Сыsole, Лузе, Ижме. Они позволили открыть самобытную, яркую, богатейшую культуру, созданную в суровых условиях Севера трудолюбивым, предприимчивым, энергичным коми народом.

Наиболее изученной является долина р. Выми, где практически возле каждого современного селения известен средневековый могильник, нередко приписываемый местным населением легендарной чуди. Большинство могильников насчитывает несколько сот погребений (Кичилькосьский I, Ыджыдбельский, Жигановский, Кокпомьягский, Вадьягский), некоторые - несколько десятков (Веслянский II, Петкойский, Отлинский, Лялинский, Часодорский). Судя по ним, долина р.Выми была заселена достаточно плотно в эпоху средневековья. Могильники известны и в ныне незаселенных местностях, как, например, Кичилькосьский I и Кедвавомский.

Поселения изучены хуже. Возможно, часть из них располагалась на месте современных коми селений. К числу немногих исследованных поселений относится Жигановское, расположенное возле д.Жигановка Княжпогостского района Республики Коми. На нижней Вычегде памятников перми вычегодской известно меньше, что объясняется более слабой изученностью этого района. Один из могильников - Ленский - открыт возле с.Лена Ленского района Архангельской области, на берегу озера Ярант (старица р.Вычегда) в урочище Шойнаяг (кладбищенский бор). Кстати, коми названий (микротопонимов) сохранилось здесь довольно много, в том числе по р.Яренге. К интереснейшим вычегодским памятникам относится Чожтыягский могильник, расположенный в Усть-Вымском районе Республики Коми (раскопки Т.В.Истоминой). Памятники открыты на средней Вычегде в Корткеросском районе К.С.Королевым. Здесь исследованы могильники Пезмогский, Шойнаты II и III, а также средневековое святилище.

Представляют интерес материалы раскопок Вотчинского и Ужгинского могильников на р.Сыsole (раскопки Т.В.Истоминой и Н.Н.Чесноковой). Исследования памятников перми вычегодской позволяют восстановить быт, хозяйство, материальную и духовную культуру предков народа коми.

Поселения располагались по берегам рек, на краю высоких террас. Так, Жигановское поселение расположено на левом берегу р.Выми, на II надпойменной террасе, в 270 м от берега. С южной и северной стороны площадка поселения ограничена оврагами с крутыми склонами. От жилых и хозяйственных построек сохранились котлованы ям овальной и подпрямоугольной формы различных размеров и глубины. Среди них встречаются как наземные, так и углубленные в землю. Особый интерес представляют две ямы. Одна из них подпрямоугольной формы с отвесными стенками длиной 150 см, шириной 150 (110) см и глубиной 71 (60) см. Вдоль стен на дне ямы сохранились остатки обугленного деревянного каркаса из плах шириной до 6 см. В углах каркас крепился столбиками диаметром 5 см. В яме найдены бронебойный наконечник стрелы, нож, обломки железных цилиндрических замков, медные ножны, бронзовая блесна, обломок бронзовой ручки с процарапанным рисунком, фрагменты сосудов, обломки втульчатой ложковидной льячки, слески бронзы, медные пластинки, кости животных. Эта яма, вероятно, соответствует мастерской, входящей в состав наземной постройки (дома). В центральной части поселения выявлена полуземлянка длиной 240 см, шириной 160 (105) см и глубиной 106 см. Она ориентирована на линии “север - юг”. Заполнение ее составлял вначале углисто-зольный песок, а затем мощный углистый слой, включавший остатки деревянной конструкции.

Постройка состояла из двух камер - северной и южной. В северной располагалась деревянная конструкция длиной 132 см и шириной 105 см, закрепленная по углам столбиками. Дно покрыто двухъярусным настилом из поперечно положенных досок шириной до 15 см. В южной камере также сохранилась деревянная конструкция длиной 143 см, шириной 160 см (на 55 см шире северной). Боковые стенки постройки также закреплены столбиками. Основная часть площади южной камеры занята очагом из камней. Под ними сохранились остатки настила из плах, положенных поперек камеры и уложенных на лаги. Находки сосредоточены в основном в верхнем углисто-зольном слое. Здесь найдено 7 наконечников стрел, 5 ножей (3 целых и 2 обломка), тесло, гвозди, клинья, весовая гирька, 4 бронзовых бубенчика, бронзовый светец, наконечник ремня, спиралевидная пронизка, фрагменты бронзовых цепочек, обломки глиняных сосудов. Судя по набору вещей, постройка является жилой полуземлянкой. Таким образом, на поселении представлены как наземные жилища, так и полуземлянки, а также производственные мастерские и хозяйственные ямы. Жигановское поселение существовало в XII - начале XIV вв., когда, судя по письменным источникам, пермь вычегодская попала в орбиту экономических и политических интересов Новгорода Великого и Ростово-Суздальского княжества, из которых по Вычегде и Выми проникали русские сборщики дани, осуществлявшие, видимо, и торговые сделки.

Богатейшие материалы дали раскопки могильников перми вычегодской. Они, как правило, располагаются в глубине боровой террасы на берегу реки в возвышенной части бора, примыкающей к болотистой низине. Погребения отмечены на поверхности впадины овальной формы. Они располагаются рядами, как правило, параллельными, но иногда пересекаются. Встречаются погребения вне рядов, расположенные изолированными группами. Местное население приписывает эти могильники легендарной чуди, но старожилы рассказывают, что еще в 20-30-е годы жители близлежащих деревень приходили на эти кладбища поминать чудских бабушек и дедушек, тем самым признавая родство с чудью.

Согласно верованиям предков коми, погребенные снабжались вещами (орудиями труда, оружием, посудой, украшениями), которые должны были помочь им проникнуть в загробный мир и обустроиться в нем. Наверное, не случайно коми слово "горт" означает одновременно дом и гроб. Могильная яма, связанная с нижним миром, ассоциировалась с домом покойного. Она была ориентирована по сторонам света, имела пол, потолок, иногда сруб. Путешествие в загробный мир, согласно языческим верованиям, совершалось по воде. Может быть, именно поэтому погребения обычно ориентированы на водоем. У народа коми сохранилась легенда, согласно которой озеро Шойнаты (озеро покойников) являлось местом захоронения чуди.

Погребальный ритуал должен был прежде всего помочь умершим достичь загробного мира. Одним из таких средств являлась кремация погребенных. Этой же цели служили многочисленные дары покойному. Многие предметы в погребальном обряде наделялись магическими функциями: ножи, иглы, ножницы, наконечники стрел или колюще-режущие предметы, а также точила. Роль оберегов-амулетов выполняли и украшения: шумящие подвески, бубенчики, перстни, кольца, бусы, металлические пуговицы, монеты. Магические свойства украшений связывались и с их формой, и с материалом, из которого изготовлялись, и их цветом.

Еще в глубокой древности сложилось двойственное отношение к умершему. Живые верили в то, что покойник может оказывать на них положительное или вредоносное воздействие. Поэтому в представлениях народа коми как, впрочем, и других народов, проявляется, с одной стороны, страх перед умершим и стремление не допустить его в мир живых, с другой - умиловать его дарами, жертвами, вниманием, заботой с целью добиться доброжелательного отношения к живым сородичам. Чтобы обезвредить умерших, в могилы бросали обломанные колющие и режущие предметы, над могилой втыкали ножи, наконечники стрел и копий. Иногда в могилы или на края могильных ям помещали замки с целью закрыть могильную яму. Может быть, с этой же целью погребенных кремировали, полностью или частично над могилами разводили костры, перекрывали ямы берестой или сооружали берестяную камеру.

Благодаря тому, что в погребения клали все необходимое для продолжения жизни в загробном мире, могильники перми вычегодской содержат разнообразный инвентарь: орудия труда, оружие, предметы быта, украшения. Они позволяют дать реконструкцию хозяйства вычегодских пермян. Судя по данным письменных источников, важную роль в их экономике играли промыслы, прежде всего, пушной. Государевы дани, согласно жалованной грамоте 1484-1485 гг., с вычегжан взымали "за соболи и за белку и за бобровые гоны, за рыбную ловлю и за кречеть и садбища с четырех сотен тридцати осми луков десять сороков и полсорока и осьмнадцать соболей, с лука по соболю". В "Житии Стефана Пермского" также есть косвенные указания на преобладающую роль промыслов в жизни вычегодских пермян. В жертву языческим богам они приносили "или соболи, или куницы, или горностаи, или ласицы, или бобры, или лисицы, или медведна, или рыси, или белка". С другой стороны, в том же "Житии..." упоминается солома, что свидетельствует о занятиях населения не только охотой и рыбной ловлей, но и

земледелием. Анализ орудий труда и предметов вооружения памятников перми вычегодской подтверждает данные письменных источников о важной, возможно, преобладающей роли промыслов в экономике вычегодских пермян. Среди предметов хозяйственной деятельности преобладает промысловое оружие, прежде всего наконечники стрел. Почвообрабатывающие орудия на памятниках перми вычегодской фактически отсутствуют. Исключение составляет наконечник пахотного орудия (однозубого рала), найденный на Карыбйивском городище. Он предназначался для орудий, сходных с однозубой "черкушей". По этнографическим данным, древним пахотным орудием у коми было однозубое пахотное орудие типа полевой сохи. Возможно, карыбйивский наконечник является рабочей частью подобного пахотного орудия, которое было приспособлено для работы на лесных почвах, изобилующих корнями. В прошлом веке однозубые сохи сохранились и у русского населения Архангельской губернии. Они применялись для поднятия и рыхления почвы между камнями. В XIII-XIV вв. появляются плужные лемехи. Такой лемех найден в урочище Кузьластасай недалеко от Кичилькосьского I могильника.

Орудиями обработки почвы могли служить хозяйственные топоры, необходимые для рубки и раскорчевки леса при подсечно-огневой системе земледелия, существовавшей у предков коми-зырян в эпоху средневековья и сохранившейся вплоть до XVIII в. Элементы подсеки сохранились и в XX в. На ранней стадии подсечного земледелия орудиями подготовки почвы для посева служили железный топор и суковатка. Топор использовался для вырубки леса, суковатка - для рыхления почвы. Прimitивной суковаткой служила ель с крупными срубленными ветками. Железные наконечники пахотных орудий появляются с XII в. и, думается, связаны с древнерусским культурным влиянием.

Прямые факты развития земледелия, начиная по крайней мере с XI-XII вв., найдены на Кичилькосьском I могильнике. В одном из погребений в медном котелке сохранились зерна культурных злаков. Находки железных наконечников пахотных орудий позволяют предполагать переход вычегодских пермян с XII-XIII вв. к пашенному земледелию, сочетающемуся с подсекой, что предполагает использование конной тяги при обработке земли и развитие животноводства. Свидетельствами развития животноводства являются кости домашних животных (коровы, лошади, овцы, свиньи), а также находки ножиц для стрижки овец, конских удил, шерстяной пряжки, тканей, пряслиц.

Как уже отмечалось выше, на поселениях занимались кузнечным и бронзолитейным производствами. На Кичилькосьском I могильнике выявлены погребения кузнецов: одно из них сопровождалось набором кузнечных инструментов (клещи, гвоздильня, молоток), другое - железными крицами и шлаками. На могильниках встречены глиняные тигли и льячки, предметы бронзолитейного производства. Многочисленные однотипные металлические изделия, разнообразие местных бронзовых украшений, железных орудий труда и предметов вооружения, их специализированный характер являются определенным доказательством обособления металлургии и металлообработки в самостоятельную отрасль хозяйства.

Металлографический анализ кузнечных изделий перми вычегодской, выполненный В.И.Завьяловым и А.П.Зыковым показал, что местные кузнецы освоили передовые европейские технологии кузнечного производства. Уже в X-XI вв., т.е. в период их широкого распространения на памятниках северной зоны Восточной Европы, в Вычегодском крае появляются трехслойные ножи. Была освоена технология варки стального лезвия в железную основу. Некоторые ножи изготовлены свободной ручной ковкой - из пакетной или кричной заготовки. Из исследованных топоров часть имела сварное, другая - наварное лезвия. Втульчатые тесла имели стальные лезвия - наварные и сварные. Наварка стального лезвия на железную основу применялась при изготовлении скобелей, резцов (ложкарников). Некоторые изделия откованы из кричного железа или стальной заготовки.

По мнению В.И.Завьялова, кузнецы перми вычегодской применяли широкий набор технологических схем при изготовлении изделий из железа и стали. Основным приемом производства орудий труда было сочетание в предмете посредством кузнечной сварки твердого стального лезвия и вязкой железной основы. Вместе с тем он отмечает, что исследованные орудия из вымских могильников по качеству исполнения отдельных операций уступают прикамским.

На могильниках найдены многочисленные деревообрабатывающие орудия: скобели, тесла и ложжари, а также шилья. Единичными экземплярами представлены кочедыки, сверло, стамески, пешни. Судя по набору производственного инвентаря были развиты столярное (или бондарно-столярное), кожевенное (или сапожное), косторезное, ткацкое, а также керамическое производства.

Важное место в экономике перми вычегодской занимали обмен и торговля. На территории Европейского Северо-Востока известны находки западноевропейских денариев и саманидских дирхемов. Так, на Кичилькосьском I могильнике найдены 54 западноевропейских денария (чешские, германские, датские, голландские и др.). Саманидские дархемы и их оттиски обнаружены на Кичилькосьском I, Усть-Сысольском и других могильниках. На развитие торговли указывают также весовые гирьки и миниатюрное коромысло от весов.

Но самую многочисленную группу привозных изделий составляют украшения из драгоценных металлов: ювелирные изделия, выполненные техникой скани и зерни, бусы из сердолика, горного хрусталя, янтаря, прозрачного и глухого стекла, а также бронзовые изделия городского ремесла. По количеству привозных изделий первостепенное место занимали историко-культурные связи со славянами. Среди них наиболее ранние контакты были с Новгородской землей. Именно через Новгород, выступавшей как важнейший центр международной торговли, на Европейский север попадали западноевропейские монеты. Активными были связи и с Северо-Восточной Русью. Вместе с древнерусскими к нам попадали и прибалтийско-финские, и волжско-финские украшения, пользовавшиеся, вероятно, спросом у местного населения. Прекрасные ювелирные изделия из серебра, серебра с позолотой, украшенные сканью и зернью, иногда инкрустированные каменными вставками привозили на север купцы из Волжской Булгарии, среди товаров которых были и среднеазиатские из средневекового Хорезма. Выделяются два основных торговых пути - Сухоно-Вычегодский и Камско-Вычегодский. По первому шли славянские купцы, по второму - болгарские. Однако если контакты с Волжской Булгарией ограничивались только торговлей, то связи со славянским миром носили иной характер.

Из анализа письменных источников явствует, что уже в XI в. пермь платила дань Руси и, следовательно, была открыта для новгородских ушкуйников, дружинников, торговцев. С XII в. начинается более активное проникновение русских на Европейский Северо-Восток. Появляются укрепленные поселения - Карыйбыйвское, Пожегское, которые становятся важными административно-политическими, ремесленно-торговыми центрами русской метрополии. Особый интерес представляет Пожегское городище. Оно расположено на левом берегу р.Выми, напротив впадения в нее р.Пожег, чуть выше д.Жигановка. Площадь его небольшая - около 2000 кв.м. Оно расположено в урочище Картьяг (городищенский бор), естественно-укрепленном месте, и имеет дополнительные дерево-земляные укрепления в виде валов и рвов с трех сторон: северной, западной и южной. С восточной стороны мыс, на котором расположено городище, ограничен глубоким оврагом, по которому течет ручей Каршор (городищенский ручей), огибающий мыс с юга и впадающий в Вымь, напротив устья Пожега. В ручей Каршор у южной оконечности мыса впадает безымянный ручей.

В северной части городища визуально фиксируются три оборонительные линии: внешний вал, ров и внутренний вал. Высота внешнего вала 2,5 м, ширина (в основании) 13 м, длина 22 м. Ров глубиной 3,25 м, шириной 3 м (в нижней части) и 17 м (в верхней части) перерезает террасу. Внутренний вал в северной части площадки имеет высоту около 3 м, ширину до 15 м, длину 22 м. С юга площадка городища отсечена от конечности мыса в его понижающейся части шириной около 6 м, глубиной около 7 м от верхушки вала. Земля, вынутая из рва, использовалась для подсыпки вала рядом со рвом, высота которого от современной дневной поверхности составляет примерно 42 м. С западной стороны городища, на склоне 10-метровой террасы, прослеживается еще один ров шириной около 2,4 м, глубиной около 0,5 м. В процессе раскопок зафиксированы следы многочисленных перестроек оборонительных сооружений. При исследовании северной части площадки выявлены следы не менее трех разновременных оборонительных линий.

Первоначально мыс террасы в северной части был перерезан рвом, вдоль края которого была сооружена бревенчатая стена, остатки которой обнаружены во рву. Стена могла состоять либо из четырехстенных срубов, либо из бревен, положенных горизонтально и украшенных опорными столбами. Внутренняя часть стены, вероятно, была засыпана песком, взятым из рва и канавы. Часть срубов, расположенных вдоль края площадки, могла использоваться в качестве жилых и производственных построек. Это были самые ранние оборонительные сооружения. Затем была насыпана вторая насыпь, которую немного сдвинули к северу от первоначальной площадки городища. Ширина его составляла около 8 м, высота 4-6 м (от уровня рва). Ров второго периода был практически полностью уничтожен при поздних перестройках. Предположительно, он имел в профиле коническую форму, ширину в основании 2 м, в верхней части (предположительно) 6-8 м, глубину 2,5 м (от уровня площадки террасы).

В насыпи вала, вдоль по склону, фиксируется прослойка древесного тлена - вероятно, остатков деревянной конструкции для укрепления насыпи и предотвращения ее оползания. В дальнейшем, после строительства укреплений, насыпь вала была увеличена за счет подсыпки. Внутри вала открыты остатки стены, состоящей из сосновых бревен толщиной 0,2-0,3 м и длиной до 4-4,8 м, соединенных между собой в обло. Оборонительная стена делилась поперечными стенками (длина сохранившихся остатков поперечных стенок до 1,8 м) на отдельные, вероятно, трехстенные секции шириной 4-4,8 м. Эти укрепления служили каркасом для валовой насыпи, предохранявшим ее от оползания. Первое, нижнее бревно стены, имело основанием насыпь, перекрывающую остатки укреплений более раннего периода. Углы, образовавшиеся в местах стыка отдельных участков стены, были укреплены глиняной обмазкой и каменной забутовкой. Стена выходила на поверхность вала. Поверх стены могла располагаться крытая боевая площадка. Внутреннее пространство стен, вероятно, не забутовывалось - остатки нижних венцов в

момент гибели сооружения под давлением вала рухнули в сторону площадки городища. Под ними обнаружены фрагменты керамики, кости, обломки железа. Конструкция стены могла быть и смешанной, то есть включать как трехстенные, так и четырехстенные срубы. Закрытые четырехстенные срубы могли располагаться вдоль края террасы и использоваться для хозяйственных нужд.

Возможно, что подобная фортификационная система шла по всему периметру площадки. С западного и восточного края площадки, вдоль склона, обнаружены, вероятно, обломки бревен продольных и поперечных стен. Сторожевые башни могли располагаться в южной части площадки (здесь ширина наиболее узкого места 2-3 м) и с восточной стороны, где наблюдается явно выраженный уступ, начинающийся от уровня дна рва и постепенно поднимающийся на площадку. Предположительно, здесь располагался вход на городище. Подобная система оборонительных сооружений является традиционной для древнерусских городов эпохи средневековья.

После гибели первых оборонительных сооружений были возведены новые, еще более мощные укрепления. Северный вал достигает максимальных размеров. Даже в частичном разрушенном оплывшем виде его высота над уровнем террасы достигает 3-3,7 м, ширина в основании 15 м. На вершине вала, вероятно, располагалась деревянная стена, состоящая из срубов, засыпанных песком, от которой сохранились следы в виде полос древесного тлена и угля, фиксирующихся вдоль вала. Был выкопан новый ров, примерно в 16-17 м севернее первоначальных укреплений, глубиной около 4,5 м от кровни террасы, шириной около 17 м (в верхней части) и 3 м (в нижней части). За рвом, на краю террасы, был насыпан внешний вал. На городище выявлены многочисленные остатки жилых и хозяйственных комплексов, в том числе полуземлянки, наземные дома, производственные мастерские и т.д.

К раннему периоду существования городища относятся полуземлянки, к позднему - наземные срубные постройки. Одна из полуземлянок длиной 3,8 м, шириной - 1,2-2,4 м, глубиной - 0,3-0,5 м. В заполнении котлована по его краям сохранились остатки горелых плах. В центре котлована расчищены фрагменты обугленных плах, представлявших собой остатки пола. Печь-каменка располагалась в южной части полуземлянки и подпрямоугольной нише длиной 1,4 м, шириной 1,2 м, глубиной до 0,5 м. Под печью сохранились остатки сгоревшего древесного помоста.

Наземные постройки имеют подпрямоугольную форму размером 3 x 4 м, 3,5 x 4,5 м. Большинство наземных построек - срубные, из сосновых бревен диаметром 16-20 см, рубленных на углах, как правило, в обло. В качестве подпорок-фундаментов под срубами, вероятно, использовались камни или плахи. На полу построек бревнами или под ними фиксируются прислойки обожженной глины. Постройки были как однокамерные, так и многокамерные. Представляют интерес остатки наземных построек с примыкающими к ним большими ямами, в которых сохранилось большое количество костей, фрагменты сосудов, другие бытовые предметы. Кроме остатков жилых построек на городище выявлены многочисленные хозяйственные и производственные сооружения - как наземные, так и углубленные в землю.

На городище зафиксированы многочисленные следы развития ремесел: металлургического, кузнечного, ювелирного, костерезного и других.

Одной из важнейших отраслей древнерусского ремесла являлась обработка железа и стали. О развитии железодельного ремесла свидетельствуют находки криц, железных шлаков и железных пластин. Железодельное ремесло базировалось, вероятно, на местном сырье - болотных рудах. Крицы имеют округлую форму, что может свидетельствовать об использовании сыродутных печей. Проведенный металлографический анализ железных изделий позволил выявить применение семи технологических приемов: 1) изготовление предметов целиком из железа, 2) из сырцевой стали, 3) из высокоуглеродистой стали, 4) использование трехслойного пакета, 5) технология варки, 6) технология торцовой наварки, 7) технология косой наварки.

Наиболее архаичными являются изделия многослойные и с сварным лезвием. Они относятся к XII в. Изделия с торцовой наваркой бытовали с середины XII до середины XIV в., с косой наваркой - в конце XIII-XIV вв. Железо использовалось двух сортов - мягкое и твердое, не уступающее по твердости высокоуглеродистой стали. Сталь - качественно чистая. Применение сложных наварных технологий свидетельствует о высоком профессиональном уровне пожегских кузнецов.

Меднолитейное и ювелирное ремесло представлено находками целых производственных комплексов. Так, на городище открыта мастерская, служившая одновременно и жилищем. Кроме того, найдены слески меди, обрезки медных пластин, шлаки, литейные формы, тигли, льячки, ювелирный инструмент, бракованные изделия. Из ювелирного инструмента представлены зубило, пинцет, наковальня-бородок.

Важное место в хозяйстве занимала и обработка дерева. Из него сооружались дома, укрепления, изготавливали домашнюю утварь и т.д. Деревянные изделия в земле сохраняются плохо, поэтому их найдено немного: деревянная лопаточка, имитация бронебойного наконечника стрелы, различные втулки.

Свидетельством занятий деревообработкой являются соответствующие инструменты: топор, тесла, скобель, долота, сверла, ножи.

Было развито и костерезное производство. Основным материалом служили кости крупных животных. Инструментами обработки кости служили ножи, перовидные и лучковые сверла. Костяных изделий сохранилось немного: ложки, гребни, копоушки, пряслица, защитное кольцо для стрельбы из лука, застежки, накладки, игла, детали упряжки, амулеты, наконечники стрел и др.

На городище найдены и другие разнообразные предметы быта. Наиболее многочисленны ножи. Встречены также кресала для высекания огня, железные цилиндрические замки и ключи. Кроме ключей к висячим замкам найден ключ к внутреннему замку. Сохранились обломки медных и бронзовых котлов, железные иглы, пряслица из кости, камня, керамики. Найден железный светец, большое количество гвоздей, большинство - строительно-крепежные.

Среди предметов, найденных на городище, значительную группу составляют украшения. Среди них - височные кольца, спиралевидные и трубчатые пронизки, фибула, шумящие подвески (полые зооморфные, арочные, конусовидные и др.), монетовидные и крестовключенные подвески, лунницы, перстни, браслеты, предметы поясного набора.

Предметы христианского культа представлены тремя нателными крестами. Представляет интерес каменный крест с концами, оправленными серебром и украшенными сканью и зернью. К излюбленным женским украшениям относятся бусы, в большом количестве найденные на городище: стеклянные, каменные и янтарные. Особенно много стеклянных шаровидных бус. Единичными экземплярами представлены шаровидные бусы из горного хрусталя, сердоликовые призматические, керамические, фаянсовые.

Богата коллекция керамики городища. Основную массу сосудов составляют древнерусские горшки, изготовленные на гончарном круге. Они имеют средние размеры, высотой 16-22см, некоторые из них закрывались крышками. Наиболее распространенным орнаментом является линейно-волнистый, встречается ногтевидный, зубчатый, тычковый, рамчатый. Наряду с древнерусскими найдены и местные сосуды, лепленные от руки. Они имеют чашевидную, горшковидную и баночную форму и орнаментированы зубчатым штампом, изредка насечками, кружковыми вдавлениями, налепами. Местная керамика составляет примерно 1/5 часть всей керамики.

Материалы раскопок свидетельствуют о занятиях населения городища сельским хозяйством и промыслами. Ученый П.А.Косинцев из Екатеринбургa изучал видовой состав животных. Оказалось, что среди костей домашних животных преобладают кости свиней, что является косвенным доказательством важной роли земледелия в хозяйстве пожегского населения. Кроме того, представлены кости лошади, овцы и козы. Из диких животных найдены кости лисы, рыси, лося, северного оленя, зайца, бобра, белки. Много костей птиц, встречаются рыбы косточки. Среди костей диких животных преобладают и по числу особей, и по числу костей - кости зайца. Затем следуют бобр, белка, лось, олень, лиса. П.А.Косинцев отмечает, что размеры костей свиньи и крупного рогатого скота из Пожегского городища те же, что в древнерусских городах. В целом, для городища характерны домашние животные мелких размеров. Обилие костей диких животных и птиц, а также предметы охотничьего вооружения свидетельствуют о развитой охоте. Судя по числу костей, важное место отводилось пушному промыслу. Жители городища занимались и рыбной ловлей. Найдены железные рыболовные крючки, грузила, изготовленные из глины и камня, а также крупная двузубая острога.

Жители городища имели большой запас оружия - как охотничьего, так и боевого. Многочисленны железные наконечники стрел как универсального, так и бронебойного. Они отличаются большим разнообразием форм. Сохранились и костяные наконечники стрел. Кроме того, найдены железный наконечник копья, два втока (железный и костяной), обломки железной обкладки кинжала, фрагмент кольчуги. К предметам снаряжения коня и всадника относятся удила и конские ледоходные шипы. На городище представлены и предметы торгового инвентаря: гирька весом около 31 г и фрагмент весов.

Пожегское городище было основано во второй половине, вероятнее всего, в конце XII в. и существовало до конца XIV в. Материалы городища представляют исключительный научный интерес для изучения проблемы древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока. Раскопки вымско-вычегодских могильников позволили выявить мощный древнерусский пласт в культуре перми вычегодской. На них обнаружены многочисленные изделия древнерусского импорта, включающие прежде всего украшения, предметы быта, а также гончарную керамику. Среди них представлены общерусские типы вещей, однако, преобладают изделия из Северо-Западной Руси. Это подтверждает данные письменных источников о том, что первыми данниками на Вычегде и Выми были новгородцы. Судя по тому, что новгородский импорт представлен прежде всего изделиями городского ремесла, можно предполагать, что они попали на Европейский Северо-Восток в результате торговли. В исторической литературе до недавнего времени господствовала точка зрения, высказанная известным русским

историком А.Н.Насоновым, о том, что распространение новгородских владений на Севере восточной Европы отмечено появлением погостов, куда стекалась дань, взимаемая с местного населения. На Европейском Северо-Востоке такие погосты не были известны. Большинство исследователей полагает, что этот факт свидетельствует о преобладании эпизодического неупорядоченного сбора дани отрядами дружинников, посылаемых отдельными новгородскими боярами или купцами, которые осуществляли и торговые сделки.

В новейших исследованиях, вопреки утвердившейся точке зрения, основание опорных пунктов с целью закрепления новых земель связывается не с новгородцами, а ростово-суздальцами. Кем же было основано Пожегское городище - новгородцами или ростово-суздальцами? В конце XII в. с основанием Глядена начинается борьба ростово-суздальцев с новгородцами за пермские дани. Исходя из того, что до конца XII в. новгородцы монопольно взимали дань с перми, возникает предположение, что именно они основали городище как опорный пункт в борьбе с соперниками. Однако это предположение не является бесспорным. К раннему этапу существования городища относятся вещи как из Северо-Западной, так и Северо-Восточной Руси. Кроме того, важное значение для определения этнокультурной принадлежности памятника имеют традиции домостроительства. Ранний этап домостроительства Пожегского городища характеризуют полуземлянки, поздний - наземные дома. Известно, что полуземляночные жилища с печами-каменками, характерные для славян Восточной Европы южного региона, в частности, среднеднепровских племен, в дальнейшем получили распространение в Северо-Восточной Руси, что было обусловлено притоком в XII в. населения из южных областей. Для северных славян, в том числе новгородцев, были характерны наземные срубные дома. Исходя из вышеизложенного, возникает второе предположение об основании городища выходцами из Северо-Восточной Руси - Владимиро-Суздальского княжества. В составе жителей городища кроме русских были и представители местного коми этноса. Иначе вряд ли попали бы на городище местные сосуды, типичные украшения вычегодских пермянок.

Каково было функциональное назначение городища? Прежде всего, нужно исходить из того, что городище занимало важное стратегическое положение на пути продвижения русских данников в Северном Зауралье. Оно являлось опорным пунктом сборщиков дани, дружинников, тем центром, куда свозилась дань, а затем вывозилась в центры метрополии. Это был и важный ремесленно-торговый центр, обеспечивающий не только собственные нужды, но и окружающее местное население кузнечными и ювелирными изделиями. Под влиянием древнерусских мастеров местные кузнецы осваивали технологию древнерусского кузнечного производства.

Пожегское городище являлось и важным административным центром русской метрополии. Материалы городища документируют ранний этап древнерусской колонизации Вычегодского края, начавшийся в XI, возможно, в X в. В литературе обычно подчеркивается мирный характер и прогрессивное значение этого процесса для дальнейших судеб народа коми. Но, как всякая колонизация, она, вероятно, не ограничивалась мирными формами и вызвала сопротивление местного населения. На Пожегском городище сохранились следы многочисленных пожаров. Конечно, трудно определить, следы ли это борьбы между новгородцами и владими́ро-суздальцами, или между местным населением и обитателями городища. До сих пор среди местного коми населения бытует легенда, согласно которой вымский князь Василий хотел срубить город где-то в районе Пожегского городища, но был убит. В память об этом событии ручей, расположенный чуть выше городища, носит название "Васьёс вийём шор" (ручей, где убит Василий). В "Житии Стефана Пермского" прямо сообщается о "тяжких данях", насилии со стороны великокняжеской московской администрации. В "Плаче пермских людей" по поводу смерти епископа Стефана Пермского упоминаются "новгородцы ушкуйницы, разбойницы".

Объективно древнерусская колонизация Европейского Севера представляла собой закономерный процесс развития русского феодализма вширь за счет освоения новых территорий, расширения территории Русского государства. В сферу феодальной эксплуатации были втянуты финно-угорские народы, в том числе народ коми, не имевший к тому времени государственности со всеми ее атрибутами. Основной формой эксплуатации являлось данничество. На начальном этапе русской колонизации в XI-XII вв. сбор дани осуществлялся эпизодически частными лицами, с конца XII в. появляются древнерусские погосты - опорные пункты сборщиков дани, ремесленно-торговые, военно-административные центры русской метрополии.

С коми-зырян дань взималась мехами, постоянно возрастающий спрос на которые стимулировал развитие пушного промысла, что привело к консервации традиционного охотничьего промысла местного населения. Пушной промысел стал и основным источником получения избыточного продукта. Меха стали не только основным предметом торговли, но и эквивалентного обмена. Появились и получили широкое распространение "меховые деньги" не только в финно-угорском мире, но и на Руси. Известно, что древнейшая денежная единица коми-зырян называлась "ур" (белка).

Потребность местной знати в ювелирных украшениях в значительной степени удовлетворялась за счет привозных изделий, обмениваемых на меха. Не случайно среди украшений костюма перми вычегодской значительную часть составляют привозные. Этим, вероятно, и объясняется тот факт, что для традиционной коми народной культуры в отличие от других финно-угорских народов металлические украшения не характерны. Насыщение местного рынка привозными украшениями не стимулировало развитие местного ювелирного производства. Именно поэтому в культуре перми вычегодской столь выразительна «древнерусская вуаль».

С другой стороны, данные лингвистики, этнографии, археологии свидетельствуют о прогрессивных изменениях в области земледелия, животноводства, кузнечного производства коми-зырян, обусловленных коми-русскими контактами. Под влиянием русской земледельческой культуры коми с XII в. постепенно переходят к пашенному земледелию, хотя подсечно-огневой метод обработки земли сохраняется в течение многих столетий. От русских кузнецов местными мастерами были заимствованы передовые технологии кузнечного производства. В целом древнерусская колонизация Европейского Северо-Востока привела к глубоким изменениям в экономической, культурной и социальной сферах жизни местного населения.

Очерк II. КОМИ КРАЙ ВО II ПОЛОВИНЕ XIV-XV ВЕКАХ

В XIV в. (а, возможно, и раньше) началась русская земледельческая колонизация низовьев Лузы, появились русские переселенцы в низовьях Вычегды. Многие крестьяне селились и в Вятском крае (их первые селения появились там в конце XII- начале XIII вв.), и с течением времени память о древних коми, возможно, когда-то живших на верхней Вятке, осталась лишь в названии одного из местных административно-территориальных округов - Сырьянского стана (вряд ли случайно его созвучие с названиями территориальных групп коми-зырян, живших в XIV-XV вв. на Сыsole - "сырьяне" и "сирьяне"). В более отдаленных от русских княжеств землях пермян - на Выми, Вашке, Сыsole, средней Вычегде - переселенцев с Руси было очень мало или не было вовсе. А Печорский край являлся вотчиной кочевавших там вогулов (манси) и самоеди (ненцев). Ни Новгород, ни суздальцы, соперничавшие за обладание Коми краем, не могли прочно закрепиться в столь удаленных местах, хотя местное население и было обложено данью.

В XIV в. быстро выросло и окрепло Московское княжество. В 1333 г. московский князь Иван Калита взял в свои руки сбор дани для Золотой Орды (так называемый "черный бор" или "черный выход") с населения Европейского Северо-Востока: "Князь великий Иван Данилович взверже гнев свой на устюжцов и на ноугородцев, - сообщает Вычегодско-Вымская летопись, - почти устюжцы и ноугородцы от Вычегды и от Печоры не дают черный выход Ордынскому царю, и дали князю Ивану на черный бор Вычегду и Печору и с тех времен князь московский почал взимати дани с пермские люди". Устюг и контролировавшиеся из него близлежащие земли пермян находились еще некоторое время в руках ростовских князей, которые, однако, все более утрачивали свою власть, переходя в зависимость от великих князей Московских. В 1363-1364 гг. внук Ивана Калиты Дмитрий Иванович (будущий Донской) "взверже гнев на князя на ростовского Костентина и взял от тово...Устюг и пермские мesty Устюгские". Московские князья стали постепенно вытеснять новгородцев с северо-востока. Но Новгород продолжал предъявлять свои права на населенные древними коми земли.

Стефан Пермский и начало христианизации коми

Чрезвычайно важным этапом в истории коми народа стала его христианизация, т.е. распространение среди жителей Коми края христианской, православной веры. Очень важную роль сыграла христианизация и в укреплении влияния московских князей в Коми крае, в процессе вхождения Коми края в состав Русского государства.

Древние коми были язычниками. Они поклонялись деревянным идолам (кумирам), которые, как считали пермяне, обладали чудесной силой. Пермяне приносили идолам жертвы (обычно шкуры животных) и просили сделать удачной их охоту и рыбную ловлю. Кроме того, древние коми верили в лесных, водяных и других духов, почитали животных (особенно медведя), деревья и некоторые другие предметы, которые, по их представлениям, имели душу и находились в родстве с людьми.

Русские являлись христианами. По мере усиления русского влияния на Севере здесь появились православные миссионеры, которые занимались крещением местного населения - сначала в ближайших к русским опорным пунктам районах (в частности, на Лузе), а затем и в более отдаленных. Одному из таких миссионеров суждено было стать наиболее выдающимся в истории Коми края просветителем и политическим деятелем, первым епископом Пермским. Звали его Стефан.

Будущий глава Пермской епархии родился в первой половине 40-х годов XIV столетия в Устюге, в семье русского причетника церкви Святой Богородицы Симеона, уроженца г.Ростова, "отменного родителя, христолюбца, вернаго христианина", и его супруги Марии, "также христианки", отмечается в "Житии Стефана Пермского". Согласно легенде, Мария была дочерью крещеного коми-зырянского торговца Дзебаса, и ей еще в трехлетнем возрасте было предсказано родить "епискупа земли Пермской...".

Еще ребенком Стефан был отдан учиться грамоте. "Грамоту всю освоил он менее чем за год и стал чтецом канонов в...церкви", помогал отцу-священнику. "Превзошел он многих сверстников своих, хорошою памятию, скорым учением преуспеваю и острою ума, быстротою мысли превосходя", - повествует биограф Стефана Пермского. "И был отрок благоразумный весьма...Пустословам, занятым делами суетными и тщеславными, не внимал, с ними общался и от всех детских повадок и игр отвращался; упражнялся только в славословии Божиим и предавался учению, изучением книг занимаюсь". "Еще в младые годы" Стефан решил посвятить свою жизнь служению Богу. Научившись в Устюге "всей грамматической премудрости и книжной силе", он покинул отчий дом и направился в Ростов. Там в середине 60-х годов Стефан постригся в монахи в монастыре Святого Григория Богослова. Выбор его пал на этот монастырь, "называемый Затвор", потому, что он являлся своего рода духовной школой с богатой библиотекой.

Там Стефан провел несколько лет. Он “изрядно потрудился в иноческом житии, ... более же всего внимая Божественному писанию, много и часто читая святые книги и оттуда всяческую добродетель приобретаая”. Стефан учился упорно, вдумчиво, неспешно, ибо “стремился до конца постичь то, о чем говорят каждый стих словес, и правильно его истолковать”. Он изучил греческий язык и много времени уделял трудам греческих авторов.

Шли годы, и все более креп в душе Стефана замысел: “обращать в христианство неверных” (т.е. неверующих в Христа). Долгое ученичество его закончилось. Стефан стал очень образованным, знающим человеком, способным многому научить других: “Постоянно пребывал он в трудах, ...и святые книги писал весьма искусно и быстро”. Главным трудом Стефана стала созданная им пермская азбука. Он знал язык пермян, вероятно, научившись ему от матери и деда, возможно, бывал в Коми крае в юности, в годы учения. Решив отправиться к пермянам проповедовать христианство, Стефан понимал все трудности, которые встанут перед ним вследствие незнания жителями Коми края русского языка; письменность нужна была ему для того, чтобы перевести на коми язык богослужебные книги, сделать их понятными и доступными для пермян.

Стефановская азбука состояла из 24 букв. В качестве образца Стефан использовал буквы греческого и славянского алфавита, а также древнекоми “пасы” - знаки, изображавшиеся на различных предметах. (Некоторые ученые предполагают, что коми имели свою письменность на основе “пасов” еще до Стефана, и тот использовал ее при создании своей азбуки). Не все поддерживали Стефана в его многотрудном деле. Раздавались голоса и о неуместности составления грамоты для язычников-пермян. Но Стефан упорно трудился, и в 1372 г. работа над созданием письменности была завершена. В том же году “за многую добродетель” ростовский архиепископ Арсений рукоположил его в иеродиакон. Стефан стал пользоваться в Ростове немалым уважением: “Достойному его... житию удивлялись многие не только иноки, но и люди простые”. Пользуясь своей азбукой, Стефан перевел на коми язык несколько книг. В 1378 г. он “поставлен был в священники” епископом коломенским Герасимом.

В 1379 г. Стефан направился в Москву к Герасиму, являвшемуся тогда наместником митрополита (главы церкви), “дабы получить от него благословение на ... доброе проповедничество” в Коми крае: “И я либо научу и обращу в христианство пермян”, либо сложу голову свою за Христа, и за веру, и за доброе проповедывание”. Герасим благословил Стефана и устроил ему встречу с великим князем Дмитрием (Донским), который также поддержал замысел Стефана, выдал ему охранную грамоту, что придало миссии Стефана особый авторитет.

В том же 1379 г. Стефан в сопровождении охраны и обоза с книгами, церковной утварью, иконами и другими вещами прибыл к устью р.Вычегды. Вначале он крестил пермян на Пыросе (в районе современного г.Котласа), построил там небольшую церковь, а затем направился вверх по Вычегде, побывал у коми, живших на р.Вилядь и крестил их. На пути своем Стефан встретил немало сложностей. Часть пермян, “слыша проповедь веры христианской, ...пожелали веровать и креститься”. Но многие коми “пожелали воспротивиться сему”, и Стефан поначалу “много зла претерпел от неверных пермян: озлобление, ропот, брань, хулу, укоры”. Проповеднику угрожали смертью, “обступали его с двух сторон и кругом с дубинами и длинными палками, желая нанести...смертельные удары”, а однажды попытались сжечь на костре. Не будь у Стефана предоставленной великим князем охраны, миссия его могла бы закончиться довольно быстро и без большого успеха.

Трудности не отвратили Стефана от намеченной цели. В 1380 г. он и сопровождавшие его люди поднялись до устья Выми. Здесь, в самом центре Коми края, на пересечении водных путей и невдалеке от древней кумирницы, были построены церковь Благовещения Богородицы и кельи. Так было положено начало современному селу Усть-Вымь. Поселившись там, Стефан стал проповедовать православие среди часто посещавших кумирницу пермян. Церковь, которую он украсил “яко невесту добру”, привлекала взоры странствующих и путешествующих. Язычники приходили сюда подивиться “красоте и доброте здания церковного”, вступали со Стефаном в беседы. Мало-помалу его терпение и красноречие стали давать свои плоды. Пермяне стали принимать православие, а вести о деятельности Стефана разнеслись по всему Коми краю.

Узнав о происходящем, один из пермянских старейшин “сотник” Пам (Пан) собрал отряд и явился с Вишеры к устью Выми, чтобы изгнать Стефана и сжечь церковь, дабы ничто не могло соперничать с древней кумирницей коми. Но поход Пам потерпел полную неудачу; нападавшие вынуждены были сложить оружие и даже по распоряжению Стефана выкопали вокруг возвышенности, на которой стояли строения, ров, насыпали вал и построили стены Усть-Вымского городка. Многие пермяне были тогда крещены.

Образование Пермской епархии

В начале 80-х годов XIV в. количество христиан в Коми крае умножилось. Нужно было строить новые церкви, для которых требовались священнослужители. Управление церковными делами, освящение храмов, посвящение в сан священников и многое другое требовали присутствия в Коми крае, удаленном от церковных центров, своего епископа. В 1383 г. Стефан прибыл для решения этой проблемы в Москву к великому князю Дмитрию Донскому и митрополиту Пимену: “Быть может, найдется у вас такой муж, коего вы, поставив епископом, пошлете со мною в землю пермскую”, - сказал он. Посоветовавшись, Дмитрий Донской и Пимен остановили свой выбор на самом Стефане - для новой Пермской епархии не было лучшего епископа, чем этот достойный, мудрый и опытный человек, знающий Коми край, людей, его населяющих, и их язык. Поставление Стефана в епископы было “небывало пышным”, говорится в “Житии”.

Пробыв довольно долгое время в Москве, Стефан Пермский в 1384 г. вернулся в Коми край, “одаренный князем, митрополитом, боярами и прочими...людьми”, и с новыми силами принялся за дело. В том же году одна за другой в Коми крае появились церкви и монастыри в Усть-Выми, Яренске, Вотче, а затем и в других местах, вплоть до отдаленной и почти безлюдной верхней Вычегды, где был основан Ульяновский монастырь. Легенда гласит, что монастырь при Стефане был организован даже на Печоре. В Усть-Выми крещеные пермяне учились стефановской грамоте, церковно-славянскому и русскому языкам, переписывали переведенные Стефаном на коми язык богослужебные книги.

Тогда же, в 1384 г. Стефан Пермский предпринял ряд решительных мер по искоренению язычества на Вычегде, Выми и Сысолье: “Разъярился владыка Стефан на кумирницы пермские поганые, истуканные, изваянные, издолбленные боги их в конец сокрушил, раскопал, огнем пожег, топором посекал, сокрушил обухом, испепелил без остатку”, - говорится в летописи. К принявшим православие коми Стефан обратился со словами: “Тот, кто воистину верен, и быть желает всю оставшуюся жизнь самым мудрым, и хочет более всех высказать любовь ко мне, должен тот разыскать и выведать, где кумир таится - в доме ли своем, или у соседа ближнего, или еще где-либо. Пусть найдет его, принесет и прилюдно...кумира того руками своими сокрушит”. Призыв владыки был воспринят с энтузиазмом. Некоторые пермяне “хотели кумиров своих утаить, но не сумели, ибо, собираясь друг у друга, стремились они избежать обличения даже со стороны друзей, но ведь доносчики бывают и среди самых близких, сведущих о тайнах своих и соседских, - заметил автор “Жития Стефана Пермского” монах Епифаний Премудрый. - За вину сию были напоследок истреблены дома их и окончательно очищены от кумиров”. Стефан самолично “ходил с учениками своими без лености, и по погостам расспрашивал, и в домах разыскивал, и в лесах находил до тех пор, пока все кумирницы...не уничтожил и до основания не искоренил”.

Действия Стефана вызвали недовольство немалой части местного населения. Выразителем ее интересов стал все тот же Пам-сотник, в уста которого Епифаний вложил такие обращенные к Стефану слова: “Кто дал тебе власть сие творить? Кто послал тебя в землю нашу, чтоб надругался ты над нашими богами, и храмы их разрушил, ...и службу нашу и честь в грязь втоптал, и веру нашу искоренить хотел?” Жителям Коми края Пам говорил: “Не слушайте Стефана, пришельца...из Москвы! Что хорошего быть может нам от Москвы? Не оттуда ли к нам тяготы идут, дани тяжкие, и насилия, и судьи, и соглядатаи, и караульщики?” А московским властителям “поступают ныне меха от охоты нашей. И...князья, и бояре, и вельможи мехами обогащаются, в меха одеваются и ходят, красуясь... Не от нашей ли охоты меха в Орду посылаются?.. И в Царьград, и к немцам, и в Литву, и в прочие города и страны...”.

Но попытки Пама организовать сопротивление Стефану Пермскому провалились: за спиной епископа были уже не только великокняжеские охранники, но и построенные на Вычегде укрепленные городки Чернигов, Выбор, Яренск, Усть-Вымь, а главное - многочисленные приверженцы из новокрещенных пермян, не желавших признавать бывшее первенство местной родовой знати и жрецов языческих культов. Пам “посрамлен бысть и изгнан из Пермские земли из роду племени”. Вынуждены были покинуть родные места и многие другие жители вычегодских селений, лишившиеся богов и даже крыши над головой: “А непохотел кто к святей вере быти, отиде теи на Удору и на Пенегу с жоны и детьми свой”.

Новгородцы, узнав о создании Пермской епархии и укреплении влияния Московского княжества в Коми крае, в 1385 г. отправили против Стефана войско. Пришедшие на помощь епископу Пермскому устюжские дружины разбили новгородский отряд “под Чорной речкой под Солдором” (вероятно, в районе нынешнего Сольвычегодска). На следующий год нападение повторилось: “Новгородцы со двияны воевали на Волге, а идучи оттуды великого князя волости и вычегодские, и устюжские воевали ж”. Дмитрий Донской разбил противника и “волости вернул себе”. Стефан Пермский решился на смелый шаг - в том же 1386 г. он сам поехал в Новгород на переговоры. Ему удалось договориться с новгородцами, что нападений больше не будет, и уехать из Новгорода “с милостию и с дарами”. Но сама необходимость поездки епископа в Новгород показала, как непрочно еще было влияние Москвы в Коми

крае. Через некоторое время Стефан еще раз побывал в Новгороде для составления поучения против “ереси стригольников” (религиозного течения, отколовшегося от православной русской церкви).

С этого времени Стефан Пермский выступал не столько как проповедник христианства, сколько как государственный деятель, фактический правитель значительной части Коми края. Ему приходилось бороться с нападениями пермян-язычников и вогулов. В 1389 г. коми отряды с Вашки и Пинеги подошли к Яренскому городку, сожгли монастырь, “людей монастырских посекали”. В 1392 г. вогулы, которых сопровождал изгнанник Пам, подступали к Усть-Выми, неделю простояли у стен городка, “погосты около тех мест разорили”, но на штурм так и не решились, а узнав о приближении посланной на помощь Стефану устюжской дружины, “сели в ладьи и утварились вверх Вычегдою-рекою”. В том же году татары разорили Вятский край, и Стефан занимался организацией отпора от возможного их нападения на коми селения.

В последние годы жизни Стефана положение в Коми крае стабилизировалось, прекратились набеги вогулов и других беспокойных соседей. Но забот и без того оставалось много. Стефан добивался от московского князя сокращения налогового обложения местных жителей, организовал снабжение населения края продовольствием в голодные годы: “Сколько раз привозил он людям хлебное зерно лодками из Вологды в землю Пермскую! И все употреблял его не для себя, а на нужды... всем нуждающимся... Установил добрые отношения с людьми, безвозмездно их зерном наделяя”, - говорится в “Житии”.

В 1396 г. Стефан Пермский отбыл в Москву для участия в церковном совещании “ради... нужных вопросов, ко спасению людей относящихся”. Вскорости по прибытии в столицу он заболел и 26 апреля скончался. Его похоронили на территории московского Кремля “в монастыре Святого Спаса, в церкви каменной, у входа в нее с левой стороны”. Впоследствии Стефан был причислен к лику святых. Вторым епископом Пермским в 1398 г. стал Исакий. Он и его преемники продолжили начатое Стефаном крещение жителей Коми края.

Междоусобные войны XV века. Князя Вымские

Первая половина XV в. была трудным временем для Русского государства и для Коми края. Продолжались конфликты между Новгородом и Москвой из-за обладания богатствами Севера. Епископы Пермские приняли сторону Москвы и активно содействовали различным великокняжеским мероприятиям. Жители Коми края участвовали в сражениях между московскими и новгородскими дружинами. Ставший в 1418 г. третьим епископом Пермским владыка Герасим в том же году распорядился, чтобы коми в составе устюжского войска “ходили... Двинскую землю за князя великого воевати”. Устюжско-вычегодские ратники “пожгли у двинян Бороку, Емцу, Холмогорцы”, но в конечном итоге двиняне и новгородцы разбили их и в свою очередь захватили и разграбили Устюг. В 1425 г. снова “воевали устюжаны и вычегжаны (т.е. жители Вычегодского края, коми -авт.) Двинскую землю”, но опять без успеха. Пришлось откупаться от новгородцев пушниной (соболями и белками).

В 1432 г. в Московском княжестве началась борьба за обладание великокняжеским престолом между Василием II Васильевичем и его двоюродным братом Василием Юрьевичем, князем Галицким. Разгоревшаяся междоусобная война продолжалась 20 лет, и “много крови христианской пролилося безвинно, покуда распря была”, - с грустью сообщает летописец. Епископы Пермские поддерживали правившего в Москве князя Василия, и соперники последнего в 1438 г. послали в Коми край войско своих сторонников-вятчан. Вятчане разорили и пожгли селения по Лузе и нижней Вычегде, захватили Устюг, “а люди скрылись по лесом”.

Неспокойно было в Коми крае и в отсутствие вражеских нападений. В 1443 г. вспыхнул конфликт из-за строительства нового храма в Усть-Выми и связанных с ним работ, а также из-за недовольства части местных жителей распределением угодий. В результате столкновения епископ Герасим был убит “за неколико стадий от владычного горотка, месте зовемый Мыс”. Следующим епископом стал в 1444 г. архимандрит Чудова монастыря Питирим. В том же году он крестил “пермяков удоренов на Вашке реке”, “святей храмы тамо создвиг” и направил туда “игуменов и попов”. Летопись умалчивает о сопротивлении удорских коми крещению, но, вероятно, как и во времена Стефана, не обошлось без стычек и применения силы посланными епископом людьми.

“Распря” на Руси меж тем разгоралась. Борьбу против московского князя возглавил Дмитрий Юрьевич Шемяка. Епископ Питирим, подобно своим предшественникам, поддержал великого князя Василия и в 1447 г. “с другими владыки российский писал грамоту на Дмитрия Шемяку с проклятием от церкви святей”. В 1450 г. Шемяка при поддержке новгородцев напал на Устюг. Устюжане позвали на помощь дружины из Коми края, с Вычегды и Выми, но сами в последний момент отказались от сопротивления. Войско Дмитрия Шемяки разбило вычегодско-вымский отряд, а руководителей его “пермских сотников Емельку Лузькова да Ефимия Эжвина да десятников их” захватили в плен и казнили.

Закрепившись в Устюге, Шемяка попытался завладеть и Коми краем. По его приказу в 1450 г. отряды вятчан напали на Коми край “на Сысолу, на Вычегду, на Вымь, погосты (селения - авт.) пожгли, храмы святей грабили, церковное все поимали (отняли - авт.)”. Только укрепленный Усть-Вымский городок, где находился епископ Питирим, врагу не удалось захватить: “приступали вятчане к владычню горотку..., а взять не взяли, постояв на месте Копанец, звемый Вятский луг, повернули вспять на Вятку”. Обращался Шемяка и к вогулам, призывая их напасть на коми, однако те не откликнулись на его призыв. Тем не менее контроль над значительной частью территории, населенной коми народом, перешел в руки Дмитрия Шемяки. О том, что принесло жителям Коми края его владычество, рассказывает документ: вятчане, пишется в нем, “с князем Дмитрием с Шемякой приходили есте многажды на ... Сысолу и Вым и Вычегду”, много людей “перемучили, переморили, а иных в воду пометали, а иных в избы и хоромы насаживая, мужей, старцев и малых деток бесчисленно пожигали, а иным очи выжигали, а иных младенцев на кол сажая, умертвляли”. Вятчане захватывали пленников, которых продавали в рабство татарам.

Для организации борьбы с Шемякой князь Василий в 1451 г. отправил в Коми край своего наместника Ермолая из рода князей Вережских (старший сын Ермолая, Михаил, был послан наместником в Пермь Великую - в Чердынь на Каму). Ермолаю и его второму сыну Василию поручалось “правити пермской землей Вычеготкою” “по грамоте наказной по уставной”, данной им великим князем, и отбить пермские земли у поддерживавшегося новгородцами Шемяки. Вероятно, тогда же началось строительство нескольких укрепленных городков на Лузе (близ современных Объячево, Лоймы и Спаспоруба) и Сыsole (у Вотчи и нынешних Куратово, Ыба и Ужги). Городки предназначались для хранения оружия и укрытия окрестных жителей при вражеских набегах.

Епископ Питирим в 1452 г. отправился в Москву, но по дороге попал в руки своего давнего противника Д.Шемяки. Питирима привезли в Устюг, посадили в темницу. Шемяка “мучал ево тамо”, требуя, чтобы Питирим отказался от своей подписи под церковным проклятием Шемяки, но “владыка не убоялся..., проклятое слово не взял”. В 1453 г. московское войско во главе с самим великим князем Василием двинулось на север “супротив Шемяки”. Князь Василий “Кокшенгу взял, кокшаров посекал и пошел казнить Устюг, по што усюжана Шемяке норовили (содействовали - авт.)”. Дмитрий Шемяка не стал дожидаться противника в Устюге и “утекл на Двину и к Ноугороду, и там бысть отравлен зелием”. Василий занял Устюг, освободил епископа Питирима. Контроль над Коми краем вновь перешел в руки Москвы. Управляя основной частью Коми края в последующее время названные выше великокняжеские наместники, которые стали именоваться князьями Вымскими. Однако Новгород продолжал предьявлять права на Коми край, указывая в своих грамотах земли коми среди новгородских владений.

Завершив христианизацию Перми Вычегодской, епископы Пермские обратили свои взоры на Прикамье и живших там коми-пермяков. В 1455 г. епископ Питирим ездил в Великую Пермь “на Чердыню крестити ко святей вере чердынцов”. Когда он возвращался, то попал в руки вогулов, и те убили епископа “в месте зовемый Кафедраил на реке на Помосе”. В 1462 г. епископом пермским стал “владыко Иона”, который продолжил крещение жителей Перми Великой, “поставив им церкви и попы”. Окрестил он и родившихся у Михаила “княжат”.

Добившись перелома в борьбе за первенство на Руси и на Севере, московские князья решили распространить свое влияние и за Урал, где располагалась Югорская земля. В 1465 г. великий князь Иван III отправил “Югорскую землю воевать” отряд устюжан под началом воеводы Скрыбы. К нему присоединился князь Василий Вымский “с вымичи и с вычегжаны”. Поход был успешен: “полону много вывели, за князя великого Югорскую (землю) привели... и дань...соболиную возложи”.

В 1471 г. великокняжеское войско под руководством князя Холмского разгромило новгородскую рать. Холмский “Новгород взял на щит и волости новугородские поимал за князя великого”. В том же году Иван III, почувствовав свою силу, послал отряды против казанских татар. В походе участвовали и вычегжане. Войско простояло под Казанью пять дней, но штурм так и не состоялся. Правитель Перми Великой Михаил Ермолаевич стал склоняться к поддержке казанцев. В 1472 г. Иван III послал устюжского воеводу Федора Пестрого с войском (в состав которого входили и воины из Коми края) на Каму, чтобы наказать самовольца-наместника. Михаил был арестован, отправлен в Москву, но после того как поклялся в верности великому князю, отпущен назад “на Пермь-ж княжити”. Поход этот имел и еще один результат: епископ Пермский Филофей (сменивший на этом посту умершего тогда же Иону) добился присоединения церковных приходов Перми Великой к Пермской епархии (что, в общем, было резонно, ибо именно епископы Пермские крестили тамошних обитателей).

В 1478 г. новгородцы были еще раз разбиты московским войском, после чего Новгород окончательно лишился всякой самостоятельности и со всеми своими владениями был безоговорочно включен в состав Московского государства. У Москвы больше не было соперников в борьбе за обладание богатствами Коми края. Существовала, правда, опасность нападения на этот регион воинственных вогулов и самоеди, поэтому князь Василий Вымский продолжал строительство

укрепленных городков. Один из них был заложен на Выми близ Турьи в 1480 г. Однако жители Выми без восторга отнеслись к этому начинанию, опасаясь, что появление городка ограничит их свободы в пользовании угодьями. Летопись сообщает: “Вымичем не любо тое городок строити: пошто нам этот городок и на кого”. Вспыхнул конфликт, “и посекали вымичи Василья князя насмерть”. После гибели Василия наместниками стали его сыновья Петр и Федор, завершившие постройку Турьинского городка.

Описание 1481 года

Великому князю оставалось сделать последний шаг: провести описание земель и населения, вошедших в единое Московское государство. На большей части Коми края такое описание было проведено в 1481 г. Оно стало законодательным актом, окончательно закрепившим вхождение Коми края в Русское государство. Описание зафиксировало, что коми (пермяне) жили в то время на Вычегде (их селения начинались чуть выше устья Виляди и тянулись почти до устья Сысолы; самые низовья Вычегды к этому времени были уже обжиты русскими, русские жили и в Усть-Выми), Сыsole, Выми, Вишере, Вашке, Лузе, Виляди, Пинеге и верхней Кама. О существовавших тогда населенных пунктах известно очень мало: уже были, кроме упоминавшихся ранее Усть-Выми и Вотчи, Турья (о ней впервые упомянуто в документах в 1480 г.), д.Ыб на Выми, Оквад, Коквицы (1483 г.), Ужга, Вендинга, Пыелдино (1485 г.), Тьдор, Вездино, Важгорт, Княжпогост (1490 г.).

Основная часть территории, заселенной коми народом, составила землю Пермь Вычегодскую, которой управляли князья Вымские. Власть их не распространялась на вотчину епископов Пермских, в которую входили Усть-Вымь, Оквад и Вожем. Отдельными частями Перми Вычегодской - Удорой, Вымью, Сысой, Ужгой (в нее входили верхняя Сысола и верхняя Кама) и Вычегдой руководили “сотники волостные”, избравшиеся местным населением (князья Вымские не могли заменять сотников по своей воле). Прилузье (Лузская Пермца) и Вилядь (Вилегодская Пермца) не входили в землю Пермь Вычегодскую, а находились в составе Устюжской земли. Населенные пермянами территории на Пинеге и Немьюго относились к Двинской земле. В это время у коми завершался распад родового строя. Вышеперечисленные районы соответствовали расселению территориально-племенных объединений (предшествовавших территориально-соседским общинам, объединившим людей уже не по кровно-родственному признаку) древних коми - пермян удорских, вымских, нижневычегодских, вилегодских, лузских, пинежских, сысольских зырян (сырьян) и ужгинских сирян.

С закреплением Коми края в составе Русского государства территория расселения коми народа перестала быть ареной разорительной для населения борьбы между княжествами, оказалась более надежно защищена от нападений соседских северо-восточных племен. Усилились связи между коми и русскими, шел взаимообмен опытом ведения хозяйства. С другой стороны, на плечи местного населения тяжелым бременем легли разнообразные налоги и повинности, взимание которых зачастую сопровождалось всяческими злоупотреблениями. Феодалное землевладение не получило большого распространения в Коми крае. Большинство жителей попало в категорию так называемых чернососных (позднее - государственных) крестьян, плативших подати государству. Единственным относительно крупным феодалом являлся епископ Пермский, в вотчине которого в 1490 г. насчитывалось 49 крестьянских дворов. Крестьяне, жившие на принадлежавших епископу землях, выполняли различные повинности в его пользу. Епископ вершил суд в отношении своих крестьян “во всем, кроме душегубства”(т.е. кроме убийств, дела о которых рассматривали великокняжеские наместники и их представители).

Присоединение к Русскому государству Печорского края. Походы в Югру

Закрепившись в землях коми, московские государи использовали Вычегодский край как базу для распространения своей власти на Печору. В низовьях реки, где кочевала самоедь (ненцы), издревле бывали новгородские, а затем московские данщики, но переход этого удаленного края под непосредственное управление великих князей стал возможным лишь в конце XV в. по окончании феодальных междоусобиц и укрепления центральной власти на Севере.

Вспомнив об успешном походе в Югру 1465 г., великий князь Иван III в 1483 г. послал на Печору и далее за Урал “на Югру на Обь Великую” рать во главе с Ф.Курбским и И.Салтык-Трава. В состав рати входили и жители Коми края - “вычегжаны, вымичи, сысолечи”. Войско прошло по Печоре и горам до Оби и Иртыша, разгромило вогулов, “добра и полону” захватило немало; в плен попал и югорский “большой князь” Молдан. В 1484 г. велись переговоры между великим князем Московским и вогулами относительно дальнейших взаимоотношений между Югрой и Русью. В переговорах в качестве посредника участвовал епископ Пермский Филофей. В 1485 г. вогульские князья прибыли к Филофею в Усть-Вымь для продолжения переговоров. Филофей сопровождал их в Москву. Переговоры оказались

успешными, и в том же году вогульские князья подписали близ Усть-Выми мир с князьями Вымскими Петром и Федором, представителем епископа Пермского Левашом и сотниками “Вычегодские земли пермский” Сидором Онкудиновым, Алексеем Козаком, Киросом Устиновым и Семеном Микитиным. Вогулы обещали “лиха не мыслити, ни силы не чинити над пермские людие” и подчиняться великому князю.

Договор, однако, оказался не крепок. Вогульские князья не очень-то стремились признавать верховную власть далекого московского князя, у которого к тому же опять возникли проблемы с мятежными вятчанами. Последние в 1486 г. дважды нападали на Устюг. Опасались их набега и жители Коми края: “Пермские люди в то лето сидели великим страхованием от вятчан”, - рассказывает летопись. Иван III вынужден был прислать сюда войско и держать его здесь до осени, чтобы “от вятчан устюжские и вычегодские места беречи”. Только в 1489 г. Иван III смог привести к покорности Вятскую землю, послав туда большие военные силы и захватив все вятские городки. В этом походе участвовал и отряд из Коми края (“вычегжаны, вымичи, сысолечи”). Вероятно, в эти годы к Пермской епархии отошли вятские церкви (а в 1492 г. к ним добавились “церкви на Вологде да в Двинской волости”, и епископ Филофей больше стал бывать в Вологде, чем в Усть-Выми). Покончив с Вяткой, Иван III вновь повернул свой взор к Печоре.

Этот регион привлекал внимание Москвы не только пушшиной. Для чеканки монеты на Московском монетном дворе требовалось много серебра. На Руси месторождений последнего не имелось, так что приходилось использовать в качестве “лома” западноевропейские монеты. Между тем уже с первой четверти XIII столетия ходили слухи о том, что серебро и медь есть на далекой северной речке Цильме. Для поисков и разработки серебряной и медной руды Иван III весной 1491 г. отправил на Цильму большую экспедицию. В ней участвовали специалисты по поиску и выплавке руды из Германии, присланные императором Максимилианом по просьбе Ивана III. Руководили экспедицией Андрей Петров и Василий Иванов Болтин. К лету посланцы прибыли в Печорский край. Поиски увенчались успехом - была найдена серебряная и медная руда. Особенно значительным было месторождение меди: “...а места того, где нашли, на десяти верстах”. Осенью рудоискатели вернулись в Москву. 1491 год принято считать началом горнометаллургического промысла в Московском государстве.

В 1492 г. Иван III послал на Цильму вторую экспедицию - Мануила Ралева, Ивана Брюхо Кузьмина Коробьина и уже знакомых с местностью А.Петрова и В.И.Болтина. В состав экспедиции входили “мастеры из Италии” (они должны были “серебра делать и меди”) и 240 русских рабочих с Северной Двины, Пинег и Устюга (“делавцы, кому руда копати”). А чтобы снабжать их продовольствием, определили еще “пермич, и вымич, и вычегжан, и усолч сто человек”. На Цильме были заложены рудники, поставлены плавильные печи. Выплавленный металл по рекам и волокам отправляли в Вологду, а оттуда в Москву. Серебряные руды оказались, однако, слишком бедными для их разработки. А вскоре прекратилась и добыча меди - очень трудно было снабжать рудокопов и вывозить добытую руду, да и сезон добычи был весьма короток. К тому же мешали налаживанию дела враждебные отношения печорской самояди и вогулов. (Много позже предпринимались новые попытки поиска и разработки меди и серебра на Цильме. Внук Ивана III Иван Грозный посылал И.Ф.Шишкина на Северную Двину, чтобы там “людей взяти, итти на Цильму руды копати”. Шишкин “руды копал”, но та “не добра бысть”. Появлялись на Цильме рудоискатели в 1620, 1667-1668 гг. и еще позднее - в 1839 и 1841 гг. попытался разведать давно забытую медь купец Рязанцев, небольшая экспедиция побывала там в 1867 г., объявлялись искатели меди в 1894 и 1896 гг. Но труднодоступность месторождений делала их разработку невыгодной. Сведения о цилемских залежах были известны и в Европе, правда, в несколько преувеличенном виде. В книге голландца Н.Витсена “Северная и Восточная Татария”, вышедшей в 1692 г. и содержащей сведения о Печорском крае, отмечалось: “На реке Цильма находят руду, содержащую, как говорят, много золота, серебра и меди”.

Решающий шаг в присоединении Печоры к Русскому государству был сделан в 1499 г. Тогда “повелев князь великий Иван воеводам своим князю Петру Ушатому да князю Семену Курбскому да Василью Бражнику” с большим войском идти покорять Печору и усмирять отказывавшихся признавать великокняжескую власть вогулов. П.Ушатай “с вологжаны, двиняны, важаны” по Пинеге, Коле, Мезени и Пезе добрался до Цильмы и Печоры. Воины П.Ушатого, как сообщает летопись, “идучи самоядцов за великого князя привели”. Затем в низовья Печоры прибыли другие русские дружины и отряд Петра и Федора Вымских (“вычегжаны, вымичи, сысолечи 700 человек”). Здесь, близ современного г.Нарьян-Мара, “на Пусту” был построен укрепленный городок Пустозерск, ставший опорным пунктом Русского государства на крайнем Северо-Востоке Европы. Среди его строителей и первых обитателей были русские и коми.

Проведя в Пустозерске осень, воеводы выступили за Урал против вогулов и “шедшу пеши зиму всю, ...земли их воеваша”. Во время зимнего похода 1499-1500 гг. погиб князь Петр Вымский, но в целом экспедиция оказалась успешной: “князей ослушников” взяли в плен и отвезли в Москву, а прочих вогулов

заставили поклясться в верности великому князю и дать обещание не нападать на его подданных в Коми крае. С этого времени Печорский край вошел в состав Русского государства.

Пустозерский городок стал постепенно расти. В 1502 г. великий князь направил туда князя Федора Вымского - “правити на Пусте-озере волостью Печорою”. В Вычегодском крае князья-наместники были ему уже не нужны, поскольку земли коми перестали быть “порубежными”. Теперь нужно было укреплять новые северо-восточные рубежи. Вскоре, в 1505 г., расстался с должностью великопермского наместника и родственник князя Вымского князь Матвей Михайлович.

Очерк III. КОМИ КРАЙ В XVI-XVII ВЕКАХ **Наращение трудностей в историческом развитии коми народа**

XVI и XVII столетия были одним из самых сложных периодов в истории коми народа. В немалой степени под влиянием феодальной Руси в Коми крае развивались и упрочивались территориально-соседские связи, завершился переход от родового строя к раннеклассовому обществу. На смену территориально-племенным объединениям пришли чисто территориальные, “земляческие” связи, объединявшие жителей одного или нескольких близлежащих селений (небольшие группы селений именовались погостами или волостками). Погосты и волостки, в свою очередь, входили в состав более крупных территориальных образований - земель или волостей. Границы земель-волостей в основном совпадали с рубежами предшествовавших им территориально-племенных объединений. На основе последних в XV-XVI вв. сформировалось большинство основных этнографических групп коми, имеющих своеобразные черты в материальной и духовной культуре: нижневыхгодцы (эжватас), вымичи (емватас), прилузцы (пермяки, затем лузсаяс), сысольцы (сыктылса), которые сложились на основе сысольских зырян и ужгинских сирян, и наконец, удорцы (удораса). Это было началом формирования народности коми, происходившего в очень трудных условиях.

Шли годы, а приток русских переселенцев на Север и в Коми край не ослабевал. В XVI в. русские стали большинством жителей на нижней Вычегде, нижней Лузе, Пинеге и нижней Вашке. В 1542 г. новгородец Иван Дмитриевич Ластка получил разрешение построить слободу на Печоре, в устье р.Цильмы. Если бы переселения русских крестьян продолжались в столь же больших размерах и далее, то это могло бы привести к постепенному обрусению прилузских, вычегодских, а затем и живших в других районах коми.

Русских переселенцев вынуждали уходить на Северо-Восток самые разные причины. Рост крупного землевладения в центральных районах Русского государства сопровождался закрепощением крестьян. Нежелавшие попадать в крепостную зависимость люди бежали на Север, свободный от феодалов. Однако и там, в Подвинье, начала ощущаться нехватка пахотных земель, и крестьяне шли дальше на восток - на Вычегду, Лузу, в бассейн Мезени, на Печору... Кроме того, в XVI в. проявилось расслоение северного крестьянства (особенно явственно обозначившееся в XVII столетии): часть жителей нищала, лишалась земли и угодий, переходивших к более зажиточным односельчанам, и вынуждена была покидать родные места, чтобы искать счастья в других районах, и, в частности, в соседнем Коми крае.

Появление там многочисленных иноязычных переселенцев с иным культурно-бытовым и хозяйственным укладом создавало трудности для развития коми народа, в первую очередь, для традиционного местного охотничье-рыболовческого хозяйства. Охота и рыбная ловля являлись древнейшими занятиями коми. Они давали жителям не только пищу, но и материалы для изготовления одежды, обуви, орудий труда, оружия и т.д. Но по мере увеличения численности населения возникли проблемы: требовалось добывать все больше зверя, птицы, рыбы. Нужны были новые охотничьи и рыболовные угодья, а вблизи селений найти их было уже очень трудно. Охотники в поисках добычи вынуждены были уходить все дальше и дальше от дома, на длительный срок. В конце концов, в старожильческих районах не осталось свободных промысловых угодий. Начался перепромысел зверей: их становилось все меньше. Земледельческая колонизация Северо-Востока русскими крестьянами усугубляла положение.

Разумеется, и в хозяйстве коми роль земледелия к XVI-XVII вв. возросла благодаря относительно более мягкому климату первой половины II тысячелетия н.э. Но со временем удобные для земледелия площади по берегам рек в заселенных районах были заняты. Нужно было расчищать пашню в лесах, однако несовершенство существовавших орудий труда делало такие расчистки слишком трудоемкими. Земли стало не хватать. Ощущался и недостаток сенокосных угодий, необходимых для содержания коров, лошадей, овец, коз (значение животноводства в хозяйстве коми к этому времени также заметно выросло).

Трудности в сельском хозяйстве усугублялись изменениями в климате. Наступил так называемый малый ледниковый период. Температура понизилась, частыми явлениями стали различные стихийные бедствия (ранние заморозки, засухи или чрезмерно обильные дожди, град и т.п.). Это приводило к неурожаю, подрывавшим хозяйство коми крестьянина, вызывавшим голод и высокую смертность населения. “Лега 7110 (1602 г. - авт.) много людей государевых померло, потому в Руси голод великий был два лета. Пермяки многие в голод тот разбрелись вятским и сибирским городам, а инии померли с неядения”, - рассказывает об этих трагических событиях летопись. Полны сообщениями о “хлебном недороде” и “хлебной скудости” документы 30-40-х годов XVII в.

В поисках новых промысловых и сенокосных угодий и пахотных земель коми переселялись в соседние необжитые или слабозаселенные районы. Быстро росло население Пустозерского городка в

низовьях Печоры. В 1575 г. там насчитывалось “русских и пермяцких 144 двора, а людей в них русаков и пермяков 282 чел.” (имелись в виду только взрослые мужчины). Около трети жителей составляли коми - выходцы с Удоры, Выми, Вычегды, Немьюги и, возможно, Сысолы. (Коми жили в Пустозерске и позднее; лишь в течение XVIII в. они растворились среди русских пустозерцев).

Часть коми, живших на Выми, в I половине XVI в. переселилась на верхнюю Мезень, где появились Глотова слободка (Глотова), Кослан (первое упоминание об их существовании относится к 1554 г.) и другие селения (в частности, впервые упомянутые в 1586 г. Буткан, Разгорт, Верхний Выльыб). Здесь сформировалась группа глотовских коми, имевших определенные отличия в языке, культуре и быте от соседей-удорцев. В последующее время эти различия в значительной мере стерлись, и сложилась единая удорская этнографическая группа коми. Этому способствовали переселения с Вашки на верхнюю Мезень. Чуть позже выходцев с Выми здесь появились несколько семей с Вашки, которые основали д.Чернутьево и починок Пысса (упомянутые в документах в 1608 г.). Позднее появились и другие населенные пункты, где поселились выходцы с Вашки.

Между 1567 и 1576 годами появилось первое из ныне существующих коми селений на р.Ижме - Ижемская слободка (современное с.Ижма). Тут поселились коми - переселенцы с Выми и верхней Мезени, к которым затем присоединились русские из Усть-Цильмы и ненцы. Так начала складываться наиболее своеобразная из групп коми - ижемская (изъватас). Природные условия новоосваивавшихся регионов были менее благоприятны для земледелия. Жители мезенских селений жаловались, что “земля у них худа, хлеб не родится и мороз поборяет”, так что им приходилось заниматься в основном промыслами и животноводством (хотя не прекращались и занятия земледелием). Такая же ситуация складывалась в Ижме и Усть-Цильме. Жители последней, говорится в документе того времени, “пашенки в ыной год пашут, а в ыной год и не пашут, потому что морозом убивают”. Если в южных районах Коми края выращивались рожь, ячмень, овес и пшеница (последние, впрочем, в небольшом количестве), то на севере сеяли только наиболее неприхотливые ячмень и рожь. Ижемские коми с XVII в. стали понемногу заниматься оленеводством, переняв его у ненцев.

В XVI в. началось освоение района в устье р.Сысолы. Коми переселялись сюда из сысольских селений (из Шошки и других); позднее тут появились переселенцы с нижней Вычегды. Один за другим возникали погост Усть-Сысола, Выльгорт, Зеленец, слободка Шульгина (будущее с.Слобода на месте современного Эжвинского района г.Сыктывкара), Пезмог, Маджа. Точная дата их возникновения не известна, а первое упоминание об их существовании относится к 1586 г.

Дальнейшим переселениям коми на восток и северо-восток (вверх по Вычегде и на Печору) препятствовали враждебные отношения с вогулами и самоядью, а переселениям на юг (в частности, на Летку) - с вятичами. Поэтому, например, Ижма и Усть-Цильма длительное время оставались единственными населенными пунктами в Ижмо-Печорском крае в пределах современной Республики Коми. К тому же в условиях непрекращавшегося притока русских переселенцев на Европейский Северо-Восток освоение коми народом новых районов могло принести только временное улучшение положения: спустя какое-то время русские крестьяне, гонимые обстоятельствами, неизбежно появились бы и в новых местах обитания коми. В Пустозерске русские составляли большинство населения, селились они и на верхней Мезени.

Кризисные явления в историко-демографическом развитии народа коми постепенно углублялись и достигли своего пика в I половине XVII в. В середине XVI столетия в Коми крае (бассейн Вычегды, верхней Мезени, нижней Печоры, Лузы и Вашки) проживало 19-21 тысяча человек, из них 10-12 тысяч коми, а остальные русские. Последние жили, главным образом, на нижней Вычегде - за пределами современной Республики Коми (в тот период на нижней Вычегде проживало смешанное русско-коми население, но преобладали русские), а также на нижней Лузе и нижней Печоре и в Усть-Выми. На рубеже XVI-XVII вв. уменьшилось население в нескольких погостах на Сыsole и нижней Вычегде. Несмотря на это, ко второй половине 1620-х гг. численность жителей увеличилась примерно до 28-30 тысяч коми и русских. Но длинная череда тяжелейших неурожаяев 30-40-х годов XVII в. вызвала страшный голод, и в середине 40-х годов в крае осталось около 25 тысяч жителей. Уменьшилась численность населения в Вычегодской, Сысольской, Удорской землях, в вотчине епископов. Особенно пострадали вымские селения и Лузская Пермца; там число обитателей сократилось почти наполовину. В небольшой Вилегодской Пермце осталась лишь пятая часть жителей...

Переход к стабилизации историко-демографического развития

Период тяжелейших испытаний, выпавших на долю народа коми, оказался, к счастью, не слишком продолжительным. Мало-помалу положение стало меняться к лучшему. После вхождения во II половине XVI в. в состав Русского государства Казанского и Астраханского ханств, укрепления там власти московских государей появилась возможность для освоения Поволжья, нижней Камы и нижней

Вятки русскими. А после того, как рухнуло под ударами “государевых ратей” Сибирское ханство, перед русскими крестьянами открылись просторы Сибири и Приуралья.

Эти более богатые по сравнению с Коми краем (страдавшим к тому же от сильнейших неурожаев) земли привлекли внимание множества людей. Сотни и тысячи переселенцев с Русского Севера (а именно они составляли большинство тех, кто осваивал Сибирь в XVII в.), минуя Коми край, устремились за Урал. В последней четверти XVII в. в Сибири насчитывалось около 130 тысяч переселенцев из Европейской России, примерно две трети которых проживали в самом западном Тобольском регионе, по соседству с Коми краем. Что было бы с коми народом, если бы всего лишь четверть от этого числа поселилась в Коми крае, где в середине XVII в. насчитывалось всего 15-16 тысяч коми?..

С началом массового освоения русскими Вятско-Камского региона, Поволжья и Зауралья в XVII в. на территорию Коми края стало приходить все меньше переселенцев из русских регионов. Границы между территориями расселения коми и русских на западе и северо-западе в XVII в. постепенно стабилизировались там, где они пролегают и поныне - по с. Спаспоруб на Лузе, у с. Межег на нижней Вычегде, близ д. Коптюги на Вашке и д. Латьюги на Мезени. Жившие западнее отдельные группы коми в течение XVII-XVIII вв. постепенно смешались с русскими.

Установление прочного контроля московских царей над Приуральем и Вятским краем способствовало налаживанию мирных взаимоотношений между жившими там народами. Коми получили возможность переселяться на восток и юг, не опасаясь враждебности соседей. В первой четверти XVII в. коми из прилузских селений стали осваивать берега р. Летки. К 1625 г. там появились деревни Летка, Кочергинская, Слудка и некоторые другие небольшие починки, а в конце XVII - самом начале XVIII вв. к ним добавились Прокопьевка, Талица, Черемуховка, Березовка, Королевская. Со временем здесь оформилась группа летских коми, говорящих на одном диалекте коми языка с прилузцами, но обладающих своеобразными чертами материальной и духовной культуры.

Огромные изменения произошли в XVII в. в расселении коми на верхней Вычегде. В 1608 г. последним населенным пунктом коми на Вычегде являлся Пезмог, да на Вишере располагались погост Вишера (Богородск) и д. Большелуг. К 1628-1629 годам появились Сторожевск, Небдино, Сюзяыб, основанные, вероятно, выходцами с Вишеры и Выми, к которым позднее присоединились переселенцы с нижней Вычегды и Сысолы. К 1646 г. возникли Корткерос, Усть-Кулом, Усть-Нем, Керчомья, Кужба, к 1678 г. - Руч, Деревянск, Аныб и еще 25 населенных пунктов. Среди их первооселенцев были выходцы из самых разных районов Коми края. Например, в Деревянске поселились люди из трех сысольских селений, из д. Парчег на Вычегде, а также с Лузы, Удоры и Вишеры. К началу XVIII в. населенные пункты имелись уже на всем протяжении Вычегды вплоть до верховьев. В ходе освоения этого района на основе переселенцев из всех частей Коми края начала формироваться этнографическая группа верхневыхгодских коми (ее сложение завершилось в следующем, XVIII столетии). Во второй половине XVII в. началось заселение коми верхней Печоры: в 1674 г. выходцы с Лузы, Сысолы и Удоры основали здесь первое поселение - починок Кузьминский (современный Троицко-Печорск).

Несмотря на значительное расширение заселенной территории, основная часть населения Коми края оставалась в старожильческих районах. Первые сведения о большей части расположенных там населенных пунктов относятся к концу XVI - началу XVII вв. На Сыsole в 1586 г. имелись Шошка, Пажга, Гарья, Лозым, Межадор, Койгорт (Койгородок), Грива, Вильгорт, Кибра (Куратово), Визинга и др., на нижней Вычегде в 1586 г. - Гам, Жешарт, Шежам (часть современного Айкино), Римья и др., на Выми в 1608 г. - Онежье, Весляна, Ляли, Кошки и т.д., на Удоре в 1608 г. - Кривой Наволок (Кривое), Ертом, Коптюга и др., на Лузе в 1620 г. - Лойма, Спасский погост (Спаспоруб), Обьячево, Ношуль, Спириная (Зануль), Ивановская (Черныш) и т.д.

Во второй половине XVII в., после того как прошел пик малого ледникового периода, климат начал понемногу меняться в лучшую сторону, стал более устойчивым, мягким, удобным для ведения сельского хозяйства. Конечно, сильные неурожаи порой случались - например, на рубеже 70-80-х гг. и в 90-х гг. XVII в. довольно сильно пострадали от них прилузские крестьяне. Но несмотря на это, численность населения Коми края в целом стала довольно стабильно увеличиваться. В конце 70-х годов XVII в. в Коми крае была примерно 31 тысяча жителей, из них 18-20 тысяч коми. В пределах современной Республики Коми, впрочем, русских тогда было очень мало: они жили только в Лойме, частично в Спаспорубе, а также в Усть-Цильме, Усть-Выми и на Сереговском солеваренном промысле. Всего в этих селениях насчитывалось не более 1,5-2 тысяч русских.

В конце XVI - начале XVII вв. на севере Русского государства были образованы новые административно-территориальные округа - уезды во главе с воеводами. Лузская Пермца (Луза и Летка) находилась в составе Сольвычегодского уезда, нижняя Печора и Ижма составляли Пустозерский уезд. Основная часть Коми края (бывшая Пермь Вычегодская, за исключением верхней Камы и низовьев Вашки, переданных в другие уезды) составила Яренский уезд. Он включал в себя селения по Вычегде

(кроме низовьев), Выми, Сыsole, средней и верхней Вашке, верхней Мезени и верхней Печоре. Яренский уезд состоял из нескольких земель: Вычегодской, Плесовской, Удорской, Сысольской, Вымской (из нее в середине XVII в. выделились Верхневычегодские волости), Ужгинской и Усть-Вымской вотчины епископов (центр епархии в 1564 г. был переведен в Вологду). Часть земель пользовалась значительной автономией от уездного воеводы. Большинство земель делилось на погосты и волости. Земли управлялись сотниками, которым подчинялись старосты и целовальники.

Торговые пути. Ремесла и промыслы. Сереговский сользавод

Через Коми край проходили два важных торговых пути. Один, “Чрезкаменный”, шел по Вычегде, Выми, Ижме и Печоре через Уральские горы в Сибирь. Другой путь связывал Русский Север (в частности, Архангельский морской порт) через реки Лузу и Летку с Вятской землей, откуда в северные уезды поступал хлеб. На этих путях в Коми крае появились свои торговые центры: Туглим на нижней Вычегде, Турья на Выми и Ношуль на Лузе. Там торговали хлебом, пушниной, продукцией животноводства, солью, рыбой и другими товарами. Некоторые жители Коми края стали заниматься торговлей в довольно крупных размерах. Со второй половины XVII в. известными торговцами стали представители усть-сысольской семьи Сухановых. Л.Д.Суханов в 80-х годах ездил с пушниной в Устюг, Москву и другие города. Его сын А.Л.Суханов в 1696 г. торговал в Сибири на Ирбитской ярмарке “русскими” товарами - сукном, полотном, шелком и т.п., а покупал соболей и другую пушнину. Нижневычегодские торговцы С.Шаньгин и Г.Осколков ездили по торговым делам в Китай, привозили оттуда товары. Ношуль стал центром речного судостроения. Здесь каждую зиму строились барки для весеннего сплава с товарами из Вятской земли. Накануне открытия весенней навигации в Ношуль съезжались торговые люди, заинтересованные в сплаве своих товаров по Лузе, и покупали суда. Особенно много было вятчан, посылавших хлеб и другие товары в Архангельский порт.

На средней Печоре на речках Сопляс и Воя в XVII в. существовал довольно крупный для того времени промысел по производству точильных изделий. Разработку промысла вели верхневычегодские крестьяне, которые изготавливали и продавали точила и бруски. Изделия имели довольно хорошее по тем временам качество и потому пользовались спросом в Коми крае и на рынках Сольвычегодска, Устюга, Прикамья и Поволжья. Занимались в Коми крае и другими ремеслами - главным образом, кузнечным и плотницким. Развитое кузнечное производство было на Сереговском солеваренном заводе, немало кузнецов было и в других местах. Кузнецов из Коми края посылали для работы даже в Москву. Местные умельцы использовали для выплавки чугуна и выковки железа болотную железную руду. Среди коми крестьян были также портные, овчинники, шерстобиты, гончары, красильщики (которые красили сукно и холсты), бондари, сапожники и даже “серебряники” (ювелиры) и “иконники”. Некоторые ремесленники владели двумя специальностями. Но для большинства из них ремесло являлось подсобным, временным занятием, а главным оставались охота, рыболовство, земледелие (сеяли, в основном рожь и ячмень, постепенно переходя от лесного перелога к более прогрессивным формам земледелия - сошной обработке и трехполью), животноводство (разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, а в Прилузье - еще и свиней; пустозерские коми с конца XVI в. стали понемногу заниматься оленеводством, а у ижемцев первые стада появились в середине XVII в., причем первое время коми нанимали пасти оленей опытных в этом деле ненцев).

Наибольшее развитие получил Сереговский солеваренный промысел на Выми. Месторождения соли под Сереговой горой были известны издавна и использовались местным населением. В 1583-1584 гг. крестьяне В.Ю.Серегов и Д.Л.Серегов продали принадлежавшие им земли под Сереговой горой А.В.Строганову - представителю знаменитой семьи промышленников Строгановых. Он еще в 1582 г. получил от Ивана Грозного жалованную грамоту на “дикое место по Выми реке” и разрешение искать “в тех диких местах россольные места”, ставить варницы, “пашню распахивать и лес расчищать”. В 1586 г. А.В.Строганов выхлопотал у царя Федора разрешение поставить “на своей купленной земле по реке по Выми под Сереговскою горою” варницу, амбар и рассольные трубы для того, чтобы варить соль.

Однако дело у него не заладилось, и в начале XVII в. на этом же самом участке стояла солеварня, которой владели зажиточные княжпогостские крестьяне Опарины. Соли новые хозяева вываривали немного. В 1608 г. на солеварне работал только один человек. В 1628 г. солеварня стояла пуста. В 1637 г. наследники Опариных продали участок с двумя соляными трубами и варничными местами крупному торговцу Данилу (Даниилу) Григорьевичу Панкратьеву из г.Галича.

С именем нового владельца и связано возникновение Сереговского сользавода - первого промышленного предприятия на территории Коми края. Д.Г.Панкратьев стал расширять промысел,

скупил несколько земельных участков, принялся строить новые варницы. В 1652 г. их было уже пять. Чтобы платить поменьше налогов, Панкратьев утаивал сведения о вываренной соли. Сам он жил в Москве, и приказчики на расспросы проверяющих, присылавшихся властями, отвечали, что все документы о работе промысла отправлены хозяину. Строгановы, узнав об успешной деятельности Д.Г.Панкратьева, решили заявить свои права на промысел. В 1657-1658 гг. начался длительный судебный процесс между Строгановыми и Панкратьевыми. Сын первого заводовладельца Иван Панкратьев заявил, что прежде “это место было пусто. Отец его, Данило, многие годы искал соляного раствора и многие свои пожитки в том издержал”. В 1670-1671 гг. суд решил дело в пользу Панкратьевых.

Завод продолжал расти. В 1675-1676 гг. на нем было 6 варниц. У варниц жили крепостные И.Д.Панкратьева - поляки, карелы и русские. Там же находились 27 изб работных людей, где жили трубники, солевары, кузнецы и другие работники с Ваги и нижней Мезени, из Тотьмы, Соли Вычегодской, Соли Галицкой и вымских селений. На промысле находилось 10 амбаров “соляных и запасных”, три лавки, “а в них торгуют приезжие люди розных городов”. Панкратьеву принадлежали две мельницы. На средства заводовладельца были построены две церкви, приобретены “колокола и книги и всякая церковная утварь”.

Расцвет промысла пришелся на конец XVII в. В 1684-1685 гг. число варниц возросло до десяти, в 90-х годах их стало 13. Если в 50-х годах вываривалось до 500 тонн соли ежегодно, то в 90-х годах до пяти тысяч тонн в год. Сереговский солеваренный завод стал одним из крупнейших в России солеваренных предприятий. Соль на заводе получали из рассола, добывавшегося через рассолоподъемные трубы (скважины) путем вываривания в цренах (больших железных противнях) и сушки в крупных деревянных ящиках - ларях. Все необходимое для нормальной работы промысла покупалось в Вологде. На заводе было занято около 200 постоянных рабочих из вымских и других селений Коми края и из-за его пределов. Зарплата для некоторых категорий работников (водолей, солонос, подварок - помощник солеvara) была несколько ниже, чем на других солеваренных заводах страны. Выдавалась она не всегда регулярно, иногда вместо денег рабочие получали соль. О нехватке средств приказчик сообщал владельцу: “Люди твои...платьем и харчами оскудели, а дать нечего”.

На распиловку и вывозку дров для завода привлекалось до тысячи (а иногда и более) окрестных крестьян. До 700 человек занимались вывозкой соли в Вологду - на главный рынок сбыта сереговской соли. Ежегодно туда отправляли пять-семь больших судов с солью (с 70-х годов XVII в. строительство судов осуществлялось при заводе). Сереговской солью торговали также в Москве, Архангельске, Устюге, Вятке, на местных рынках Коми края. Временные рабочие часто уходили с завода в самое нужное для производства время. Чтобы обеспечить завод устойчивым источником рабочей силы, Панкратьевы добились в 1700 г. (правда, ненадолго) приписки к заводу крестьян вымских селений. Заводчики платили за них налоги, а крестьяне заготавливали для промысла дрова.

Появились у Панкратьевых и конкуренты. Соловецкий монастырь во второй половине XVII в. получил в свое владение д.Удор на Выми и решил основать тут свой промысел. Панкратьевы всячески препятствовали этому, и монахам так и не удалось построить варницу. В 1672 г. купец Е.И.Филатьев начал покупать земли по соседству с промыслом Панкратьевых и к 1678 г. наладил работу своего небольшого промысла. Борьба между конкурентами велась весьма остро. В переписной книге 1678 г. сказано, что приказчик Филатьева на спорной земле “построил двор насильством, да 4 избы работничьих, да завел насильством соляную трубу для завладенья, чтоб лутчею землею без делу завладеть”. В 1684 г. И.Д.Панкратьев жаловался на “старцев” Соловецкого монастыря и приказчиков Е.И.Филатьева, что “они людей его, ...которые шли из усолья на мельницу, из луков стреляли и бердышами рубили, и рогатинами кололи, и человека ево...застрелили до смерти, четырех человек ранили и работничьих 5 дворов сожгли”. Кроме того, соперники сжали и увезли с принадлежавших Панкратьеву полей хлеб. Судебное дело, которое возбудил И.Д.Панкратьев, решилось в его пользу. Возможно, не обошлось без взяток влиятельным людям - на этом настаивал приказчик Панкратьева, уговаривавший хозяина не жалеть на это денег, поскольку Сереговский промысел, мол, все окупит. После этого конкуренты Панкратьева примирели.

Участие коми в борьбе против польских захватчиков

С вхождением в состав Русского государства Коми краю и его жителям пришлось перенести и все тяготы, выпавшие на долю русского народа. Трудным временем оказалось начало XVII в. Польские феодалы решили воспользоваться “смутой” на Руси, вторглись в русские земли, захватили огромную территорию, грабили население. На севере Русского государства для борьбы с интервентами и их

пособниками-тушинцами (их лагерь находился в Тушино под Москвой) собирались войска. Самое непосредственное участие приняли в этом жители Коми края.

В 1606 г. отряд ратных людей, включавший вычегжан, вымичей, удорцев и сысольцев, отправился к Москве и принял участие в борьбе против поляков. В декабре 1608 г. в Коми крае получили просьбу собрать “на государево дело” ратных людей, и вскоре дружина вымичей, вычегжан и сысольцев отправилась на защиту Соли Галицкой, которой угрожали тушинцы. В разоренных войной районах войско страдало от недостатка людского и конского корма. В самом конце 1608 г. тушинцы разбили рать северных городов, захватили Кострому. Но в начале следующего года было собрано новое войско, для участия в котором тоже прибыли коми ратники. Тушинцы были разбиты, Кострома освобождена.

Посылка ратников в Москву продолжалась и позднее: в марте 1609 г. 66 “вымских ратных людей” во главе с Иваном Григорьевым были отправлены в полки князя М.В.Скопина-Шуйского; трое из них к концу года погибли в боях. В том же году “шли люди ратные...вычегжаны, вымичи, сысоличи под Еранск и другие города Вятские от русских воров (изменников - авт.) и литовских (польских - авт.) людей обороняти”.

В 1610 г. еще 60 сысольских, вымских и вычегодских ратников отправились в войска Скопина-Шуйского, сражавшиеся на севере Руси. В 1611 и 1612 гг. представители коми народа приняли участие в борьбе народных ополчений против интервентов за освобождение Москвы (в частности, в 1611 г. в Ярославль в ополчение были посланы “ратные люди 50 человек”). В октябре 1612 г. князь Дмитрий Пожарский, вместе с Кузьмой Мининым возглавлявший российское ополчение, лично отправил послание в Коми край, яренскому воеводе, в котором сообщал о разгроме поляков под Москвой.

Но война на этом не кочилась. В 1613 г. военные действия шли совсем рядом с Коми краем - в низовьях Вычегды у Сольвычегодска. “Приступил к Вычегодские Соли с воровскими людьми литовский ватаман Якуп Яцкий с три тыщи человек”, - рассказывает летопись. Город был взят и сожжен, его немногочисленные защитники погибли. Небольшая дружина (60 человек) из Коми края, отправленная на подмогу соседям, опоздала: не дойдя 20 верст до горящего Сольвычегодска, ратники увидели “дым до небес”, поняли, что город пал, и вынуждены были вернуться. В 1614 г. жители Коми края ожидали нападения польского воеводы Лисовского, захватившего Вельск, Холмогоры и осадившего Устюг. Но Устюг ему взять не удалось, и поляки отступили, не дойдя до Коми края. В 1618 г. воевода Лисовский вновь привел войско на север, захватил Каргополь и Холмогоры, осадил Вологду. “Вычегжаны и вымичи и сысолены уездные люди” готовились к отражению нападения поляков, но те снова не дошли до Коми края: “Божией милостию Вычегодские места убереглися от супостатов”, - заметил по этому поводу летописец.

Переселения коми за пределы края

Таежные просторы, лежавшие за Каменным поясом (Уральскими горами), издавна были ведомы коми. В поисках пушнины коми охотники надолго покидали родные места и уходили в Западную Сибирь, живя там в поставленных среди тайги зимовьях (несколько таких зимовий обнаружили в начале XVII столетия русские служилые люди, назвавшие их “зырянскими городками”). В Нижнем Приобье были известны Уркар (“беличий город”) и Войкар (“северный город”) - центры торговли с зауральскими ненцами, ханты и манси.

Упомянувшиеся трудности в хозяйственном развитии вызвали сильный отток населения в более благоприятные для жизни регионы. Жители Прилузья уходили в соседнюю Вятскую землю и даже дальше, в Казанский уезд. Многие выходцы с Сысолы и из некоторых других районов переселялись на Каму, где появились деревни с характерными названиями “Зыряновская”, “Зырянка” и т.п. (зырянами стали называть коми, и это название употреблялось до 1920-х годов).

Но больше всего людей ушло из Коми края в Сибирь. Коми сыграли важную роль в присоединении Сибири и Дальнего Востока к России. Как лучшие знатоки ведущих туда путей, коми (40 человек) стали проводниками в отряде Ермака, со знаменитого похода которого началось присоединение Сибири. Коми были в числе первых жителей многих сибирских городов, возникших в конце XVI-XVII вв. Раньше других, в 1586 г., возникла Тюмень, со строительства которой началось прочное освоение Сибири. В числе обитателей города в I четверти XVII в. были стрелец Семейка Зырян, посадские люди Федоска Иванов Вычегжанин и Якунька Сысолич, крестьяне Васька Иванов Зырянин, Прошка Елистратов Вымич и выходцы из Коми края.

В 1587 г. был основан Тобольск, ставший на долгое время столицей Сибирского края. Летопись рассказывает: “Лета 7095 (1587 г. - авт.) князь великий Феодор повелел взяти в новый городок Тобольск

из вычегодские и вымские пермяки в служилые люди пять десят и с жоны и с детми”. В начале XVII в. одна из улиц Тобольска носила название “Зырянская”. На ней располагались дворы казаков Ивашки Вычегжанина, Томилки Вычегжанина и других. Во второй половине XVII в. в Тобольске жили стрелецкий пятидесятник Васька Зырян и десятки служилых и посадских людей из Коми края: Якушко Вычегжанин, Марк Зырян, Савка Зырян, Васька Пуртов, Семейка Юркин, Тимошка Лузенин, Федька Сысолетин, Васька Выметин, Федька Чупров и др.

Затем появились города на путях, связывавших Сибирь с Европейской частью страны. В 1590 г. был построен Лозьвинский городок, куда отправили по царскому указу шесть “судоделавцев” строить суда для плаваний по сибирским рекам. В 1593 г. возникли Пелым и Березов: ”Лета 7101 (1593 г. - авт.) повеле князь великий Феодор послати пермяки вычегжаны и вымичи на Пелынь и Березов городки строити”, - рассказывает летопись. “Пермичи и вымичи” упомянуты в царском наказе князю П.Горчакову, посланному строить Пелым, среди участников его похода. В их числе, вероятно, находился Андрей Енгрирев из вымского погоста Шошки - в писцовой книге говорится, что он “взят на Березов в казаки” в 1593 г. Немало выходцев из разных селений Коми края было среди жителей Березова в начале XVII в. Нечайка Петров был “взят на Березов в казаки” в 1600 г. из Турьи, Митька Алексеев “збежал на Березов” в 1601 г. из Коней. В 1595 г. в низовьях Оби был основан город Обдорск, само название которого (как и реки Обь) имеет коми происхождение. В 1597 г. была открыта новая дорога в Сибирь, ведшая с Камы на верховья р. Туры. В 1598 г. там построили г. Верхотурье. В 1635-1636 гг. среди “гулящих людей” Верхотурского уезда было 242 коми - с Вычегды, Выми, Лузы, Сысолы...

После закрепления на ведущих “за Камень” дорогах началось продвижение переселенцев вглубь Сибири. На рубеже XVI-XVII вв. на р. Таз, впадающей в Северный Ледовитый океан восточнее Оби, появился г.Мангазея, основанный “служилыми людьми...и зырянами”. Царь специально указал отправленным туда воеводам: “Взять...в вожи зырян торговых людей и вымич на все суда, сколько человек пригоже, которые б Мангазейский ход знали и толмачить (переводить - авт.) умели”.

Продвижение вверх по Оби от устья Иртыша началось со строительства в 1594 г. г.Сургута. В числе его первых жителей был Нефед Савельев из погоста Вездынь (Вездино). Через два года был основан Нарымский острог, где в 1620-х годах жили два вымича и сыsoleц, а около 1602 г. упоминаются жившие там коми: “Я со служивыми людьми и зыряны хоромы перенес”. Для защиты южных границ на Иртыше в 1594 г. построили г. Тару. Среди тех, кто оборонял его от набегов татар, были пеший казак Петрушка Васильев Зырян и конный казак Спиридон Зырян. В 1604 г. царь Борис Годунов отправил воевод строить г.Томск и дал им наказ: “В новом Томском городе ... пашню устроить, ...а пашенные люди прибрати из зырян”. В 1680 г. в Томске находились 83 служилых человека, которые (или родители которых) пришли туда из Коми края, среди них 27 вычегжан, 16 вымичей, 16 сыsoleц, 3 лузянина.

В 1610 г. был основан Енисейский острог. Спустя 10 лет в Енисейском уезде находилось 249 промышленных людей (“промышлявших” пушного зверя), пришедших с Сысолы и Вычегды, Вашки и Мезени, Выми и Лузы. В Иркутске во второй половине XVII - начале XVIII вв. жили С.Кириллов из Усть-Выми, А.Чупров из Усть-Цильмы, И.Кушманов, Е.Зырян, Л.П.Лузин, вычегжане А.Зотов, И.В.Кочюров, М.Лукиянов. В Нерчинском остроге в конце XVII в. находились С.Чукмасов, В.И.Чупров, Н.Чупров, И.Г.Пермяк, в Селенгинске - С.Сысолетин и П.Зырян. Много выходцев из Коми края было в 1671 г. среди жителей Красноярска - казаков, стрельцов, посадских людей и крестьян. Многие возникшие в Сибири деревни носили коми названия: Зырянка, Зырянская, Гутова, Таскаева, Полева, Гилева и др. На рубеже XVII-XVIII вв. только в южной части Западной Сибири в 69 из 120 переписанных деревень встречены коми фамилии: Гилев, Бараксанов, Сысолетин, Выметников и т.п.

Мало-помалу переселенцы освоили низовья Иртыша, Обь, Енисей и лежавшие между ними территории и вышли к р.Лене. В 1632 г. был основан Ленский острог (Якутск), ставший опорным пунктом дальнейшего продвижения на северо-восток. В середине и второй половине XVII в. среди служилых людей Якутска были Е.С.Вычегжанин, М.С.Сыsoleятин, Н.Л.Колегов, Н.Габышев, И.Тарабукин, несколько казаков носили фамилии Зырянов и Пермяков. Среди многих сотен участников освоения Дальнего Востока документы сохранили и имена выходцев из Коми края. Особо следует сказать о двух коми, ставших известными землепроходцами, первоисследователями сибирских и дальневосточных “дебрей непроходимых”: Дмитриии Михайловиче Зыряне по прозвищу Ярило и Федоре Алексеевиче Чукичеве (он был родом из Шежама). С их именами непосредственно связано включение в состав России бассейнов рек Яны, Индигирки, Алазеи, Колымы и Пенжины. Оба они начинали службу на Енисее, потом их перевели в Якутск. В 1638-1641 гг. Ф.А.Чукичев и Д.М.Зырян участвовали в открытии и освоении земель на Яне и Индигирке. В 1642 г. Д.М.Зырян во главе небольшого отряда (в его составе был и Чукичев) отправился на восток, где открыл р.Алазею, заложил там первое поселение. В 1643 г. Ф.А.Чукичев отправился с собранным ясаком (данью) в долгий и трудный путь в Якутск (морем, а затем вверх по Лене), а Д.М.Зырян поплыл вдоль побережья материка дальше к востоку и добрался до устья неведомой еще р.Колымы, обложив ясаком местное население и приведя его “под высокую государеву

руку”. Воевода назначил его официальным главой колымских казаков и велел “новые реки приискивать”. В 1646 г. или чуть позже Д.М.Зырян погиб.

В середине 50-х годов XVII в. освоение Колымы было продолжено под руководством Ф.А.Чукичева (служившего после возвращения из совместной с Зыряном экспедиции в Якутске, на Индигирке и Алазее - там он возглавлял местную администрацию). Чукичев с отрядом поднялся по Колыме до ее притока Омолона, обследовал его. Зимой 1657 г. он выступил в поход с Омолона, через горы вышел к р.Чендон (Пенжина), впадающей в Охотское море. Там Ф.А.Чукичева ждала редкая удача - он обнаружил жемчуг. До своей гибели в 1661 г. Чукичев руководил служилыми людьми Омолона и Пенжины.

Одним из самых выдающихся достижений землепроходцев стало путешествие из Северного Ледовитого океана в Тихий вокруг Чукотки, предпринятое в 1648 г. группой казаков и промышленных людей под руководством Ф.А.Попова и С.И.Дежнева, в результате которого был открыт пролив между Азией и Америкой. В этом походе принимали участие выходцы из Коми края. Сколько всего их было, не выяснено. Известны два имени: Фома Семенов Пермяз с Мезени и Иван Зырянин. Экспедиция выступила из Нижнеколымского острога на семи кочах (судах, приспособленных для плавания во льдах). Ф.С.Пермяз и И.Зырянин плыли на коче С.И.Дежнева. 1 сентября 1648 г. экспедиция подошла к самой восточной оконечности Азиатского материка - мысу, который Семен Дежнев в своем сообщении воеводе назвал “Большим каменным носом” (теперь это мыс Дежнева). В 80 км восточнее, за проливом, лежал другой материк - Америка. Знай об этом путешественники, они могли бы первыми из российских мореходов ступить на землю Аляски. Но они и не подозревали о сделанном ими открытии. 6 из 7 кочей погибли во время плавания со своими экипажами из-за бурь. С.И.Дежнев со спутниками (25 человек) добрался до незнакомого берега. В поисках речки Анадырь прошло несколько дней. Часть людей погибла, но Дежнев, Пермяз, Зырянин и остальные в 1649 г. добрались до Анадыря и построили там зимовье. Позднее сюда пришли новые отряды служилых людей. Коми участвовали и в известном походе Ерофея Хабарова на Амур (1649-1653 гг.), в результате которого за Россией было закреплено Приамурье, осваивали Камчатку.

Потомки коми землепроходцев стали истинными сибиряками, в большинстве своем приняли русский язык и русскую культуру и влились в состав русской нации. Но на Колыме, например, память о переселенцах из далекого Коми-зырянского края жива до сих пор. Колымские старожилы Чикачевы утверждают, что ведут свой род “из зырян”, от Ф.А.Чукичева. Имя Д.М.Зыряна тоже не забылось - его носят река Зырянка (приток Колымы) и расположенный возле нее поселок Зырянка. Посвященные Д.Зыряну материалы есть в музее этого поселка Черского. Имя Зыряна увековечено и на мемориальной доске близ старинного города Русское Устье, а также на памятнике первопроходцам-первооткрывателям Колымы.

Очерк IV. КОМИ КРАЙ В XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ. Реформы управления и административно-территориального деления

Бурные события первой четверти XVIII столетия (Северная война России со Швецией, крестьянское восстание под руководством К.Булавина на Дону, бунты в городах) потребовали реформирования государственного управления. Прежняя система административно-территориального деления страны и регионов, местного управления была очень громоздкой. Власти всех многочисленных российских уездов подчинялись непосредственно московским учреждениям (приказам), причем расположенные по соседству уезды находились порой в ведении разных приказов. XVIII столетие стало веком реформ.

Сначала для того, чтобы сделать более четкой систему управления регионами, в 1708 г. Петр I ввел новые административно-территориальные единицы - губернии. Пустозерский и Сольвычегодский уезды вошли в Архангелогородскую, а Яренский и Хлыновский (в его составе находилось несколько коми селений в среднем течении р.Летка) - в Сибирскую губернию. Через некоторое время выяснилось, что губернии оказались слишком обширными. В составе каждой из них находилось очень много уездов, и руководить ими из губернского центра было трудно. В 1719 г. губернии были разделены на провинции. Пустозерский уезд вошел в Двинскую провинцию, Сольвычегодский и переданный в Архангелогородскую губернию Яренский уезд - в Великоустюжскую провинцию. Хлыновский и Орловский (куда отошли из Хлыновского коми селения на Летке) уезды находились в составе Вятской провинции Сибирской (позднее - Казанской) губернии. Уездами руководил воевода, подчинявшийся губернатору.

В 1775 г. началась новая реформа местного управления. Екатерина II решила упразднить прежние губернии, провинции и уезды и создать новые округа, примерно одинаковые по количеству жителей. В 1780 г. было образовано Вологодское наместничество, состоявшее из трех областей. Территорию бывшего Пустозерского уезда и Пысскую волость на Мезени (входившую ранее в Яренский уезд) включили в Мезенский уезд Архангельской области. Волости Яренского уезда в низовьях Вычегды (в которых к этому времени уже не осталось коми) отошли к Сольвычегодскому уезду, а остальную территорию Яренского уезда в 1780 г. разделили на Яренский и Усть-Сысольский уезды, относившиеся к Великоустюжской области. Лузская Пермца (Луза и верхняя Летка) вошли сначала в Лальский уезд той же области, а после ликвидации этого уезда 31 декабря 1796 г. - в Усть-Сысольский уезд. Селения на Летке от Слудки до Прокопьевки находились в составе Орловского уезда Вятской губернии. В 1784 г. Архангельская область была преобразована в наместничество. В 1796 г. Архангельское и Вологодское наместничества в губернии, Великоустюжскую область ликвидировали. В течение XVIII столетия были ликвидированы земли с их автономией от уездных властей. Уезды делились непосредственно на волости.

В результате всех этих реформ к концу XVIII в. сложилась трехступенчатая система административно-территориального деления: волость-уезд-губерния. Во главе уезда стоял капитан-исправник, подчинявшийся губернатору. На все высшие должности в местном аппарате управления назначались русские чиновники, судопроизводство велось исключительно на русском языке. Крестьяне избирали своих местных должностных лиц - сельских старост и сотских. Городское население управлялось "собранием городского общества", общей городской и "шестигласной" (горожане делились на шесть разрядов) думами. Эта система административно-территориального устройства не учитывала особенности национального состава населения регионов, но в условиях абсолютной монархии показала себя достаточно жизнеспособной и просуществовала, реформируясь, до двадцатых годов XX столетия.

Изменения в расселении коми

Восемнадцатый век принес относительную стабильность историко-демографическому развитию коми народа. Численность жителей края (в границах современной Республики Коми) возросла с 38-39 тысяч коми и 2,5 тысяч русских в 1725 г. до примерно 75 тысяч коми и 8 тысяч русских в середине XIX в. (данные по низовьям Печоры в районе Пустозерска и по нижневыхегодским волостям, начиная от г.Яренска и пригородных селений, не учитываются, поскольку в течение XVIII в. там исчезли последние коми, и к Коми краю эти районы уже не относились). Русские жили в Усть-Цильме и появившихся по соседству с ней в XVIII - I половине XIX в. деревнях, в Усть-Выми, Лойме, поселках при Сереговском и появившихся в XVIII в. на Сысоло заводах, а также частично в Спаспорубе. С преобразованием погоста Усть-Сысолы в уездный город Усть-Сысольск в 1780 г. там также появилось немало русских.

С ростом населения увеличивалась и заселенная территория. На рубеже XVII-XVIII вв. коми стали осваивать берега Локчима (приток Вычегды). К 1707 г. там появились три первых селения - починки Позтыкерос, Бояркерос и Мордино, основанные переселенцами с Сысолы. В середине XVIII в. к ним добавились Конша, Дань, Четдино, Лопыдино. В числе их первых жителей были выходцы с Сысолы

и из верхневьчегодских селений. На Локчине сложилась своеобразная группа верхневьчегодских коми - локчимцы (локчимса). В I половине XVIII в. началось заселение р.Нившеры (приток Вишеры) переселенцами с Выми, верхней и нижней Вычегды и Сысолы. Первой там возникла д.Нившера. Немало населенных пунктов появилось на берегах самой верхней Вычегды. Вольдино, Помоздино, Кырныша были основаны в конце XVII - самом начале XVIII вв., Новик и Парч - в I половине XVIII в., Керес - во II половине XVIII в., Войпока и Лунпока - в I половине XIX в. и т.п. Между 1747 и 1784 гг. появилось первое коми селение на р.Кобра (приток Вятки) - д.Кобра (Гобор), основанная выходцами с верхней Сысолы. Новые населенные пункты возникали и в других районах Коми края - д.Политовская на Мезени, д.Веждино близ Усть-Сысольска и т.д.

Главные изменения произошли в XVIII - I половине XIX вв. в расселении коми на Ижме и Печоре, где в начале XVIII в. в пределах современной Республики Коми существовали всего три селения: Ижма, Усть-Цильма и погост Печора (Троицко-Печорск). В 1707-1719 гг. на верхней Печоре ниже Троицко-Печорска были основаны деревни Петрушино, Покча, Савинобор, Скаляп, первопоселенцы которых пришли сюда с верхней Вычегды. В 1719-1747 гг. еще ниже по Печоре появилась д. Возино, в 1747-1785 гг. - Подчерье, Усть-Шугор, Усть-Соплеск, Усть-Аранец и Даниловка, в I половине XIX в. - Красный Яг, Концебор, в середине XIX в. - Медвежская (три последних являлись крайними пунктами расселения верхнепечорских коми). В этих населенных пунктах селились выходцы с Сысолы, верхней Вычегды и отдельные переселенцы из других районов Коми края и русские и коми-пермяки из Прикамья. В течение XVIII в. на верхней Печоре сложилась этнографическая группа верхнепечорских коми, оформился печорский диалект коми языка.

Ижемские коми, формирование этнографической группы которых завершилось в XVIII в., долгое время теснились в одной слободке и лишь в конце первой трети XVIII столетия стали переселяться в другие места. Сначала в 1729 г. небольшая группа ижемцев поселилась на р. Печоре между устьями Ижмы и Цильмы в д.Гарево. Через два года в том же районе на речке Нерице возникла д.Нерица, также основанная ижемскими коми. Но в последующее время этот район перестал привлекать ижемцев, зато там появилось много русских переселенцев из Усть-Цильмы. Ижемские коми предпочли осваивать берега Ижмы и Печоры выше устья Ижмы. В середине XVIII в., между 1747 и 1763 гг., близ Ижемской слободки было основано шесть селений: Сизябск, Мохча, Гам, Мошьюга, Злоба и Ластва. Ижемец Г.С.Канев, покинув слободку, преодолел огромное расстояние и, добравшись до впадения Усы в Печору, основал там деревню Усть-Уса.

Низовья Ижмы были заселены коми в 1763-1782 гг., когда появились Диюр, Усть-Ижма, Большое и Малое Галово, Краснобор. Освоением низовьев ижемцы не ограничились и стали продвигаться вверх по Печоре, основав деревни Щельябож и Брыкаланск. От Брыкаланска до самой Усть-Усы еще долгое время не существовало ни одного селения. Лишь к середине XIX в. возник Няшабож. А выше Усть-Усы, на значительном удалении от нее, появилась д.Усть-Кожва, основанная переселенцами из Ижемской слободки, Мохчи и Краснобора. Она стала своего рода "пограничным пунктом" ижемских коми на Печоре; выше нее находились поселения, где жили верхнепечорские коми. Вверх по Ижме коми стали переселяться в 1763-1782 гг., когда были основаны Картаель, Поромес и Кедвавом. Позднее, в 1836 г. появилась Усть-Ухта. Кроме нее, в I половине XIX в. ижемцы основали на Ижме и Печоре около двух десятков деревень и выселков (Усть-Лыжа и др.). Самые верховья Ижмы стали заселяться в I половине XIX века выходцами с верховьев Вычегды и Вишеры, основавшими здесь деревни Роздино (Извайль), Лач и Чулки.

В низовьях Печоры, на Цильме и Пижме появилось в XVIII в. немало селений, основанных жителями Усть-Цильмы: Хабариха, Гарь, Бык, Загривочная. На рубеже XVIII-XIX вв. возникли деревни Кривожежная и Сергеево-Щелья, Трусово и Рочево, Мыла, Филиппово и др. Селились в этих местах и выходцы из более отдаленных районов. На Печору в поисках спасения от преследований бежали русские раскольники (старообрядцы) с Пинеги и Мезени. В начале XVIII в. в глухих местах на р.Пижме они основали Великопоженский скит. О существовании скита стало известно властям. В 1743 г. на Пижму был направлен военный отряд для обращения раскольников в "истинное православие". Более 70 обитателей скита, предупрежденных о приближении солдат, в знак протеста против преследований сожгли себя в часовне. После ухода карательного отряда уцелевшие старообрядцы восстановили скит, куда потянулись новые беглецы. Только в 1854 г. скит был закрыт (на его месте существует деревня Скитская).

В верховьях Печоры стали селиться русские крестьяне, приходившие в этот район из Чердынского уезда. С давних времен был известен торговый путь, который вел с Камы и ее притоков на Печору. В верховьях Печоры устраивались перевалочные базы, во II половине XVIII в. там появились пристани, а затем и небольшие постоянные поселения. В начале XIX в. в этом районе имелся починок Усть-Волосница с тремя дворами, затем появились Усть-Унья, Пачгино, Мамыль, а потом и другие

населенные пункты. Граница между территориями расселения коми и русских на верхней Печоре пролегла у д.Мамыль.

Часть жителей Коми края уходила за его пределы. Особенно облюбовали коми Алтайский край, богатые, плодородные земли которого манили крестьян. Чтобы закрепиться на Алтае, коми переселенцы приписывались к Кольвановским горным заводам известных промышленников Демидовых. В списках прибывших на заводы в течение XVIII в. крестьян и ремесленников разных специальностей отмечены сотни семей выходцев из Яренского, Усть-Сысольского и Сольвычегодского уездов (русских и коми). В списке 1749 г., например, значатся Лазарь Попвасев из Усть-Куломской волости, Лука Опарин из Княжпогостской волости, Федосей Кузнецов из Жешартской волости, Степан Вахнин из Ношульской волости, Мирон Леканов из Объячевской волости и другие. В списках I четверти XIX в. также названа не одна сотня переселенцев из Коми края: Иван Гичев из Керчемской волости, Арефий Трегоев из Важгорта, Никифор Ванеев из Вендингской волости, Иван Уродов из Пыелдино, Петр Осипов из Палевиц и т.д. В I половине XIX в. все больше коми переселенцев уходило на Алтай “на пашню в крестьяне”: только в одном историческом документе указано 650 коми, пришедших в этот период в алтайские селения. Некоторые деревни на Алтае носили весьма красноречивые названия: Зырянвка и т.п. Даже название главного города Алтайского края - Барнаул - имеет, возможно, коми происхождение.

Продолжали переселяться жители Коми края на Дальний Восток и в Сибирь: в Иркутский, Тобольский, Томский, Туруханский, Кяхтинский, Охотский, Удинский, Селенгинский, Тюменский уезды, на Камчатку и в другие районы. Все больше людей стремились получить разрешение (“пашпорт”) на временный уход “в Сибирские города”. Но сроки редко соблюдались. Например, С.Ф.Вахнин из Ношуля был отпущен в Сибирь на три года в 1735 г., записался в Иркутске в посадские люди и спокойно жил там в течение десятилетия. В середине 40-х годов ему приказали вернуться домой, но, как сказано в документе, Вахнин “на прежнее жилище не явился и ныне где обретается, неизвестно”. В середине XIX в. коми-ижемцы стали селиться в Зауралье, на р. Ляпин. Первая семья пришла туда в 1842 г. Вслед за первопоселенцами последовали другие. Почти ежегодно на берега Ляпина переселялись по одной-две, а то и больше семей, и через некоторое время там возникла крупная деревня Саранпауль (по-мансийски - Зырянская деревня).

Коми - строители Санкт-Петербурга

Не только по своей воле жители Коми края оставляли родные места и уходили за тридевять земель. По указам правительства их направляли на работы “к Архангельскому порту”, в Азов, Таганрог и другие места. 16 мая 1703 г. по решению Петра I на отвоеванной у Швеции территории близ устья Невы была заложена Петропавловская крепость, положившая начало городу Санкт-Петербургу. Вначале будущая столица Российской империи строилась силами солдат и окрестных крестьян. Но масштабы строительства вскоре потребовали гораздо большего количества работников.

Ежегодно для строительства Петербурга по всей стране набиралось 40 000 человек. Не остался в стороне и Коми край. Правда, из-за малочисленности населения для отбывания этой трудовой повинности было мобилизовано немного местных жителей. На берегу Финского залива оказались выходцы почти со всех концов Коми края - с Лузы и Удоры, Сысолы и Выми, нижней и верхней Вычегды. В числе первых оказались на месте строительства С.В.Попов из Княжпогоста, А.О.Кошангин из Раковиц, И.П.Пудов из Шошки (с Выми), М.С.Проволокин и Е.М.Ананьин из другой Шошки (с Сысолы), Л.О.Лучкин из Вотчи.

Первых наборов оказалось недостаточно. Непосильные условия труда быстро приводили к полнейшему истощению работников, которых не щадили. К трудностям работы в болотистой местности добавлялась еще и постоянная опасность нападения шведов - Северная война продолжалась. Между тем город рос, нужны были люди, люди, люди... В 1706 г. из Коми края в Петербург направили новую группу работников, среди которых были К.Я.Марков из Жешарта, И.Л.Горбунов из Серегово, С.А.Седрочев из Отлы, М.Ф.Коданев из Слободы (старинного села на месте современного Эжвинского района г. Сыктывкара), И.И.Луашев из Вьльгорта, К.К.Плосков и Ф.Я.Цывунин из Часово, Е.Н.Шаньгин из Деревянка, Е.А.Шестов из Вотчи, В.Е.Минин и Р.И.Елисеев из Кослана.

И в последующие годы в Архангелогородскую губернию, в состав которой входил Коми край, приходили грозные приказы: “Работников в Санкт-Петербургскую губернию к городовому делу высылать на указанные сроки сполна, препоруча круглою (круговой - авт.) порукою, дабы дорогой не разбежались...” В Петербурге оказались Д.Е.Порначев из Кибры, Г.Т.Гилев из Межого, М.М.Турнев из Гама (с Вычегды), Л.Л.Байдуков из Арабача, С.Е.Лодыгин из Камсамаса, Е.Рогов из Кырса, И.Васильев из Турьи, Казимов из вымской Шошки, С.Л.Гилюшев из Отлы, С.Шутов, Н.Кудрин и Т.Прошев из Коквиц, Т.Евтихеев из Лоймы, Некрасов из Спаспоруба и два брата Смолевы из Ношуля...

Третьей части жителей Коми края, взятых на строительство, через три-четыре года уже не было в живых. Иные не выдержали и года... Поистине дорогой ценой заплатил народ за то, чтобы в устье Невы вырос красавец-город, ставший в 1712 г. более чем на два столетия столицей России.

Ухтинские “нефтяные ключи”

К XVIII в. относятся первые попытки организовать добычу нефти в Коми крае. Сведения о ней имелись уже в Двинской летописи (XV в.). В конце XVI в. пробы ухтинской нефти были доставлены в Москву. Знали о нефти и за рубежом. Голландец Н.Витсен в 1692 г., описывая Печорский край, отметил: “Река Ухта - это тоже приток Печоры. На этой реке, на полторы мили от волока, или переволока и отмели в ней, в воде плавают жир. Это черная нефть. Камень нефть встречается там тоже. Он горит как свеча, но отдает тяжелый запах”.

В 1721 г. житель Мезенского уезда “рудознатец” Григорий Черепанов сообщил в Берг-коллегию, ведавшую развитием российской промышленности, что он нашел на р. Ухте нефтяные ключи. В 1724 г. образцы найденной им нефти были доставлены в Санкт-Петербург. В последующие годы интерес к “ухтинской нефти” проявил купец Набатов. Но разработка открытого месторождения регулярно не велась.

Только в 1745 г. на Ухте появился первый небольшой нефтяной промысел. Его организовал Федор Савельевич Прядунов, рудоискатель, родившийся в 1698 г. в г.Каргополе (на территории современной Архангельской области). Он с 1725 г. занимался поисками месторождений полезных ископаемых на Севере. Прослышав про ухтинскую нефть, Ф.С.Прядунов добрался до этого отдаленного безлюдного района, “сыскал” нефтяной ключ невдалеке от современного города Ухты и наладил добычу нефти.

Дело это было для России новое, и для него потребовались незаурядная сметка и предприимчивость. В первый же год Ф.С.Прядунов на своем “заводе”, где работали три-четыре человека, собрал с поверхности реки 40 пудов “горного масла” (нефти). Вместе с сыном Степаном он отвез нефть в Москву, в Берг-коллегию. Там в лаборатории Прядунова “передвоил” (перегнал) ее, получив керосиноподобный продукт. Берг-коллегия одобрила начинания Ф.С.Прядунова и повелела ему поставлять “двоеную” и обычную нефть в главную московскую аптеку.

Нефтяной завод оказался разрушен во время весеннего ледохода и половодья, но его восстановили. Известно, что Степан Прядунов в 1750 г. собрал 6 пудов нефти, а в 1751 г. - 22 пуда, которые он также доставил в Москву. Однако попытка Ф.С.Прядунова применять нефть и нефтепродукты для лечебных целей оказалась неудачной. Продукция промысла не давала прибыли. “Самый радетельный из руководителей” Ф.С.Прядунов разорился. За неуплату налогов его посадили в долговую тюрьму, где он и умер в 1753 г. Завод находился в руках Степана Прядунова, а в 1756 г. перешел к вологодскому купцу А.И.Нагавикову. Тот в 1757 и 1758 годах добывал нефть, но и у него дело не заладилось, так что в 1760 г. новым владельцем нефтепромысла стал коми крестьянин П.Мингалев.

В 1765 г. хозяином завода сделался яренский купец М.С.Баженов. Под его руководством нефть на Ухте добывалась в 1766 и 1767 гг. М.С.Баженов попытался найти и другие нефтяные ключи, причем безуспешно. Во всяком случае, в 1767 г. посланные на Ухтинский нефтяной завод уездными властями люди “видели другой его же, Баженова, промысел нефтяной же на другой речке, именуемой Чнети, отстоящей от онога Ухтинского сухим путем...в четырех верстах”. М.С.Баженов намеревался перегонять нефть не в Москве, а поближе к промыслу - на нижней Выми, где располагалась его “поварня для пропуску нефти”. Возможности “поварни” Баженова не удовлетворяли, и он просил у властей разрешения “для перепуску нефти фабрику строить”. Добывавшаяся нефть отправлялась в Москву и Санкт-Петербург и использовалась главным образом для освещения и иллюминации.

Спрос на нефть был невелик, а перевозка его с Ухты в центр России - дорогостояща. Вследствие невыгодности добычи нефти промысел в конце 1760-х годов прекратил работу. Позднее, в 1801 г. президент Берг-коллегии А.В.Алябьев заявил, что разрабатывать ухтинское месторождение нецелесообразно, так как потребности в нефти очень малы. Найденные ключи оказались до поры до времени ненужными - нефтяные кладовые Ухты по-прежнему оставались за семью замками.

Железодельательные заводы на Сысоле

Металлургическая промышленность развивалась в Коми крае более успешно. В 1730 г. в Жешартской волости крестьянин К.Модянов построил первый небольшой полукустарный железодельательный заводик, на котором трудились наемные работники из местных крестьян. Кроме того, Модянов совместно с П.Москательниковым владел молотовым заводиком у озера Светик на нижней

Вычегде, где ковалось железо. Производительность этих предприятий была невелика, обслуживали они узкий круг потребителей.

Во II половине XVIII в. на Сыsole появились уже довольно крупные для того времени заводы. Устюжские купцы заинтересовались месторождениями болотной руды на Сыsole, разведали сырьевую базу и обратились в Берг-коллегию за разрешениями на постройку заводов. 18 апреля 1755 г. И.Курочкин получил “добро” на строительство молотового завода в Койгородской волости на р.Кажим. Однако купец немного просчитался: вскоре выяснилось, что рудная база на Кажиме недостаточна для налаживания нормальной работы завода. Предприимчивый купец нашел себе компаньона, А.Юрьинского, и 9 октября 1757 г. они получили разрешение в 35 верстах от Кажимского завода на речке Нючпас “построить домну и именовать оной завод Нючпасским”. Новое предприятие призвано было снабжать Кажимский завод чугуном для последующей переплавки в железо. В 1759 г. заводы начали работать.

Одновременно на нижней Сыsole при слиянии речек Нювчима и Денделя строился еще один завод. Разрешение на его постройку было дано 15 марта 1756 г. А.А.Плотникову и А.В.Панову. Сооружение предприятия началось в 1757 г. и завершилось в 1761 г. Планировалось строительство еще одного железоделательного завода - в Прилузье, близ Зануля, - но оно не осуществилось.

На заводах господствовал ручной труд. Техническое оснащение было самым примитивным. На Нювчимском заводе в начале его деятельности имелись одна домна, четыре действующих и два запасных молота, кричные и кузнечные горны. Двигателем служила сила падающей воды, приводившей в движение водяные колеса. Водохранилищем служил специальный пруд при заводе.

Квалифицированная часть рабочих состояла из обученных заводскому делу крепостных крестьян Вятской и Великоустюжской провинций, купленных заводчиками у тамошних помещиков. Со временем потребности в рабочей силе увеличивались. Второй владелец Нювчимского завода М.Подходяшин (видать, производство металла оказалось не столь уж выгодным, потому владельцы завода часто менялись) купил у помещиков центральной России 126 человек. Третий владелец завода санкт-петербургский купец Грибанов в 1800 г. купил в Костромской и других губерниях 236 мастеровых и членов их семей. Работные люди сысольских заводов жили в поселках при заводах.

Кроме постоянных рабочих, на металлургических заводах было много временных работников из коми крестьян с Сысолы, Локчима, Вишеры и других районов Коми края. Они добывали руду на приписанных к заводам “рудных местах”, выжигали уголь, использовались на подсобных работах в цехах. В конце XVIII в. на Нювчимском заводе ежегодно на подсобных работах были заняты 1000-1500 мужчин и 250-300 женщин, на Нючпасском - около 200 мужчин и 50 женщин, на Кажимском - около 500 мужчин и 50 женщин.

Зачастую нанявшиеся на заводы крестьяне, беря деньги в долг в счет будущей зарплаты, пользуясь отсрочками по выплате долга, оказывались со временем в зависимости от заводчиков и годами не могли отказаться от работы. Крестьянин Яков Моденов вынужден был работать на Нювчимском заводе в течение 40 лет. Тяжелые условия не вызвали у крестьян трудового энтузиазма. Иные, взяв деньги вперед, уклонялись от работы. Заводовладельцы во II половине XVIII в. неоднократно жаловались, что “зырянский народ, хотя и за плату, но...работать не желает...Хотя ж когда и придут, и то малое число, и сколько может на себя хлеба занести, то в то время и работает, а...издержав хлеб, без позволения уходят”.

Основной продукцией заводов были чугун и железо. После 1776 г. здесь стали изготавливать орудийные снаряды, якоря, чугунный балласт для кораблей, листовое и “штыковое” железо. Выполнялись и специальные задания - например, изготовление железа для крыш Зимнего дворца в Петербурге, для водоносных фляг и др. В 60-70-е годы XVIII в. производство металла увеличивалось. Например, на Нювчимском заводе в 1762 г. выплавляли 16147 пудов чугуна и выковали 7193 пуда железа, а в 1772 г. соответственно 25508 пудов 38 фунтов и 19429 пудов 3 фунта.

Развитию производства мешали вспыхивающие порой конфликты. В 1773 г. на Кажимский завод было совершено разбойничье нападение. В 1774 г. рабочие Нювчимского завода, “собрав шайку, подобную Пугачеву”, избili нескольких человек из заводской администрации, “чинившей обиды” работным людям, затем “с великим азартом” били окна в заводской конторе. В дело вмешались уездные власти: прибывшие на завод военные водворили порядок. В 80-х годах XVIII в. произошел некоторый упадок производства, но затем дело снова пошло на лад. В конце XVIII в. на Нювчимском заводе выплавляли до 60 тысяч пудов чугуна и выковывали до 20 тысяч пудов железа.

Первая половина XIX в. не принесла сысольским заводам значительного прогресса. Начало сказываться негативное влияние отсталой технической базы и применение труда крепостных. Производство стало сокращаться. В 1840 г. в Нювчиме выплавляли 22528 пудов чугуна и выковывали 18417 пудов железа. Большинство рабочих и в это время были русскими, выходцев из коми селений насчитывалось немного: Белоголов из Ыба, Шарапов из Визингской волости, Напалков из Усть-Кулома. Все стороны не только труда, но и быта крепостных рабочих находились в ведении заводской конторы. Своя полиция следила за порядком, соблюдением религиозных правил. Основным наказанием за

проступки были розги и плети, отдача в рекруты. От конторы зависело вступление в брак. Так, новчимскому мастерскому Силину “жениться на вольной девке” разрешили “только в уважение долговременной службы отца его”. Вдове новчимского рабочего Д.Анисимовой объявили, что будут выдавать ей продукты “по общественному расчислению для одинокой женщины впредь до ее замужества, от которого по молодости своей она не должна уклоняться”.

Сереговский сользавод. Первые шаги лесной промышленности

Начало XVIII в. принесло владельцам Сереговского сользавода неприятности. В 1705 г. в России установили государственную монополию на соляную торговлю. Все солепромышленники должны были поставлять соль в казну по заранее определенным ценам. Это было невыгодно, и Соловецкий монастырь отказался от попыток создать свой промысел в Серегово, а промысел Филатьева пришел в упадок, “люди разошлись рознь”. Сократилась и производительность завода Панкратьевых. В 1747 г. внук основателя завода С.И.Панкратьев, разочаровавшийся в промысле, продал его вологодскому купцу Рыбникову. В то время завод “был весьма в несостоянии”.

Рыбников несколько расширил завод, производительность его во II половине XVIII в. увеличилась, хотя и не достигла уровня конца XVII в. Тем не менее казна выручала от продажи сереговской соли немалые деньги, и власти считали, что из всех соляных промыслов Вологодской губернии “самый лучший и надежный есть Сереговский”. Время от времени на Сереговском заводе случались острые конфликты. В 1733 г. приказчик вступил в спор с рабочим. Дело дошло до драки, в которой особенно досталось рабочему. Группа рабочих людей решила отомстить за товарища и убила приказчика. Виновые в убийстве были наказаны в соответствии с законом. В 1788 г. на заводе произошли “бунт и разбирательство”, поводом для которых стала очередная стычка приказчика и рабочего. Для успокоения в Серегово пришлось послать военную команду. В 1820 г. завод перешел в руки вологодского купца Витушечникова. Он постепенно сокращал количество крепостных работников и увеличивал число вольнонаемных, надеясь, что увеличится и производительность труда. Но добыча соли почти не увеличивалась. В 1830-1850-х годах вываривалось в среднем по 2800-3200 тонн соли.

В XVIII столетии были сделаны первые шаги в развитии лесной промышленности в Коми крае. С двадцатых годов XVIII в. началась заготовка корабельных лесов, поначалу весьма незначительная и проводившаяся не каждый год. Чуть больше размеры лесозаготовок стали во II половине XVIII в. Вымские, затем удорские и вычегодские, а позднее и крестьяне других районов Коми края в свободное от сельхозработ время занимались заготавливать лес для казенного кораблестроения; срубленный лес весной по реке сплавляли в Архангельск. С 1820 г. право на лесозаготовки получила не только казна, но и частные предприниматели. Купцы из Архангельска, Вологды, Лальска и других городов нанимали прилузских, вычегодских и других крестьян на рубку деревьев, распиловку их на доски и сплав в Архангельск “для заморского отпуска”. Но в целом объем лесозаготовок оставался небольшим: лишь в 1809-1813 и в 1830-1831 гг. заготавливалось довольно много лиственницы. До широкомасштабных вырубок леса было еще далеко...

В 40-х годах XIX в. уроженец Усть-Сысольска промышленник Василий Николаевич Латкин (1809-1867) разрабатывал различные проекты экономического развития Коми края. Он мечтал превратить край в регион с мощной промышленной и транспортной базой. В.Н.Латкин предлагал организовать добычу полезных ископаемых, развивать оленеводство и другие традиционные отрасли местного хозяйства, построить новые соляные и металлургические заводы, провести дороги и каналы, которые связывали бы между собой бассейны Печоры, Вычегды, Камы и Оби (один из каналов, по его мнению, должен был протянуться от Печоры через Уральские горы к Оби).

На первое место В.Н.Латкин ставил разработку лесных богатств Коми края. В 1859 г. он создал Печорскую компанию (товарищество) для заготовки и сплава леса к устью Печоры и экспорта его за границу. Для более выгодной торговли Латкин предлагал построить в устье Печоры морской порт. Он призывал не жалеть денег для усвоения края: “Когда же явятся здесь капиталы, тогда страна, омываемая водами Печоры и Вычегды, процветет”. Российское правительство не поддержало начинания В.Н.Латкина. На свой страх и риск он начал заготовку и вывоз леса на Печоре. В 1860 г. три из четырех его кораблей с лесом погибли в Печорском заливе, что стало для промышленника большим ударом. В 1861 г. три корабля Печорской компании добрались до Англии и Франции, но это был последний успех В.Н.Латкина. Он разорился и умер.

В середине XIX в. выпускники Санкт-Петербургского технологического института К.Аслин и И.Циммерман попытались организовать на Ижме крупное промышленное предприятие по выделке замши. В 1854 г. они прибыли в с.Ижму, чтобы “развить в этом крае отрасли промышленности, которые окажутся более полезными”. В двух верстах от села началось строительство замшевого завода, в основном завершившееся к лету 1855 г. Но местное население, поначалу доброжелательно отнесшееся к

пришельцам и их начинанию, позднее, боясь конкуренции, стало препятствовать снабжению завода сырьем. Заводчики писали, что “крестьяне вовсе не содействуют, так как находят завод соперником в выделке с другими производителями”. Торговцы замшей также предпочли иметь дело с мелкими производителями. В результате завод попал в сложное положение и вскоре закрылся.

Несколько мелких предприятий появилось в первой половине XIX в. в Усть-Сысольске. В 1820-х годах здесь имелись два небольших кирпичных завода, продукция которых сбывалась в самом городе. В 1861 г. в Усть-Сысольске существовали уже четыре заводика, а кирпичи продавались не только в городе, но и в окрестных деревнях. В 1813 г. мещанин Лежнев “при доме отца своего” имел кожевенную мастерскую. В 40-х годах XIX в. в Усть-Сысольске работало два небольших кожевенных завода, продукция которых продавалась в Усть-Сысольске и Устюге. Конечно, назвать эти маленькие предприятия промышленными можно лишь с огромной натяжкой.

“Земляные яблоки” в Коми крае. Земледелие и животноводство

Во второй половине XVIII в. в Коми крае впервые появился диковинный продукт - картофель. Долго был его путь на Север. В XVI в. испанцы, завоевавшие Перу, узнали о существовании картофеля. Не сразу они оценили важность сделанного открытия. Лишь примерно в 1565 г. картофель из Южной Америки попал в Испанию, а выращиваться в Европе он стал с 1573 г. Первоначально картофель получил распространение в Испании и Ирландии, а много позже - и в других европейских странах. Петр I, будучи в Голландии, решил было внедрить сие новшество в России и даже прислал в конце XVII в. на родину мешок картофеля, но дело с места не сдвинулось (обрезать боярам бороды оказалось проще). В 1765 г. Сенат издал специальный указ о посадках картофеля; по России стали рассылаться завезенные из-за границы семена. В 1766 г. были начаты первые опыты по разведению картофеля в Коми крае, но местное население отнеслось к этому новшеству с большим подозрением. Впрочем, удивляться нечему - и в “просвещенной” Европе картошку выращивали поначалу как декоративное растение; многие считали, что эти клубни ядовиты. Не было у коми крестьян, естественно, и никакого опыта в обращении с невиданным ранее продуктом: то ли верхки надо есть (иные так и делали и травились), то ли корешки... Да и природные условия не больно-то благоприятствовали нововведению: в 1771 г. яренская воеводская канцелярия сообщила, что в уезде сажали “земляные яблоки”, но “по небытию дождя урожая нисколько не имелось”.

В конце XVIII - I четверти XIX вв. “второй хлеб”, как позднее стали называть картофель, в Коми крае оставался практически неизвестен. В 30-е и 40-е годы XIX в. его посевы стали распространяться здесь, как и по всей России, в приказном порядке. Министерство государственных имуществ неоднократно присылало в Усть-Сысольский и Яренский уезды грозные указания о “непременном разведении картофеля”. Уездные власти, в свою очередь, нажимали на крестьян. Но те, не привыкшие ждать чего-нибудь хорошего от начальства, не желали заниматься картофелеводством, считая его пустой тратой времени и сил. В 1846 г. современник писал: “Во многих волостях, даже вблизи самого города Усть-Сысольска еще несколько лет до сего это полезное растение вовсе не было известно поселянам. Зыряне, видевшие в огороде у дьячка своего прихода посаженные в землю “яблоки”, вырыли нечистивый, по их мнению, плод и раскидали его к крайнему огорчению хозяина”.

Были, конечно, и счастливые исключения. Например, неграмотный крестьянин из с. Вендинги на р. Вашке А.Е.Калинин в 1841 г. первым привез на Удору картофель и попытался его выращивать. Его начинание было, вероятно, не слишком успешным, но за инициативу крестьянина в 1849 г. наградило Министерство госимуществ. Его сын В.А.Калинин, получивший сельскохозяйственное образование на Вологодской учебной ферме, оказался более удачлив и впервые на Удоре добился действительно хороших результатов в картофелеводстве, оказав огромное влияние на своих односельчан и жителей окрестных селений, также заинтересовавшихся таким полезным продуктом.

Для того, чтобы содействовать распространению в Коми крае этой нужной культуры, “грамотный зырянин” усть-сысолец Ф.Я.Попов перевел на коми язык “Краткое наставление о посеве, уборке, хранении и употреблении картофеля”; его перевод издали в Санкт-Петербурге в 1844 г. В конечном итоге усилия властей и энтузиастов из числа местных жителей сделали свое дело: площади, занятые картофелем, понемногу увеличивались, и он постепенно стал входить в быт коми крестьянина. Как писал в 1846 г. уже упоминавшийся современник, “ныне в этом же селении почти у всякого зырянина можно найти хоть небольшое количество посаженного картофеля”. Однако наибольший размах картофелеводство в Коми крае приобрело только в следующем столетии.

Пока же основное внимание коми земледельцы уделяли зерновым культурам - главным образом, более приспособленным к северным условиям ржи и ячменю (ячмень сеяли даже на Ижме). Пшеница и овес как более теплолюбивые растения пользовались куда меньшей популярностью у местных жителей, и выращивали их только в южных районах. Посевы льна и конопли в XVIII в. были невелики, но в I

половине XIX в. они заметно увеличились (например, в Усть-Сысольском уезде в 1805-1855 гг. льна стали сеять в 142 раза больше, конопли - в 19 раз больше). В Прилузье в 30-40-е годы XIX в. многие крестьяне стали заниматься “посевом льну для продажи”. Широко распространены были в Коми крае репа, капуста, редька, морковь.

Постепенно в Коми крае, особенно в южных районах, росли пахотные угодья, совершенствовалась обработка почвы, осуществился переход к трехполью (когда чередовались озимые, яровые и пар), что повысило продуктивность земледелия. Но крестьяне не отказывались и от старых, испытанных приемов, сочетая их с новыми. В лесном северном краю с не больно-то плодородными почвами невозможно было обойтись без подсеки: “Рубим мелкий лес и делаем новины, - рассказывали местные жители. - Для делания новин ходим...верст по тридцать и более и тем произведения хлеба более бывает”. Академик И.И.Лепехин, побывавший в Коми крае в 1771 г., так описывал подсечное земледелие: “Озими их (коми крестьян - авт.) стояли среди огромных лесов, в которых они пространные вырубают палестины и, сожегши лес, ...заборонив, совершают посев. Как для облегчения работы, так и для защиты посеянному хлебу оставляют на пашне своей несколько деревьев не вырубив, которые, чтобы не вытягивали питательного из земли соку, расстоянием от корня аршина на два одирают с них кору вокруг. Такая новина служит им только на один год, ...а на другой год надобно делать новую новину”.

Нередко случались неурожаи, хотя и не столь губительные, как в прошлом. Однако же они тяжело сказывались на крестьянском хозяйстве, и на случай голода и нехватки семян для посева власти организовали хлебозапасные магазины. В них в урожайные годы население сдавало часть зерна, а затем при необходимости брало из магазинов зерновую ссуду. Ее нужно было возвращать, но зачастую крестьяне не могли этого сделать, и власти вынуждены были прощать “недоимки”.

Богатые сенокосные угодья, особенно заливные и пойменные луга, способствовали развитию животноводства. В одном из описаний XVIII в. отмечено, что в Яренском уезде “трава для скота растет весьма питательная, и рогатый скот водится и выкармливается против других мест гораздо лучше”. Особенно важную роль в хозяйстве животноводство играло в северных районах края - на Удоре, Ижме и Печоре. По словам И.И.Лепехина, ижемцы “скотоводство имеют изрядное: лошади крепкие, рогатый скот не худ”. Завезя из Устюга молочный скот, ижемские коми вывели на его основе новую породу, столь удачную, что в середине XIX в. даже писали: “Ни в одном месте Архангельской губернии не приготавливается столь вкусное молоко и масло, как в Ижме, ...где можно делать сыры не хуже голландских”.

Домашний скот был неотъемлемой чертой хозяйства коми крестьянина. В XVIII в. в среднем в сысольском хозяйстве имелись одна лошадь, одна или две коровы, несколько овец, а на Удоре - одна или две лошади, четыре-пять коров, пять-девять овец. В XVIII - первой половине XIX вв. животноводство на Удоре, Ижме, нижней Печоре стало приобретать товарный характер, т.е. часть его продукции шла на продажу. Академик Лепехин писал, например, что жители Усть-Цильмы “сало говяжье и масло коровье вывозят на Благовещенскую ярмарку и меняют приезжающим туда из разных мест купцам. Масло коровье не худой доброты”.

Большие изменения произошли в оленеводстве. Освоившись с новым для себя занятием, ижемские коми стали пасти оленей в тундре, составив конкуренцию ненцам. В конце XVIII в. в Коми крае имелось около 10000 оленей, а в 40-50-х годах XIX в. - уже от 120 до 150 тысяч, принадлежавших, в основном, ижемцам. В 1844 г. оленей держали 245 ижемских семей, из них только 26 семей имели меньше ста оленей. У большинства насчитывалось от 100 до 1000 оленей, а у 42 семей было более чем по тысяче оленей (некоторые владели тремя, а то и восемью тысячами). Ижемцы внесли в оленеводство немало рациональных приемов: они ввели круглосуточный выпас стада, нашли наиболее удобные сезоны для перекочевки к морю и для убоя животных, положили начало селекции, выведя черномастных оленей. Именно ижемцы придали оленеводству ярко выраженный товарный характер.

Промыслы

Жители Коми края продолжали заниматься охотой и рыболовством, продукция которых (особенно на верхней Вычегде, Удоре и в Ижмо-Печорских волостях) шла не только на личные нужды, но и все больше на продажу. На местных ярмарках продавались семга и другая рыба, а из охотничьей добычи ведущее место занимали рябчики и белчишки шкурки; более ценного меха в крае практически не осталось, хотя продавалась и некоторая другая пушнина: горностаи, лисы, песцы, рыси и др. Если в XVII в. охотники пользовались, в основном, луком и стрелами, то в XVIII столетии все больше стало использоваться огнестрельное оружие. Уже в XVIII в. наметилась тенденция к сокращению охотничьего промысла, поскольку истреблявшегося в больших количествах пушного зверя становилось все меньше. В XIX в. эта тенденция усилилась. В 1841 г. власти отмечали: “Охотничий промысел в лесных волостях

Вологодской губернии в последние годы сделался менее прибыточным, по причине истребления дичи и пушных зверей, частично же от уменьшения самих лесов”.

В XVIII в. на Ижме стал развиваться замшевый промысел. Появились “замшевые избы” - специальные предприятия по производству замши. В 1834-1835 гг. в Ижемской волости насчитывалось 67 “замшевых изб”, большинство которых было создано “без дозволения начальства” (две самые старые из них существовали с 70-х и 80-х годов XVIII в., а остальные возникли в XIX в.). В замшевых мастерских поначалу работали хозяева и их родственники, только в некоторых наиболее крупных были немногочисленные наемные работники. К середине XIX в. заведения с наемным трудом стали преобладать. Многие мастерские выделывали “оленьи шкуры на замшу” на заказ; возможно, были и работавшие на рынок. К началу 50-х годов XIX в. число “замшевых изб” сократилось более чем вдвое “по случаю падения оленей”, “по бедности”, “по ветхости” и т.д. Ижемская замша продавалась на ярмарках в Пинежском и Шенкурском уездах, в Архангельске, в Вологодской губернии, на Макарьевской ярмарке в Нижнем Новгороде, в Москве, Петербурге и других городах России.

Заметно расширился в конце XVIII - I половине XIX вв. судостроительный промысел. В Яренском уезде судостроением (для перевозки сереговской соли) занимались жители Гама, Жешарта, Усть-Выми, Оквада, Коквиц, Палевиц, Серегово. На Коберской пристани изготовлялись суда для перевозки сысольского железа на ярмарку в Нижний Новгород, а в Койгородке, Визинге и Вотче - для перевозки в Архангельск зерна, муки и некоторых других продуктов из Прикамья. На верхней Печоре строились суда для перевозки точил и точильных изделий местного промысла вверх по реке до Якшинской пристани. В Усть-Неме готовили суда для тех же товаров, отправлявшихся в Усть-Сысольск и Устюг. Наиболее крупным центром речного судостроения в Коми крае оставалась Ношульская пристань.

Как свидетельствуют документы, жители края строили суда без чертежей, “по обычаю предков”, “по опыту и преданию, переходящему наследственно”, “по одному навыку, под присмотром крестьян, более в сем упражняющихся”. Изготавливалось все при помощи топора. Так как при этом уходило много леса, власти в XVIII в. начали кампанию за экономию против “топорных досок”. Появились указы, предписывающие использовать пилы и делать суда из выпиленных досок, а изготовителей и владельцев “топорных судов” штрафовать и облагать двойными пошлинами. Но в Коми крае пиление досок распространялось очень медленно. В 1839 г. крестьяне осаждали прибывшего представителя лесного ведомства просьбами содействовать отмене “антитопорного” постановления. Чинновник убеждал их, что пиление досок выгоднее: качество досок лучше, меньше времени уходит на работу. У крестьян была своя логика: лишних денег у них нет, а топор дешевле, чем пила, которую к тому же, в отличие от топора, ни для какого другого дела использовать нельзя. А что до времени, то его беречь не к чему, поскольку они все равно не могут “употребить оное с пользою для себя”. И все же в первой половине XIX в. появились лесопильни для нужд Сереговского и сысольских заводов, на Ношульской пристани, а в 40-е и особенно 50-е годы XIX в. постепенно стала распространяться ручная распиловка среди занятых судостроением крестьян.

Немало крестьян в поисках дополнительного заработка занимались “отхожими промыслами” за пределами Коми края, “где кто какое себе по мере его разума и склонности способное мастерство и место сыскать может”. Получив “годовые паспорта”, или краткосрочные “билеты” “на отлучку”, жители Коми края уходили “для производства черных работ и некоторых ремесел, как-то: сапожного, портного, слесарного”, “для ... услужения”, были печниками, каменщиками, землекопами, коновалами в Москве, Петербурге, Архангельске и других городах Европейской России и Сибири. “Многие из мезенских зырян для приискания выгоднейших промыслов ежегодно расходятся по разным губерниям и работая на фабриках в Москве и Петербурге, отличаются быстротою, понятливостью и особенным усердием”; “зыряне ...лучшие печатники в петербургских типографиях”, - сообщали современники.

Усть-цилемцы занимались перевозкой различных грузов. Документ XIX в. сообщает, что “жители в зимнее время нанимаются на лошадях в извозы”, “по первому пути вывозят” с нижней Печоры “выпромышленную осенью рыбу” на Мезень и Пинегу. Ижемцы участвовали “в перевозке товаров на ярмарки и с оных в обе столицы и г. Архангельск, а также в перевозке в разные места с заводов казенной соли”. Жители лужских и летских селений в XIX в. активно занимались “возкою разных тяжестей из разных городов до Ношульской пристани и прочих мест”. В селе Летка и окрестных деревнях извозом промышляла почти половина мужского населения.

Торговля и пути сообщения

Древний Чрезкаменный путь в Сибирь в связи с появлением более удобных дорог через Урал в начале XVIII в. был официально закрыт, но местные жители еще продолжали им пользоваться. В 1806 г. на Урале работала экспедиция полковника Попова, намеревавшаяся проложить канал между Обью и

Печорой. Но выяснилось, что трасса канала оказалась спроектирована очень неудачно, намного выше уровня обеих рек, и работы были прерваны. Через несколько лет ведомство водных коммуникаций принялось разрабатывать проект Румянцевского канала, и снова безуспешно. Идею о соединении Печоры и Оби надолго забросили. Затем к ней вернулся упоминавшийся промышленник В.Н.Латкин. В 1850 г. за проект Обско-Печорского канала взялся видный русский металлург П.П.Амосов, однако и его начинание не имело каких-либо значительных последствий. Позднее, уже в 50-70-х годах XIX в. над возможностью соединения притоков Печоры и Оби путем строительства канала через Урал задумывался известный исследователь Печорского края П.И.Крузенштерн. Определенную помощь оказал ему в этом ижемец И.Артеев, нарисовавший карту истоков рек и указавший наиболее удобное для постройки канала место в верховьях Усы.

Постепенно обустроивался торговый путь с верховьев Печоры и ее притоков Волосницы на Березовку, Вишерку и другие речки до Камы. На рубеже XVII-XVIII вв. близ устья Волосницы построили пристань Хорошая Бичевка, где находился складской и перевалочный пункт чердынских купцов. Во II половине XVIII в. в верховьях Печоры (в этом районе, относившемся к Чердынскому уезду, не было населенных пунктов) появилась Яшкинская пристань, что способствовало дальнейшему налаживанию торговли по Печорско-Камскому пути.

В 1785 г. при императрице Екатерине II началось строительство Северо-Екатерининского канала, который должен был связать верхнюю Вычегду (через ее приток Северную Кельтму) с притоком Камы Южной Кельтмой. Дело это оказалось весьма трудоемким и тянулось не одно десятилетие. Строительство то прекращалось, то возобновлялось. С каналом связывались большие надежды. В 1806 г. русский статистик Зябловский писал: “Канал сей заслуживает внимания частью потому, что посредством одного разные произведения из губерний Вятской, Пермской, Оренбургской могли бы привозимы быть в кратчайшее время к Архангельскому порту, а частью потому, что можно плавить беспрепятственно корабельный лес к Архангельскому адмиралтейству, растущий в великом изобилии в сей стране, особливо около Чердыня”. Канал мог оживить экономическую жизнь Коми края, укрепить его связи с Прикамьем.

Частично судоходство по каналу открылось в начале XIX в. В 1813 г. по нему прошли 48 судов с грузом. Вскоре выяснилась необходимость доделки канала. Полностью строительство завершилось только в 1822-1823 гг. Через некоторое время стало ясно, что надеждам на канал не суждено было оправдаться. Он был построен с большими техническими ошибками, недостаточно глубокий. К тому же канал проходил по необитаемым местам, наблюдать за ними было почти некому, и он постепенно засорялся и разрушался. В 1824 г. по каналу прошло всего четыре судна, в 1827 г. - семь судов. К 1838 г. канал оказался настолько запущен, что стал непригодным для прохода больших судов и почти перестал использоваться. В конце 50-х гг. XIX в. он именовался “упраздненным Северо-Екатерининским каналом”, при котором имелся выселок из двух дворов, положивший начало нынешней деревне Канава. Название ее довольно точно, увы, передает состояние гидротехнического сооружения, которому прочили такое блестящее будущее... От выселка в середине XIX в. протянулась зимняя дорога до Чердыни; использовалась она только после выпадения снега, ездили по ней на санях. А как только снег таял, дорога превращалась в полнейшее бездорожье.

Еще один путь на Каму шел с верховьев Сысолы - через Койгородскую и Ужгинскую волости проходила Большая Сибирская дорога. С развитием металлургической промышленности в I половине XIX в. появилась зимняя дорога, соединявшая поселок при Кажимском заводе с населенными пунктами в верховьях Камы. Из Ужгинской и Койгородской волостей вела дорога к Коберской пристани, откуда отправлялись суда на Вятку. Но основной путь с Вятки по-прежнему проходил по р.Летке и от ее верховьев сухопутной дорогой на верхнюю Лузу, к Ношулю. От Ношуля Вятский тракт пролегал через Объячево, Занулье и Визингу до Усть-Сысольска. А Усть-Сысольск в I половине XIX в. был связан почтовыми трактами с Яренском и далее с Сольвычегодском и Вологдой, а по другую сторону - с Усть-Куломом, Помоздино и Троицко-Печорском. К городу Лальску в низовьях Лузы тракт шел от Занулья.

Ношульская пристань в конце XVIII - I половине XIX вв. стала важнейшим перевалочным пунктом в перевозке грузов от Вятской и Пермской губерний к Архангельску. Губернские и уездные власти отмечали, что “из всех пристаней по рекам Двинской системы для торговли к Архангельскому порту признается значительною пристань Ношульская”, на которой “перед открытием и во время весенней навигации при сплаве барок стекается народа до 10 тысяч человек, имеющих нужду в покупке и продаже разных, особенно жизненных произведений сельской промышленности”. Для поощрения к распространению и улучшению “сельской промышленности” “и вообще торговли” власти в I половине XIX в. учредили в Ношуле ежегодную ярмарку, проводившуюся в апреле.

Количество ярмарок в Коми крае к середине XIX в. увеличилось. Если в конце XVIII в. действовали две ярмарки в Усть-Сысольске, одна в Турье и торжки в Важгорте (на Вашке) и Туглиме (на нижней Вычегде), то в I половине XIX в. к ним добавились две ярмарки в Небдино (на верхней Вычегде),

одна - в Усть-Выми, еще одна в Усть-Сысольске и торжок в Троицко-Печорске. В начале 1850-х гг. были учреждены зимние и летние ярмарки в Ижемской и Усть-Цилемской волостях, в 1857 г. - зимняя ярмарка в Усть-Куломе. Кроме продовольствия, пушнины и т.д., на рынках Коми края стали продаваться и другие, разнообразные товары. В I половине XIX в. появились, например, стеклянная, фарфоровая и хрустальная посуда (фарфор и хрусталь, впрочем, были доступны только состоятельным людям), оконное стекло из Вятской губернии (тоже предназначенное для зажиточных жителей; население попроще использовало для окон слюду).

В течение XVIII - I половины XIX вв. быстро росло значение погоста Усть-Сысолы (ставшего в 1780 г. городом Усть-Сысольском), как торгового центра края. Он располагался в удобном месте на пересечении торговых путей, был важным пунктом транзита грузов, ярмарочным центром, в нем существовала хорошо налаженная постоянная торговля в лавках. Одной из наиболее древних и известных купеческих семей Усть-Сысольска были Сухановы. В сказках I ревизии 1719 г. отмечалось, что А.Л.Суханов "имеет купечество (т.е. ведет торговлю - авт.) в Яренском уезде и на Москве и на Макарьевской и Свинской ярмонках, и у города Архангельского и на Вятке и в Сибирских городах", покупает и продает пушнину, хлеб и "всякие земские товары мелочные".

Богатство А.Л.Суханова и его братьев привлекло внимание "воровских людей". Они в мае 1739 г. приплыли в Усть-Сысолу с верхней Вычегды и, как позднее докладывали Сухановы на имя императрицы Анны Иоанновны, "многочисством обступили наш двор внезапно страшным разбоем". Двор Сухановых был укреплен, имелось и оружие: пистолеты, ружья и даже три небольшие пушки, не говоря уже о луках со стрелами, копьях и шпагах. Купцы и их домочадцы и служащие отстреливались, но осадившие их разбойники сумели поджечь двор и взяли его штурмом. При этом погибли несколько человек, в том числе две дочери одного из Сухановых, их работница, учитель детей и другие. "Воровские люди" захватили немало пушнины, 25 пудов табаку, украшения, одежду и прочее; многое сгорело. Разбойники разгромили и винокуренный завод Сухановых на речке Човью. Позднее вокруг этого нападения было сложено немало легенд. Согласно одному преданию, старший Суханов являлся атаманом разбойников, скрывавшимся под именем Шыпича, и сколотил состояние благодаря грабежам. Позднее он будто бы порвал с прежними товарищами по оружию, и те решили отомстить ему. Молва приписывала Шыпиче-Суханову и колдовской дар...

Как бы то ни было - благодаря ли волшебству, собственной ли смекалке - Сухановы сумели оправиться после разорения и даже приумножили свои богатства и влияние. Академик И.И.Лепехин в 1771 г. называл их "зырянскими князьками": "Каждый зырянин составляет их как бы природного крестьянина и все его стяжение почти принадлежит Сухановым. Они их задатчивают на хлеб и на звериные промыслы и после обирают все их житье, бытие, богатство". "Есть ли где увидишь лучшие нивы в ближайших селениях к Усть-Сыsole и спросишь, кому они принадлежат? - отвечают: Сухановым; есть ли где пасутся стада - принадлежат Сухановым". К 1820 г. Сухановы построили в Усть-Сысольске два первых каменных дома.

Были в городе и другие купцы, причем число их в I половине XIX в. быстро росло: в 1820 г. в Усть-Сысольске насчитывалось 22 купца, в 1846 г. - 49, а в 1854 г. - 69. Из семьи бывших верхневыхгодских крестьян, записавшихся в начале XIX в. в усть-сысольские купцы, происходил уже упоминавшийся В.Н.Латкин. Отец его, Н.М.Латкин, занимался скупкой и продажей вятского хлеба, брат, М.Н.Латкин, в 1841 г. арендовал брусняной промысел на Печоре, позднее завел дело в Сибири. Торговля в Усть-Сысольске достигла такого уровня, что местное купечество и мещане в 1851 г. пришли к пониманию необходимости организовать в городе общественный банк. Проект банка был отправлен губернским властям, но те долго тянули с разрешением, и в дореформенный период банк в Усть-Сысольске так и не появился.

Крестьянские выступления

Несмотря на отсутствие помещичьего гнета в Коми крае, жизнь местных крестьян была трудной. Тяжесть различных налогов и повинностей и особенно введение новых, а также злоупотребление чиновников нередко вызывали протесты крестьянства. Как правило, дело ограничивалось посылкой жалоб и прошений на имя царя или губернатора. Большую популярность среди жителей Коми края приобрел уроженец Шежама Дмитрий Иванович Балин (1796-1865). Он помогал многим крестьянам писать различные обращения. За это Балин десять раз находился под судом и подвергался наказаниям. Власти запретили ему составлять для крестьян какие-либо документы, и Балин, который не мог отказать обращающимся к нему за помощью и советом, должен был изменять свой почерк и прибегать к иным

ухищрениям. Он сделался легендарной личностью, и предания о нем рассказывали в вычегодских селениях даже в двадцатые годы нашего столетия.

В 1833-1838 гг. происходили волнения ижемских крестьян. Они протестовали против привлечения их к строительству новой Пинеги-Мезенской дороги. Дорога эта была очень важна для экономического развития Ижмо-Печерского края, однако крестьяне отказались работать на выделенном им участке строительства, ссылаясь на обременительность повинности и злоупотребления чиновников, ухудшающие их и без того бедственное положение. Отправленные ижемцами в 1833-1836 гг. правительству и царю прошения остались без ответа. В 1837-1838 гг. положение на строительстве дороги обострилось, и в 1838 г. на Ижму был послан военный отряд, чтобы водворить там спокойствие. Но военный опередил флигель-адъютант императора Николая I Крузенштерн. Прибыв на Ижму по распоряжению царя, Крузенштерн провел следствие и убедился в обоснованности прошений ижемцев. Несколько чиновников лишлись должностей, а крестьяне были освобождены от дорожной повинности. Любопытно, что из-за ижемских волнений пострадал бывший декабрист А.Н.Муравьев: в 1837 г. его назначили архангельским гражданским губернатором, а в 1839 г. уволили с этой должности по обвинению “в потворстве беспорядкам”.

В Усть-Куломе в 1842 г. крестьяне выступили против злоупотреблений при раскладе податей и отказались платить их до тех пор, пока не рассмотрят и не удовлетворят их жалобы. Делом заинтересовались шеф жандармов Бенкендорф и даже сам Николай I. Губернатор лично возглавил военный отряд, посланный в Усть-Кулом для наведения порядка. Известие об этом охладило пыл усть-куломцев, так что до вооруженной расправы с бунтовщиками дело, к счастью, не дошло. Ряд участников выступления был подвергнут телесным наказаниям, а руководителей сослали в Сибирь. Крестьянские выступления происходили также на Выми в 1836, 1844-1845 и 1857-1860 гг., в Палевицах и Часово в 1843-1845 гг., а также в других селениях Коми края.

В 1838 г. государственные крестьяне (так после реформ Петра I стали называться бывшие черносошные крестьяне) получили права на участие в сельских и волостных сходах, где решались вопросы местного самоуправления, на перечисление в купеческое и мещанское сословия, на обучение детей в общих учебных заведениях, на занятие торговлей и ремеслами и т.д. Это должно было сгладить конфликты, зревшие между крестьянством и властями. Усть-Вымская вотчина епископов была ликвидирована в 1764 г. в соответствии с указом о секуляризации церковного имущества. Принадлежавшие епископам крестьяне были выделены в категорию “экономических крестьян”. Они по существу не отличались от государственных, только подведомственны были коллегии экономии.

Участие жителей Коми края в Отечественной войне 1812 г.

В июне 1812 г. армия Наполеона вторглась в Россию. Началась борьба с захватчиками. Нужны были люди и деньги. В Коми крае летом 1812 г. проводился сбор пожертвований для нужд армии. Крестьяне, купцы, чиновники, духовенство, охваченные патриотическим порывом, вносили деньги, золотые и серебряные вещи “на пользу Отечества на внутреннее ополчение”. Позднее, в 1812-1814 гг. было проведено две кампании по сбору средств в фонд помощи беженцам и в фонд помощи “от войны пострадавшим и женам и детям, у коих мужья и отцы находятся на войне”.

Жители Коми края вступали в армию и в ополчение. Так, усть-сысонец М.В.Суханов подал прошение, в котором писал: “Желаю военную службу...Всеусердно желаю...” Первый набор ополченцев в Вологодской губернии был произведен сразу после начала войны. В 1812-1813 гг. в ходе четырех рекрутских наборов из г. Усть-Сысольска и других селений в действующую армию отправились 487 рекрутов (в том числе из Усть-Сысольска - 53), из Ижемской волости - 64 (по другим данным, 63) рекрута. Кроме того, Вологодский губернатор провел набор охотников “с теми самыми ружьями, какие употребляют они на промыслах”. Всего в Вологодской губернии было набрано 612 стрелков, составивших 18-ю дружину Петербургского ополчения. В их числе были и коми охотники. Вместе с армией Витгенштейна ополченцы прикрывали от врага Петербург, участвовали в разгроме французов при Березине, затем перешли границу в освободительном походе, прошли через Пруссию, Саксонию, Чехию, Южную Германию и закончили войну в Париже.

Общее число коми ополченцев не установлено. Известно, что их было не менее 74, 36 из которых погибли в боях (а всего из 612 вологодских стрелков вернулись в губернию 194 человека). Среди воинов были жители Шошки, Зеленца, Визинги, Объячево, Лоймы, Койгородка и других селений. Большинству было по 18-24 года, но встречались и более молодые - 16-17 лет, и постарше - под 30. Е.И.Безносикову из Ыба было около 39 (он не вернулся с войны), а Василию Ведову из Зануля - всего 14 (видимо, он был очень крепок собой и хорошо владел оружием).

В феврале 1814 г. в Коми край прислали попавших в плен французских солдат и унтер-офицеров. 6 февраля “вступила в Яренский уезд партия пленных французов, состоящая из 144 человек, из числа

коих 49 оставлено в городе Яренске, а остальные 100 человек 11-го числа прошли Яренскую округу и вступили в Усть-Сысольский уезд благополучно”, - сообщает документ. В другом документе говорится, что среди французов “оказалось немалое число больных”. В Яренске и Усть-Сысольске военнопленных разместили в специальных казармах, при которых имелись лазареты.

Горожане отнеслись к пленным доброжелательно. Французы научились изъясняться по-русски, бывали в гостях у местных жителей, отмечали праздники, а некоторые даже освоили игру на балалайке. Через некоторое время военнопленные вернулись на родину. Известная русская писательница А.О.Ишимова, побывавшая в Усть-Сысольске несколько лет спустя, в рассказе “Зырянка” с легкой иронией писала, основываясь на рассказах усть-сысольцев: “Благородная часть народонаселения У. (Усть-Сысольска - авт.) и особенно дамы и девицы восхищены были образованностью пленных; все они говорили на французском языке, о котором жительницы У. даже и мечтать не смели: так несбыточна была для них надежда когда-нибудь услышать его! И вдруг французский язык раздался посреде них!” В домах многих чиновников стали изучать французский язык (“ломать несчастный свой язык на французский лад”) у “военнопленных учителей”, которым “открылся...вход в чиновнические дома; на купеческие семьи влияние языка французского не распространилось, и молоденькие купчихи и на этот раз были счастливее аристократок: строгие нравы отцов избавили их от испорченного языка французского и учителей его, еще более испорченных. С удалением “просветителей” в скромном городе все вошло в прежний порядок, и следы пребывания наполеоновских “героев” остались только в изломанных фразах, которыми ученицы их менялись друг с другом”. Да еще за тогдашней окраиной Усть-Сысольска, где было временное пристанище французов, навсегда закрепилось манящее название “Париж”...

Участвовали жители Коми края и в Крымской войне России с англо-франко-турецким союзом 1853-1856 гг. В 1855 г. был произведен набор в государственное ополчение. В Усть-Сысольске в ополчение призвали 27 человек; на обмундирование и провиант для них каждая городская семья (кроме тех, из которых были ополченцы) внесла свой денежный взнос. Собирались солдаты и в других населенных пунктах Коми края. По окончании войны участников ополчения наградили памятными бронзовыми медалями. Усть-сысольскому городскому голове Н.А.Попову в 1856 г. губернатор объявил благодарность “за распорядительность по поставке в 1853 г. работников ополчения и успешное взыскание сборов в казну с мещанского общества”.

Очерк V. КОМИ КРАЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Буржуазные реформы II половины XIX в.

Во второй половине XIX в. территория Коми края входила в состав Усть-Сысольского, Яренского, Мезенского и Орловского уездов. Верховья Печоры относились к Чердынскому уезду. В 1891 г. из Мезенского уезда выделилась территория бывшего Пустозерского уезда, составившая самостоятельный Печорский уезд с центром в Усть-Цильме.

В 1861 г. в России начался период буржуазных реформ, которые хотя зачастую с опозданием и не в полной мере, но все же осуществлялись и в Коми крае. 19 февраля 1861 г. император Александр II подписал знаменитый манифест об отмене крепостного права. В Коми крае крепостных было немного - чуть более полутора тысяч человек, приписанных к Сереговскому и сысольским заводам. Они получили юридическую свободу и все права, которыми пользовались государственные крестьяне. Сереговские крепостные в 1862 г. получили земельные наделы по высшей для Вологодской губернии норме, но землю они должны были выкупать. Своевременная выплата полученной от государства на 49 лет ссуды и процентов по ней стала для большинства людей непосильной... В пользовании бывших крепостных сысольских заводов в 1863 г. сохранялись небольшие земельные наделы, за которые нужно было отработать на заводах семь лет. В 1869 г. они получили дополнительные наделы (уже по высшей для губернии норме); за пользование ими нужно было платить оброк.

Бывшие государственные крестьяне по закону от 24 ноября 1866 г. должны были получить земельные наделы в собственность, но этот закон не был проведен в жизнь, и крестьяне остались лишь пользователями принадлежавшей государству земли. Была создана единая для всех крестьян (именовавшихся теперь "свободными сельскими обывателями") система управления. Сельские и волостные сходы и избиравшиеся на них должностные лица (сельский староста, писарь, сборщик податей, волостной старшина и др.), волостные правления и волостные суды подчинялись мировым посредникам, управлявшим мировыми участками, на которые делились уезды. По закону, мировые посредники должны были выбираться из дворян. Но в Коми крае их было крайне мало, поэтому губернатор назначал посредников из числа чиновников-разночинцев. В 1882 г. мировых посредников заменили чиновники по крестьянским делам (по одному на уезд), а в 1899 г. в Коми крае (кроме Печорского уезда) на смену им пришли участковые земские начальники, получившие более широкие административно-судебные права по надзору за крестьянами.

Важной реформой стало введение земств. Согласно положению от 1 января 1864 г. создавались органы местного самоуправления - губернские и уездные земские собрания и управы, в выборах которых участвовали представители всех сословий. Земских гласных (т.е. депутатов собраний) избирали на три года, членов управ избирали из числа гласных на тот же срок. Земские собрания созывались на несколько дней примерно раз в год, управы работали постоянно. В конце 1866 - начале 1867 гг. состоялись первые выборы в земские собрания в Усть-Сысольском и Яренском уездах, а открылись они в 1869 г. (в Печорском уезде земства были введены только в 1917 г.). В состав земских органов Коми края вошли купцы, зажиточные мещане и крестьяне. Этим местные земства отличались от земств других губерний России, в составе которых было много дворян. Земства были образованы для руководства местным хозяйством, просвещением и здравоохранением. Их деятельность контролировалась губернатором. Земские органы, несмотря на ограниченные финансовые возможности, многое сделали для открытия в Коми крае школ, библиотек-читален, больниц и фельдшерских пунктов, ремонта дорог, улучшения организации сельскохозяйственных работ и др.

В 1864 г. в России была проведена судебная реформа, провозгласившая бессословность суда, независимость его от администрации, несменяемость судей, гласность и состязательность процесса и т.п. В Яренском и Усть-Сысольском уездах эта реформа осуществилась лишь осенью 1882 г., а в Печорском уезде - 1888 г. Но и после реформы сохранились некоторые пережитки прошлой системы - в частности, особые волостные суды для крестьян. Волостные судьи могли приговорить крестьян к принудительным работам, штрафу, аресту до семи дней, розгам (наказание розгами в России существовало до 1904 г.).

16 июня 1870 г. был опубликован закон о городском управлении. В Яренске и Усть-Сысольске реформа самоуправления была проведена в середине 1870-х годов. Все, кто платил в городскую казну определенные налоги (купцы, зажиточные мещане и крестьяне), получили право выбирать и избираться в городские думы. Дума создавала свой исполнительный орган - городскую управу, которую возглавлял городской голова. Эти органы занимались организацией городского хозяйства и контролировались губернатором и Министерством внутренних дел.

Изменения в расселении коми

Коми народ вплоть до конца 1920-х годов продолжал активно расширять территорию своего расселения. Наибольшие изменения произошли в бассейне Печоры. В середине XIX в. берега Усы и Колвы оставались почти незаселенными (существовали только Усть-Уса и Колва, в которой жили оседлые ненцы), а к 1905 г. там появилось еще три десятка деревень и выселков: Абезь, Адзьва, Макариха и т.д. Была заселена вся Уса до самых верховьев, где возникли выселки Ошвор, Елец и др. Осваивались и притоки Усы: Косью, Роговая, Нерцета, Лемва. В 1905-1917 гг. в этом районе было основано еще 12 выселков. Тогда же, в 1905-1917 гг., проходила колонизация берегов Колвы, где появилось шесть выселков. Большинство переселенцев были коми, которые пришли туда из Ижемской, Красноборской и Кедвадомской волостей; позднее к ним порой присоединялись переходившие к оседлости ненцы.

На берегах Печоры между устьями Ижмы и Колвы во II половине XIX в. ижемцы основали 13 поселений (Кипиево, Захар-Вань и др.), в 1905-1917 гг. - еще девять поселений. В конце XIX - начале XX вв. несколько групп коми-ижемцев переселились в низовья Печоры (в Ермицкую, Бугаевскую и Пустозерскую волости). Восемь населенных пунктов ижемцы основали во второй половине XIX - начале XX вв. на нижней и средней Ижме. В конце XIX - начале XX вв. появились населенные пункты на притоках Печоры (в ее верхнем течении) - Щугоре, Подчерье, Илыче; там поселились верхнепечорские коми.

Немало населенных пунктов в конце XIX - начале XX вв. возникло в верховьях Вычегды (в районе Помоздино и Пожега) и в одном из наиболее глухих уголков края - на Северной Кельтме и ее притоках (Воль, Дема, Оська и др.). Затем коми из этого района вышли к верховьям Камы и основали там три починка с одинаковым названием Тимшор. Активно осваивались верховья Лузы и Летки, где появились Верхолузье, Ула, Тылай и т.д. Коми поселения в начале XX в. имелись даже на берегу р. Кузюг, притока р. Моломы, впадающей в Вятку.

Значительные группы коми переселились за пределы Коми края. В 1853 г. первая коми семья поселилась в низовьях р. Обь в Обдорске (Салехард). Через пять лет к ним присоединилась еще одна, а в 1859 г. - четыре семьи. С 1863 по 1899 гг. почти ежегодно в Обдорск переселялись от одного до пяти семейств (в 1873 г. приехало целых 8 семей, в 1893 г. - 7 семей). На рубеже столетий в 1900-1901 гг. в Обдорске появилось 22 коми семьи. В 1863 г. несколько коми семейств поселились в зауральском городе Березове. С 1875 г. ижемцы стали оседать в селе Мужы, расположенном тоже за Уралом. Поначалу там появилось четыре семьи, в 1879 г. - еще четыре, в 1881 г. - две, 1882 г. - одна и т.д. Больше всего переселенцев прибыло в Мужы в 1891 г. (10 семей), 1897 г. (8), 1898 г. (9), 1899 г. (8), 1901 г. (8). В начале XX в. в Мужах проживало 88 ижемских семей, в Обдорске - 101 семейство. В 1913 г. в Березовском уезде насчитывалось около 500 ижемцев.

Зауральские власти докладывали о переселениях коми-ижемцев на Обь: “Наплыв этой народности в здешний край мы не в силах остановить даже принудительными мерами, так как это движение обуславливается экономическим неблагополучием переселенцев на родине”. Впрочем, тобольский губернатор видел в притоке ижемских коми в Зауралье несомненную пользу: “Самый подходящий элемент будущих переселенцев в этом крае - соседние...выходцы, условия быта которых более или менее тождественны с условиями быта в здешней местности... Теснимые бедностью вследствие усложнения условий жизни на родине, зыряне, как свободные переселенцы в этот край, являются вполне подготовленными для поселения в новых местностях, так как предшествующая жизнь научила их бороться за существование, и таким образом могут служить самыми лучшими акклиматизированными колонистами здешнего края”.

Разумеется, поселение коми в Зауралье не обходилось без трудностей. Старейшины ненцев, хантов и манси (народов, считавшихся владельцами земли за Уралом) требовали с коми переселенцев платежи “за право постановки дома”, а также ежегодные денежные взносы со двора, причем “без права пользования какими бы то ни было земельными угодьями”. Для бедной части переселенцев-коми это было весьма затруднительно. Поэтому, как сообщали губернатору чиновники, некоторые “зыряне принуждены вести жизнь бивачную, временно поселяясь в домах тех счастливых земляков, которым удалось обстроиться”.

Местное население выражало недовольство тем, что ижемские оленеводы со своими стадами истощали мох, которым питались олени, отпугивали дичь, что коми охотились и рыбачили в угодьях хантов и манси. Жаловались, что ижемские торговцы при приобретении меха у местных охотников прибегали к обману, спаивали промысловиков, а крупные коми оленеводы переманивали и даже отбивали оленей у местных владельцев. Конечно, такие случаи имели место, но в этом нельзя винить всех коми переселенцев; к тому же сходным образом поступали и представители других народов. “Зыряне везде сильные конкуренты русским торговцам и, естественно, вызывали недовольство и даже антипатию к себе последних. Очень вероятно, что по проишкам и подстрекательствам русских торговцев поступают от инородцев те жалобы, последствия которых были бы очень плачевны для зырян, если бы решение

местной администрации было проведено в исполнение”, - говорится в одном из исследований начала XX в. Упомянутое “решение” заключалось в попытке полицейских властей выселить всех коми из-за Урала обратно в Коми край. “Но зыряне все-таки оставались на занятых ими местах, - докладывал губернатор в столицу, - надо полагать, ввиду наличности согласия инородцев и отсутствия законных поводов к выселению”. И поныне коми живут в этих местах, сохраняя свой язык и элементы духовной и материальной культуры.

Селились коми и в других местах Сибири. Примерно в 1870 г. выходцы из Кибры, называвшейся также Спасским погостом (совр. Куратово), основали д. Кибер-Спасск на юге нынешней Омской области. В последующее время, к 1893 г., в этом же районе возникла целая группа коми деревень. Куратовы, Юговы, Колеговы, Пельмеговы и другие живут в Кибер-Спасске и сегодня. В 1896 г. группа коми с верхней Вычегды (из Бадзельска, Помоздино и других селений) поселилась на берегу р. Шиш (приток Иртыша), основав село Имшегал. По сей день там очень распространена фамилия Уляшев, есть Мартюшевы, Есевы, Ульныровы, Чувьюровы и другие.

В середине 80-х годов XIX в. группа коми-ижемских оленеводов под влиянием нехватки пастбищ, массовых заболеваний оленей решила на беспрецедентное переселение, двинувшись с Печоры на Кольский полуостров. С собой переселенцы взяли многочисленных (несколько тысяч) оленей и самое необходимое имущество. Пройдя вдоль побережья Северного Ледовитого океана и Белого моря, они пересекли по весеннему ненадежному льду Кандалакшский залив и ступили на землю Кольского полуострова. Около двух лет ушло у них на это путешествие и на выбор места жительства. Зимой 1887 г. ижемцы наконец поселились близ Ловозера - древнего селения саамов. Последние поначалу недоверчиво отнеслись к пришельцам. Но коми, пообещав не трогать саамских рыболовных угодий, даря бедноте оленей, добились согласия на свое поселение. В конце XIX - начале XX вв. сюда прибыло много новых ижемских переселенцев. С ростом численности коми на Кольском полуострове там возникли и другие коми селения, часть которых существует и в наше время.

В 1897 г. в Коми крае (в современных границах Республики Коми) насчитывалось около 142 тысяч коми и 14-16 тысяч русских. Примерно 12 тысяч коми проживали в других регионах, более 9 тысяч из них - в Сибири. В 1917-1918 гг. в Коми крае было около 190 тысяч коми и примерно 20 тысяч русских. На территории нынешней республики имелся только один город - Усть-Сысольск. В 1897 г. там жили 4464 чел., в 1916 г. - 6268 (с пригородами); 95% горожан составляли коми.

В начале XX в. российское правительство разрабатывало план переселения в Коми край большого количества русских крестьян из центральных губерний и даже латышей. В 1901-1902 и 1907-1909 гг. несколько специальных экспедиций обследовали верхние Лузу, Летку, Вычегду, Печорский уезд, бассейн Вишеры (в районе Вишеры предполагалось расселить безземельных крестьян, чтобы иметь рабочую силу для нефтяной промышленности, которую планировалось развивать на Ухте). В конечном итоге подобные переселения были признаны невозможными, поскольку даже местные крестьяне не имели в своем владении достаточного количества удобной для ведения сельского хозяйства земли.

Ухтинская нефть

Постепенно все большее внимание российских, иностранных и местных промышленников привлекали природные богатства Коми края. Сибирский промышленник Михаил Константинович Сидоров (1823-1887), много труда вложивший в промышленное развитие Коми края, в 1860-1861 гг. обследовал выходы каменного угля на Ильче, Щугоре, Соплясе, Усе, Сью, Большом и Малом Аранце (где, кстати, обнаружил графит), стал добиваться в правительстве разрешения на разработку печорского угля, но получил отказ. Тогда он решил продолжить попытки Ф.С.Прядунова и его последователей по налаживанию нефтедобычи на Ухте. Дело продвигалось с трудом: чиновники то разрешали М.К.Сидорову бурить нефть, то запрещали, выделяя то один, то другой участок. В конце концов, настойчивый промышленник добился своего: нанятые им шведские инженеры в 1868 г. пробурили первую в Ухтинском районе скважину (на правом берегу Ухты, напротив устья речки Нефть-Йоль). Было обнаружено восемь нефтеносных и два газоносных слоя, добыто около тысячи пудов нефти. Этой нефтью М.К.Сидоров хотел заправлять свои пароходы, плававшие по Печоре и морю. Образцы нефти он послал для исследований ученому Д.И.Менделееву. Побывавшие на сидоровских нефтепромыслах участники австро-венгерской полярной научной экспедиции объявили, что “их ждет блестящее будущее”. Не тут-то было... Нефтепромышленникам юга не нужны были конкуренты, и они приложили все силы, чтобы не дать Сидорову развернуться. Власти отказали в финансовой поддержке развития нефтеразработки на Ухте, и М.К.Сидоров вынужден был закрыть промысел, твердо сказав напоследок: “Я уверен, что нефтяные месторождения на Севере будут иметь в будущем обширное значение по своему географическому положению”.

По мере ускорения промышленного развития России потребность страны в нефти росла. В поисках новых источников важнейшего сырья вспомнили через некоторое время и про Ухту. В 1889-1891 гг. экспедиция под руководством академика Ф.Н.Чернышева изучала месторождения каменного угля, серы, золота и других полезных ископаемых в бассейне Печоры. Большое внимание уделено было ухтинской нефти. На Ухте заложили несколько опытных нефтяных скважин. Ухтинский район был объявлен заведомо нефтеносным; обсуждались уже и возможности вывозки нефти по рекам (предполагалось для этого даже соединить Печору с Камой и через нее с Волгой) и по дороге, которую следовало специально проложить.

На Ухту потянулись изыскатели: купец А.М.Галин, капитан Ю.А.Воронов, Б.Л. фон Врангель и другие. В 1899 г. на Ухту приехал инженер А.Г.Гансберг, особенно много труда вложивший в разведку нефти в этом районе в начале XX в., в создание нефтепромыслов. Изучением района он занялся сразу по приезде, хотя только в 1905 г. получил участки для добычи нефти. До 1905 г. монопольным правом на разработку ухтинской нефти владел граф Канкрин, каких-либо существенных успехов в сем деле не добившийся. Бакинские нефтепромышленники продолжали тормозить выделение государственных средств на проведение геологоразведочных работ в Ухтинском районе. Частным же лицам трудно было своими силами осуществить подобные мероприятия. Да к тому же далеко не все из приехавших на Ухту собирались всерьез заниматься разведочными работами. Иные в условиях начавшегося в стране “нефтяного голода” рассчитывали разбогатеть, арендовав участки в районе предполагаемого месторождения и намереваясь затем продать их.

А.Г.Гансберг оказался одним из энтузиастов, которые на свой страх и риск решили искать нефть. Он основал Варваринский промысел, построил буровую вышку, бурил скважины. В 1909 г. по его инициативе образовалось “Северное нефтепромышленное товарищество А.Г.Гансберг, А.П.Корнилов и К^о”, которое вело буровые работы. Больших запасов нефти им найти не удалось, и пять лет спустя товарищество распалось из-за слишком высоких затрат, требовавшихся для освоения ухтинского месторождения (государство субсидировать работы отказалось). А.Г.Гансберг остался на Ухте, пытаясь в одиночку наладить дело. Некоторую финансовую помощь оказывало яренское земство: оно, в частности, выдало ссуду для пуска керосинового завода, дабы “доказать доставкой на русский и заграничный рынки, что продукты ухтинской нефти, а также дебиты скважин представляют собой объект для самого обширного нефтепромышленного дела на Ухте”. Здесь Гансберг находился до 1919 г., а затем вынужден был уехать.

Правительство тоже в конце концов решило внести свой вклад в поиски ухтинской нефти. В 1906 г. тут побывала экспедиция, руководитель которой В.Я.Белобородов с большим энтузиазмом отнесся к возможностям разработки нефтяного месторождения и даже предложил построить нефтепровод от Ухты до д.Весляна (на Выми), проложить железную дорогу, соединившую бы Вычегодский край с Печорским и район Усы с Зауральем. В 1911-1913 гг. геологоразведчики под руководством инженера В.И.Стукачева пробурили четыре скважины и пришли к выводу, что пока нет оснований рассчитывать на возникновение на Ухте нефтяной промышленности - слишком малоэффективны были изыскания. Но поиски нефти были продолжены Русским товариществом “Нефть”, которое в 1911 г. приобрело на Ухте участки. В 1914 г. на месте нынешнего города Ухты возник небольшой нефтяной промысел. В 1914-1917 гг. товарищество пробурило несколько неглубоких скважин и, будучи, возможно, не слишком заинтересованным в нахождении ухтинской нефти, заключило, что теперь с “несомненностью определилось отсутствие промышленного значения Ухтинского района” (несмотря на то, что проведенное в 1916 г. обследование показало большое будущее нефтеразработок на участке близ речки Чибью).

Лес, соль и железо

Лесозаготовительная промышленность стала развиваться значительно быстрее, чем раньше. Уже в 60-х гг. XIX в. заготовки леса велись на довольно обширном пространстве в бассейнах Печоры, Вычегды, Сысолы, а затем и в других районах Коми края. Упоминавшийся промышленник М.К.Сидоров, фактически возглавив в 1860-х гг. основанную В.Н.Латкиным Печорскую компанию, организовал вывоз лиственницы с Печоры в Англию, Голландию, Испанию и другие европейские страны, отправлял корабли с печорским лесом в Кронштадт. Он предлагал построить лесопильный завод и крупный порт в устье Печоры, выдвигал ряд других предложений по экономическому развитию Севера России. Свои идеи М.К.Сидоров изложил в поданных в правительство проектах и записках. Полученный им ответ гласил: “Так как на севере постоянно льды и хлебопашество невозможно, и никакие другие промыслы немислимы, то... необходимо народ удалить с Севера во внутренние страны государства, а вы хлопчете наоборот... Такие идеи могут проводить только помешанные”. Без помощи властей М.К.Сидоров не смог осуществить свои планы. Его суда, перевозившие лес, часто терпели крушения близ устья Печоры,

принося огромные убытки. Немало денег ушло на поиски ухтинской нефти. В конце 70- гг. XIX в. М.К.Сидоров и “Печорская компания” разорились.

Другие лесопромышленники оказались более удачливы. В 1870 г. крупная компания “Н.Русанов-сын” добилась льготных условий заготовки леса на Мезени и Вашке. Контроль за ее деятельностью был слабым, и лес вырубался почти без ограничения. Привлеченные прибылями этой компании, в последующие десятилетия заготовкой леса в Коми крае занялись “Беломорская компания”, торговые дома “Амосов, Гернет и К^о”, “Ульсен, Стампе и К^о” и другие русские и иностранные предприниматели. Их деятельность определялась запросами главным образом иностранных (английского и других европейских) рынков. На российский рынок шла незначительная часть леса: вятские и царицынские промышленники сплавляли его по Летке и Кобре для спичечных фабрик Вятской губернии, на Царицынский лесопильный завод, в Саратов, Астрахань. Все эти компании и предприниматели занимались в Коми крае лишь лесозаготовкой, нещадно истребляя леса в стремлении как можно дешевле получить высококачественную древесину. Никаких обрабатывающих предприятий в крае они не строили, поскольку, как правило, владели лесопильными заводами в Архангельске и других городах, откуда уже в обработанном виде лес шел на рынки.

Отдельные местные купцы (усть-сысольцы А.Забоев, А.Кузьбожев, В.Оплеснин) в конце XIX в. также начали самостоятельно заниматься лесозаготовками, но им всячески препятствовали уже закрепившиеся ранее в этой сфере конкуренты. Архангельские лесозаводчики в 1898 г. даже заключили между собой соглашение об отказе закупать у усть-сысольских купцов заготовленный ими лес и требовали, чтобы правительство запретило усть-сысольцам вести заграничную торговлю лесом. Выдержать конкурентную борьбу мелким коми промышленникам было крайне сложно.

Пришедшие на Печору после М.К.Сидорова лесопромышленники на своем опыте убедились в неудобности перевозки леса с Печоры морем к лесопильным заводам других регионов. Первая же операция шведской фирмы “Альфред Лидбек и К^о” по отправке нераспиленных бревен в 1900 г. завершилась полным провалом: “При передаче на морские пароходы леса особыми баржами” близ устья Печоры, - вспоминал один из работников фирмы, - “все баржи морским волнением были разбиты и весь лес рассеялся по океану”. Пришлось признать правоту М.К.Сидорова, и вот в 1901 г. в устье Печоры был построен шведский лесопильный завод (сгоревший в 1905 г.). В 1903 г. там появился второй завод, принадлежавший товариществу “Стелла поларе” (его пайщиками являлись российские, норвежские, шведские и английские промышленники); в 1906 г. на заводе работало 400 человек.

На лесозаготовку нанимались временные рабочие (обычно составлялись артели из крестьян одного селения), рубившие и вывозившие лес к рекам. Сплавляли плоты из бревен местные лоцманы. Собственные топор да лошадь - вот и все “технические средства”, имевшиеся в распоряжении коми лесозаготовителей. Не было ни нормированного рабочего дня, ни медицинской помощи, ни страховки от травм, полученных во время работы. Увечным оставалось лишь уповать на сострадание служащих той или иной фирмы. Крестьянин Безносиков из Спаспоруба “на заготовке сортового леса изувечил правую ногу и остался без работы на всю зиму, в которую мог бы заработать на пропитание семейства, состоящего из 5 человек”. Он писал: “Имею честь просить вашей фирмы явить божескую милость, дать мне помощь, по крайней мере, 25 рублей”. В самом начале XX в. из-за экономического кризиса в России лесозаготовки в Коми крае сократились, но к 1905 г. положение улучшилось, и лесная промышленность благополучно развивалась до I мировой войны. В годы войны объем лесозаготовок и работ на лесопильном заводе “Стелла поларе” сократился.

Продолжали действовать Сереговский солеваренный завод и Кажимские металлургические заводы на Сысоле. Сользавод в 1856 г. перешел в руки “Беломорской компании”, а в 1880-е гг. его купил архангельский купец А.В.Бульчев, после смерти которого заводом владела его вдова Белявская (она предпочла сдавать завод в аренду купцу Гурылеву из Прикамья). Кажимские заводы принадлежали петербургскому дворянину Д.Е.Бенардаки и его наследникам, а в 1912 г. стали собственностью петербуржца В.А.Бутлерова. Хотя продукция заводов пользовалась определенным спросом в Коми крае и за его пределами, а в 1896 г. сысольское литье было удостоено большой серебряной медали на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде, но устаревшее оборудование приводило к низкой по сравнению со многими другими заводами России производительности труда, высокой себестоимости продукции, затруднениям с ее сбытом и в итоге к сокращению объемов производства во второй половине XIX в. В конце 60-х - I половине 70-х гг. XIX в. Кажимские заводы вообще не работали в течение нескольких лет.

Писатель П.В.Засодимский в изданной в 1878 г. после поездки по Коми краю книге скептически отозвался о состоянии сысольских заводов, однако заметил, что “если принять во внимание богатство здешних руд и качество железа”, то “тут можно бы ворочать миллионными предприятиями; здешние заводы в несколько лет могли бы обратиться в города, наподобие североамериканских Чикаго, растущих сказочно быстро; заводы могли бы завести свои собственные пароходы для сношений с Архангельском и

с европейскими рынками... Мало ли что здесь могло бы быть!” Засодимский предположил, что объединившиеся в артель рабочие могли бы с большим успехом сами организовать работу заводов.

Чикаго из Ньючима и других заводских поселков, однако, не получился. В конце XIX в. наметился было некоторый подъем в деятельности местных заводов, были введены некоторые технические новшества, но сколь-либо значительных последствий для развития заводов, повышения их конкурентоспособности это не имело. В начале XX в. заводы работали неровно, производство то сокращалось, то увеличивалось. По несколько месяцев в году заводы простаивали. Начало I мировой войны принесло некоторое оживление в работу металлургических предприятий. Они стали выполнять военные заказы (изготовление чугунных корпусов для мин и некоторые другие). В 1918 г. солеваренный и металлургические заводы были национализированы.

Пути сообщения, почтовая связь и торговля

В 60-е гг. XIX в. были сделаны первые шаги в развитии пароходства в Коми крае. Свой вклад внес в это уже известный нам М.К.Сидоров. 15 июня 1863 г. он получил разрешение на учреждение пароходства на Печоре. В 1864 г. М.К.Сидоров приобрел у одного из петербургских промышленников двухвинтовой железный пароход английской постройки, который был доставлен в верховья Камы. С ее притоков по волоку пароход, получивший название “Печора”, перетащили в верховья Печоры. В конце августа 1864 г. судно отправилось в свое первое плавание по этой реке. 28 августа 1864 г. троико-печорцы впервые увидели подплывающий к их селу пароход, который они “встретили с особым торжеством и молебствием, как предвестника оживления их страны”. М.К.Сидоров изучил фарватер и глубины Печоры и Печорского залива, Усы и Лемвы, готовил лоцманов из местных жителей, но его далеко идущим планам не суждено было осуществиться из-за разорения.

На несколько лет дело по развитию пароходства на Печоре заглохло, но в 1881 г. чердынский купец И.А.Суслов открыл движение буксирного парохода, тянувшего баржу от Якшинской пристани в верховьях Печоры до селения Куя в ее низовьях. За это славное начинание он получил золотую медаль от “Общества содействия русской промышленности и торговле”. В последующие годы к И.А.Суслову присоединились со своими пароходами чердынские купцы М.В.Черных и другие. В 1886 г. на Печоре между Якшей и Кудей плавали три буксирных парохода, в 1897 г. - пять пароходов.

Развитие пароходства на Печоре вызвало появление в 80-е гг. идеи строительства каналов между верховьями Печоры и Камы, но ее не воплотили в жизнь. В 1895 г. правительство ввело регулярное движение товаро-пассажирских пароходов по Печоре от Куи до Щугора, заключив договор на содержание двух судов с М.В.Черных. С 1897 г. товаро-пассажирские суда стал обслуживать купец С.Н.Норицын (он был родом из г. Лальска, но жил в Ижме). Пароходов на Печоре становилось все больше. В начале XX в. два парохода имела, например, “Ижемская трудовая артель”, организованная местными крестьянами. В 1912 г. на Печоре имелось 16 пароходов и около 30 барж, в 1917 г. - 20 пароходов, принадлежавших частным лицам.

Во второй половине XIX в. началось движение пароходов и на Вычегде. В 60-90-е гг. здесь ходило от двух до восьми пароходов, принадлежавших разным людям; в начале XX в. количество судов увеличилось. Тремя пароходами владел хозяин Сереговского сользавода А.В.Булычев. Усть-сысольский купец А.М.Забоев имел пароход “Тотьма”, крестьянин Яренского уезда П.Н.Козлов - пароход “Вымичанин”. В 1898 г. было введено регулярное пароходное товаро-пассажирское сообщение от Устюга до Усть-Сысольска; его осуществляли колесные, с деревянными корпусами, работавшие на дровах суда акционерного общества “Котлас-Архангельск-Мурман” (позднее - Северное пароходное общество). Поначалу пароходы ходили из Устюга в Усть-Сысольск один раз в неделю, в 1911 г. - уже шесть раз в неделю. С 1907 г. были налажены регулярные пароходные рейсы в Усть-Сысольск из Вологды и Архангельска.

По мере усиления движения судов по Вычегде проводились работы по обустройству водных путей. В 1890 г. проводилось обследование Вычегды и заброшенного Северо-Екатерининского канала (в это время обсуждался вопрос о восстановлении водного пути с Камы на верхнюю Вычегду для перевозки грузов с Волги в Архангельск). В 1908-1909 гг. изучались возможности вывоза ухтинской нефти по Выми и Вычегде. В 1909 г. на Вычегде появился судоходный надзор, были расставлены вежи на фарватере от ее устья до Усть-Сысольска. В 1910 г. ввели частичное освещение на нижней Вычегде (бакены), а в последующие годы довели его до Усть-Сысольска. Случались, однако, и накладки: освещение (“обстановка”) включалось в соответствии с расписанием движения пароходов, а так как суда “часто не могут выдержать такового, то нередко пароход проходит ночью те места, где ночной обстановки нет”. Слава Богу, умели плавать в те годы и без “обстановки”... С 1910 г. проводились расчистки Вычегды (в меньшей мере Выми, Сысолы, Вишеры, Нившеры и их притоков) от мелей, камней, затонувших бревен. В частности, в 1911-1912 гг. расчистили приток Выми речку Ропчу, по которой намеревались вывозить

нефть с Ухты. Попытки расчистить Северо-Екатерининский канал, но без большого успеха - в 1915 г. побывавший там губернатор обнаружил канал в плачевном состоянии. Работы по обустройству судоходства продолжались даже в годы мировой войны.

Немало было сделано и для строительства дорог. В 1869 г. все тот же неуемный М.К.Сидоров разработал проект дороги с Печоры и Усы через Урал на Обь. Собираясь он также построить рельсовую дорогу от с. Щугор на Печоре до зауральского с. Ляпино (Саранпауль), которая могла бы стать важной торговой коммуникацией между Европой и Азией на Севере. Печорские жители и тобольские купцы поддержали эту идею; печорцы даже высказали пожелание поселиться вдоль такой дороги. В середине 1870-х гг. начались работы по строительству Петровской (так ее назвал Сидоров) дороги, но в 1876 г. губернские власти распорядились прекратить их.

Пять лет спустя иркутский купец А.М.Сибиряков решил продолжить строительство тракта между Щугором и Ляпино. В 1884 г. А.М.Сибиряков на оленях проехал с Печоры на Обь; об этом сообщили некоторые российские журналы. Однако обустройство трассы продолжалось еще несколько лет. В 1886 г. Сибиряков начал оборудовать летний колесный путь и даже задумывался об осуществлении идеи Сидорова относительно узкоколейной железной дороги, но ни то, ни другое не было воплощено в жизнь. В 1888 г. строительство зимнего тракта, получившего название Сибиряковского, полностью завершилось. На Печору повезли сибирский хлеб, а в обратном направлении - семгу, продукцию брусяно-точильного промысла и оленеводства. Но значительного развития проходивший по нежилым местам тракт не получил - обслуживать его было весьма сложно. Правда, на рубеже XIX-XX вв. интерес к тракту усилился из-за выдвинутого сибирскими промышленниками предложения построить в устье Печоры или Оби порт для беспошлинной торговли с границей. Увы, все в очередной раз кончилось разговорами, и тракт постепенно оказался заброшен.

В Яренском и Усть-Сысольском уездах особенно большую роль в организации дорожного строительства сыграли уездные земства; они же организовали в 70-х гг. и земскую почту. В Усть-Сысольском уезде она появилась в 1872 г. Два раза в неделю уездный центр имел почтовое сообщение с волостями. Для сопровождения почты были наняты девять рассыльных. Государственная почта в Усть-Сысольском уезде была введена лишь в 1914 г. на направлении Усть-Сысольск - Кажим. В 1881 г. закончилось сооружение проселочной дороги Шежам Буткан, связавшей нижнюю Вычегду с отдаленными удерскими волостями. В течение 1886 г. была протянута телеграфная линия от Устюга до Усть-Сысольска (ранее телеграммы доставлялись на лошадях). 12 ноября 1886 г. работа была завершена, и после благодарственного молебна, отслуженного протоиереем Усть-Сысольского Троицкого собора, в Усть-Сысольске открылся прием корреспонденции.

В 1894 г. завершилось строительство почтового тракта от с. Койнас на Мезени до Усть-Цильмы, сыгравшего важную роль в укреплении связей между Печорским и Мезенским регионами, в экономическом развитии Печорского края. Вдоль Койнасского тракта протянули телеграфную линию. В 1900 г. началось строительство дорог от Усть-Нема до д. Ксенофоновской (Пермская губерния) и от с.Летки к железнодорожной станции Мураши. В 1916 г. были разработаны проекты строительства железных дорог через Коми край и Уральские горы. Одна из них должна была вести от р.Обь через Троицко-Печорск и Ухту на Архангельск, а вторая - от Оби через Усть-Сысольск к Котласу, а оттуда к Мурманску. По настоянию усть-сысольского земства власти утвердили второй проект, но разразившаяся революция поставила на нем жирный крест.

Успехи в развитии водных путей, строительство трактов, появление вблизи Коми края в конце XIX - начале XX вв. железных дорог содействовали развитию торговли. На ярмарках и торжках (в 1892 г. в Коми крае проводилось 19 ярмарок и 12 торжков; наиболее крупными ярмарками были Георгиевская в Усть-Сысольске, Афанасьевская в Небдино, Герасимовская в Усть-Выми и Крещенская в Важгорте) наряду с местной продукцией продавалось все больше привозных промышленных изделий - мануфактурных, галантерейных, бакалейных. Ими торговали как местные, так и устюжские, вятские, сольвычегодские, пермские купцы. Во II половине XIX - начале XX вв., например, в Коми край стали поступать новые для местных жителей виды крупы - манка и рис (последний вообще являлся экзотическим продуктом и завозился в небольшом количестве); греча время от времени ввозилась помногу, но особым спросом не пользовалась. В это же время в край стали привозить также сухие дрожжи, ананасы, абрикосы, арбузы, лимоны, виноград, огурцы, швейные машинки, кокосовое масло, гематоген, макароны, зонты, велосипеды, стеариновые и парафиновые свечи, колесные экипажи, паровые и электрические машины, сложный сельхозинвентарь (конные косилки и т.п.) и многое другое. Даже мебель, обувь и одежда стали, в основном, покупаться, а не изготавливаться в домашних условиях, как раньше.

Появились торговцы-монополисты. И.В.Александров, купец из г.Слободского Вятской губернии в конце XIX в. сосредоточил в своих руках всю торговлю спиртным в Яренском и Усть-Сысольском уездах. Его оптовый склад находился в Усть-Сысольске; в разных селениях Александрову принадлежало

20 лавок, а прочие торговцы спиртным приобретали товар у него. В начале XX в. наиболее широкую торговлю пивом в Коми крае вел Г.Л.Зебальд (баварский подданный, живший в Устьюге); в Усть-Сысольске он держал оптовый склад пива. В городе и в ряде вычегодских сел имелись принадлежавшие ему пивные лавки.

Ижемцы активно занимались торговлей в тундре. Их деятельность привлекла внимание многих российских писателей и публицистов II половины XIX - начала XX вв. Правда, оценивали ее, как правило, весьма односторонне: словно бы ижемский торговец уезжал в тундру к ненцам с бочкой водки, а “через несколько дней, много через неделю или две... возвращался в свою волость с пустой бочкой, но не с одними санками и не порожними; вместо восьми оленей, привезших бочку, приводит он домой десять, двадцать, тридцать и более”. Между тем водка водкой (ее не брезговали продавать и русские торговцы), но в основном именно через ижемцев шли к ненцам ножи, топоры, капканы, цепи для крепления нартов, орудия для обработки кожи, одежда и прочие товары, необходимые для хозяйства и быта. Взамен ижемцы брали оленье мясо, рыбу, дичь.

Важным торговым центром стал г.Усть-Сысольск, где проживали почти все крупные торговцы уезда. Купец второй гильдии А.М.Забоев во II половине XIX в. вел в Коми крае крупную торговлю хлебом. В тот же период значительный торговый оборот был у купцов П.А.Комлина, В.П.Оплеснина, М.А.Суворова, Ф.М.Сычева, торговавших мануфактурой, кожей, бакалеей, табаком, различными красильными и другими товарами. В начале XX в. крупным торговцем стал Д.Кузьбожев и его наследники; они продавали рыбу, соль и другие продовольственные товары. После смерти М.А.Суворова торговлю вела его вдова Л.Н.Суворова, затем сын И.М.Суворов (они продавали рыбу, хлеб, табак, изделия из чугуна и др.). Братья Иван и Василий Комлины в начале XX в. сосредоточили в своих руках почти всю оптовую и розничную торговлю мукой и мучными изделиями и заняли по торговым оборотам первое место в уезде.

Для расширения торговых операций местному купечеству необходим был свой банк. 25 января 1863 г. усть-сысольцы обратились к правительству с просьбой “для воспомоществования усть-сысольских граждан в торговых и промышленных оборотах и вообще для развития торговли и промышленности учредить в г.Усть-Сысольске общественный банк”. В апреле 1865 г. Сенат дал свое разрешение, оговорив, что “из прибылей банка две части употребляются на предмет общественного призрения и воспитания, а остальная третья часть присоединяется к основному капиталу” банка, составленному из пожертвований усть-сысольцев. В том же году в городе открылась и сберегательная касса.

Сельское хозяйство и промыслы

Коми край по-прежнему оставался аграрным регионом. Каких-либо коренных изменений в развитии сельского хозяйства не происходило. Земства, правда, пытались пропагандировать прогрессивные методы ведения земледелия и животноводства. В конце XIX в. они начали завозить и продавать крестьянам сельскохозяйственные машины, в начале XX в. стали устраивать выставки скота и проводить опыты по выращиванию лучших сортов зерновых. С 1907 г. в Усть-Сысольском, а с 1913 г. и в Яренском уездах при поддержке земств стали возникать сельскохозяйственные общества (кооперативы). В основном при этих обществах земства организовывали зерноочистительные и прокатные пункты по луговодству и полеводству, снабженные простейшими машинами и усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями (веялки, молотилки и т.п.). К 1913 г. в Усть-Сысольском уезде появилось 13 зерноочистительных и 7 прокатных пунктов. Сельскохозяйственные общества объединяли небольшую часть состоятельных крестьян, а остальная масса пользовалась примитивными приемами производства и не имела возможности применять технику.

В Печорском уезде увеличилась товарность животноводства, появился дополнительный продукт, который можно было пускать на продажу - молоко и масло. Некоторые состоятельные жители приобретали молоко и перерабатывали его на своих маслобойнях. Первая из них появилась в 1907 г. в Усть-Цильме и принадлежала Хлевинской. Работало на ее маслобойне два человека. В 1911 г. в Печорском уезде имелось четыре маслобойни, в 1912 г. - 11, в 1913 г. - уже 32. Их владельцами были самые разные люди, далеко не всегда очень зажиточные, но зато всегда весьма инициативны. Один из них, крестьянин Красноборской волости Филиппов, привез сепаратор с военной службы в Финляндии. О другом, строившем маслобойню в с. Бугаево крестьянине Дуркине, побывавший в Коми крае в 1912 г. архангельский губернатор писал, что этот “крестьянин, толковый, грамотный, но вряд ли имеющий большие средства для развития начинаемого дела”, не просил у властей никакой помощи и рассчитывал на свои силы и умение.

Оленеводство во II половине XIX в. переживало трудное время. Часто случались массовые заболевания животных (эпизоотии). Только в июне 1896 - январе 1897 гг. у коми оленеводов Печорского

уезда пало более 120 тысяч оленей. Ижемец Г.Е.Семяшкин шесть раз заводил стадо, и постоянно его преследовали неудачи; в последний раз в 1898 г. после эпизоотии от более чем тысячи оленей осталось только сто. Не хватало пастбищ для животных. Те же трудности испытывали и оленеводы-ненцы (“самоеды”). В бедственном положении последних некоторые стали обвинять ижемцев. “Наводнив оленьими стадами тундры, крестьяне (коми - авт.) овладели рыбными и звериными промыслами и довели самоедов до нищеты”, - говорится в документе 1864 г. Другой документ 1888 г. гласил: “В прежние годы самоеды были самый зажиточный народ и зыряне находились у них в услужении. В настоящее время самоеды - самый бедный народ и находятся большей частью в услужении у зырян”.

Во II половине XIX в. стали даже разрабатываться проекты изгнания ижемцев из тундры и закрепления оленьих пастбищ исключительно за ненцами как коренными жителями района: “Все пространства тундр утвердить в потомственном владении самоедов с воспрещением всякой там промышленности лицам, не имеющим коренного права на тундры”; “зырянам Ижемской волости по скудости земледелия” предполагалось разрешить лишь ловить рыбу “в реке Усе, в Большеземельской тундре протекающей”. Но эти проекты справедливо были расценены как ошибочные и не осуществились. Крупные оленевладельцы были как среди коми, так и среди ненцев и русских, и не было никаких серьезных оснований обвинять ижемцев в “ограблении” ненцев. Российское правительство отмечало также, что коми и русские в тундре “распространили уже промыслы свои в такой степени, что лишить их права пользоваться тундрами без совершенного разорения невозможно”.

Ненцы стремились к максимальному увеличению оленьих стад, а не к развитию товарности оленеводства. Коми-ижемцы делали упор на товарную сторону хозяйства, развивали обработку продукции. Росло количество замшевых предприятий. К началу XX в. наряду с мелкими мастерскими возникли относительно крупные и частично механизированные предприятия, на которых работали по 25-30 наемных рабочих. Они принадлежали А.Е.Филиппову из с. Ижма, И.И.Терентьеву из Краснобора и Ф.А.Канову из Дибоя (Большое Галово). На их замшевых заводах производилось больше половины печорской замши.

Возникали в Коми крае и другие предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья и производству предметов обихода, часто громко именовавшиеся “фабриками” и “заводами”. Например, в январе 1892г. с оборотом не менее 1 тысячи руб. в год существовали в г.Усть-Сысольске спичечная фабрика, пять кожевенных заводов, кирпичный завод, в Визинге - два кожевенных завода, в Кочергинской волости (верхняя Луза и Летка) - пять дегтекуренных заводов (в Верхолузье, Тылае и других селениях), в д. Ловля Ношульской волости - дегтекуренный завод. В 1904 г. в Усть-Сысольске имелось 14 фабрик и заводов, на которых работало 24 человека. На промышленный уровень эти предприятия не выходили, так как не могли выдержать конкуренцию с российской и зарубежной фабрично-заводской промышленностью, изделия которой во все большем количестве завозились в Коми край по мере развития транспорта. В начале XX в. постепенно свертывалась работа на Печорском брусяно-точильном промысле, так как его продукция не могла соперничать со скандинавской. В годы первой мировой войны число и продукция кустарных промыслов, в том числе замшеделия, значительно сократилась.

В Усть-Сысольском и Яренском уездах во II половине XIX - начале XX вв. продолжался упадок промысловой охоты (рыболовство и ранее было развито слабо). В Печорском уезде охота и рыболовство сохраняли свое значение. Увеличилось в это время количество отходников, уходивших из родных мест на временные заработки в Санкт-Петербург, Москву, Вологду, Вятку, Архангельск, сибирские города. Женщины нанимались в качестве домашней прислуги. Мужчины устраивались на заводы, фабрики, пристани и железнодорожные станции, трудились плотниками, столярами и т.п. Выходец из с. Вьльгорт Семен Иванович Налимов (1857-1916) занимался столярными работами, затем стал ремонтировать и изготавливать музыкальные инструменты - балалайки, гитары. Инструменты получались у него замечательные, и организатор первого в России оркестра народных инструментов В.В.Андреев, познакомившись с мастером, пригласил С.И.Налимова сотрудничать. С.И.Налимов изготовил около 300 музыкальных инструментов, примерно 70 из них - для оркестра В.В.Андреева. А лично для Андреева он сделал прекрасную балалайку, переданную позднее на хранение в музей “Театр и музыка”. На выставках музыкальных инструментов в Париже в 1902 г. и в Петербурге в 1906-1907 гг. С.И.Налимову были присуждены большая и малая золотые медали.

Политическая ссылка. Первые партийные организации. Выступления рабочих и крестьян

Отдаленный Европейский Северо-Восток России с давних пор использовался властями как место ссылки своих политических противников и уголовных преступников. Поначалу их отправляли в низовья Печоры - в Пустозерск. Там во II половине XVII - начале XVIII в. отбывали ссылку и заключение знаменитый протопоп Аввакум (сожженный здесь на костре) и другие идеологи раскола, видный

дипломат боярин А.С.Матвеев, бывший фаворит царевны Софьи князь В.В.Голицын (первоначально он более года провел в Яренске), участники восстания в Соловецком монастыре и Астрахани и крестьянской войны под руководством К.Булавина (среди которых был и сын последнего Никифор) и прочие опальные аристократы, отставные унтер-офицеры и т.д. и т.п. В Яренске в 1601 г. отбывал ссылку боярин В.Н.Романов, брат будущего патриарха Филарета и дядя царя Михаила. Некоторое время находились здесь шведы, попавшие в плен во время Северной войны.

На территории современной Республики Коми отдельные ссыльные появились в I половине XIX в.: О.Ф.Ишимов, Н.И.Надеждин, декабрист Г.А.Перетц, который 10 лет отбывал ссылку в Усть-Сысольске. Во II половине XIX столетия число ссыльных в Коми крае возросло. В пятидесятых - начале шестидесятых годов в Усть-Сысольск сослали более двух десятков человек из различных губерний России. Среди них были крестьяне, мещане, чиновники, бывший пономарь, дети священников, бывший прапорщик, сыновья обер-офицеров, двое дворян и даже один “бывший мурза” из горцев. Они попали сюда по разным причинам - в основном, за кражи (именно за это пострадали, в частности, дворяне и мурза), “за укрывательство краденой шубы”, бродяжничество. “Оставной канцелярский служащий” Н.Колмаков угодил в Усть-Сысольск за “похищение дела и ложное наименование себя приставом”, а чиновник Д.Шаньгин - за “сочинение ябеднических прошений”.

“Политических” поначалу было мало. В Усть-Сысольске в 1862 г. из 24 находившихся в городе ссыльных таковых было лишь трое: крестьянин Д.Сцегенный, наказанный за участие в крестьянском восстании в Польше и создание “подпольной крестьянской организации”, сын местного священника В.В.Кокшаров и видный впоследствии революционер-народник П.И.Войнаральский (их сослали за участие в “студенческих беспорядках”). Через год к ним добавились девять участников польского восстания 1863 г.: В.Запоровский, С.Краков, К.Цельт и др. В 1864 г. в Усть-Сысольск сослали поляка В.Журавского. Как писал из Усть-Сысольска один из ссыльных поляков, “все пригоняют и пригоняют, негодяи, сюда нас, бедных... Сколько преступлений, сколько подлостей совершила проклятая Москва, а приносить для нашей несчастной отчизны новые жертвы уже нет сил”. Некоторое время спустя поляков перевели в другие регионы. В 70-е гг. в Коми крае появились ссыльные народники. Общее число их было невелико (например, в Усть-Сысольске в 1879 г. жили шесть ссыльных, в 1886 г. - двое, в 1889 г. - восемь, в 1898 г. - десять).

Какого-либо заметного влияния на местных жителей политические ссыльные не имели - за исключением небольшого круга людей, с которыми они знакомились более тесно. П.И.Войнаральский был в дружеских отношениях с поэтом и исследователем И.А.Куратовым, основоположником коми литературы. Но стоило начальству узнать, что кто-то из политссыльных начинает вызывать у обитателей несколько больший интерес, тут же следовало распоряжение о переводе его в другой населенный пункт. Того же Войнаральского в марте 1863 г. перевели из Усть-Сысольска в Яренск как “очень беспокойного человека”, который “имеет весьма вредное влияние на местную молодежь”. В апреле 1865 г. также “за вредное влияние на молодежь” из Усть-Сысольска в Яренск был переведен В.Журавский. Жили ссыльные в довольно хороших условиях. По воспоминаниям очевидцев, поляки, например, “старались подыскать себе лучшие квартиры” в Усть-Сысольске, что им и удавалось. Тем не менее некоторые из ссыльных падали духом, отходили от прежних идеалов, становились полицейскими осведомителями.

В начале XX в. количество политссыльных в Коми крае заметно увеличилось. В 1904 г. в ссылке тут находилось около 200 человек - главным образом, в уездных центрах и соседних населенных пунктах; лишь некоторых отправляли в более отдаленные места. В 1909 г. только в Усть-Сысольске и Яренском уездах насчитывалось больше тысячи политссыльных (довольно много для слабозаселенного края). Среди них преобладали социал-демократы (большевики и меньшевики) и социалисты-революционеры. Были также анархисты-коммунисты, эсеры-максималисты, бундовцы, кадеты, польские социалисты, члены армянской партии дашнакцутюн и др. Часть ссыльных вела себя довольно активно, распространяя листовки, устраивая демонстрации. О первой в Коми крае первомайской демонстрации полиция сообщала: “18 апреля 1905 г. около 4 часов пополудни политссыльные села Усть-Цильмы в числе 25 человек, празднуя по новому стилю 1 мая, собрались на поле за селением, пропели какую-то песню и с двумя красными флагами...прошли к квартирам политссыльных”. Иные, впрочем, предпочитали вламываться по ночам в местные лавки, объясняя это позднее “борьбой с буржуазией”...

В крестьянском крае наиболее благоприятной обстановкой была для эсеров, именно в крестьянстве видевших силу, способную построить новую Россию в борьбе с существующим строем. Социалисты-революционеры выдвинули требование передачи земли крестьянам (их аграрную программу позднее позаимствовали социал-демократы). Но даже эсеры сумели создать в 1905-1907 гг. только четыре партийные ячейки - в Усть-Сысольске (распалась перед первой мировой войной), Яренске (действовала до 1908 г.), Усть-Цильме и Нювчине. Первые три состояли, в основном, из политссыльных, хотя в числе членов были, по сообщению полиции, “некоторые местные жители, как то преподаватели земских школ, фельдшеры и фельдшерицы земских больниц и другая полуинтеллигенция”. В усть-сысольской

организации эсеров состоял, в частности, С.О.Латкин (позднее - один из ведущих деятелей Коми края), арестованный полицией в 1905 г. за распространение эсеровских прокламаций.

Усть-сысольская организация была наиболее деятельной. Она поддерживала связь с вологодским губернским комитетом партии социалистов-революционеров и с заграничным бюро, находившимся в Германии. В июле 1909 г. в Усть-Сысольске даже побывал видный политик, один из лидеров эсеров В.М.Чернов (позднее, в январе 1918 г. именно он председательствовал на российском Учредительном собрании). В.М.Чернов выступил перед местными эсерами с докладом о задачах партии. Ньючимская ячейка партии социалистов-революционеров, созданная по инициативе дьякона Ньючимской церкви Н.В.Кашина и при поддержке приезжавших из Усть-Сысольска ссыльных эсеров, готовила вместе с группой анархистов террористические акты против усть-сысольских властей, но они не были осуществлены. Эсеры в Ньючине действовали до 1909 г.

Среди коми интеллигенции и в первую очередь среди земских гласных и служащих в период первой русской революции 1905-1907 гг. популярностью пользовалась программа кадетов, включавшая такие демократические положения, как равенство граждан перед законом, свобода слова, печати, экономической деятельности, неприкосновенность личности и т.д. В 1905 г. в Усть-Сысольске возникла организация кадетской партии во главе с А.Н.Вешняковым. Он, а также председатель земской управы В.И.Беляев, земский статистик В.Ф.Попов, земский гласный А.М.Мартюшев и другие занимались сбором средств в фонд помощи политзаключенным, распространением в уезде кадетских документов и получившего большой общественный резонанс Выборгского воззвания - обращения группы депутатов распущенной I Государственной думы (кадетов, трудовиков, социал-демократов), в котором граждан России призывали не давать "ни копейки в казну, ни одного солдата в армию" до нового созыва Думы. Полиция устраивала у А.М.Мартюшева и других обыски. А.Н.Вешняков был арестован и на шесть месяцев заключен в тюрьму.

Ссыльные социал-демократы во время первой революции организовали партийные группы в Усть-Сысольске и Яренске. Позднее, в 1911-1913 гг. возникли социал-демократические группы в Ижме, Красноборе, Усть-Цильме и на Пижме. Сосланные в Усть-Сысольск члены Польской социалистической партии также создали свою партийную группу. Составы всех этих групп менялись, действовали они с перерывами. Их пропагандистская деятельность не оказала сколь-либо заметного влияния на основную массу жителей Коми края. Большинство местного населения имело чрезвычайно слабое представление о различных политических партиях, даже об эсерах, не говоря уже про большевиков и прочих.

Выступления рабочих и крестьян в Коми крае во II половине XIX - начале XX вв. имели экономический характер. В 1864 г. рабочие Кажимского завода отправились в Ньючим, где находилось главное управление металлургических заводов, и потребовали повышения расценок, введения отпусков для уборки сена и др. Требования их не были удовлетворены, хотя расценки через некоторое время несколько повысились. В 1871 г. группа вымских крестьян перестала вывозить дрова на Сереговский завод и потребовала денег для покупки сена. В 1905 г. рабочие Сереговского сользавода дважды выдвигали требования о повышении зарплаты, сокращении рабочего дня и т.п. Те же требования в конце 1905 г. выдвинули рабочие Кажимского завода. В том же году почтово-телеграфные работники Усть-Сысольска участвовали в общероссийской забастовке почтово-телеграфных служащих и потребовали повышения зарплаты и улучшения условий жизни. В июле 1906 г. произошла забастовка на Сереговском заводе; все ее участники были уволены, а позднее вернулись на работу на прежних условиях. 20 февраля 1907 г. состоялись забастовка, митинг и демонстрация на Ньючимском заводе; наряду с основными, адресованными администрации завода традиционными требованиями повышения зарплаты и т.п. были выдвинуты лозунг "Долой царское самодержавие", требования политических свобод, равенства перед законом. Происходили выступления рабочих и в последующие годы, хотя и не часто. Неоднократно отказывались от работы в 1906-1916 гг. крестьяне, занятые на заготовке леса. Они требовали повышения расценок, и в ряде случаев их требования удовлетворялись.

Очерк VI. РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В КОМИ КРАЕ В XIV - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Народное образование

Первыми очагами просвещения в Коми крае были монастыри. Именно при монастыре - Михаило-Архангельском в Усть-Выми - в конце XIV в. Стефан Пермский открыл первую в Коми крае школу, где обучались дети из коми семей, принявших христианство. После смерти Стефана школу закрыли, и обучение грамоте велось путем индивидуального ученичества. Но несмотря на отсутствие школ, в Коми крае грамотные люди встречались не только среди духовенства и чиновников, но и среди крестьян, в том числе и небогатых (об этом свидетельствуют документы XVI-XVII вв.). В самом конце XVIII в. в Усть-Сысольске была предпринята попытка организовать групповое обучение - создали группу по подготовке сельских писарей, которых учили грамотно составлять и писать канцелярские бумаги.

Школы появились только в XIX столетии. В их организации были заинтересованы все слои населения Коми края - крестьяне и мещане, чиновники и купцы. Документы XIX - начала XX вв. свидетельствуют, что коми крестьяне ценили грамотного человека больше, чем неграмотного, рассуждая так: "Он лучше... все понимает, он человек "ходовой", он и слово Божье понять и бумагу всякую разобрать и подписать может". В своих прошениях об открытии школ жители края писали: "Сознавая пользу учения и темноту неграмотности, желаем дать своим детям обучение". Примечательно, что крестьяне видели необходимость не только в постижении азов грамоты и счета, но и более углубленного образования, дабы "просветить своих детей, будущее поколение деревни". А вот некоторые представители высшей российской власти совсем по-иному смотрели на это. Известный политический деятель начала XX в. Пуришкевич написал на прошение помоздинских крестьян об открытии в их селе нового училища: "Какое образование нужно простонародью, крестьянам? Достаточно им начальной грамоты и чтоб о большем не мечтали". К счастью, далеко не все в правительственных кругах мыслили так же...

В Яренске первое училище открылось в 1805 г. (позднее в городе были организованы духовное училище - в 1822 г. - и женское училище - в 1843 г.). На территории современной Республики Коми первая школа возникла в 1814 г. - именно тогда владелец Сереговского сользавода Рыбников устроил школу при заводе. В 1816 г. усть-сысольские чиновники сообщили в городскую думу, что они "желание имеют завести в здешнем городе для просвещения юношества училище". Горожане пожертвовали на открытие училища деньги, но их оказалось недостаточно, поскольку по существовавшему законодательству государство первоначально совсем не финансировало вновь открывшиеся приходские училища. "По бедности жителей" дальнейшего сбора с них денег проводить не стали. В городской казне денег тоже не нашлось.

Состоятельные усть-сысольцы нанимали учителей, которые обучали их детей на дому. Например, известная детская писательница А.О.Ишимова (дочь сосланного в Усть-Сысольск в 1818 г. О.Ф.Ишимова) "облегчала участь семьи, давая частные уроки" детям чиновников, в частности, сыну городничего, "которого, - как вспоминала позднее сама А.О.Ишимова, - маменька через несколько дней после нашего приезда прислала к нам с банкой помады (конфет - авт.) в руках и просьбою поучить его по-французски". Наконец, в 1822 г. в Усть-Сысольске открылось духовноприходское училище, первое в Усть-Сысольском уезде. Оно располагалось на первом этаже колокольни Троицкого собора в двух небольших комнатах (в 1864 г. его перевели в деревянный двухэтажный дом). Здесь преподавали учителя из числа священников или выпускников семинарии.

В первой половине 20-х гг. появилась первая в Прилузье школа в Объячево, в 1828 г. - приходское училище в Ижме, в 1835 г. - усть-сысольское приходское училище, дом для которого пожертвовал местный купец М.Новоселов. Преподавали в усть-сысольском приходском училище священник и пономарь. Об учащихся в 1843 г. сообщалось: "Учеников по народонаселению весьма мало, и многие из них настоящие нищие, покрыты рубищами; иногда ходят в классы, а иногда ходят по миру за милостыней, некоторые из них с весьма хорошими дарованиями и имеют охоту учиться".

13 марта 1840 г. открыли усть-сысольское уездное училище. Заниматься там было трудно. "Училищный дом снаружи, - отмечалось в документе 1840 г., - особенно снутри, находится в ветхом безобразном состоянии, чему причиной должно положить не иначе как время". В 1850 г. для училища был куплен у купцов Сухановых двухэтажный каменный дом (сейчас там один из отделов краеведческого музея).

Занятия в училищах велись на русском языке. Коми ученый и просветитель Г.С.Лыткин вспоминал: "Я поступил в Усть-Сысольское приходское, затем уездное училище. И в приходском, и в

уездном училищах (1844-1848 гг.) предметы преподавались на русском языке, нам непонятном, русскими учителями, не знавшими зырянского языка; даже наши почтенные законоучителя (т.е. преподаватели Закона Божьего - авт.), родом зыряне, или не могли, или почему-то находили ненужным давать нам объяснения на родном языке. Не понимая смысла русских слов, на русском языке мы зазубривали краткую священную историю, краткий катехизис, краткую грамматику русского языка, краткую историю всеобщую и русскую, географию и геометрию. Из 50-ти с лишком, учившихся в приходском училище, окончили в уездном только 4, из коих двое были зыряне. Остальные товарищи не вынесли непосильной работы и вышли, не кончивши курса". Оборудованы учебные заведения были плохо. Инспектор сообщал в Петербург об одном из усть-сысольских училищ: "Нет порядочного ни стула, ни стола, даже доски стерты до того, что написанного совершенно не видно".

Домашнее обучение в Усть-Сысольске продолжалось и после открытия первых учебных заведений и даже конкурировало с обучением в них. В 1845 г. смотритель уездного училища сообщил городничему, что четыре человека "занимаются на дому обучением малолетних детей", сокращая тем самым число посещавших училища. Городничий заставил троих домашних учителей (двое из которых - мещанка и солдатская вдова - оказались неграмотными!) пообещать впредь обучением детей не заниматься. Четвертый, пономарь П.Распутин, отвечал городничему, что "учить детей родственников, имея свободное время", он находит "весьма...приличным" своему званию.

В 1843 г. открылись сельские училища в Корткеросе, Небдино и Усть-Куломе, в 1845 г. - в Айкино и Троицко-Печорске, школа грамоты в Колве. Эти и вышеназванные учебные заведения положили начало развитию народного образования в Коми крае. Во II половине XIX - начале XX вв. количество учебных заведений в крае возросло. В 1851 г. появилось сельское училище в Визинге, в 1860 г. - в Выльгорте, в 1861 г. - в Часово, Глотова, Важгорте, Помоздино, в 1862 г. - в Летке. Увеличивалось число церковно-приходских школ, которые находились в ведении духовенства. Нередко обучение в них организовывалось на общественных началах. В с. Щугор местный священник П.В.Распутин и его супруга, "побуждаясь состраданием к бедным детям, большею частию круглым сиротам, ... принялись с 1861 г. с особою заботливостью за безвозмездное обучение этих детей". Официально училище в Щугоре открылось только в 1864 г. Вендингский крестьянин В.А.Калинин в 1878 г. открыл в своем доме одну из первых на Удоре школ и более десяти лет обучал детей со всей округи. В 1869 г. в Коми крае имелось 85 начальных школ, находившихся в ведении светских властей (министерства просвещения или земств) и духовенства. В 1911 г. их было уже 307.

Поначалу в училища и школы принимали только мальчиков. Девочки учились в "домашних школах". По воспоминаниям современников, в 1850-х гг. в Усть-Сысольске "девочки достаточных (состоятельных - авт.) родителей обучались у частных лиц женского пола... Обучала ... азбуке, чтению часослова и псалтыря старая девица..., дочь покойного священника Пелагея Дмитриевна... В кухне был стол, вокруг которого сидели девочки лет 7-8-ми...Перед всеми...лежали букварь, часослов и псалтыри". Учились здесь одновременно до десяти девочек, за год они осваивали чтение. Писать учительница обучить их не могла, поскольку и сама писать не умела. Ее племянницы, Екатерина (работавшая позднее в училище для девочек) и Любовь Николаевны Клячины, обучали "дочерей весьма достаточных родителей, за хорошую плату... по русскому языку, и по арифметике, и разным рукоделиям, ...языкам французскому и немецкому и танцам" и "по другим предметам".

В 1853 г. в Усть-Сысольской городской думе рассматривалось предложение об открытии городского училища для девочек, но его отклонили, решив, что девочкам образование ни к чему. Но 8 сентября 1858 г. в Усть-Сысольске все же открылось женское двухклассное училище. Сначала ученицы занимались в доме купца И.Забоева, а в 1859 г. было построено специальное здание. В 1870 г. это училище преобразовали в женскую прогимназию, а в 1909 г. - в гимназию. В том же году удалось добиться открытия мужской прогимназии, а в 1912 г. ее преобразовали в гимназию. Во всех учебных заведениях города в 50-х гг. обучалось 160-170 детей - значительно меньше, чем их было в Усть-Сысольске. Впрочем, далеко не все стремились учиться. В 1858 г. на педагогическом совете усть-сысольского уездного училища отмечалось: "Школа вообще и уездное училище в особенности во мнении родителей здешнего края - есть такая исправительная мера, которой с самых ранних младенческих лет пугают они воображение детей своих. Отвращение к школе растет вместе с годами ... Он (ребенок - авт.) знает, что это дом, в котором скучно, потому что учат, страшно, потому что бьют и секут". Много детей не ходило в школу и в других районах и селениях Коми края, особенно в Печорском уезде.

Обучение в школах и в начале XX в. следовало проводить на русском языке, но во многих начальных школах, учителя которых знали коми язык, в первых двух классах детей учили на их родном языке (русским ученики владели плохо). В 1912 г. в Коми крае появились высшие начальные училища (ВНУ), положение о которых предусматривало изучение учащимися родного языка в качестве необязательного предмета (факультативно), а с согласия министерства можно было вводить его и как обязательный предмет. Во ВНУ принимали детей, закончивших начальную школу. Учились тут четыре

года. Первыми были открыты ВНУ в Усть-Сысольске, Ношуле, Мохче и Яренске, в 1913 г. - в Усть-Выми, в 1914 г. - в Усть-Куломе, в 1915 г. - в Визинге и Помоздино. Ходатайствовали об открытии ВНУ жители Деревянска, Лоймы, Межадора и других сел. Недостаток учебных пособий по коми языку (хотя и несовершенно, они все же стали появляться в XIX в. - см. об этом в разделе “Научные исследования”) делал изучение этого предмета чрезвычайно сложным, да и руководство училищ больше занимали проблемы усвоения учащимися русского языка. В Усть-Вымском училище “в стенах школы строго воспрещалось говорить по-зырянски”. Учителям Визингского училища инспектор советовал “не прибегая к репрессивным мерам, убеждать учеников говорить между собой на русском”.

Тем, кто хотел продолжить свое обучение и выучиться, например, на учителя начальных классов, приходилось уезжать из Коми края в Тотьму или другие города, где имелись учительские семинарии. В Коми крае только в 1916 г. открылась учительская семинария, располагавшаяся в Усть-Сысольске. Помимо других предметов, в ней изучался и коми язык.

Появлялись в Коми крае и учебные заведения, в которых можно было освоить какое-нибудь ремесло. В 1890 г. земство открыло в Усть-Сысольске слесарно-кузнечную мастерскую для обучения “мальчиков из населения города и уезда”. С 1904 г. здесь открылось столярное отделение. Никаких общеобразовательных дисциплин не преподавалось. Вели занятия не педагоги, а специалисты-мастеровые. В 1911 г. мастерскую закрыли.

В 1902 г. земство организовало практическую сельскохозяйственную ферму в Верхнем Чове (поблизости от Усть-Сысольска). Тут мальчики обучались различным техническим приемам земледелия, травосеяния, огородничества, животноводства. В том же году открылась ремесленная школа в Айкино (со столярным и слесарно-кузнечным отделениями), в 1910 г. - в Усть-Сысольске (со слесарно-кузнечным и слесарно-токарным отделениями; усть-сысольское земство ходатайствовало об ее открытии с 1907 г.).

В начале XX в. появились и учебные заведения, предназначавшиеся для обучения взрослого населения. 16 января 1905 г. в Усть-Сысольске открылись мужская и женская воскресные школы (просуществовавшие до 1909 г.). Занятия в них проводились по воскресеньям. Желающих учиться оказалось много, принять могли не всех. Большинство учащихся было лет 14-16 (моложе в воскресные школы не брали), но учились и люди куда более взрослые - до 30 лет и старше. Неграмотные начинали с азбуки и счета, более подготовленные изучали правописание, занимались чтением, историей, географией и др. С теми, кто плохо знал русский, занимались на коми языке. Преподаватели (А.А.Цембер и др.) работали бесплатно.

Мохченский священник П.Михайлов, видя “потребность для будущих пастырей зырянских приходов, как и для учителей и чиновников в тамошних селениях, обучаться зырянскому языку” и “руководствуясь желанием принести пользу...своими познаниями в ижемско-зырянском языке”, составил “правила, таблицы и формы к изучению ижемско-зырянского языка с присовокуплением кратких приемов обыкновенного разговора”, чтобы “всякий человек, умеющий читать по-русски, мог самостоятельно научиться говорить и писать по-зырянски”. (П.Михайлов полагал также, что коми язык “необходимо поддерживать в детях тех священнослужителей, которые служат в зырянских приходах”). В 1873 г. в Архангельске было издано его “Практическое руководство к изучению ижмо-зырянского языка”.

Благодаря росту числа школ в Коми крае все больше становилось грамотных людей. Уроженец с.Турья (на Выми) П.А.Сорокин, ставший позднее всемирно известным ученым-социологом, в одной из первых своих работ в 1911 г. даже писал, что “зыряне - третий народ по грамотности в России: первыми идут немцы, вторыми евреи и затем зыряне”.

Библиотеки и книжное дело

Самые первые библиотеки появились в Коми крае еще в конце XIV в. в монастырях. Состояли они, главным образом, из богослужебной литературы, жизнеописаний различных деятелей христианской церкви. Пользовались ими сами монахи. Книги там хранились бережно, по возможности пополнялись все новыми и новыми томами. В библиотечке Ульяновского монастыря в XIX в. насчитывалось около тысячи книг.

В ноябре 1837 г. в Усть-Сысольске открылась первая в Коми крае публичная библиотека (кроме нее, имелась библиотека в Яренске при тамошнем училище). Ее членами-основателями являлись местные чиновники, учителя и купцы И.Михайлов, Н.Попов, С.Мельников, А.Држевецкий и др., пожертвовавшие

по несколько книг из своих небольших собраний и давшие деньги для выписки книг из Санкт-Петербурга и Москвы. Библиотека создавалась при активном участии профессора Московского университета Н.И.Надеждина, находившегося в то время в усть-сысольской ссылке. За пользование библиотекой читатели должны были вносить определенную плату. Как сообщала газета “Вологодские губернские ведомости”, “по общему согласию основателей хранителем книг избран ... титулярный советник Андрей Попов, в доме которого и помещена теперь библиотека в нарочно устроенных красивых шкафах”.

В 1848 г. в библиотеке имелось около 1000 томов, в 1853 г. - 1737. В библиотеку поступали самые разнообразные газеты и журналы: “Вологодские губернские ведомости”, “Земледельческая газета”, “Детский журнал”, “Современник”, “Живописный сборник”, “Художественный листок”, “Журнал Министерства внутренних дел”, “Вестник Императорского русского географического общества”, журнал для детей “Звездочка”, “Северная пчела”, “Отечественные записки” и прочие. По количеству книг Усть-Сысольская библиотека занимала второе место в губернии (после Вологодской, находившейся в губернском центре). В 1866 г. здесь было уже 2890 томов (1020 из них - журналы и альманахи). В конце XIX в. в библиотеке имелось свыше 9000 томов. В ее фондах хранилось более 400 старинных рукописей, исторических документов, рукописей по этнографии, географии и др., но в 1892 г. их передали в Санкт-Петербургскую публичную библиотеку (теперь эти рукописи хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Петербурге).

18 июня 1899 г. в Усть-Сысольске открылась городская бесплатная библиотека-читальня, учрежденная городской думой для того, чтобы “дать возможность всем без различия пола, возраста, состояния жителям г.Усть-Сысольска и пригородных слобод и деревень на расстоянии 5 верст от города безвозмездно пользоваться книгами для чтения на дому, а также и в помещении библиотеки”. Заботу о хранении, приобретении и выдаче книг взяли на себя В.Е.Кичин, А.Н.Мальшев, А.А.Цембер и учителя городских школ. Все они трудились тут на общественных началах. Средств на развитие бесплатной библиотеки выделялось очень мало. Газета “Север” в 1907 г. писала о ней: “Маленькая темная комната, старые, давно вышедшие в тираж издания, 100 рублей на расходы и пополнение книг ежегодно, - вот физиономия этого просветительского детища городской управы”.

В 1902 г. открылась Усть-Сысольская публичная земская библиотека. Ее посетители должны были платить за услуги (бесплатно книгами могли пользоваться только земские служащие). Наконец, хорошая библиотека имелась в женской гимназии в Усть-Сысольске - сюда передал собранные им несколько сотен книг усть-сысольский чиновник и писатель Ф.А.Арсеньев.

Открывались библиотеки и в других населенных пунктах Коми края. В Вильгорте на волостном сходе 28 ноября 1894 г. крестьянин Н.П. Чеусов сказал: “Так как на большое благоутворение средствами мы не обладаем, было бы и то доброе дело, если бы мы открыли хотя бы небольшую народную читальню, ибо этим темные люди могли бы получить некоторый свет и познание для пользы своего хозяйства и государства”. 28 февраля 1897 г. вильгортская библиотека-читальня была торжественно открыта. В Койгородке появились даже две библиотеки - в 1896 и 1900 гг. К началу XX в. в Усть-Сысольском и Яренском уездах открылось 9 библиотек. В начале XX в. благодаря субсидиям из фонда, созданного просветителем Ф.Павленковым, количество библиотек заметно возросло. В 1902 г. открылась бесплатная народная библиотека в Палевицах, в 1904 г. - в Дзели и Часово, в 1909 г. - в Слудке, в 1911 г. - в Ипатово и т.д. В 1915 г. в Усть-Сысольском уезде имелось 65 народных библиотек, в Яренском уезде - 41, в Печорском уезде - 4. Кроме того, существовали библиотеки и читальни при училищах и некоторых волостных правлениях (как в Вильгорте).

Конечно, библиотеки при всем своем большом значении имели и огромный недостаток: в них крайне мало было книг на коми языке. Между тем население Коми края в большинстве своем неважно владело русским, а то и вовсе не знало его. Коми книгу грамотные люди могли бы читать своим соседям, односельчанам, и нет сомнения, что это вызвало бы живейший интерес. Недаром живший в Усть-Сысольске врач А.Држевецкий писал о коми: “Это народ умный, общественный, способный к восприятию просвещения”. Русские же книги могли воспринимать лишь знающие русский язык.

Понимая это, энтузиасты из числа прсвещенных жителей Коми края наряду с собиранием книг предпринимали и попытки перевода их на коми язык, идя по стопам Стефана Пермского, который первым начал это чрезвычайно важное дело. Долгое время после его смерти никто не занимался переводами. Но в XIX в. начался бурный процесс переводческой деятельности. Духовенство, сокрушаясь о “недостаточной нравственности” местных жителей (именно в этом оно видело, в частности, причину крестьянских волнений в некоторых волостях края в I половине XIX в.), поощряло переводы церковных книг на коми язык, полагая, что религиозно-нравственная литература на родном языке будет понятна и доступна населению, и ее чтение благотворно скажется на общественной морали.

Известный русский ученый П.И.Савваитов тоже полагал, что “нужда в таких сочинениях, особенно в настоящее время, при улучшении внешнего быта зырян, весьма ощутительна. В этом лично я удостоверился во время последнего своего путешествия по краям зырянским...в...1846 году”. “Некоторые

из достойных служителей алтаря, - отметил он, - желая удовлетворить духовным нуждам своей паствы”, уже занялись переводами “книг духовного содержания” на коми язык.

В начале XIX в. усть-сысольский протоиерей А.Шергин перевел “Евангелие от Матфея”. Священник объячевской церкви Л.В.Багин в 1821 г. также перевел на коми “Евангелие”. Усть-сысольский протоиерей В.Кокшаров перевел несколько чтений из книг “Ветхого Завета”, усть-сысольский священник М.Георгиевский - “Начатки Христианского учения”, священник В.Куратов - “Книгу деяний апостольских”, священник П.Распутин - “Псалмы” и т.д.

Переводами занимались не только священнослужители. Яренский учитель Е.Афанасьевский перевел на коми “Евангелие от Марка”, отставной офицер Н.П.Попов - “Книгу псалмов”. Перу А.Е.Попова принадлежат несколько осуществленных в 1840-60-х гг. переводов как религиозной, так и другой литературы общественно-полезного содержания: “Извлечение из наказа государственным крестьянам о предупреждении пожаров в государственных селениях”, “Сельский полицейский устав для государственных крестьян”, “Избранные места из книги училища благочестия на русском и зырянском языках с назидательными нравоучениями, приспособленными к понятиям зырян” и др. Было подготовлено немало словарей и учебных пособий по коми языку. Качество переводов далеко не всегда было удовлетворительным.

Часть переведенных книг осталась в рукописях, но немало было издано. С 1813 по 1913 гг. на коми языке вышло около 70 наименований книг, брошюр и т.п. Наибольшую известность получил труд коми ученого и просветителя Г.С.Лыткина “Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык”, изданный в Петербурге в 1889 г. Книги печатались в разных местах. В самом Коми крае долгое время не было типографии. Только 12 мая 1906 г. в Усть-Сысольске открылась небольшая типография, принадлежавшая З.Д.Следникову. В ней изготовлялись, главным образом, визитные карточки и бланки, но именно здесь были напечатаны и сборники коми фольклора и произведений коми поэтов, сыгравшие большую роль в популяризации коми литературы и народного творчества.

Если бы в Коми крае существовала периодическая печать, то многие религиозные, художественные и прочие произведения, наставления, рекомендации на коми и русском языках могли бы иметь гораздо большую аудиторию. Видный коми ученый, писатель и просветитель К.Ф.Жаков в 1909 г. предлагал усть-сысольскому земству организовать издание такой газеты. “Газета займется изучением жизни зырян - чтобы отвлечь их от пороков, как пьянство, и познакомить их с богатствами и всеми формами труда на севере. Она опишет в своих статьях и в рассказах на родном языке их быт и нравы и пути улучшения формы жизни. Север велик, и жизнь разнообразна, следовательно, еженедельная газета, не касаясь политики, найдет обильный материал для своего содержания”, - говорил он. Но, к сожалению, первые газеты в Коми крае появились только в 1917 г., а журналы - и того позже.

Театр. Кино. Фотография. Спорт

Первые любительские театральные постановки в Коми крае осуществлялись уже в 1820-е годы. Их появление было связано с сосланными в Усть-Сысольск О.Ф.Ишимовым и его дочерью А.О.Ишимовой. В свое время О.Ф.Ишимов, живя в Тобольске, руководил тамошним театром. Его опыт помог А.О.Ишимовой расшевелить провинциальный Усть-Сысольск, поставив пьесу “Филаткина свадьба”. Позднее А.О.Ишимова вспоминала: “Это представление до того понравилось всем, что даже старик-купец и хозяин того дома, где оно происходило, с удовольствием смотрел, как его дочери и подруги их разыгрывают свои роли”.

В 1831 г. несколько усть-сысольских чиновников и купцов “словесно объявили” местному городничему, что “возьмели они намерение временно открыть в частном доме театр” и попросили его “позволения начать театральные представления”. Пьесы, которые они собирались ставить, были выписаны из Санкт-Петербургского книжного магазина. Городничий однако же пояснил, что без ведома губернатора “театрального представления позволить смелости” не имеет - мало ли что из этого выйдет - и обратился за указаниями в Вологду. Губернатор ответил, что “к дозволению домашнего театра...никакого препятствия” не видит, но на всякий случай потребовал представить ему список пьес, “которые назначены к представлению”, и распорядился установить “наблюдение за сохранением порядка” в театре. Отосланный губернатору список включал 31 пьесу: комедии Д.Фонвизина “Бригадир” и “Недоросль”, пьесу М.Загоскина “Вечеринка ученых” и др.

Нет точных данных о том, удовлетворил ли губернатора этот список и были ли осуществлены тогда театральные постановки. Вполне вероятно, что театральный кружок в городе начал действовать. Известно, что позднее, в 1840-50-х гг. в Усть-Сысольске ставились любительские спектакли; для представлений снимали дом купца Еремеева, в одной из комнат которого устроили сцену и поставили скамейки для зрителей (последних могло быть до 60-80 человек). Затем для театра стали использовать помещения бывшей городской ратуши. Любительские театральные кружки ставили комедии, водевили,

пьесы русских драматургов и писателей (в частности, “Женитьбу” Н.Гоголя); некоторые из них переводились на коми язык.

В.Е.Кичин в 1865 г. сообщал в “Вологодских губернских ведомостях”: “Издавна в Усть-Сысольске возобновляются ежегодно, в зимнее время, благородные общественные спектакли, несколько перемен декораций заведено на общественный счет. На сцене домашнего театра с 1861 года по настоящий ставились пьесы по преимуществу дельных, образцовых писателей, в особенности развития публика восхищалась пьесами Островского, которые выполнялись добросовестно”. “На усть-сысольской сцене с 1861 по 1865 год появились замечательные талантливые актеры в лицах И.В.Меркушева и Е.М.Кичиной, что подтверждает и сознает вся усть-сысольская публика”.

В 70-х гг. здание рагуши разобрали из-за ветхости. “Бывший театр стоит в развалинах”, - заметил побывавший в Усть-Сысольске в это время писатель П.В.Засодимский. Для спектаклей стали снимать дом купца Е.Фролова. Любительские коллективы ставили водевили и комедии-фарсы “Стряпчий под столом”, “Жених без фрака”, “Все мы жаждем любви” и др. Изредка приезжали в Усть-Сысольск на гастроли и профессиональные артисты.

На рубеже XIX-XX вв. центром театральной деятельности стал усть-сысольский народный дом, в котором имелся большой зал со сценой. Здесь выступали местные самодеятельные артисты (в основном из служащих и учителей), устраивавшие по несколько постановок в год. На вырученные от продажи билетов деньги изготовлялись декорации, оплачивалась аренда помещения. Собранные на некоторых спектаклях средства шли на благотворительные цели - для прогимназии, в помощь пострадавшим от пожаров и др. В 1900 г. “Вологодские губернские ведомости” сообщили, что в Усть-Сысольске “2 февраля...был дан спектакль, играли “Не в свои сани не садись” Островского. Спектакль прошел дружно, во время антрактов музыкальный кружок очень недурно сыграл несколько пьес. Посещение спектакля доступно здесь большею частию интеллигентной публике, между тем народных развлечений совершенно нет. Это обстоятельство побудило любителей в виде опыта повторить спектакль для народа по удешевленным ценам. Первый опыт народного спектакля показал, что зырянская молодежь весьма сочувственно относится к таким увеселениям... Помещение... не могло удовлетворить всех желающих посетить этот спектакль”.

В начале XX в. профессиональные артисты чаще стали приезжать в Коми край, выступая на сцене усть-сысольского народного дома. В 1909 г. горожане увидели пьесы Е.Чеушкова “Марья Ивановна”, М.Дрейера “Семнадцатилетняя”, А.Островского “Бесприданница”. В том же году перед ними выступила артистка петербургских театров Т.М.Дарбяни. Учащиеся усть-сысольских учебных заведений тоже выступили перед горожанами с пьесами и инсценировками в помещении училищ. Но своего профессионального театра в Коми крае не было до 1920-х гг.

Первый фотограф появился в Коми крае в середине 1860-х гг. Это был сосланный в Усть-Сысольск поляк С.Краков. Пробыл он тут не слишком долго. В последующие годы своих фотографов в крае не было, хотя сюда не раз приезжали из других городов, чтобы сфотографировать местных жителей в национальной одежде для различных изданий. Впрочем, коми большей частью фотографироваться не желали. Русский писатель А.В.Круглов в книге “Лесные люди” (изданной в 1883 г.) рассказал, что хозяин дома в одном из коми селений, где он остановился, в ответ на его вопрос о фотографиях сказал: “Не любим мы этого”. Присутствовавший при разговоре священник пояснил, что зыряне “смерти боятся”; “так они думают...коли снимут, значит - тень украдут, а уж если тень украдут, стало быть, шабаш”. “Иные и соглашаются (фотографироваться - авт.), особливо которые в городах больших побывают”, но порой приходилось прибегать к обману. Однажды заезжий фотограф “поставил ученика около машины-то своей, а она так в сторонке, ...прикрыта... Призвал зырянина и попросил его показать, как это они целятся на подставках. Тот и показал... Как он нацелился, этой минуточкой с машины-то покрывку - долой, ученик и снял”. “А то и так случается: русский оденется в охотничью одежду и снимается за зырянина”.

В 1895 г. в Усть-Сысольске открылась первая в Коми крае фотографическая мастерская, принадлежавшая П.Ф.Кулакову (по соседству с краем, в Яренске фотография появилась гораздо раньше), а в 1897 г. - еще одна, владельцем которой был А.П.Худяев. Фотографирование в те годы было делом куда более хлопотным, чем сегодня. Тем более удивительно, насколько хорошо, оказывается, были сделаны дошедшие до нас фотокарточки тех лет.

В 1895 г. во Франции состоялся первый в мире киносеанс. 10 лет спустя кино показывали уже в далеком провинциальном Усть-Сысольске. Как сообщала местная полиция, 16 августа 1905 г. “в здании усть-сысольского народного дома показывались” приехавшим из г.Глазова Вятской губернии кинооператором В.М.Платуновичем “живые движущиеся и световые картины кинематографа”. Состоялся всего один сеанс. Показывали французский фильм “Погоня за женихом”. Кто-то из местных жителей переводил французские надписи. Зал был полон. К сожалению, благолепие нарушил один из зрителей, который “был в нетрезвом виде, ...нарушал общественный порядок и тишину, ...громко говорил и делал замечания, ...останавливая рассказ публике о содержании картин и видов”. Сеансы “кинематографа”

проводились в народном доме Усть-Сысольска и в последующие годы. В Яренске и Усть-Цильме в начале XX в. также имелось по синемаграфу, которыми заведовали уездные комитеты попечительства о народной трезвости.

Первое подобие стадиона появилось в Коми крае в начале XX в. - опять-таки в Усть-Сысольске. Горожанин В.П.Успасский в одну из зим организовал на реке Сыsole каток: на льду расчистили от снега площадку, вокруг которой для красоты натыкали в сугробы елочки, устроили освещение. Желавшая покататься молодежь платила по 2 рубля, переобувалась прямо на льду и могла заниматься спортом сколько душе угодно. Впрочем, охочих до бега на коньках было немного; гораздо больше собиралось любопытствующих зрителей.

Литература

Из глубины веков дошли до нас произведения устного народного творчества (фольклора) коми - увлекательные сказки, полные таинственности легенды, задушевные песни, а также пословицы, поговорки, загадки, приметы и другие жемчужины народной словесности. В них в образной форме нашли свое отражение представления коми об устройстве окружающего мира (причем фантазия переплелась там с точно подмеченными закономерностями), передававшиеся из поколения в поколение и порой изменявшиеся до неузнаваемости рассказы о событиях давно минувших времен и многое-многое другое.

Русский ученый Н.И.Надеждин называл фольклорные произведения коми "поэзией", литературой - "их собственной, самородной, ниоткуда не заимствованной". Он восхищался зырянской народной литературой, которая "не навязывается на чтение, не продается в книжных лавках, ...не высказывается в поте лица насильственным вдохновением, не ловится и на лету из звучных, но пошлых фраз, лелеемых прихотью текущей минуты", литературой, "поэзией" "простой, неправильной, безыскусственной, у которой нет ни школьной сановитости, ни салонного кокетства, ...одна есть жизнь, есть выражение, есть волшебная, очаровательная прелесть. Такова всегда и везде поэзия народная!"

К знакомым им с детства образам устного народного творчества часто обращались и первые коми поэты и писатели. Их художественные произведения на родном коми языке появились в XIX в. Василий Алексеевич Куратов (1820-1861), сын пономаря из с. Кибра (Куратово), собирал, записывал коми фольклорные произведения, а затем и сам стал писать стихи, к сожалению, не сохранившиеся. Больше повезло Петру Фостирьевичу Клочкову (1831-1853), сыну вотчинского дьячка, рукописи которого сберегли его родственники. Из-под пера П.Ф.Клочкова вышло несколько стихотворений, лирических и шуточных, ставших затем народными песнями. Особенно популярной в Коми крае сразу же стала песня "Что ты плачешь, милая девушка?" (Опубликованы песни Клочкова были лишь более чем через столетие после смерти поэта). Много стихотворных произведений на религиозные, библейские сюжеты написал современник П.Клочкова священник Петр Распутин. Среди его творений были песни, басни, сказки, псалмы и нравоучения. По словам И.А.Куратова, "Распутин глубоко заглянул в душу сентиментально-религиозных людей". Первоначально П.Распутин предназначал свои стихотворения для чтения в кругу друзей. Но затем он пришел к мысли о необходимости ознакомления с ними и с произведениями других коми поэтов как можно большего числа людей. В письме П.Клочкову П.Распутин призывал "убедить...край спящих зырян, что язык их премил и богат...для поэзии". Произведения П.Распутина тоже остались неизданными.

К числу первых "известных пиитов зырянских" принадлежал Георгий Степанович Лыткин (1835-1907), родившийся в усть-сысольской купеческой семье. Во время учебы в Вологде он заинтересовался устным народным творчеством коми, записывал коми народные произведения (некоторые он позднее опубликовал), а в 50-е годы сам написал ряд стихотворений, переводил на коми стихи А.С.Пушкина. Ему чуть больше повезло с публикациями: 17 марта 1855 г. два его небольших стихотворения - "Коми плач на смерть Николая Мудрого" (царя Николая II) и "Коми речь на воцарение Александра Николаевича" (Александра II) - были изданы в одной из петербургских типографий на отдельных листках на коми и русском языках. Кроме них, до нас дошли очень немногие рукописи стихов Г.С.Лыткина, а остальные оказались утрачены: во время одной из поездок в 1858 г. у Лыткина украли чемодан, где вместе с вещами лежали почти все рукописи... После этого он уже не занимался поэзией, отдав все свои силы научной и просветительской работе.

Произведения этих поэтов были лишь первыми, робкими шагами к созданию коми литературы. Ее действительным основоположником заслуженно считается Иван Алексеевич Куратов (1839-1875), младший брат поэта В.А.Куратова. Он родился в Кибре, учился в Яренске и Вологде, преподавал в Усть-Сысольске, находился на чиновнической службе в Казани и в Казахстане, где умер в г.Верном (Алма-Ата). И.А.Куратов начал писать стихи с 13 лет и занимался поэтическим творчеством до самой смерти. Он создал лирические и сатирические стихотворения и поэмы о жизни своих современников, об их надеждах, радостях и горестях, о труде и любви. В них нашли отражение коми народные обычаи и

традиции, использовались материалы коми легенд. Кроме того, И.А.Куратов занимался переводами на коми язык произведений И.А.Крылова, А.С.Пушкина, Горация, Р.Бернса, Г.Гейнца и др. При жизни Куратов напечатал только пять своих стихотворений, причем под видом коми народных песен и в переводе на русский язык. Его рукописи бережно хранились родственниками и были напечатаны в 1920-30-е годы.

Наиболее тесно связано с коми фольклором литературное творчество Каллистрата Фалалевича Жакова (1866-1926), родившегося в д.Давпон (сейчас часть г.Сыктывкара) в крестьянской семье. Он стал заниматься литературным творчеством в конце XIX в., во время учебы в Киевском университете, но все основные художественные произведения Жакова появились в начале XX в. Несколько стихотворений К.Ф.Жаков написал на коми языке, но большая часть его произведений (среди них были повести, рассказы, сказки, очерки, поэма и стихотворения) была написана на русском языке, и это не случайно. К.Ф.Жаков видел одну из своих главных целей в том, чтобы знакомить с коми культурой, с жизнью коми народа российскую общественность. Во многих рассказах и очерках Жакова содержится описание быта, культуры, нравов и обычаев коми. Хорошо зная предания, сказки, песни народа коми, писатель использовал их в своих произведениях. Пересказывая, а чаще создавая по мотивам фольклора собственные сказки и рассказы, Жаков вводил читателя в увлекательный волшебный мир... Его произведения пользовались популярностью в России, были известны за рубежом.

Михаил Николаевич Лебедев (1877-1951) в 90-х гг. XIX в. переводил на коми язык русские песни и романсы, затем, подражая различным авторам, стал сочинять на русском языке романы и повести, посвященные разным событиям истории русского и коми народов. В начале XX в. из-под его пера вышло несколько рассказов и повестей о жизни коми деревни. Перед мировой войной Лебедев начал писать стихи на коми языке. Многие его произведения на русском языке были опубликованы в различных российских журналах. Ряд стихотворений на коми языке в начале XX в. написал Дмитрий Яковлевич Попов (1862-1921). В это же время появились первые стихи коми поэтов А.А.Маегова (1893-1942), В.Т.Чисталева (1880-1939), В.И.Лыткина (1845-1981). Книжку стихов на русском языке “Стихотворения зырянина” опубликовал А.А.Чеусов (1882-1940).

Научные исследования

Коми народ - один из старописьменных народов России. Как уже говорилось, Стефан Пермский в 1372 г. в Устюге составил коми азбуку из 24 букв. Без сомнения, Стефана можно назвать не только просветителем, религиозным и политическим деятелем, но и ученым, первым исследователем коми языка. Стефановская письменность просуществовала до XVII в. Но ее роль в распространении грамотности среди местного населения резко уменьшилась уже при первых епископах-преемниках Стефана (они не знали коми языка и не стремились к распространению стефановской письменности). Сохранилось несколько написанных стефановскими буквами списков азбуки, надписей на иконах и приписок в русских рукописных книгах XV-XVI вв. Интересно, что древнекоми азбука в XV в. использовалась русскими писцами для тайнописи, при пересылке зашифрованных сообщений. В XVIII в. для коми письма стали использовать русские буквы, а стефановская азбука вышла из употребления.

Чрезвычайно интересный труд, повествующий о жизни и деяниях Стефана Пермского, написал его современник ростовский монах Епифаний Премудрый. В “Житии святого Стефана, епископа Пермского” содержится немало ценных сведений о древних коми (их расселении, религиозных верованиях). В 1481 г. писец Иван Гаврилов по приказу великого князя Ивана III составил описание Коми края, в котором говорится о селениях края, их жителях, обрабатываемых землях, промысловых угодьях, реках и озерах. Позднее было составлено еще несколько писцовых описаний Коми края.

О важнейших событиях в жизни Коми края сообщают нам летописи, которые вели монахи. Наиболее интересная из них - Вычегодско-Вымская летопись. Ее начал вести в конце XVI в. основатель Усть-Вымской Архангельской пустыни Мисаил. После его смерти летопись продолжил священник Усть-Вымской Благовещенской церкви Евтихий (по их именам летопись получила также название Мисаило-Евтихиевской). Составители летописи не только записывали события, современниками которых они были, но и использовали другие летописи и старинные исторические документы XII-XVI вв. Это был, пожалуй, первый свод данных по истории Коми края. Небольшие сообщения о Коми крае и его жителях есть также в записках побывавших тут иностранцев С.Герберштейна, Дж.Флетчера, И.Идеса и А.Брандта, трудах российских и иностранных ученых.

В 1771-1772 гг. в Коми крае побывала экспедиция под руководством академика И.И.Лепехина (1740-1802). В опубликованных позднее “Дневных записках путешествия”, подготовленных И.И.Лепехиным и его помощником Н.Я.Озерецковским, содержится много ценных сведений о населенных пунктах Коми края (Усть-Цильме, Ижме, Серегово, Усть-Сыольске, Ньючиме и др.), о

культуре и быте их жителей, о полезных ископаемых, реках, почвах, состоянии хозяйства. Не случайно именно с этой экспедицией обычно связывают начало научных исследований в Коми крае.

В XIX в. число исследователей значительно увеличилось. Все больше приезжало в Коми край российских ученых, а под влиянием их все чаще к участию в исследовательской работе стали подключаться местные жители. Интерес обитателей края к науке подметил Н.И.Надеждин: “Зыряне народ чудный. Они не только не пугаются учености, но даже питают к ней какое-то особое благоговение”. Надеждин сделал даже такое неожиданное предположение: “Весьма вероятно, что это у них остаток древнего языческого суеверия. Вся северная чужь в старину боготворила медведей, этих мохнатых отшельников, которых уединенные берлоги неоспоримо были первообразом ученых затворнических кабинетов”.

В 1808 г. Ф.Козлов, студент Вологодской духовной семинарии, составил первую “Коми грамматику”, напечатанную в 1813 г. под авторством А.Флерова (он являлся лишь ее издателем). “Грамматика” эта была очень несовершенна, но все же то был один из первых шагов в изучении коми языка. В 1827 г. в Коми крае побывал филолог и этнограф А.М.Шегрен (1794-1855), уроженец Финляндии, живший в России (позднее он стал академиком). Шегрен длительное время пробыл в Усть-Сысольске, совершил поездку по Сысолье, записывал народные предания, изучал коми язык, собрал немало материалов по истории края. А.М.Шегрен опубликовал несколько работ на немецком и русском языках по лингвистике, этнографии и истории народа коми. По совету Шегрена в конце 20-х гг. шежамский священник В.Михайлов и усть-сысольский мещанин И.Р.Мальцев начали составлять “Русско-зырянский словарь”. Позднее к этой работе присоединились купеческий сын усть-сысонец А.Суханов, житель Усть-Сысольска Ф.Я.Попов и руководивший составлением словаря с 1831 г. отставной офицер Н.П.Попов (написавший и опубликовавший позднее также “Учебник зырянского языка”). В 1834 г. они передали в Академию наук “образчик зырянского словаря, заключающий литеру К”. В 1843 г. словарь в четырех томах был закончен и передан в Академию наук (рукопись его до сих пор хранится в архиве Академии наук в Петербурге). Материалы этого и некоторых других словарей использовал в 70-80-х гг. XIX в. ученый Ф.И.Видеман при работе над коми-немецким словарем и грамматикой коми языка.

В 1837 г. север Коми края (Усть-Цильму и Большеземельскую тундру) изучал российский ботаник А.И.Шренк (1816-1876), напечатавший в 1855 г. большой труд по географии, геологии, ботанике, зоологии, этнографии и фольклору населения этого района. Упомянувшийся уже русский ученый и литературный критик Н.И.Надеждин (1804-1856), находясь в 1837-1838 гг. в ссылке в Усть-Сысольске, изучал и записывал коми фольклор - сказки, легенды, песни и т.д. Он опубликовал очерк “Народная поэзия у зырян”, несколько статей об истории и этнографии коми, природных богатствах края, отметив: “Зыряне приняли меня очень радушно, охотно позволили изучать себя”.

В 1843 г. в Усть-Цильме, Ижме и Колве находился известный финский ученый М.-А.Кастрен. Он изучил коми и немецкий языки, написал “Элементарную грамматику коми языка” (за которую был удостоен высшей награды Академии наук - Демидовской премии) и некоторые другие работы. Известный русский исследователь П.И.Савваитов (1815-1895) дважды в 1840-х гг. побывал в Коми крае. Он изучал коми язык, опубликовал древние памятники коми письменности, в том числе азбуку Стефана Пермского, переводил с русского на коми язык книги, в 1850 г. издал “Граматику зырянского языка” и “Зырянско-русский и русско-зырянский словарь”, за которые Академия наук присудила ему Демидовскую премию. П.И.Савваитов являлся одним из руководителей созданного в 1845 г. Императорского русского географического общества (ИРГО).

ИРГО имело в Коми крае своих корреспондентов. Среди них был уже известный нам усть-сысольский промышленник В.Н.Латкин, который в 1840 и 1843 гг. исследовал Печорский край, опубликовал “Дневник” своих путешествий - большой труд по географии, этнографии и экономике, в котором подчеркнул необходимость освоения северных окраин. С ИРГО активно сотрудничал М.И.Михайлов (1821-1853), русский учитель, приехавший преподавать в усть-сысольское уездное училище. Он стал изучать историю, культуру и быт коми народа, опубликовал много краеведческих заметок о домашнем быте коми, ярмарках и т.д. в газетах, издал содержащую множество интересных сведений книгу “Описание Усть-Выми”, за которую автору выразили благодарность ИРГО, Русское археологическое общество и Академия наук. Усть-сысольский краевед С.Е.Мельников, собиравший “хозяйственные и этнографические сведения о зырянах” и проводивший археологические раскопки на Сысолье, Вычегде и Выми, также был в числе корреспондентов ИРГО, Русского археологического общества и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

Усть-сысольский учитель Е.В.Кичин напечатал в “Вологодских губернских ведомостях” несколько небольших очерков об основании Усть-Сысольска, о свадебных и других обычаях коми народа. Преподаватель духовной семинарии А.И.Попов (1815-1886), уроженец Усть-Сысольского уезда, написал “Граматику зырянского языка” - учебник родного языка для коми детей, оставшийся, к

сожалению, неизданным. Уроженцы Прибалтики геолог А.А.Кейзерлинг (1815-1891) и географ П.И.Крузенштерн (1809-1881) изучали в 1843 г. Печорский край. Их книга “Научные наблюдения во время поездки в страну Печорию” удостоилась Демидовской премии. Большую помощь исследователям оказал их проводник - уже упоминавшийся Ф.Я.Попов, “образованный житель Усть-Сысольска”, “знающий литературные источники” (так его характеризовали ученые). П.И.Крузенштерн затем еще 8 раз побывал в Коми крае. В 1847-1850 гг. на севере Коми края работала экспедиция под руководством Э.Гофмана, проводившая геологические, географические и астрономические исследования. Были обнаружены каменный уголь и другие полезные ископаемые, составлены карты Северного Урала и бассейна Печоры.

Во II половине XIX - начале XX вв. в Коми крае побывало множество самых разных научно-исследовательских экспедиций. Среди геологических экспедиций наиболее крупной была экспедиция 1889-1891 гг. под руководством академика Ф.Н.Чернышева, во время которой был разведан, описан и оценен ряд месторождений полезных ископаемых, изучены возможности их добычи и вывоза. В 1901-1902 гг. в Коми крае работал известный финский языковед И.Вихман. Он изучал диалекты коми языка, коми сказки, песни, загадки. Удалось ему познакомиться и с рукописями И.А.Куратова. Результаты исследований Вихмана были опубликованы в различных изданиях.

В первом десятилетии XX в. разных районах Коми края побывало несколько экспедиций, изучавших состояние земледелия, животноводства, промыслов, путей сообщения. В ходе работ исследователи собрали ценнейший материал о состоянии экономики и транспорта в Коми крае. Руководили экспедициями ученые и чиновники П.И.Соколов, Л.Рума, Н.Н.Мамадышский, А.В.Журавский и другие. Особенно много сил изучению Коми края и в особенности Печоры отдал исследователь А.В.Журавский (1882-1914). Еще в 1906 г. он добился открытия в Усть-Цильме естественно-исторической станции Академии наук, возглавил ее, а в 1911 г. стал руководителем новой сельскохозяйственной опытной станции близ Усть-Цильмы. В 1913 г. станция экспонировала на Всероссийской выставке образцы печорских растений. А.В.Журавский написал много научных работ о развитии земледелия, о научном потенциале Севера, имел большие исследовательские планы, но, к несчастью, в 1914 г. был убит при не вполне ясных обстоятельствах.

Некоторые исследователи Коми края попадали сюда не по своей воле. Ссылный поляк В.Журавский, находясь в Усть-Сысольске в 1860-х гг., писал и отправлял в журналы статьи об Усть-Сысольске. Ссылный вологжанин Н.А.Иваницкий в 1882 г. на Печоре собрал данные о растительном мире, устном народном творчестве коми, о народных традициях. В.А.Русанов (1875-1913), известный позднее полярный исследователь, в 1901-1903 гг. также отбывал ссылку в Коми крае. Он изучал, главным образом, состояние и возможности развития местного хозяйства, транспорта, природных ресурсов, обобщив свои наблюдения в труде “Зыряне”. Краеведческими исследованиями занимались и многие другие ссылки.

Местные жители активно участвовали в налаживании гидрометеорологических наблюдений в Коми крае, которые велись здесь с начала XIX в. (в Усть-Сысольске - с 1817 г.). Поначалу определялись только температура воздуха, а в конце XIX в. стали обращать внимание на осадки, ветер, атмосферное давление и проч. Требовалось множество работников во всех уголках Коми края. Чаще всего за проведение наблюдений брались энтузиасты из числа учителей, земских врачей, священников, землемеров и т.д. Учитель И.В.Калинин из Вендинги (на Вашке), сын и внук первых удорских крестьян-картофелеводов, в 1893 г. открыл в своем доме первую в Яренском уезде сельскую метеостанцию, был корреспондентом Главной физической обсерватории России. В отдаленном Усть-Шугоре в конце XIX в. метеонаблюдения вел учитель А.М.Мартюшев (брат известного впоследствии политического деятеля и краеведа). В Усть-Сысольске в начале XX в. этим же занимался будущий видный коми политический деятель С.О.Латкин, в Троицко-Печорске в конце XIX - начале XX вв. в течение 14 лет вел наблюдения священник Колосов.

Сбором статистических сведений о Коми крае занимались местные власти. Правда, эта работа порой была организована из рук вон плохо. В книге писателя А.В.Круглова (1883 г.) приведен рассказ одного из местных полицейских чинов, собиравшего статданные, не зная коми языка: “Призовешь его, лесного морта, и говоришь: сколько у тебя лошадей, примерно? Он тебе сейчас” начинает отвечать по-коми. “Будет, - крикну; покажу ему два или один палец и спрашиваю: так? Он буркнет. И пишу - лошадей две... Настоящая, милостивый государь, расейская” статистика, “и лучше у нас не бывает”. Позднее, на рубеже XIX-XX вв. усилиями земского служащего В.Ф.Попова удалось наладить нормальный сбор статистических сведений в Усть-Сысольском, а затем и в Яренском уездах.

Важным шагом в развитии научных исследований в Коми крае стало издание в 1889 г. книги Г.С.Лыткина “Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык”. В ней автор привел сведения об истории коми народа XIV-XVI вв., о Пермской епархии, памятниках письменности, изучил коми язык того времени (по памятникам письменности), опубликовал коми-русский и русско-коми словари и

различные исторические, литературные и фольклорные тексты на коми и русском языках (с взаимными переводами) и комментарии к ним.

Коми поэт И.А.Куратов проводил языковедческие исследования. В 1865-1866 гг. он опубликовал в “Вологодских губернских ведомостях” статью “Зырянский язык”, написал труд “Грамматика зырянского языка” и ряд других научных работ, которые, однако, были напечатаны только в 1930-х гг. И.А.Куратов подчеркивал важность изучения коми языка: “Зырянский язык изучить - значит изучить зырянский народ, его образ мыслей и взглядов на мир и жизнь, его образование и вообще его отличительный народный оттенок”.

Эту же мысль подчеркивал другой коми писатель и ученый-энциклопедист профессор К.Ф.Жаков: “Язык - душа народа, ... своеобразное выражение его переживаний, его логики, его понимания красоты и добра...”. “Язык есть зеркало истории и жизни народа”. “Долг каждой нации сохранять свой язык и охранять чужие языки, долг каждого человека серьезно и свято относиться не только к языку современных культурных народов, но и ... народов исчезнувших или исчезающих”. Круг научных интересов К.Ф.Жакова был очень широк: этнография и математика, философия и многое другое. Научными трудами К.Ф.Жакова интересовались крупнейшие российские и финские лингвисты, этнографы, фольклористы того времени. Он был удостоен серебряной медали Императорского русского географического общества за “Этнологический очерк зырян”; Парижское астрономическое общество избрало его своим почетным членом за труды по математике. К.Ф.Жаков создал свое оригинальное философское учение “лимитизм”, которое, по его мысли, должно было преодолеть недостатки материализма и идеализма, имел немало последователей в разных городах России, Эстонии, Латвии.

В начале XX в. начал свою научную деятельность уроженец вымского села Турья Питирим Александрович Сорокин (1889-1968), ставший впоследствии одним из ведущих социологов мира. Первые шаги в науке ему помог сделать К.Ф.Жаков. П.А.Сорокин изучал традиционную народную одежду коми, поселения и жилища, обычаи, верования и др., напечатал несколько статей в журналах. Тогда же появились посвященные верованиям и обрядам коми первые научные работы Василия Петровича Налимова (1879-1938), уроженца с.Вильгорт (позднее он являлся профессором Московского университета, известным этнологом).

Усть-сысонец Андрей Андреевич Цембер (1874-1957) составил и издал “Русско-зырянский словарь”, в 1913-1914 гг. составил и опубликовал два сборника коми литературы и фольклора, готовил третий, но его напечатать не удалось. В 1910 г. по инициативе А.А.Цембера возникла первая в Коми крае исследовательская организация - Усть-Сысольское отделение Архангельского общества по изучению Русского Севера, где объединились местные энтузиасты-краеведы. Активно участвовал А.А.Цембер и в создании в 1911 г. Усть-Сысольского краеведческого музея. В течение пяти лет в музее собирались экспонаты по этнографии, археологии и геологии, но в 1916 г. он практически прекратил существование (возобновили его деятельность в 20-х гг.). В начале XX в. стали заниматься краеведческой работой А.М.Мартюшев и А.А.Чеусов (впоследствии - одни из руководителей Общества изучения Коми края). Уроженец Тентюково В.А.Молодцов, преподававший в годы I мировой войны в Ношуле, начал работать там над составлением своеобразного алфавита для коми языка. Его работа была закончена в 1918 г.

Медицина

Первые медицинские учреждения появились в Коми крае в XIX в. Но это не значит, что местные жители ранее оставались без какой-либо врачебной помощи. Как отмечал в конце XIX в. исследователь К.Попов, “зыряне знают многие специальные средства против болезней и с замечательным искусством умеют в этих случаях пользоваться тем, что дает им природа”. Врач А.Држевецкий, живший в Усть-Сысольске в середине XIX в., также признавал, что народная медицина коми “богата и своими средствами, и своими деятелями, конкурировать с которыми нелегко”.

Традиционные знания и навыки коми по врачеванию накапливались веками, передаваясь из поколения в поколение. Живя в относительной гармонии с природой, наблюдая за окружающим животным и растительным миром, люди - по воле случая или целенаправленно стремясь к этому - узнавали целебные свойства растений и продуктов животного происхождения, помогавшие им избавиться от недуга или даже предотвратить возможную болезнь.

В первую очередь для этого применялись свежие и засушенные травы, корни, ягоды, кора и почки деревьев. Использовались медвежья, оленья, лосиная, щучья желчь, кровь только что убитых животных, костный мозг оленя и лося, медвежий, олений, гусиный, утиный и рыбий жир, средства из лесных муравьев, земляных червей, гусениц и т.д. Универсальным средством считалась традиционная отапливавшаяся по-черному баня. “Паровая баня - самое употребительное в народе при всех болезнях; ее используют в том убеждении, что с испариной выводится всякая болезнь”, - писал А.Држевецкий. “Баня для зырянина - не только место мытья, нет, это - его любимое место отдохновения”; “баня - лекарство от

всех болезней”, - отмечал писатель А.Круглов. “Баня - все... без бани невозможно ... без бани давно умереть надо бы ... а она все болести лечит... - сказал мне один из зырян, с которым мы разговорились о здоровьи”.

Средства и приемы народной медицины были ведомы многим жителям Коми края, особенно пожилым, воспитавшим за свою жизнь немало детей и знавшим, как заботиться об их здоровье, и охотникам, и которые надолго уходили из селений в леса - там в случае недомогания или травмы они могли рассчитывать только на свои познания о способах их лечения. Но были среди коми люди, специально изучавшие народную медицину, владевшие более глубокими знаниями о ней. Травницы обладали секретами лечения многочисленными травами и другими средствами, повитухи могли оказывать достаточно квалифицированную помощь при родах, костоправы вправляли вывихи, лечили ушибы, переломы.

Любопытно, что при оказании помощи врачеватели хранили невозмутимость, обязательно беседовали с больными - задавали ему вопросы, объясняли свои действия, вспоминали случаи из практики или просто разговаривали на совершенно посторонние темы. Доверительная неспешная беседа, уверенность слов и действий врачевателя успокаивали пациента и имели благотворное психотерапевтическое воздействие. Конечно, для этого народным целителям необходимо было обладать терпением, выдержкой и хладнокровием. Чем успешнее действовали врачеватели, тем большая слава шла о них по деревням и селам. К самым опытным являлись из весьма отдаленных мест, прося оказать помощь родным и близким. Народные целители никогда не брали деньги за лечение, но все, кому они помогали, старались отблагодарить их каким-либо подарком, от души угостить. Эту традицию отметил на Печоре в начале XX в. врач С.В.Мартынов: “Кормят лучшими кушаньями, поят чаем с сахаром и угощают водочкой”. Порой заслуги народных врачевателей, - особенно если те сочетали традиционную медицину с применением лекарственных средств, получаемых в аптеках, - признавали и власти. Вендингский крестьянин А.Е.Калинин (тот самый, что первым попытался разводить на Удоре картофель) бесплатно лечил окрестных жителей, применяя и привезенные им из яренской аптеки лекарства. За свою деятельность он был поощрен Министерством государственных имуществ похвальными листами и денежной премией.

Случалось, что болезнь не могли исцелить обычными средствами. Ее приписывали влиянию сверхъестественных сил и обращались за помощью к знахарям. Те - несомненные знатоки человеческой психологии - совершали различные магические обряды, оказывавшие на веривших им людей определенное психотерапевтическое воздействие, использовали внушение и, очевидно, некоторые другие средства и часто добивались выздоровления больного. Конечно, иные “магические” действия вызывали улыбку у наблюдавших их более просвещенных современников. Писатель А.Круглов рассказывал: “Хорошо помню, как один зырянин сжигал свернутые трубочками бумажки над стаканом воды и пил ее, смешанную с пеплом ... от лихomanки (лихорадки) ... три дня подряд, по зарям: утренней и вечерней. Мне удалось посмотреть бумажку. На ней было написано: бракалаус, бракалаус, ракалаус, акалаус, калаус, алаус, лаус, аус, ус, с и 12 сестер ее... Какой смысл и что может помогать - Бог ведает... Может быть, вера... Своей медицине зыряне сильно верят... Одно можно сказать за нее: не вредно”. К несчастью, порой был и вред - когда вмешательство знахаря не помогло, а ухудшало состояние больного.

Если знахарь, помимо своих познаний в области медицины и магии, ничем более не выделялся из числа окружающих, поддерживал с ними добрососедские отношения, то совсем иное положение занимал колдун. Его сторонились, считая носителем злой, вредоносной магии. Порой все же обращались и к колдуну, дабы упросить помочь против болезни, которую будто бы наслал другой колдун, либо уговорить снять напущенную им же “порчу” (в последнем случае нередко прибегали к угрозам, физическому насилию; некоторых заподозренных в колдовстве даже убивали). А.Круглов привел в книге забавный эпизод, участником которого он был. В коми селении вдруг поднялся переполох: по реке будто-бы приплыла насланная колдуном “порча”. Люди “голпились на берегу, и хотя видели порчу, плавающую у берега, ...но подойти боялись”. Круглов и местный учитель, за которыми “все с удивлением и страхом следили”, “подошли к реке, нагнулись и вынули ... резиновый мячик! Как он попал сюда, откуда - решительно не знаю... Когда мы его бросили оземь, он привскочил в воздухе... Толпа с испугом попятилась назад”. Впрочем, собравшиеся вскоре убедились в напрасности страхов...

Конечно, народная медицина не могла полностью заменить медицину профессиональную, которая в XIX в. делала первые шаги на территории Коми края. Первая больница появилась в 1815 г. в Усть-Сысольске. Она занимала одну комнату с двумя кроватями в частном доме и предназначалась для солдат инвалидной команды. Работавший там врач (он был один на весь город, да и на весь край) писал об условиях лечения: “Больные жалуются, что в одной больнице угар и холод... Лекарства больным ... по причине угара и холода не в пользу”. В 1819 г. городские власти купили для нее одноэтажный дом. В 1830 г. в Усть-Сысольском уезде имелась все та же небольшая больница, предназначенная для лечения “нижних чинов” армии и обслуживавшаяся по-прежнему одним врачом, да богадельня (она тоже

располагалась в городе). В Яренском уезде также имелись больница и богадельня, находившиеся в Яренске. В 1831 г. усть-сысольская больница получила указание лечить “за умеренную плату” и горожан.

Шли годы и десятилетия, и когда-то просторное здание стало малопривлекательным для единственной на весь Усть-Сысольский уезд больницы, в которой имелось десять коек. В 1870 г. она представляла собой грустное зрелище: “...помещалась...в ветхом, гнилом, полуразвалившемся...доме, малопоместительном, неудобном и совершенно несоответствующем своему назначению. В палатах и ... во всем доме господствовал невыносимый, спертый, затхлый запах... Никакая ремонтная работа не могла бы сделать его годным к дальнейшему помещению в нем больницы”. Решено было перевести ее в другой нанятый на три года дом, а тем временем построить специальное здание. Больницу расширили до 20 кроватей. Хотя нанятое здание тоже не очень подходило для больницы, работа ее все же постепенно улучшалась. В октябре 1872 г. земские власти констатировали, что благодаря уменьшению платы за лечение и пребывание в больнице и даже полного освобождения от нее “малосостоятельных” “прилив больных как в городе, так и из уезда значительно увеличился”. При больнице существовала аптека, которая снабжала лекарствами город и все уездные приемные покои. Тогда же решено было назначить второго фельдшера и установить их посменное дежурство, “чтобы больница ни на один час не оставалась без медицинского надзора и во всякое время дня и ночи могла бы подать помощь при внезапных заболеваниях”, а также сиделку для ухода за больными женщинами и детьми. Полезным признали и прием сестер милосердия.

В январе 1874 г. городская больница была “в достаточном количестве снабжена ... медикаментами, инструментами, аптечными принадлежностями и посудой”. Несмотря на то, что дело со строительством специального здания затянулось, это медицинское учреждение произвело хорошее впечатление на руководителей Вологодской губернии, побывавших тут и признавших усть-сысольскую больницу “одной из лучших во всей губернии, ... с ней могут конкурировать только две и при том такие, которые помещаются в домах, специально устроенных”. В 1875 г. здесь начали работать уже четыре фельдшера, а лечение и отпуск медикаментов населению стали производиться бесплатно. Земцы продолжали подыскивать более удобное помещение, поскольку использовавшееся имело некоторые недостатки, например: “При доме нет сада, столь необходимого для выздоравливающих больных”, “фасад дома обращен на север” и др. Наконец в 1877 г. земская управа купила здание, в котором разместились больница уже на 30 кроватей. Позднее решено было принимать на излечение больных и “свыше установленного комплекта”.

В дальнейшем количество фельдшеров сократилось, затем снова увеличилось, бесплатная выдача лекарств ставилась под сомнение и вновь признавалась необходимой... В 1887 г. больницу расширили до 35 кроватей. В 1894 г. земские власти решили организовать при городской и других больницах уезда библиотеки для больных “из народных книг”, поскольку “чтение даст возможность коротать больничное время без скуки, что ... будет влиять благотворно на самочувствие больных...и на ход лечения”. В 1896 г. отдельно от больницы в Усть-Сысольске открыли аптеку, где работали семь человек. Аптека снабжала лекарствами все врачебные пункты Усть-Сысольского уезда. В 1910-1911 гг. началось строительство специального каменного здания для усть-сысольской больницы, завершившееся только в 1916 г. Сходным образом развивалось здравоохранение и в другом уездном центре - Яренске; в начале XX в. там имелись больница, аптека и ветлечебница.

Постепенно появлялись медицинские учреждения и в других населенных пунктах. В 1860-х гг. в Усть-Сысольском уезде существовало 3 приемных покоя с тремя фельдшерами и 10 оспопрививателями. Земское собрание отмечало, что эти покои, “устроенные на 4 кровати каждый, были крайне бедны бельем, одеждой, необходимой мебелью, а главное - аптечными принадлежностями и медикаментами”. В 1870 г. земство решило открыть приемные покои, “снабдив их в достаточной мере” всем необходимым, в Троицко-Печорске, Усть-Куломе, Визинге и Ношуле. Три последних в 1872 г. уже работали, а четвертый бездействовал “за неприисканием фельдшера”. Лечение, содержание, выдача лекарств была бесплатной. В Ношуле с располагавшихся там купеческих контор собирали на содержание приемного покоя определенную сумму (до организации покоя купцы устраивали на Ношульской пристани временную лечебницу для чернорабочих). В 1872 г. открылся фельдшерский участок (без приемного покоя) в Койгородской волости “ввиду населенности той местности и удаленности ее от города...и ввиду существования там речной пристани, куда ... стекается много народа, что создает возможность занесения ... эпидемической болезни”. Решено было также открыть приемный покой в Койгородке, Усть-Неме и Небдино, но это намерение не осуществилось “по недостатку денежных средств и по дороговизне квартир”. Впрочем, в Небдино к январю 1874 г. фельдшерский участок, хоть и без приемного покоя, все же открылся. В 1875 г. земское собрание постановило организовать фельдшерские пункты в Лойме и Щугоре. В 1889 г. земские власти решили открыть небольшие больницы в Визинге и Усть-Куломе, куда должны были доставляться больные. Остальные приемные покои были со временем ликвидированы; остались только фельдшерские пункты. На рубеже XIX-XX вв. в Усть-Сысольском уезде, не считая

города, имелись больницы на 15 коек в Визинге и Усть-Куломе, лечебные пункты на 5 коек в Объячево, Небдино, Кажиме и Троицко-Печорске, 7 врачей, 18 фельдшеров, 2 акушерки, 7 повивальных бабок, 7 оспопрививателей.

В 1880 г. открылся фельдшерско-акушерский пункт в Кослане (в 1909 г. его преобразовали в приемный покой). В 1885 г. фельдшерские участки имелись также в Айкино, Часово, Серегово, Важгорте. В 1886 г. открылся фельдшерско-акушерский пункт в Ертومه (в 1902 г. его преобразовали в лечебницу). В 1909 г. появился приемный покой в Важгорте. В 1912 г. имелся приемный покой и на Выми, в Шошке. В Усть-Цильме больница открылась в 1886 г. Позднее появилась больница в Ижме.

Фельдшеры оказывали помощь приходившим больным и должны были еще ездить по участку. Земский врач - один на весь уезд - ежемесячно бывал в ближайших к уездному центру участках, а в более отдаленные районы заезжал куда реже. Скажем, яренский врач каждый месяц посещал вычегодские и вымские селения, а на далекой Удоре бывал лишь два раза в год (летом и зимой). Конечно, этого было недостаточно для борьбы с болезнями. “Всякому, надеюсь, понятно, что одного лицезрения врача недостаточно для прекращения болезни”, - с грустью писал в конце XIX в. яренский земский врач В.Л.Волк. Та же мысль звучит и в опубликованном в 1878 г. очерке “Лесное царство” писателя П.В.Засодимского: “Очевидно, что врач, будь он хоть 7 пядей во лбу, очутившись перед 70000 своих пациентов, должен только безнадежно развести руками: “Ну, мол, братцы! Как знаете, так и делайте! Хотите - живите, хотите - помирайте!” Зыряне так и делают. И глупо же до невероятия было бы чего-нибудь требовать и ожидать от врача, поставленного в такие условия”.

Добавлялись ко всему неизбежные языковые трудности (медработниками были поначалу исключительно русские). Писатель А.В.Круглов так говорил об этом в повести “Лесные люди” (1883 г.): “Если надо немало умения обращаться с русским мужиком, то как же много нужно иметь сноровки в сношениях с зырянами. Русский мужик грубоват, нередко бестолоков, но ему следует только хорошенько “вбить” в голову, повторяя совет или наставление пять, шесть раз. Зырянин - дело другое. Он так же груб (если не более), упрям, недоверчив, но, кроме того, зачастую не понимает русского языка, а если и понимает, то настолько плохо, что с ним нет никакой возможности объясниться. Надо потратить бездну времени, сил, умения, ловкости и терпения... Надо подыскивать понятные слова, разбирать, что он говорит, иначе не узнать болезни; приходится говорить, кричать, показывать всевозможными знаками... Кому это все приятно и легко? ...Обыкновенный...человек и терпение теряет, и говорить устает, и дело старается с рук свалить поскорее, без особой заботы о благе ближних”. По свидетельству современника, побывавшего на Ижме в 1861 г., “женщины здесь ... по-русски объясняться не могут, и оригинальную картинку представляет, например, доктор в Мохче, который в своем приемном покое должен говорить с пациентками посредством знаков и мимики, или через переводчиков-мужей, нередко также с трудом его понимающих”.

В результате случались порой курьезные или даже трагичные случаи. А.В.Круглов писал, что однажды к фельдшеру пришла женщина, жаловавшаяся, что у нее болит глаз - по-коми “син”. Фельдшер решил, что болен сын женщины, и прописал ему курс лечения... В другом случае женщина, которой прописали мазь для втираний, приняла ее внутрь и скончалась... Наконец, некая пациентка, получившая содержавший сильное слабительное средство пряник, решила отдать это лакомство дочке...

Но несмотря на все трудности, врачи и фельдшеры не “разводили руками”, а боролись с болезнями, эпидемиями, пытались их предупреждать, научить оказывать больным первую помощь. Еще в 1845 г. А.Е.Попов перевел на коми язык “Наставление как уберечься от оспы, и прививка предохранительной оспы”, а в 1852 г. - “Наставление как спасать жизнь людям, впавшим внезапно в смертельные случаи”. Позднее земства приняли решение, что “наблюдения о состоянии уездов в отношении народного здоровья и гигиенических условий должен...делать каждый врач”. При появлении больных тифом, оспой и другими опасными заболеваниями врач информировал об этом местные власти, определял район эпидемии, выяснял, когда и как возникла эта болезнь, предлагал меры по борьбе с ней.

С 70-х гг. XIX в. в Коми крае стало активно внедряться оспопрививание, но специалистов для прививок не хватало. Да и многие крестьяне не позволяли делать прививки своим детям, считая это делом пустым, а то и вредным: где ж это видано, болезнь прививать? По словам П.В.Засодимского, особенно недоверчивы были староверы, избегавшие прививок как “страшной и ненавистой антихристовой печати”. А.В.Круглов даже заметил: “Едва ли еще какой-нибудь другой народ так враждебно относится к медицине, как зыряне. Эти заклятые противники ее стараются всеми силами обойтись без доктора или фельдшера”. “Уже одно то отталкивало от медицины, что врач - чиновник; а зырянин не любит чиновников, хотя боится их и оказывает им наружное почтение”.

В 1890 г. в Яренском уезде вспыхнула эпидемия оспы, в 1911 г. - эпидемия скарлатины... Смертность от болезней была довольно высокой (особенно в сельской местности - где, собственно, и проживала основная часть населения края). “Болезни, усиленная смертность, краткость жизни, слабый прирост населения... - все это есть в зырянском крае, как и во всяком бедном крае”, - констатировал

П.В.Засодимский. “Тиф почти не выводится... Тиф первоначально появляется в бедных домах, хозяева которых питаются скудно и живут грязно... Не очень давно в самых бедных волостях - Печорской и Усть-Немской - тиф длился полтора года, и почти все крестьяне здесь переболели за это время, а смертность доходила до 30%”. Врач А.Држевецкий считал, что “бедность составляет главную болезнетворную причину в Зырянском крае. Удалив или уменьшив ее, можно было бы уменьшить наполовину цифру смертности и продлить среднюю продолжительность жизни на десять лет”.

Мало-помалу здравоохранение в крае налаживалось. В начале XX в. местные медики стали изучать причины возникновения конкретных видов болезней, время года, в которое они чаще всего встречались, выбирали наиболее эффективные медикаменты и другие меры для лечения. Врач С.В.Мартынов в 1903-1904 гг. участвовал в экспедиции, работавшей в Печорскому уезде, и провел медико-санитарное обследование этой обширнейшей территории. Между прочим, он записал и некоторые данные о коми народной медицине, об отношении населения к народным врачевателям. Особенно важную роль в улучшении работы медицинских учреждений края сыграли земства.

Очерк VII. БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В КОМИ КРАЕ В 1917 - СЕРЕДИНЕ 1918 ГОДОВ **Коми край после Февраля 1917 г.: от “смены вывески” к смене власти**

Первые месяцы 1917 года. Третий год идет мировая война. Ее последствия: хозяйственная разруха, “обострение выше обычного нужды и бедствий...”, крепнущее убеждение едва ли не всех слоев населения в том, что сохранение прежнего порядка управления губительно для страны. В светлый разум государя-императора и его кабинет министров больше не верят даже в глухой провинции, которой являлся тогда Коми край. Сюда почти не поступает хлеб, цены растут едва ли не ежедневно, люди проклинают спекулянтов и перекупщиков, спрашивая друг друга, наступит ли когда-нибудь конец всему этому (знакомая картина, не правда ли?). Зреют конфликты между разными слоями населения - но пока еще где-то в глубине, а внешне все пока относительно спокойно, никто не хватается за оружие. Местные власти в январе-феврале 1917 г. решают обычные текущие вопросы хозяйственной жизни. На собраниях Усть-Сысольской городской думы, например, обсуждались движение сумм Усть-Сысольского городского общественного банка, организация в городе ассенизационного обоза, отвод плановых мест для застройки и т.п. - и ничего о возможных беспорядках и тому подобных явлениях. 27 февраля в далеком Петрограде свергли царя, но провинция еще целую неделю оставалась в блаженном неведении...

Положение изменилось 6 (19) марта, когда в Коми край поступили телеграфные известия о свершившейся революции. Усть-сысольский городской голова А.Е.Суханов собрал гласных городской думы на экстренное заседание, ознакомил их с телеграммами об отречении от престола Николая II и его брата Михаила и об учреждении в столице России новой власти - временного комитета Государственной думы под председательством Родзянко. Суханов предложил обсудить вопрос о том, подчинится ли городская дума новым правителям. Собравшиеся отреагировали весьма спокойно и не стали скорбеть о лишенном трона императоре, а деятельно взялись за организацию новых органов местного управления. Городской голова разослал извещение: “Покорнейше прошу господ представителей воинских частей, общественных учреждений и организаций, рабочих кооперативов и представителей политических партий пожаловать во вторник 7-го сего марта в час дня в помещение городской управы для участия в избрании членов Временного уездного комитета”.

Известие о февральских событиях в Петрограде быстро распространилось по Усть-Сысольску. С наибольшим энтузиазмом откликнулась на новости учащая молодежь. Гимназисты с песнями и красным флагом прошли 7 марта по улицам и устроили митинг у здания думы: говорилось там, как водится, о свободе, равенстве, братстве... Большая же часть населения отнеслась к революции сдержанно, отчасти с опаской и даже некоторым сожалением; что будет дальше, никто толком представить не мог... Во второй половине того же дня состоялись выборы Усть-Сысольского уездного временного комитета, в которых участвовали 322 человека (исключительно представители сильной половины). В состав УВК избрали 15 членов и 5 кандидатов, среди которых были А.Е.Суханов, начальник воинского гарнизона С.Д.Колпаков, податной инспектор, служащие городской и земской управ, представители интеллигенции и один человек от рабочих и торговых служащих. Председателем УВК стал А.Е.Суханов, позднее его сменил И.П.Петроканский (расстрелянный впоследствии большевиками). Днем раньше сформировался уездный временный комитет в Яренске, в те же дни был создан и Печорский УВК. К ним и перешла власть в уездах. Несколько позже был введен пост уездного комиссара Временного правительства. В Усть-Сысольске им стал тридцатидевятилетний Н.И.Митюшев, сын торговца из Визинги, окончивший Лесной институт в Петрограде и работавший лесным ревизором, в Яренске - врач К.Е.Добряков, в Усть-Цильме - учитель Г.Г.Недашковский. Уездные комиссары занимались делами административного характера и действовали в сотрудничестве с УВК.

Переход власти к новым органам осуществлялся довольно легко и безболезненно, что и неудивительно - среди “новых” руководителей преобладали прежние чиновники, ставшие, как по команде, большими “демократами”. Участники собрания коми солдат Петроградского гарнизона 8 апреля 1917 г. прямо заявили: “Местная власть в Зырянском крае ныне находится в руках пришлых и ничего общего с интересами местного населения не имеющих чиновников, назначенных еще старым правительством, ...которые препятствуют проведению демократических идей в крестьянскую массу”. По существу, в крае произошла лишь смена вывески - все те же люди оставались у руля, только именоваться их сообщество стало по-другому... Представители бывших оппозиционных сил в составе новых органов власти были крайне немногочисленны (одним из них являлся, в частности, А.Н.Вешняков - в прошлом организатор ячейки кадетской партии в Усть-Сысольске; теперь он был избран в УВК Усть-Сысольского уезда). По-иному и не могло случиться: в Коми крае фактически не существовало оформившихся партийных организаций, имелись только отдельные сторонники той или иной партии, склонявшиеся, в основном, к кадетским или эсеровским взглядам. Не было и сколь-либо влиятельных организаций, способных стать выразителями интересов широких слоев общества. Этим успешно

воспользовалось чиновничество - наиболее организованная и сплоченная группировка, державшая в своих руках все рычаги воздействия на массы.

Временные комитеты занимались решением текущих вопросов хозяйственной жизни Коми края и не планировали проведение каких-либо значительных реформ, ограничиваясь косметическими мероприятиями. Например, Усть-Сысольский УВК 22 марта обратился к настоятелю городского Троицкого собора со следующим письмом: “Завтра... в день погребения в Петрограде жертв революции, ...комитет просит отслужить ...панихиду по павшим жертвам революции. Панихида имеет быть отслужена на Рыночной площади у часовенки в 11 часов дня, куда и надлежит прибыть духовенству с иконами и хоругвями...” Из других “революционных деяний” новой власти можно упомянуть, пожалуй, лишь замену полиции милицией; в результате сей “реформы” едва ли не весь полицейский аппарат остался на прежнем месте, а начальником полиции в Усть-Сысольске, например, стал бывший руководитель полиции (исправник). Вероятно, тем бы и закончилось воздействие революции, если бы под влиянием демократических идеалов Февраля в Коми крае весной 1917 г. не появились новые общественно-политические организации.

Большинство таких организаций - “Союз служащих Усть-Сысольского земства”, “Организация учащихся Усть-Сысольского уезда”, “Организация учащихся (т.е. учителей - авт.) Усть-Сысольского уезда”, “Союз служащих правительственных учреждений г.Яренска”, “Союз рабочих и служащих г.Яренска и уезда” и т.п. - объединяли людей по профессиональному признаку и имели узкие цели (защита материальных интересов своих членов, регулирование отношений между ними и руководителями учреждений и т.д.). Но возникшее 30 апреля 1917 г. “Общество обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда” преследовало иные, более широкие задачи: “Пробуждение трудового населения Усть-Сысольского уезда к сознательной общественно-политической жизни и активное его участие в местных органах самоуправления”. Инициаторами создания “Общества обновления” являлись В.Ф.Попов, А.М.Мартюшев и А.Н.Вешняков. Общество объединило все силы, недовольные упорно державшимся за власть прежним чиновничеством - от либерально-демократических деятелей типа А.Н.Вешнякова и В.Ф.Попова до настроенных пробольшевистски А.П.Гичева и В.Чуистова. Председателем исполкома общества стал В.Ф.Попов, его заместителями В.Чуистов и А.П.Кудинов, казначеем - А.Н.Вешняков, секретарем - А.Д.Синцов.

“Общество обновления” активно занялось пропагандистской работой среди местного населения: читались лекции, проводились беседы, выпускались воззвания. 18 мая 1917 г. вышли “Известия общества обновления...”. Это была первая газета в Коми крае. Огромный интерес населения вызвало воззвание общества “К коми народу”, отпечатанное на коми языке. В нем критиковались существовавшие местные органы власти, говорилось о необходимости реформ. “Теперь любое дело делают выборные люди. Объединение, действие сообща - залог всех успехов для начала новой жизни”, - говорилось в воззвании. В волостях стали возникать отделения общества. Уже в мае они появились в Керчомье, Руче, Лойме и других селениях.

Руководители Усть-Сысольского УВК почувствовали угрозу своей власти и попытались оказать давление на “Общество обновления”. 9 мая 1917 г. УВК принял постановление, в котором говорилось: “Так как данным воззванием (“К коми народу” - авт.) внушается населению недовольство выборами должностных лиц, происходившими в марте и апреле сего года, и вселяется недоверие к народной власти..., что может иметь неблагоприятные последствия в настоящее время, когда всюду замечается самоуправство и игнорирование распоряжений местной власти, то просить Комитет “Общества обновления местной жизни” воздержаться от распространения данного воззвания, всемерно поддерживать порядок и спокойствие и призывать население к единению и доверию к народной власти”.

Употребление слова “просить” очень показательно - реальных сил для воздействия на “Общество обновления” у Временного комитета оставалось все меньше и меньше. Уже в самом начале деятельности УВК подполковник С.Д.Колпаков докладывал на одном из заседаний “о малочисленности состоящей в его распоряжении команды” и о возможных затруднениях с обеспечением безопасности в городе. А с возникновением в апреле 1917 г. Совета солдатских депутатов усть-сысольского гарнизона положение УВК стало еще более шатким. Хотя поначалу во главе Совета стоял чиновник, а затем офицер, этот орган под давлением солдат постепенно выходил из-под контроля Временного комитета. Солдаты были недовольны, в частности, ходом реорганизации полиции в милицию. В мае на одно из заседаний УВК “вошла толпа солдат от 10 до 15 человек, притом четверо из них были вооружены и находились в страшно возбужденном состоянии и, видимо, ...в состоянии опьянения. Вооруженные в повышенном тоне стали предъявлять...требования”, угрожая, что “арестуют весь состав...Уездного временного комитета”. Правда, кончилось все мирно: солдаты заявили, что “доверяют” УВК “и извиняются”, после чего удалились восвояси.

К лету состав уездных временных комитетов расширился за счет крестьянства. На местах стали возникать волостные исполнительные комитеты (в Вологодской губернии они появились весной, в

Печорском уезде - летом). 30 мая 1917 г. открылся Яренский уездный съезд крестьянских депутатов, объявивший себя выразителем интересов всего крестьянства уезда. Он не претендовал на передачу ему власти, но потребовал, чтобы Яренский УВК считался с ним. В начале июня 1917 г. были проведены перевыборы Яренского уездного временного комитета, и он был реорганизован “в желательном для крестьянства направлении”. 20 июня 1917 г. вышел из печати первый номер “Яренской газеты”. В отличие от эпизодически издававшихся “Известий общества обновления”, это была действительно периодическая газета. Она сыграла огромную роль в пропаганде общедемократических идей в Яренском уезде.

В Усть-Сысольском уезде во второй половине июня 1917 г. возникли первые волостные советы крестьянских депутатов - в Ношуде, Спаспорубе и Черныше; в июле они были организованы еще в восьми волостях. Авторитет деятелей “Общества обновления” стремительно рос. 23 июля 1917 г. состоялись выборы в городскую думу Усть-Сысольска; ее председателем стал В.Ф.Попов. 1 августа 1917 г. был избран Усть-Сысольский городской Совет земледельцев (мещан); председателем исполкома Совета также выбрали В.Ф.Попова. Лидеры “обновленцев” С.О.Латкин, В.Ф.Попов, М.Д.Кузьбожева и другие стали организаторами созыва первого Усть-Сысольского уездного съезда крестьянских депутатов, который состоялся в начале августа 1917 г. На съезде был избран уездный Совет крестьянских депутатов и его исполком. Председателем исполкома стал С.О.Латкин, его заместителем - А.Н.Вешняков; вошел в состав исполкома В.Ф.Попов и другие деятели “Общества обновления”. Съезд решил, что “в основу земельной реформы”, которую должно будет осуществить Учредительное собрание России, “должны быть положены следующие положения: 1) Частная собственность на землю в пределах Российской республики отменяется навсегда. 2) Земля со всеми водами, недрами и лесами объявляется всенародным достоянием. 3) Все граждане и гражданки имеют равное право на пользование землей при условии обработки ее личным трудом в пределах не свыше трудовой нормы”.

Эта позиция коми крестьян в отношении частной собственности весьма интересна и даже неожиданна. Она заставляет по крайней мере усомниться в абсолютной правоте тех деятелей сегодняшнего дня, которые считают введение частной собственности панацеей от всех наших бед. Не все, видать, так просто и однозначно, как порой кажется - ведь тогда, в августе 1917 г., еще до Октября, против частной собственности высказались не большевики и не люмпен-пролетарии деревни, а стоявшие совсем на иных политических позициях крестьяне (в основном, середняки). Да и деятельностью съезда руководил не матрос с маузером, а С.О.Латкин, ставший позднее одним из организаторов белого движения в Коми крае.

Вообще о большевистском влиянии на крестьянство Коми края говорить не приходится. Несмотря на наличие в крае отдельных пробольшевистски настроенных политиков, население в целом мало что знало о РСДРП(б), и на их отношение к этой партии немалое влияние оказывала позиция местных органов власти - а те оценивали большевиков однозначно недоброжелательно. Вот, например, резолюция Усть-Сысольского УВК от 25 мая 1917 г.: “...Ленина же и его сторонников, на немецкие деньги проповедующих поражение России и ядом своих учений отравляющих малодушных и истомленных людей, мы признаем злыми врагами нашей свободы и требуем против них применения самых решительных мер, включительно до высылки их из пределов России в объятия их кровожадного друга - германского императора”. Совет солдатских депутатов Усть-Сысольского гарнизона, узнав о большевистском выступлении в Петрограде против Временного правительства, отправил туда телеграмму: “Солдаты Усть-Сысольского гарнизона единодушно выражают полное доверие Временному правительству и готовы поддержать и по первому требованию идти на защиту Родины и революции”. За поддержку Временного правительства и против большевиков высказалось большинство выступавших на собрании “Общества обновления” 18 июня 1917 г. И первый Усть-Сысольский уездный съезд крестьянских депутатов также постановил “поддерживать всеми силами Временное правительство в его твердой решимости охранить страну и революцию от гибели”. В этом отношении и старое чиновничество, и новые политики были единодушны. Эти лозунги и призывы в целом отражали настроения жителей Коми края, но лишь до поры до времени...

В сентябре 1917 г. состоялись выборы уездных земских собраний в Усть-Сысольском и Яренском уездах, в октябре - в Печорском уезде. Старые чиновники вынуждены были окончательно уступить власть политикам “февральской волны”. С.О.Латкин, в частности, стал председателем Усть-Сысольской уездной земской управы. В руках земств, контролировавшихся в известной мере уездными комиссарами, находилась власть в уездах; было принято решение и о создании волостных земств. Уездные и волостные Советы крестьянских депутатов, Совет солдатских депутатов Усть-Сысольского гарнизона, яренский Совет рабочих и солдатских депутатов, образованный 23 июля 1917 г. (ранее в Яренске с 20-21 марта действовал Временный комитет солдатских депутатов), не претендовали на власть и являлись лишь “выразителями интересов” определенных слоев населения в диалоге с уездными органами управления. Суть деятельности новых властей оставалась во многом прежней: решались текущие вопросы оргработы

в уездах, ликвидировались наиболее ненавистные черты прежнего режима, шла постепенная подготовка к реформам, осуществление которых откладывалось до Учредительного собрания.

Установление Советской власти в Коми крае

Шел месяц за месяцем. Первая эйфория, вызванная демократическими переменами в политическом строе, организацией новых выборных органов местного самоуправления, сменилась у большей части населения недовольством из-за продолжавшихся экономических трудностей, конца которым было не видать. Не хватало самого необходимого. “В последнее время в городе нельзя найти ни одного коробка спичек. Скоро ли будут они и кто будет заботиться об обеспечении ими населения - судить трудно. Думают ли об этом кому нужно?” - вопрошала осенью 1917 г. “Яренская газета”. “Главные затруднения в уезде возникают из-за продовольствия”, - сказал на заседании усть-сысольской городской думы 10 октября 1917 г. С.О.Латкин. В связи с этим местные жители требовали, в частности, выселения из Коми края “в более хлебородные губернии” размещенных здесь немцев-военнопленных, которым также требовались продукты.

Нервозности добавляло и ожидание возможной частичной демобилизации армии “и вследствие этого большого скопления в городе солдат” и “эксцессов на почве отсутствия квартир” для их размещения. Солдатская масса была крайне политизирована и под влиянием пропаганды различных партий и окопной жизни в значительной мере утратила прежнее доверие к послефевральским органам управления. В условиях тяжелого экономического положения населения, также лишившегося значительной части своих симпатий к властям, выступление солдат могло оказаться губительным для уездных руководителей. Последние сознавали шаткость своего положения. “В последнее время внутри России во многих местах начались погромы, повальные грабежи и пожары, от которых гибнет достояние населения. Возможно, что волна погромов может перекинуться и в нашу местность, а именно при возвращении солдат на родину, в свои края”, - говорилось на заседании усть-сысольской думы 22 октября 1917 г.

А через пять дней, 27 октября, в Усть-Сысольске получили из Вологды ошеломляющую телеграмму: “В Петрограде большевики захватили власть...”. Все местные органы власти встретили это известие резко отрицательно. В Петроград и в другие места полетели телеграммы: “Яренское объединенное заседание представителей местных самоуправлений, комитетов и организаций рабочих, солдатских и крестьянских депутатов единогласно протестует против захвата власти большевиками, требует признать большевизм врагом Родины и революции”. Печорское уездное земское собрание объявило о неподчинении “той власти, которая будет организована большевиками”. “Весь Усть-Сысольский гарнизон, как один человек, присоединяется к казачеству с надеждой восстановить в стране твердую власть и порядок, которые готовы защищать с оружием в руках. Просим принять самые решительные меры в борьбе с большевизмом и анархией”, - телеграфировал Совет солдатских депутатов местного гарнизона. Усть-сысольское уездное земское собрание, городская дума, исполком уездного Совета крестьянских депутатов и представители других организаций приняли на собрании резолюцию, где заявили, что “все действия большевиков толкают Россию к кровавой гражданской войне и анархии” и выразили “решимость не останавливаться в борьбе с захватчиками власти перед самыми суровыми и решительными мерами”.

Для населения края, впрочем, октябрьские события прошли почти незаметно, поскольку сколько-либо влиятельных пробольшевистских организаций здесь не было и “организовать массы” для выражения поддержки Ленину и Троцкому было некому. У местных политических лидеров сохранялись надежды на то, что в России большевистское владычество не установится. Но дни шли, и надежды эти таяли. Возвращавшиеся с фронта солдаты были в значительной мере настроены пробольшевистски. Появились и специально направленные солдаты-агитаторы, которые должны были оказать помощь в сплочении местных пробольшевистских сил. “В ночь на 30-е ноября в Яренске образовался Военно-революционный комитет. Цель и задача его - быть проводником идей “Народных Комиссаров”. Сразу же комитетом был смещен начальник милиции, приступлено к учету товаров в магазинах”, - сообщила “Яренская газета”. В уездные центры поступали суровые телеграммы из Петрограда с требованиями действовать на местах в соответствии с указаниями большевистских лидеров. Стало ясно, что надежды на провал большевистского переворота и на то, что до Коми края их разрушительная деятельность докатиться не успеет, не оправдались. 10 декабря 1917 г. В.Ф.Попов на заседании усть-сысольской городской думы сказал: “В России многое изменилось. События идут быстрым темпом. Большевистское правительство, захватив власть, укрепляется... Необходимо нам организовать самозащиту от всяких хулиганствующих

шаек, выступающих обыкновенно в подобные острые моменты для грабежей и погромов под флагом борьбы с “буржуазией”...” О “решительной борьбе с большевизмом” речь уже не заходила - день спустя тот же В.Ф.Попов подчеркнул, что “народная охрана” “нужна не в целях борьбы с вооруженными силами большевистского правительства, а для самообороны и для предупреждения в разных подонках местного населения нежелательных самочинных действий, и главное, для реального противодействия возможным самочинным выступлениям темных элементов с целью погромов и грабежей”. Во главе дружины решено было поставить прапорщика Евтушенко.

Атмосфера в крае между тем накалялась. Присланные солдаты-агитаторы предприняли попытки захвата власти. В Усть-Сысольске 19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.) группа демобилизованных солдат при участии некоторого числа жителей городских окраин объявила о своей поддержке Октябрьского переворота в Петрограде, о переизбрании Совета солдат местного гарнизона и потребовала передачи власти избранному на этом собрании новому Совету солдатских депутатов. Секретарь нового Совета А.Хатанзейский (человек, склонный к авантюризму и оказавшийся в Усть-Сысольске проездом на Печору) сообщил о произошедшем в столицу (в Совнарком) и попросил: “Просим указать, куда нам обращаться за помощью о свержении старого Совета?” По обыкновению, никаких сведений о том, что из столицы посоветовали (и посоветовали ли) местным “путчистам”, не имеется (вероятно, такая “конспирация” характерна для всех времен и народов - что в древности, что в наши дни...).

Жители края к новоявленным претендентам на власть отнеслись с осторожностью. Так, когда Яренский военно-революционный комитет предложил крестьянам с.Айкино послать своих представителей для работы в этом комитете, то “общее мнение схода было резко отрицательное к идее организации нового, неизвестно для чего организуемого военно-революционного комитета, и решено было не посылать никаких депутатов в Яренск. Впрочем, на всякий случай намечены были все же два кандидата”, - сообщила “Яренская газета”. Сходным образом отреагировали и в других волостях уезда. ВРК остался на бумаге, а его функции как органа власти возложили на исполком Яренского уездного Совета крестьянских депутатов. Продолжало действовать и земство; лишь уездный комиссар К.Добряков подал в отставку.

И в Усть-Сысольске требование А.Хатанзейского и его сподвижников о передаче им власти было отвергнуто. Совет солдатских депутатов не признал перевыборы законными и продолжал функционировать в прежнем составе и проводить прежнюю политику. Земские служащие решили добровольно власть не отдавать, а в случае насильственного захвата власти в уезде большевиками намеревались прекратить работу во всех учреждениях, “так как всякий честный гражданин и истинный патриот должен считать позором и предательством службу большевикам”. С.О.Латкин известил низовые земские органы в волостях, что “всенародно избранные представители уездной земской управы не оставят власти до тех пор, пока власть эта не будет захвачена изменниками и предателями родины путем грубого насилия, и земская управа до последней возможности строго будет выполнять все обязанности по земскому управлению и хозяйству”.

Возможности эти были, однако, весьма ограничены. Снабжение региона товарами и продовольствием все ухудшалось. Обстановка в Коми крае обострялась, чему способствовала деятельность пробольшевистских сил. Возникали все новые претенденты на руководство. Совет, руководимый А.Хатанзейским, просуществовал недолго - его лидер уехал из Усть-Сысольска в Печорский уезд, дабы там готовить захват власти. Но в городе появился пробольшевистский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (СРСКД) во главе с С.П.Малыгиным и И.С.Юрьевым, организованный на собрании жителей пригородных слободок (где жила, в основном, беднота) между 20 и 22 декабря (2-4 января 1918 г.). Этот Совет распорядился закрыть и опечатать магазины Усть-Сысольска, проводил обыски у торговцев, осуществлял конфискации. Против этого выступил Совет солдат гарнизона; произошли стычки между гарнизонными солдатами и сторонниками СРСКД. Усть-сысольский уездный Совет крестьянских депутатов тоже осудил действия СРКСД и сообщил волостям: “В городе Усть-Сысольске небольшой кучкой граждан образован никем не признанный Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Выпускаются самозванные...объявления... Исполнительный Комитет...предлагает вам никаких распоряжений, исходящих от новой организации, не выполнять и ни в какие сношения с ней не входить”.

Часть волостей поддержала пробольшевистский СРСКД. В частности, Керчемский Совет во главе с Д.М.Ваддоровым и А.П.Гичевым тут же попросил “оружия до 20 штук с патронами” для “защиты прав беднейшего слоя населения” “от спекулянтов и буржуазии”. Большинство волостей поддерживало Совет крестьянских депутатов и иные “легальные”, “законные” органы, доверие к которым в то же время стремительно падало. Противоречившие один другому приказы различных органов власти дезорганизовали и без того находившееся в кризисе хозяйство уезда. Жители Коми края, настрадавшиеся от нехватки всего, чего только могло не хватать, обращали свои взоры не к большевикам, эсерам или еще кому-либо конкретно: им нужна была какая-то реальная сила, реальная власть.

Об этом точно сказал один из видных местных политических деятелей, бывший депутат Государственной думы священник Д.Я.Попов: “Тревога за хлеб, за жизнь заставляет желать какой-либо власти. Такая власть необходима для объединения народа и успокоения, чтобы никто не препятствовал никому трудиться для себя и на пользу государству. Власть желательно создать сильную, верховную, единую... Бывшая до сих пор власть потеряла авторитет, а без нее может наступить анархия...Неавторитетная власть вызовет всеобщее недоверие и вражду”. Выступление Д.Я.Попова перекликается со словами уроженца Коми края, очень популярного среди местных жителей П.А.Сорокина (в то время - одного из лидеров партии эсеров, секретаря А.Ф.Керенского), сказанными им в сентябре 1917 г. перед открытием Демократического совещания в Петрограде (на том совещании присутствовали представители ряда партий, Советов, профсоюзов, местных органов самоуправления, кооперативов и т.д., обсуждавшие вопрос о положении в стране, о власти). П.А.Сорокин сказал тогда: “Страна приближается к полной анархии, и у меня нет уверенности в благополучном исходе. Мы продолжаем упиваться словами, резолюциями, закрыв на все глаза... Сведения с мест говорят, что крестьяне устали, перестали бывать на выборах, жаждут порядка, от кого бы он ни происходил... Масса уже хочет не слова, а хлеба... Как царский режим пал благодаря экономике, так же падает благодаря экономике и новый строй...” (Просто удивительно, до чего современно звучат эти слова!).

Никто из “старых” и “новых” претендентов на власть не мог справиться с управлением в одиночку. Требовалось соглашение, компромисс между различными политическими силами. На призыв СРСКД к населению уезда прислать делегатов от волостей на съезд для решения вопроса о власти 15 (28) января 1918 г. откликнулись немногие - в Усть-Сысольск прибыло 16 человек, а волостей в уезде насчитывалось более 50. Совет солдат гарнизона, в свою очередь, обратился к земским деятелям с предложением организовать новую власть в уезде “для предотвращения наблюдаемых разных скандалов и беспорядков, нарушающих тишину и спокойствие”. В результате переговоров земских деятелей с солдатами гарнизона руководители земской управы убедились, что солдатам “что-то...хочется сделать, но что и сами (они) не знают”. С.О.Латкин созвал чрезвычайное уездное земское собрание и продовольственный съезд. По предложению Совета солдатских депутатов гарнизона и по согласованию с земством участники всех этих форумов (в том числе и приехавшие по призыву СРСКД), а также представители всех уездных и усть-сысольских городских органов власти собрались 17 (30) января 1918 г. на учредительный съезд. На съезде решено было создать в уезде новую сильную власть с участием всех групп населения, которая действовала бы исключительно в интересах местных жителей: “Если мы увидим, что распоряжения высшей власти правильны - то согласимся, если не правильны, не согласимся. Наша организация беспартийная, значит она будет рассматривать распоряжения центральной власти с точки зрения полезности для края, а не партийности”. Был избран временный уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, его исполком. Председателем Совета стал А.М.Мартюшев. По его словам, он стал своего рода буфером между левыми и правыми; его знали как человека демократических взглядов, образованного, чуждого авантюризму и к тому же выходца из народных низов. Ни к одной партии он не примыкал и “так и остался навсегда беспартийным”. Должность уездного комиссара была упразднена, земства пока сохранялись. Так, в Усть-Сысольском уезде была установлена Советская власть. Все ранее существовавшие Советы объявили о своем самороспуске.

В марте открылся первый съезд Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Усть-Сысольского уезда, на котором был избран уже не временный, а постоянный исполком Совета, который вновь возглавил А.М.Мартюшев. В марте-апреле началась организация волостных Советов депутатов в Усть-Сысольском уезде; земская управа и волостные земства ликвидировались.

В марте 1918 г. III яренский уездный съезд крестьянских депутатов объявил об установлении Советской власти в уезде. Главным уездным органом власти стал Совет крестьянских депутатов и его исполком, стоявшие на меньшевистских позициях. Земские учреждения в Яренском уезде функционировали до июля 1918 г. и были ликвидированы по решению IV уездного съезда крестьянских депутатов.

В Печорском уезде первый Совет возник в Мохченской волости 25 февраля 1918 г. по инициативе бывшего политссыльного, ставшего местным торговцем Н.И.Зыкова. Сам он писал, что “почва здесь для Советов крайне скверная. Крестьянин - плохой “советник”, и потому многие крестьяне высказывали недоумение и даже недовольство в связи с созданием волостного Совета. Но и прежние органы власти у них доверия уже не вызывали: “Народ еще чище подчеркнул, что земством он сыт”. В марте 1918 г. по инициативе уездного комиссара Г.Г.Недашковского в Усть-Цильме был созван уездный съезд Советов крестьянских депутатов, избран исполком, но власть осталась у прежних органов. Вопрос об установлении Советской власти в уезде считался преждевременным даже некоторыми из немногочисленных печорских большевиков, входивших в созданную уже знакомым нам А.Хатанзейским “фракцию большевиков”. В частности, А.М.Томилов говорил в марте 1918 г.: “Нельзя все сразу сделать, а нужно постепенно наладить, и притом же Советскую власть не все население признает законной

властью, а некоторые личности обзывают бандой хулиганов, а членов (Совета - авт.) - кучкой мошенников... В Совете нет хороших работников, и стало быть власть захватывать мы не можем, а захватом же хорошо налаженную организацию (управления - авт.) разрушим, а новую трудно создать". Однако лидер фракции А.Хатанзейский настаивал на захвате власти (позднее он был исключен из фракции за неумение руководить и авантюризм). На II уездном съезде Советов 14 апреля 1918 г. все же решено было провозгласить Советскую власть и ликвидировать земские органы (сказалось возросшее давление центра). Вместе с тем уездный исполком оставался на небольшевистских позициях.

Захват власти большевиками

Установление Советской власти в Коми крае прошло при минимальном участии пробольшевистских сил, и последние почти не пользовались каким-либо влиянием в Советах. Беспартийные (или, может быть, многопартийные) Советы пытались по мере сил наладить хозяйственную жизнь в уездах и волостях Коми края, стабилизировать политическую ситуацию, удержать население от конфликтов.

Одной из наиболее острых проблем был недостаток продовольствия. В конце апреля голодало более 60% населения Яренского и Усть-Сысольского уездов. 15 мая 1918 г. Усть-Сысольский уездный исполком "ввиду острого продовольственного кризиса" запретил въезд в уезд "ищущим работы и желающим поселиться"; "прибывающие без разрешения...будут выселяться принудительным порядком обратно". Аналогичное положение было и в соседних районах, в связи с чем А.М.Мартюшев издал распоряжение: "Ввиду запрещения въезда в Котлас, Устюг, Вологду, Архангельск ... билеты на пароходы без разрешения Советов рабочих депутатов никоим образом выдаваться не должны".

Было ясно, что одними запретами не отделаешься. Решено было изъять под проценты вклады состоятельных горожан в сберкассах, обложить местных торговцев чрезвычайным налогом специально для закупки продовольствия. Большевики и сочувствующие им требовали от властей более крутых насильственных мер, выходявших за рамки действовавших тогда основных законов и связанных с изъятием "излишков", перераспределением земли и т.д. Если находившиеся у руководства Советами деятели видели в вышеназванных мероприятиях вынужденную и кратковременную меру, то их оппонентам виделась иная перспектива: насилие должно быть сделано постоянным структурным элементом системы власти в ущерб более-менее мирному сосуществованию, связанному с постепенным вытеснением "эксплуататоров" с помощью экономических методов (именно такого, последнего курса держалось Советское правительство в первые месяцы после Октября).

До поры до времени деятельность местных властей Коми края укладывалась (хотя и с оговорками) в рамки требований центральных органов, возглавлявшихся большевиками. Но в середине 1918 г. положение изменилось. Руководители большевистской партии пришли к выводу, что в условиях продовольственного кризиса и т.п. продолжать курс на постепенное вытеснение "капиталистических элементов" города и деревни через систему товарного производства и товарного обращения невозможно. Решено было осуществить ряд чрезвычайных мер в политике и экономике.

Одним из первых шагов в этом направлении стало принятие 11 июня 1918 г. декрета ВЦИК о создании деревенских комитетов бедноты (комбедов), которые должны были содействовать властям в изъятии "излишков" хлеба и распределять хлеб, предметы первой необходимости и сельхозорудия между жителями. В руках комбедов, крестьянской бедноты оказывалась огромная власть, которая позволяла им не считаться с мнением большей (средняцкой и зажиточной) части крестьянства, а это неизбежно привело бы к конфликтам. Лидеры левых эсеров выступили против комбедов, объявили их антисоветской организацией, подменяющей советскую демократию диктатурой сброда. Один из левых эсеров, Трутовский, говорил большевикам, казалось бы, очевидные вещи: "Беднота - это ведь не класс. Здесь и пьяница, и трудолюбивый неудачник, и батрак, и проходимец. Почему они становятся первыми фигурами в деревне? Что в этом социалистического? Где пределы взаимной экспроприации? Почему нужно формировать армию для борьбы против своих и мириться с тем, что немцы эшелонами вывозят хлеб в Германию? (Имелись в виду продотряды и условия Брестского мира - авт.). Ведь страшен, страшен будет результат: раскол России сверху донизу, резня, запустение, ненависть навеки..."

Эту опасность поняли руководители Усть-Сысольского, Яренского и Печорского уездов. II Усть-Сысольский уездный съезд Советов "отверг декрет об устройстве деревенских комитетов бедноты как учреждений, могущих повлечь в деревнях раскол и посеять вражду среди крестьян, и как учреждений, дающих возможность одной части населения жить за счет другой". Сходным образом высказывались члены Яренского исполкома: "Наша задача - тишина и споуойствие в уезде... Незачем натравлять одну часть населения против другой"; задача исполкома - "избежать конфликтов между частями населения". IV Яренский уездный съезд Советов отверг предложение о создании комбедов и продотрядов. Аналогичную позицию заняли власти Печорского уезда.

Между тем ситуация все ухудшалась. За короткое время, прошедшее после установления Советской власти, уездные руководители физически не могли решительно оздоровить обстановку, улучшить снабжение населения - тем более, что в пропасть катилась вся страна. А люди устали ждать. Экономическая разруха, угроза голодной смерти отнюдь не способствовали остужению страстей. В июне 1918 г. в Усть-Сысольском уезде насчитывалось 11843 "голодающих" и 86062 "полуголодающих". "Очень скудно насчет продовольствия" было в июле 1918 г. в Печорском уезде. Часть населения требовала немедленных решительных действий, улучшения положения любым путем - в ущерб законности, правам человека, не взирая на возможные катастрофические последствия. Выразителями интересов этой части жителей стали большевики. Только они могли осуществить провозглашенные центральной властью чрезвычайные меры на местах - этого от них требовала как партийная дисциплина, так и собственная убежденность в необходимости скорейшего построения социализма и коммунизма для всеобщего блага.

Но в Коми крае в первой половине 1918 г. коммунисты ввиду их малочисленности не пользовались известностью и авторитетом в массах (даже при том, что в стране в целом их партия уже в течение нескольких месяцев находилась у власти). Даже летом 1918 г. население Яренского уезда "совершенно ничего не знало о коммунистах", отметил один из местных большевистских лидеров П.И.Покровский на II губернском съезде РКП(б). В докладе яренского уездного комитета (укома) РКП(б) в марте 1919 г. также подчеркивалось: "Организационная и агитационная работа (коммунистов - авт.) началась только в сентябре 1918 года... До сентября наша деревня знала о коммунистах только понаслышке". Сходное положение, несмотря на пропагандистскую деятельность пробольшевистских деятелей в Усть-Сысольске, Керчомье и некоторых других местах, было и в Усть-Сысольском уезде. Большевики и сочувствующие им не имели до июня 1918 г. в уезде даже своей организации. Из Печорского уезда упоминавшийся уже Н.И.Зыков неоднократно писал большевистскому руководству в Архангельск, прося прислать оружие для "захвата власти...во имя свободы и блага народа", так как без оружия он и другие прокоммунистически настроенные жители как "писарь без руки" - "народ" почему-то не хотел обещавшейся Зыковым "свободы и блага" ("дурака и подлеца без палки не уверишь", - сокрушался по этому поводу Н.И.Зыков).

Впрочем, и представители других партий не могли похвалиться успехами в популяризации своей деятельности. Отсутствие крупных городов, разбросанность населения по сельским поселениям затрудняли партийную пропаганду в Коми крае. Только эсеры, для деятельности которых крестьянская среда была наиболее благоприятна, пользовались относительно большей известностью у местных жителей (что показали, в частности, выборы в Учредительное собрание осенью 1917 г.) и еще в 1917 г. создали уездную организацию с волостными ячейками в Яренском уезде; вероятно, существовала таковая и в Усть-Сысольском уезде. Однако и они после раскола партии социалистов-революционеров на правых и левых в конце 1917 г. только через полгода смогли создать свои новые уездные организации: яренский уездный организационный комитет партии левых эсеров возник в июне 1918 г., усть-сысольский - в июле 1918 г.

Политическая сознательность основной массы местного населения была весьма низкой; жители были очень плохо информированы о политических и экономических программах партий и движений. Да и партийные различия в Коми крае в первой половине 1918 г. были выражены очень слабо; упоминавшийся уже Д.Я.Попов в начале 1918 г. говорил, что партий как таковых в крае нет. Принадлежность к той или иной партии в 1918 г. скорее декларировалась, чем существовала реально; осознание даже членами партий целей и задач своих парторганизаций, отличие их от программ других движений было весьма слабым.

Показательна в этом плане близость заявлений лидеров двух разных уездных парторганизаций: "Социализм ведет к установлению Царства божия на земле. Что такое социализм? Это - учение, требующее выполнения библейской заповеди: "Не работающий да не ест"..."; "Мы, ... открывая двери наших райских покоев социального строя, должны быть осмотрительны по отношению к входящим, и прежде чем их допустить, мы должны их к этому приготовить, давая им понять, что идея коммунизма - священная идея и что социальный строй - это царство правды, истины, про которое говорит в своем учении великий учитель Иисус". Первое заявление принадлежит яренским эсерам (1917 г.), второе - усть-сысольским большевикам (1918 г.). Многие деятели, числившие себя еще в начале 1918 г. эсерами (Е.Ф.Вежева, Д.А.Батиев, Е.М.Мишарин и др.), во второй половине 1918 - первой половине 1919 гг. вступили в РКП(б). Неудивительно, что население Коми края ориентировалось не на программы партий, а главным образом на понравившиеся, обнадеживающие заявления и обещания тех или иных претендентов на власть безотносительно к их партийной принадлежности (будь то коммунисты, монархисты, либералы или эсеры). Разумеется, в таких условиях были возможны и даже неизбежны шарахания политических симпатий населения из одной крайности в другую.

Сплочение местных пробольшевистских сил происходило благодаря поддержке губернских органов власти, находившихся в руках коммунистов. Н.И.Зыков в марте 1918 г. настаивал: “Для торжества народного дела в уезде необходимо прислать организаторов и оружия человек на сто... Буржуазия многочисленна и упорна. Необходимы хорошие вожжи”. “Организаторы” через некоторое время появились во всех уездах Коми края. В Усть-Сысольске организационное собрание коммунистов состоялось 16 июня 1918 г. по инициативе незадолго до этого прибывших в город русских большевиков командира красноармейского отряда (направлявшегося в Печорский уезд) С.Ларионова, его помощника Дубровина и представителя военного контроля И.Андрианова. Последний и возглавил организацию. В Яренске коммунистическая ячейка возникла по инициативе С.А.Жавнера (представителя командующего Котласским районом боевых действий) 1 сентября 1918 г.

Организаторы большевистских ячеек в Коми крае сразу же поставили перед ними задачу овладения властью в уездах. С.Н.Ларионов высказался на сей счет достаточно ясно: “Необходимо, чтобы у власти были свои люди”, а для этого “нужна организованность”. Секретарь яренского укома РКП(б) П.И.Покровский позднее говорил: “Мы, организовавшись, сразу же поставили очередной задачей нашей партии борьбу с уездным исполнительным комитетом”. Возможность компромисса, коалиции, налаживания диалога с демократическими силами, не стоявшими на большевистских позициях, решительно отвергалась: “Рано ли, поздно ли жизнь должна была сделать нас или коммунистами, или решительными противокommунистами...Кретины и провокаторы говорят о возможности соглашения, компромисса. Нет!” - заявляли яренские большевики в связи с созданием своей организации.

Прийти к власти большевики могли только путем переворота, причем последнему должны были содействовать внешние силы. Аналогичные условия существовали во многих частях страны - например, на Украине. Украинский писатель и политический деятель В.Винниченко отметил в своем дневнике в 1920 г.: “Революция на Украине проводится военными силами. Пролетариата почти нет. Тот, что был, расплылся по селам, бросился в спекуляцию, ушел на фронт”. В Усть-Сысольске главной силой переворота стал отряд С.Н.Ларионова. Способствовало перевороту то, что Ларионов был назначен уездным исполкомом на пост военного коменданта города с обширными полномочиями. Это назначение было связано с конфликтом вокруг имения торговцев Кузьбожевых в местечке Човью, вылившимся в противостояние уездного исполкома и части жителей городских окраин, которых поддерживал городской Совет (он был создан в мае 1918 г. после упразднения городской думы). В ходе конфликта были избиты владельцы имения (их пригрозили сжечь вместе с домом), убит член горсовета Х.Кудинов, участвовавший в нападении на Човью, арестованы некоторые зачинщики беспорядков, освобожденные затем толпой, разоружившей немногочисленную местную милицию и угрожавшей убить председателя уездного исполкома А.М.Мартюшева.

Поначалу С.Н.Ларионов стал наводить в городе порядок и даже арестовал нескольких пробольшевистски настроенных активных участников беспорядков. Но вскоре Ларионов вошел в соглашение с Андриановым и прокоммунистическим горсоветом и взял курс на переворот. Было созвано собрание с участием красноармейцев, членов горсовета, некоторых членов уездного исполкома, представителей крестьян Вьльгортской волости, на котором под давлением Ларионова из состава исполкома были выведены председатель и некоторые его члены, снят с должности начальник милиции Евтушенко. Вместо них ввели коммунистов и сочувствующих. Никаких полномочий для принятия подобных решений собрание не имело, что и заявили присутствовавшие на нем вьльгортские крестьяне. Но к их мнению организаторы переворота, конечно, не прислушались. Дело было сделано.

А.М.Мартюшев на прощание заявил: “Отстаивать свое право и продолжать службу под дулом направленного на меня револьвера я, конечно, не могу. Я слагаю с себя нравственную ответственность за всякие нежелательные для населения уезда явления, могущие произойти... Я ушел под давлением силы и насилия... Теперь, когда говорят, что никаких норм, никаких законов не нужно, и что всякая кучка никем не уполномоченных людей может явочным порядком в любое время удалить со службы представителей своего уезда - я уже вижу, что в стране наступает анархия со всеми разрушительными последствиями”. Эти слова оказались пророческими...

После того, как в июле 1918 г. II съезд Советов Усть-Сысольского уезда осудил смещение А.М.Мартюшева с поста, отверг декрет о комбедах, где большевики не получили большинства, последние решили выполнить свою угрозу, высказанную еще в июне при подготовке к съезду: ставший начальником милиции И.П.Андрианов и другой большевик Д.И.Розанов заявили тогда, что на съезд “должны быть присланы истинные защитники Советской власти, а если будут присланы другие, то им место в тюрьме”. При этом право решать, кто “истинный” защитник, а кто нет, они оставляли за собой.

Еще 31 июня губернское руководство разослало на места свое указание о необходимости “разгонять вооруженной силой” неугодные большевикам Советы”. 21 июля руководимые И.П.Андриановым усть-сысольские коммунисты решили, что “современный состав исполкома должен быть безотлагательно реорганизован”. Силой, осуществившей “реорганизацию”, а точнее - переворот,

стала созданная в июле Чрезвычайная комиссия, возглавлявшаяся тем же Андриановым. На состоявшемся в тот же день экстренном заседании ЧК постановила “удалить...с преданием революционному суду” председателя и нескольких членов исполкома, “а на место отстраненных ввести” большевиков, что и было исполнено на следующий день.

В Яренске распоряжение о разгоне некоммунистических Советов до сентября 1918 г. выполнять было некому. В начале сентября 1918 г. губернский съезд РКП(б) постановил “принять все меры по реорганизации Советов, не допуская туда левых социал-демократов и других элементов”. Яренская ячейка коммунистов приняла указание к исполнению. 12 сентября 1918 г. в Яренске получили телеграммы наркома внутренних дел Петровского, где, в частности, говорилось: “Все известные ... правые эсеры должны быть взяты немедленно под арест”. Исполнителем этого приказа в Яренске стала уездная ЧК, созданная Жавнером, Хуппоненом-Мурзиным и Вороновским. ЧК объявила о начале своей работы с 6 сентября, а утром 14 сентября при участии местных коммунистов арестовала председателя и еще четырех членов исполкома. “Комитету местной группы коммунистов Чрезвычайная комиссия предложила выделить из своей среды заместителей на места арестованных”, - сообщила газета. “Тогда весь комитет партии коммунистов прошел в исполнительный комитет”, - докладывал позднее П.И.Покровский. “Все правильно оценивали эти события как переворот”, - констатировала яренская газета “Известия...”, находившаяся уже под контролем большевиков.

Первоначально упрощенные лозунги большевиков, их обещания в сжатые сроки выправить положение путем ужесточения политики реквизиций “излишков” продовольствия и имущества в сочетании с продемонстрированной ими во время переворотов решительностью действий, а также с поддержкой, оказанной им из губернских центров, привлекли на их сторону немалую часть населения Коми края. А те, кто не симпатизировал большевикам, оказались равнодушны и к демократам, не оправдавшим их надежд. Это-то равнодушие к судьбе избранных органов власти сыграло громадную роль в успехе организованных красноармейцами, чекистами и большевиками переворотов в Усть-Сысольске и Яренске.

На Печоре ситуация сложилась иначе. Правда, С.Н.Ларионов со своими красноармейцами в июне-июле 1918 г. побывал во многих селениях уезда, “делал обновления в составе Советов и давал указания им в работе” (можно догадываться, какие именно). В Мохче он пытался расследовать убийство Н.И.Зыкова, расстреляв двоих зажиточных крестьян из числа недовольных деятельностью пробольшевистского волостного Совета. В уездном центре Усть-Цильме Ларионов организовал новый волостной Совет и коммунистическую ячейку, но устроить переворот и заменить руководство уездного Совета не успел - поступили сведения об ухудшении положения в Архангельске, и Ларионов увел свой отряд туда. Оставленная без военной поддержки большевистская ячейка не смогла захватить власть, а в августе 1918 г. Печорский уездный Совет поддержал белых. В то же время во многих волостях, особенно на Ижме, имелись вооруженные отряды, находившиеся на стороне коммунистов. Ни те, ни другие не пользовались достаточной поддержкой населения уезда для того, чтобы справиться с противником и рассчитывали на то, что им будет оказана помощь извне.

В Усть-Сысольском и Яренском уездах процесс, начавшийся с захвата большевиками власти в уездных Советах, развивался дальше. Все Советы должны были находиться под полным контролем коммунистов. Еще 21 июля 1918 г. усть-сысольские большевики приняли решение: “На будущее время при подборе служащих руководствоваться рекомендацией таковых со стороны Усть-Сысольского Комитета РКП(б)”. 15 сентября 1918 г. из усть-сысольского горсовета вывели всех беспартийных, и там остались только большевики. На V Яренском уездном съезде Советов в октябре 1918 г. большевики объявили, что “все поступающие в Совет должны иметь рекомендации или от организации коммунистов или от деревенских комитетов бедноты”. В резолюции I съезда РКП(б) Усть-Сысольского уезда (декабрь 1918 г.) говорилось: “Все ответственные служащие в советских учреждениях должны быть партийными, и вся работа должна вестись под контролем партии коммунистов”.

После прихода большевиков к власти в уездах были приняты решения о создании комбедов. Последние стали заниматься решением самых разных вопросов деревенской жизни. Вскоре они и коммунистические ячейки фактически подменили собой Советы, лишив последних всякой власти. Об этом прямо сказал на Северо-Двинской губпартконференции делегат от усть-сысольской уездной организации большевиков Д.Н.Улитин: “Волостные ячейки сразу после своей организации взяли в свои руки все управление волостью”. П.И.Покровский говорил: “Наши агитаторы...поставили почти повсюду бедноту у власти, и только беднота послала своих представителей” на Чрезвычайный съезд Советов Яренского уезда в октябре 1918 г.

Логическим завершением указанного процесса могло стать полное упразднение Советов депутатов как демократически избираемых органов власти всего населения - т.е., по сути, ликвидация Советской власти на местах в том виде, в каком она создавалась и в каком была с энтузиазмом воспринята немалой частью населения. Это намерение стало осуществляться по решению VI

Всероссийского съезда Советов, принявшего под диктовку большевиков решение о создании вместо Советов депутатов иных органов - Советов бедноты. В декабре 1918 г. это решение стало проводиться в жизнь в Коми крае. Местная печать признавала, что в крае “постоянно возникали трения между Советами и комбедами”; теперь же власть вполне официально передавалась Советам бедноты, выборы которых проводились под контролем коммунистов и комбедовцев.

Яренские “Известия...” писали: “Советы бедноты явятся тем постоянным и подлинным выразителем бедной...деревни, который будет главной опорой при проведении в жизнь декретов из центра, коренным образом переустривающим крестьянское хозяйство... Тов.коммунистам деревни предстоит большая работа: провести своих верных и твердых людей в совбеды”. Среднякам (при том, что по свидетельству той же газеты, “наш крестьянин середняк где-нибудь в центральных или иных губерниях считался бы настоящим бедняком”) обещалось некое немногочисленное “представительство” в совбедах, но при условии, что эти представители будут идти “за беднотой”. О представительстве зажиточных крестьян, естественно, и речи не было. Созданием совбедов закончилась борьба, которую большевики вели против Советской власти в Коми крае с лета 1918 г.

Очерк VIII. КОМИ КРАЙ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ **Издержки бесконтрольной власти и падение авторитета коммунистов**

Осенью 1918 г. власть коммунистов и комбедовцев в Усть-Сысольском и Яренском уездах стала фактически бесконтрольной (по крайней мере, со стороны большей части беспартийного местного населения), а любая бесконтрольная власть развращает обладающих ею людей. Тем более это сказывается тогда, когда они не обладают достаточными политическими и иными знаниями, что было характерно, к сожалению, для коми коммунистов, причем не только в 1918 г., но и в последующие годы. “Большинство волостных ячеек состоят из людей малограмотных, которые не могут вести ни культурно-просветительную, ни агитационную работу”, - говорилось в сводке по партработе яренского укома РКП(б) за июль 1919 г. В марте 1923 г. секретарь Коми обкома А.М.Чирков сообщал на IV облпартконференции: “Марксистов у нас ... во всей областной организации не более пяти...”; усть-сысольская организация “из 200 человек может выделить не более 30 членов в марксистский кружок пониженного типа, остальных нужно посадить за политграмоту. Это передовая организация...” Март 1924 г., V облпартконференция: в докладе о работе агитпропа обкома РКП(б) констатируется, что “до 80 процентов членов всей областной организации политически неграмотно”. Коми край не был исключением - по данным общепартийной переписи, в 1922 г. 92,7% членов РКП(б) были фактически полуграмотными.

Делегат IV облпартконференции С.С.Трофимов сказал: “В деревнях при изучении программы и устава партии случаются казусы. Некоторые параграфы программы являются такой новостью, что можно думать, что члены РКП(б) попали в партию по недоразумению”. О недоразумении, впрочем, говорить не приходится. Оценив сложившуюся осенью 1918 г. обстановку, коми крестьяне поняли, что в условиях беспомощности Советов и всевластия коммунистических ячеек единственный способ влиять на решения местных властей, иметь какие-то привилегии - это вступление в РКП(б). К этому их порой просто вынуждали обстоятельства.

Леушин, организатор ячейки РКП(б) в поселке Кажим, рассказал на I Северо-Двинской губернской партконференции, что сначала в ячейке состояло 6 человек. Но после того, как поступили сведения, что голодающее население получит хлеб, если в поселке будет крупная парторганизация, сразу же “навербовалась партия в 120 человек, куда вошли спекулянты, купцы и т.п. Я не в силах был с этим бороться”, - говорил Леушин. Участник революционной борьбы в Керчомье Е.А.Напалков вспоминал, что в одном только этом селе в сентябре-ноябре 1918 г. “членов партии доходило до 150 человек и сочувствующих около 300 человек. Благодаря такому сильному росту в партию попадал совершенно чуждый элемент, и организация потеряла свой большевистский облик. Во время “красного террора” в партию вошли даже противники Советской власти”.

Неудивительно, что уже 3 ноября 1918 г. Яренский уком РКП(б) постановил “произвести чистку рядов партии в городских и волостных ячейках от негодных для партии элементов”. Чистки, впрочем, мало помогали. Численность коммунистов в Коми крае, особенно в Усть-Сысольском уезде, достигла феноменальных по тем временам размеров. Д.Н.Улитин на I губпартконференции в январе 1919 г. отметил: “Усть-Сысольский уезд стоит на первом месте с губернии по численности действительных членов. Их более двух тысяч человек и также более двух тысяч сочувствующих. В этом отношении его можно сравнить со всеми остальными вместе взятыми уездами нашей губернии”. (Для сравнения скажем, что до конца 30-х гг. численность всей Коми областной парторганизации была меньше, чем численность коммунистов одного Усть-Сысольского уезда в январе 1919 г., причем до конца 20-х гг. - более чем в 2 раза меньше). В отчете Яренского укома РКП(б) за май 1919 г. говорилось: “В Яренском уезде ячейки выросли быстро. В каждой волости было по ячейке, а в некоторых даже по две и по три. Но когда стали объявлять мобилизации, то ячейки стали распадаться одна за другой... потому, что были созданы скороспело, а члены, вошедшие в ячейки, не были достаточно убеждены в идеи коммунизма”.

От местных большевистских лидеров ждали - как до этого от всех предшествовавших руководителей уездов - улучшения жизни. Но обещанное улучшение не наступило. 30 октября усть-сысольский уездный продовольственный комиссар Е.М.Мишарин докладывал: “Население Усть-Сысольского уезда голодает. Положение с продовольствием... приняло угрожающие размеры...”. Отрицательно сказывались на состоянии населения и негативные последствия всевластия большевистских ячеек и комбедов, в деятельности которых наблюдалось немало “перегибов” и прямого злоупотребления властью. Вот что слышали делегаты I Усть-Сысольского уездного съезда РКП(б) в декабре 1918 г. от представителя парторганизации села Большелуг: “Первоначально ячейка действовала удовлетворительно, но впоследствии некоторые члены, во главе с председателем Поповым стали преследовать личные цели и проявлять систематическую форму обирательства граждан, забирая у них, питающихся соломой и разными суррогатами, последние предметы первой необходимости”. Делегат от

ячейки села Аныб рассказал съезду эпизод из деятельности своей парторганизации: “По слухам, один солдат Аныбской волости Лобанов привез с военной службы 18000 рублей. Ячейка потребовала эти деньги целиком, но Лобанов не хотел дать их добровольно, за что он в виде острастки был опущен в прорубь на непродолжительное время, но не по горло, а только помочил ноги”.

Доставалось не только беспартийным. Позднее, в 1922 г. на III Коми облпартконференции делегат Липин сделал такое примечательное заявление: “Не мешало бы указать Леканову (секретарю уездного комитета партии - авт.), чтобы он изжил битье сапогами членов партии”.

Коммунисты села Керчомья во главе с руководителем местной ячейки Д.М.Ваддоровым решили в 1918 г. заняться организацией церковной жизни: устроили выборы священника, которым стал член партии, участвовали в церковных песнопениях. Ваддоров, являвшийся одновременно председателем волостной ЧК и зав. отделом внутреннего управления волости, по случаю первой годовщины Октября издал специальный приказ о порядке празднования с включением церковного богослужения, “целодневного звона”, церковной панихиды на могилах коммунистов и т.п. Об этом с иронией сообщили яренские “Известия...” и даже губернская газета “Борьба бедноты”.

В Ыбе в начале 1919 г. совбед разделил местное крестьянство на 3 категории; у первой (зажиточные) изъяли по 3-4 коровы, причем часть изъятого скота была заколота для совбедовцев. Мяса оказалось так много, что последние не смогли его использовать; испортившееся мясо было выброшено в реку. Керчемский комбед в 1918 г. занимался реквизициями даже у бедняков, причем реквизируемое в значительной части шло самим же комбедовцам. В число дружинников были набраны уголовники. В Мадже и Додзи комбедовцы угрожали торговцам расстрелом, заставляли их копать для самих себя могилы, добываясь таким образом выплаты различных контрибуций.

Далеко не всегда большевики были примером в том, что касалось выполнения решений своего же руководства. Так, побывавшие в Часово петроградские большевики-агитаторы докладывали, что волостной военный комиссар член партии Логинов “спрятал хлеб от учета. Но крестьяне нашли, и пришлось его (Логинова) арестовать. Это страшно отразилось на крестьянах, которые волновались на собраниях, указывая, что вот вам и коммунист, а хлеб прячет... Были страшно возмущены... Пришлось действовать на них угрозой...”.

Отнюдь не способствовал налаживанию дел и невысокий культурный уровень большей части местных политических “вождей”, особенно на волостном уровне. Что говорить о 1918 годе, если даже в активе членов президиума (бюро) коми обкома РКП(б) первого состава (1921 г.) были лишь церковно-приходская школа да - в лучшем случае - двухклассное уездное училище.

Трудности с продовольствием, продолжавшиеся реквизиции, сопровождавшиеся всякого рода “перегибами” и “искривлениями” и т.п. вызвали конфликты в деревне, об опасности которых предупреждали свергнутые большевиками лидеры демократических Советов. Росло недовольство и сопротивление властям, но одновременно и власть, почувствовав это, усиливала нажим на деревню, стремясь силой провести в жизнь “ генеральную линию”. Это не могло не привести к террору с обеих сторон - к террору власти и террору против власти.

Сообщения газет, донесения местного руководства осенью 1918 г. уже через месяц полтора после “большевизации” местных органов власти, напоминают сводки с места военных действий. “6 сентября в деревне Градоре Шошкинской волости неизвестными лицами убит крестьянин Арсений Васильевич Сивков. Следственной комиссией по этому делу арестованы 5 человек (“Зырянская жизнь”, № 25). “В ночь на 9 сентября в с. Керчомья неизвестными лицами убит секретарь волисполкома Александр Павлович Гичев” (“Зырянская жизнь”, № 27). 18 сентября “Керчемский комитет партии коммунистов-большевиков доносит, ...что следствие об убийстве... А.П.Гичева продолжается. В первое время было арестовано более 20 человек, 3 человека как главные виновники убийства расстреляны на месте, а двое убежали. Реквизиции и конфискации имущества и лишних вещей продолжаются. Установлен полный порядок”.

Жители Гарьи в начале сентября решили распустить свой контролировавшийся комбедовцами волостной Совет, утративший всякое их доверие, избрать туда новых людей. В ответ на это “был командирован туда отряд в количестве 40 человек с пулеметами, который восстановил старый состав исполкома”; активистов выступления арестовали (“Зырянская жизнь”, № 27). 22 октября в Керчомье во время завязавшейся при реквизиции скота перестрелки крестьянином Самариным был убит дружинник-коммунист Жикин (последний, по некоторым данным, был нетрезв). Керчемская ЧК сообщила: “Вся родня Самарина арестована в числе 21 человека обоого пола. Следствие продолжается и аресты...”. Самарин с сыном скрылись в лесу, за ними были отправлены “200 человек, вооруженных чем попало... На рассвете нами отправлен добавочный отряд в 600 человек...” “Самариных настигли в лесу... и на месте расстреляли”. В качестве доказательства смерти у одного из убитых отрубили кисть руки и доставили в следственную комиссию.

“29 октября 1918 года в селе Лозыме группа из 5-ти хулиганов ворвалась в дом секретаря исполкома Н.Макарова, намереваясь его убить... Покушавшиеся арестованы” (“Зырянская жизнь”, № 37). 9 ноября помоздинский волвоенком сообщал в Усть-Сысольск: “В Скородумской волости раскрыт контрреволюционный заговор, направленный открыто на свержение Советской власти. Главари в числе 7 человек арестованы. Ввиду распутицы, препятствующей препровождению в уезд, может ли местная власть вынести осуждение вплоть до расстрела после произведения следствия?” Уездный военком Маегов, сообщая о событиях в Скородуме губернскому военному, доложил, что “9 ноября в Скородумской волости было объявлено осадное положение. Арестовано 23 кулака...”.

В ноябре в селе Кибра (Куратово) был распущен волостной Совет. “Тотчас же было отдано распоряжение отряду красноармейцев, находящемуся недалеко от Кибры, восстановить порядок, что и сделано. Главари арестованы. Поводом к беспорядкам послужило наложение контрибуций на кулаков, реквизиция лошадей”, - доложил уездный военком командующему Котласским военным районом А.И.Геккеру. 20 декабря уездный военком телеграфировал губернским властям: “В с.Мыелдино собрание кулаков... на сходе постановило удалить весь состав исполкома. Принимаются меры комиссией Чрезвычайкома...”. 25 декабря позтыкеросский волвоенком сообщал уездному начальству: “Настроение масс... по волости явно контрреволюционное...”; 22 декабря в селе Позтыкерос “собравшаяся толпа подступила к находящимся в канцелярии волисполкома членам... ячейки коммунистов-большевиков и с криками и угрозами стала вытаскивать всех за волосы и топтать... Потом... приступлено было к перевыборам всего состава волостного Совета”, а прежние начальники обратились за помощью к уездным властям.

О наиболее ярких эпизодах провинциальной политической жизни сообщала и центральная пресса. “Петроградская правда” 5 марта 1919 г. опубликовала статью И.А.Шергина “Коквицкие коммунисты”, ясно выразившую отношение демократической интеллигенции к событиям такого рода. Комбед д. Нижние Коквицы обложил в январе 1919 г. чрезвычайным налогом зажиточных крестьян Полугрудова, Паршукова и др. Те отказались платить; вспыхнул конфликт с взаимными угрозами. На следующий день “в 5-ом часу... в деревню... наехали 139 “коммунистов”, вооруженных винтовками... Все спали... “Коммунисты” ворвались в дом П.Д.Полугрудова”, избили его прикладами. “В дом десятого были согнаны пять человек. Началось истязание. В 200 саженьях от деревни... есть озеро. Туда и погнали “коммунисты” после истязаний несчастных”, которые и были там расстреляны. “...Один не умер! - прорычал Окулов. - Давайте еще патроны! - Пока Окулов ходил за патронами, “коммунисты” добились Паршукова штыками...” После расстрела в доме одного из расстрелянных участники акции “потребовали хлеба, масла, молока, ...весело пировали. Окончив “поминки”, коквицкие “коммунисты” принялись за обыски”, забрали продукты, деньги, шерсть, кожу, гимнастерку, шинель...

И дело было не только в “примазавшихся к партии элементах”, в случайных ошибках или в скверных личных качествах какого-то поддавшегося соблазну человека. (Все это неизбежно присутствует в любом движении, надо только честно смотреть на вещи, не приукрашивая ни истории, ни настоящего). Действия или слова идейных коммунистов, добровольно взваливших на себя нелегкую участь - железной рукой гнать коми крестьянство к счастью, ожесточенно борясь со всеми, кто “сознательно” или “по недомыслию” противился этому, порой тоже вызывают, мягко говоря, противоречивые чувства. Яренский большевик П.И.Покровский сказал на I Северо-Двинской губпартконференции по поводу событий в Коквицах: “Ведя борьбу, ячейки иногда, может быть, превышают свою власть”. В Коквицах “местная ячейка коммунистов расстреляла пять кулаков. Это вопреки всем декретам и распоряжениям центральной власти, вопреки тому духу политики, который оттуда идет”. И какой же вывод сделал П.И.Покровский из своих обличительных слов? - “Товарищи, если вы коммунисты, ... то я думаю, что у вас не найдется слова осуждения для коквицких коммунистов”. 6 участников коквицких событий были ненадолго арестованы, затем освобождены и заняли подобающие своей революционной сознательности должности. Яренский уком РКП(б) лишь пожурил активистов коквицкой акции, отметив “революционную прямолинейность тактики Коквицкой организации”. То, что события в Коквицах - не исключение, признавали и сами большевистские вожаки. В докладе Яренского укома РКП(б) 19 марта 1919 г. говорилось: “Коммунисты нередко зарывались, делали ошибки... У нас еще не кончен деревенский Октябрь. То, чем разрядилась раскаленная борьбой атмосфера деревни в Коквицах, могло случиться почти в любом другом месте уезда, в любой волости. Атмосфера везде напряженная...”.

Численность коммунистов в Коми крае в 1919 г. стала стремительно уменьшаться, сократившись с 4423 до 288 человек. Этому способствовали не только начавшиеся мобилизации большевиков на фронт, но и разочарование основной массы населения в деятельности партячек. Притягательность голых лозунгов всегда недолговечна... А улучшить жизнь в крае новым властителям не удавалось. О ситуации красноречиво свидетельствует докладная, направленная в 1919 г. в губком РКП(б) из Усть-Сысольского уезда: “В упордкоме ничего не имеется... Население в полном отчаянии. Только стойкость и твердость характера зырянского народа до сего времени удерживали от голодных выступлений. Но за дальнейшее

никто не ручается, тем более, когда этот недостаток продовольствия охватывает всю губернию... Предыдущие мобилизации выкачали всех активных работников из волостных организаций...”

Попытка упразднить Советы депутатов, заменив их Советами бедноты, введение в январе 1919 г. продразверстки - все это не способствовало сохранению надежды жителей на благоприятные последствия нахождения большевиков у власти. В Серегово часть вступивших в РКП(б) решила в 1919 г. отрестироваться от коммунистов. Собравшись, они постановили распустить Сереговскую ячейку РКП(б) и создать другую партию: “Они (большевики - авт.) идут по программе коммунистов, а мы будем работать по платформе Советской власти”. “Оппозиционеры” даже вывесили объявление: “Желающие, записывайтесь к нам работать”. В новую партию перешел и секретарь Сереговской ячейки РКП(б). Необычный сереговский плюрализм скоро, впрочем, прекратили уездные власти: организаторов “альтернативной партии” (пусть даже “на платформе Советской власти”) арестовали, отправили в Усть-Вымь, через три дня выпустили, потом опять арестовали...

О том, что отношение населения к большевистским властям складывалось в конце 1918-1919 гг. не лучшим образом, честно сообщали и местные коммунистические лидеры. В.А.Савин, возглавлявший устьсысольский уком РКП(б), писал, что авторитет компартии в уезде “в корне” подорван, “а слово “коммунист” стало чуть ли не пугалом для детей”. На I Северо-Двинской губпартконференции П.И.Покровский сообщил, что в Яренском уезде “средняки почти повсюду в оппозиции к коммунистическим ячейкам”, а делегат Кузнецов сказал, что в Усть-Сысольском уезде “крестьянство недоверчиво относится к коммунистам”.

“Деревня следила за каждым шагом коммунистов, распускала небылицы о них, словом, травила как инородное тело”, - говорилось в докладе яренского укома партии от 19 марта 1919 г. “На деревенских коммунистов население смотрит враждебно” (из отчета укома РКП(б) за май 1919 г.). “Местным коммунистам стало совершенно невозможно подойти к крестьянским массам, и они остаются одиноки” (июль 1919 г.). В результате яренским большевикам оставалось только констатировать, что летом 1919 г. “при выборах волостных Советов бедноты проходят беспартийные, вновь выбранных в волостных Советах нет ни одного коммуниста”.

Кризис, который переживали большевистские власти, выразился не только в охлаждении отношения рядовых граждан к лицам, власть придержащим, но и в раздорах между самими коммунистическими вожаками. Яркий пример этого - события в Усть-Сысольске в ноябре 1918 г., когда перепившееся по случаю годовщины Октябрьского переворота (празднество длилось несколько дней, для этого в местной аптеке ведрами брали спирт) большевистское руководство принялось арестовывать друг друга (чудом обошлось без кровопролития). В.И.Сорвачев, один из первых коми коммунистов, так докладывал Северо-Двинскому губкому РКП(б) по этому поводу: “Все началось с того момента, когда лица, стоящие у власти, начали узурпировать власть... Лица, имеющие власть, разделились на две стороны, одна из них опиралась на партию, другая на Красную Армию. А также в этом деле большую роль играла Чрезвычайная комиссия, которая своим усердием создала из себя болезненное впечатление...” (Коми край, впрочем, не был исключением: на том же заседании губкома РКП(б) говорилось, что как в Усть-Сысольске, так и в Котласе и в самом губернском центре Устюге шли склоки “между партийными и другими организациями и учреждениями, старающимися везде играть первенствующую роль”). Решением губкома Усть-Сысольская городская парторганизация и партиячейки, имевшиеся в городе, были целиком распущены.

С помощью силы большевистскому руководству при поддержке центра удавалось удержаться у власти. Но держались они теперь только на военной силе, так как население больше им не верило; волостные ячейки не в состоянии были руководить без опоры на штыки. От месяца к месяцу положение их становилось все отчаяннее. Коммунисты “в настоящее время совершенно загнаны в подполье середняками и кулаками, которые их ненавидят из-за прошлых реквизиций и конфискаций”, - честно признавалось в сводке по партработе яренского укома РКП(б) за июль 1919 г.

Гражданская война на Печоре осенью 1918 - весной 1919 гг.

Наиболее отдаленные районы Коми края - Печора и Удора - оказались первыми затронуты военными действиями. События на Печоре тесно связаны с именем “Печорского Чапаева” - бывшего австрийского офицера Морица Мандельбаума, вступившего в компартию и зачисленного в войска ВЧК. В начале сентября 1918 г. М.Мандельбаум с небольшим отрядом из латышей, венгров и немцев прибыл в Усть-Сысольск, где к нему присоединились добровольцы из местных жителей, а затем двинулся вверх по Вычегде в Печорский край. По пути он производил реквизиции и конфискации денег и имущества в Ульяновском монастыре, Корткеросе, Небдино, Кужбе и др. селениях. По словам очевидцев, М.Мандельбаум при этом “терроризировал и среднее крестьянство. В Керчомье и др. местах... по приказу

Мандельбаума расстреляно более 10 чел., между ними были и безвинные... Жестокость и неправильный подход к населению вооружили против него последнее". Один из членов отряда вспоминал, что Мандельбаум во время допросов "подозрительных лиц" "часто пускал в ход плетку". В Керчомье Мандельбаум арестовал 20 человек. Не добившись от них никаких "признаний", он выбрал троих, "поведение которых было наиболее подозрительным", и приказал расстрелять их публично. В Усть-Неме был арестован и затем расстрелян священник, якобы занимавшийся антисоветской пропагандой. Не жалел "интернационалист" и женщин: по его приказу в д.Озел "за сопротивление Советской власти и оскорбление Российской коммунистической партии" были застрелены старая владелица бывшего имения Човью Кузьбожева и две ее совсем еще юные родственницы (одной было 17 лет, другой чуть за 20).

Белые также послали на Печору небольшой отряд, прибывший в Усть-Цильму в начале сентября. В середине сентября 1918 г. группа набранных в Усть-Цильме добровольцев под командованием белых офицеров направилась вверх по Печоре. Близ Усть-Щугора произошли стычки белых с появившимися из Чердынского уезда красноармейцами. В это время на место событий прибыл отряд М.Мандельбаума. Белые отступили в Усть-Цильму; присланные из Архангельска офицеры решили вернуться назад, а добровольцы из местных жителей не стали оказывать сопротивления красным. 27 сентября М.Мандельбаум занял Усть-Цильму без боя. Красные убили несколько человек, угрожали стереть с лица земли все село, "ограбили почти все местное купечество", захватили деньги уездного казначейства, телефонные и телеграфные аппараты и другое имущество и 28 сентября покинули Усть-Цильму, даже не восстановив органы Советской власти! На обратном пути М.Мандельбаум арестовал руководителей чердынского красного отряда братьев Аппога вследствие возникших между ними разногласий из-за захваченных в Усть-Цильме денег, а их отряд разоружил.

В конце ноября 1918 г. красные захватили с.Ляпино (Саранпауль) за Уралом, где находились огромные запасы хлеба, и начали вывозить его на Печору. В это же время на нижней Печоре вновь появились белые, занявшие Усть-Цильму и Ижму. К концу декабря красным удалось отбить Ижму, но это был их последний успех. В январе 1919 г. белые выбили красных из Ляпино (большая часть хлеба так и осталась там). Предпринятое Мандельбаумом наступление на с.Диор в низовьях Ижмы завершилось полным провалом. Командование красных, недовольное Мандельбаумом, назначило нового командующего Печорским отрядом (позднее преобразованным в Ижмо-Печорский полк) - Г.Комиссарова, но выправить положение на Печоре было уже невозможно. Главной причиной тому стало крайне отрицательное отношение печорского населения к Мандельбауму и его отряду. Зимой 1918-1919 гг. местные жители голодали, ели солому, смешанную с пихтовой корой. Они обращались к Мандельбауму с просьбой выделить голодающим часть огромных запасов ляпинского хлеба. Даже командующий армией А.А.Самойло приказывал Мандельбауму: "К населению отнеситесь ровно, твердо, не раздражая особенно без нужды, приходя к нему на помощь и содействуя в продовольствовании голодающих". Однако Мандельбаум жителям Печоры не дал ничего. Вывезенный из Ляпино хлеб он переправил из Щугора в Троицко-Печорск, откуда его должны были вывозить дальше за пределы Печорского края. Командарму Самойло Мандельбаум "объяснил": "Население на севере большинство шкурники, сегодня красноармейцам, а завтра белогвардейцам", поэтому нет необходимости с ними церемониться.

По словам очевидцев, "отряд Мандельбаума навел ужас на всю Печору. Окружив какое-нибудь селение, он сгонял всех жителей его на сход и объявлял, что мужчин он оставляет только до окончания полевых работ, после чего они вместе с детьми будут истреблены, а жены их будут оставлены в живых, так как еще "пригодятся" для красных". У одного "крестьянина все близкие были убиты красным отрядом Мандельбаума, а сам он совершенно случайно спасся, подвергнувшись страшным пыткам; грудь его была вся в язвах, так как его выдержали под открытым краном кипящего самовара, пока оттуда не вытекла вся вода". Мандельбаум постоянно проводил реквизиции и конфискации продовольствия и имущества жителей Печоры и Ижмы, причем его действия вызывали протест даже у некоторых его помощников и у руководителей местных органов Советской власти. Проведение реквизиций стало настолько привычным делом, что красноармейцы порой, вопреки всяким армейским правилам, самостоятельно принимали решения на сей счет, не дожидаясь приказов командира. Один из участников Печорской экспедиции Мандельбаума упомянул "процветавшие при нем (Мандельбауме - авт.) самовольные конфискации, которым подвергались не только кулацкие хозяйства, но часто и имущество кооперативов и комбедов". Направленный в Печорский отряд политкомиссар М.Т.Трубочев объяснил развитие "самовольных конфискаций красноармейцев, которые подрывали моральный и политический кредит отряда в его тылу", "отсутствием дисциплины в отряде". По его словам, "штабу... было достоверно известно, что армия Мандельбаума деморализована и распущена и вместо сознательной революционной борьбы занимается бесчинствами, доходящими до открытого грабежа мирного населения, даже не относящегося к классу эксплуататоров". Комиссаров сообщил штабу армии: "Жители края находятся в ужасном положении. Во многом я вижу вину Мандельбаума, не умевшего поставить

дело в крае и только пугавшего жителей битьем физиономии, не платившего...крестьянам за перевоз хлеба и грузов”. “Этот Мандельбаум своими жестокими и преступными действиями восстановил против Советской власти печорское население, которое даже в 1923 г., в бытность мою на Печоре, с ужасом и ненавистью вспоминало о нем”, - писал позднее один из руководителей ВЧК М.С.Кедров.

В начале февраля 1919 г. на Печоре начались восстания против красных. 4 февраля 1919 г. в Троицко-Печорске взбунтовались набранные из жителей печорских селений красноармейцы, не желавшие сражаться и умирать за большевиков. К ним присоединилось население села, возмущенное намерением увезти хлеб из Троицко-Печорска на Вычегду и далее на запад. Возглавил восстание волостной военрук Мельников. Настрадавшиеся от действий руководимых Мандельбаумом красных жители Печорского края сводили счеты со всеми, в ком видели своих притеснителей. Крови пролилось много - были убиты 129 человек (по другим данным, до 150), в основном руководители коммунистической ячейки, совбеда, оказавшиеся в Троицко-Печорске партсовработники из Чердынского уезда, приехавшие за ляпинским хлебом члены Чрезвычайной комиссии по снабжению, отказавшиеся сдать оружие и перейти на сторону мятежников красноармейцы и др. Вскоре произошли крестьянские восстания в Покче, Савиноборе, Подчерье, поддержанные подошедшими с верховьев Печоры отрядами Сибирской армии белых. В конце февраля красные отступили с Печоры на Ижму.

В конце марта Ижмо-Печорский полк стал отходить и с Ижмы. “Сколько-нибудь сносной организованности при эвакуации не было”, - вспоминал один из участников событий. - Часть красноармейцев ухитрилась выехать на лошадях, выведенных из крестьянских дворов: при отступлении обходили по дворам и забирали имевшихся лошадей”, не разбирая, кто хозяин - бедняк, середняк или зажиточный крестьянин. В Извайльской волости в верховьях Ижмы забрали вообще всех лошадей.

В апреле 1919 г. на верхней Вычегде отступавший Ижмо-Печорский полк встретили представители военного командования. М.Т.Трубачев вспоминал, что за бойцами Мандельбаума шло множество подвод, нагруженных малицами, совиками, пимами, шелковыми и бархатными одеялами, швейными машинками, граммофонами, самоварами и другими вещами, отобранными у населения Ижмо-Печорского края. Полк был подвергнут обыску, все награбленное имущество у красноармейцев отобрали. 24 апреля 1919 г. Мандельбаум был арестован и за дискредитацию Советской власти “в Печорском крае путем насилий над мирным населением, кулачных расправ, незаконных арестов” и другие проступки в том же году осужден на пять лет заключения, но амнистирован. В 1920 г. он воевал на Южном фронте, а затем как один из “самых преданных делу революции, самых грамотных в политическом отношении людей” был направлен в распоряжение Коминтерна...

Власть большевиков в Ижмо-Печорском крае пала. Только в самом глухом его углу в верховьях Вычегды, где располагалась Извайльская волость (несколько разбросанных по лесам деревень), местные коммунистические вожаки объявили о создании красного партизанского отряда и о готовности оборонять волость от белых. Из-за наступившего весной бездорожья Извайльская волость почти не имела связей с внешним миром, и белые, находившиеся на Ижме, лишь летом 1919 г. с удивлением узнали о существовании там Советской власти (об этом им сообщил один из членов компартии, недовольный действиями своих лидеров и пробравшийся из Извайльской волости к белогвардейцам). Небольшой отряд белых чудом сумел добраться до Извайля. Красные партизаны не оказали им никакого сопротивления, спрятавшись в лесных избушках. На выручку подоспел красноармейский отряд с верховьев Вычегды, выбивший белых из Извайля и вернувшийся затем назад на Вычегду. Позднее партизаны дважды успешно вступали в стычки с белыми разведками. Но в конце ноября 1919 г., когда появилась возможность добраться до Извайльской волости зимним путем, партизаны приняли решение распустить свой отряд и скрыться в лесах, не вступая в бой с белыми. Но на этот раз отсидеться в лесных избушках им не удалось. С приходом белых местные жители, притеснявшиеся большевистским руководством и недовольные деятельностью красных партизан (часть деревень и ранее отказывалась подчиняться красным), стали разыскивать их; несколько человек было убито, часть арестована. Примечательно, что при белых волостью руководили те же люди, что и при красных (за исключением коммунистических лидеров).

Гражданская война на Удоре (осень 1918 - весна 1919 гг.)

В сентябре 1918 г. на Удору прибыл отряд красногвардейцев под командованием Н.И.Ворсина, направленный из Яренска для проверки деятельности волисполкомов, организации комбедов и реквизиции хлеба. Вначале отряд находился на верхней Мезени, где, в частности, разогнал исполком Чернутьевского Совета как стоявший на небольшевистских позициях, реквизовал хлебные “излишки” (они остались на складе в Чернутьево, позже их должны были вывезти в Яренск). Затем красные отправились на верхнюю Вашку.

Узнав об этом, жители Важгортской и Чупровской волостей обратились за помощью к властям Мезенского уезда, стоявшим на стороне белых. При поддержке прибывших с низовьев Вашки русских добровольцев под командованием местного учителя, бывшего офицера Калининского жители Важгорты и Чупрово в середине октября оказали вооруженное сопротивление отряду Н.И.Ворсина и вынудили его отступить в Ертом (население которого поддерживало красных). В ноябре 1918 г. на подмогу из Яренска прибыл отряд красноармейцев под командованием И.В.Епова, но объединенные силы важгортцев, чупровцев и вновь поддержавших их добровольцев с низовьев Вашки разбили предпринявших новое наступление красных.

Во второй половине ноября на верхнюю Мезень за реквизируемым хлебом прибыл небольшой красный отряд. Чернутьевцы попытались оказать сопротивление и не дать увезти хлеб, но красноармейцы вместе с чернутьевским комбедом арестовали нескольких крестьян и отправили их в Кослан для заключения в тюрьму. В это время в Чернутьево приехал сын одного из арестованных Л.П.Марков (он участвовал в работе уездного съезда Советов в октябре 1918 г., выступал там против действий Н.И.Ворсина на Мезени, был арестован, затем мобилизован в Красную армию и отпущен на несколько дней домой). Узнав о случившемся, он собрал группу средних и зажиточных крестьян, ликвидировал волостной Совет и восстановил земскую управу, затем занял Кослан, освободил арестованных. Никто не оказал им сопротивления; местные коммунисты предпочли эвакуироваться в Яренск. Вся верхняя Мезень оказалась в руках восставших. Подразделения Белой армии (очень немногочисленные) в это время находились в с.Пысса на Мезени. Первоначально между ними и марковцами произошел конфликт, но затем они договорились о совместных действиях против красных. Узнав о событиях на Мезени, красные ушли и с верхней Вашки.

В декабре 1918 г. красные собрали силы и перешли в наступление на верхней Мезени, заняли Кослан, Чернутьево и другие населенные пункты. Белые укрепились в Пыссе. Силы их заметно уступали красным, и командир белогвардейцев Н.И.Макаровский пускался на разные хитрости, чтобы ввести красных в заблуждение относительно численности своих бойцов. Однажды он, например, “велел натоптать следов человек на 100” возле одной из мезенских деревень, “чтобы поугадать красных”. До поры до времени его военные хитрости помогали, но в январе 1919 г. сформированный красными Вашко-Мезенский полк перешел в наступление, занял Пыссу и несколько селений севернее нее, а на Вашке - все коми селения, кроме Коптюги.

Жители Коптюги и белогвардейский отряд с нижней Вашки превратили село в настоящую крепость. После нескольких безуспешных атак в конце января - начале февраля 1919 г. красные в течение полутора месяцев не предпринимали у Коптюги активных действий. На Мезени после отчаянной попытки Н.И.Макаровского в середине февраля разбить красных, закончившейся разгромом белых и его гибелью, тоже наступило затишье. В ночь с 30 на 31 марта 1919 г. красные открыли артиллерийский огонь по Коптюге, выпустив около 400 снарядов и превратив большую часть села в развалины и пепелище. Но захватить Коптюгу им так и не удалось. В апреле 1919 г. красные отступили с Удору без боя. Во время отхода они подожгли дом Л.П.Маркова, которого считали “организатором Мезенского фронта”; в результате вспыхнувшего в Чернутьево пожара сгорело почти три десятка домов. Это оказало пагубное для красных воздействие на местное население, и так относившееся к Советской власти с большим скептицизмом. Весной 1919 г. красные в Чернутьево производили конфискации вещей даже у бедняков, причем забирали все подчистую - вплоть до спичек, платков и даже поношенного женского белья! Часть красноармейцев, набранная из местных жителей, дезертировала.

Регулярные части белых заняли Удору, но вскоре были выведены. В июне-сентябре 1919 г. на Удоре не было ни белых, ни красных властей. Удорцы предпочли учредить собственное “Верхнее временное правительство”, ключевую роль в котором играл Л.П.Марков. Конечно, это “правительство” ориентировалось все же на белых - те согласны были сотрудничать с ним, а красные относились к “контрреволюционерам” однозначно отрицательно. Какие-либо репрессии против сторонников коммунистов марковцами не проводились. Разведчик красных сообщил: “Были угрозы, что семейства советских работников будут высечены”, однако “бесчинств и насилий не производили”.

Кай-Чердынский район боевых действий

Крестьянское восстание в Троицко-Печорске, появление на верхней Печоре отрядов Сибирской армии белых и угроза наступления последних со стороны Чердыни и Кая (верхняя Кама) на верхнюю Вычегду и верхнюю Сысолу вызвали необходимость организации обороны красных на этих направлениях. 7 февраля 1919 г. образовали Кай-Чердынский военный район, которым временно стал руководить усть-сысольский военком В.П.Юркин. Поначалу он действовал неплохо и удостоился одобрения штаба 6-ой армии красных. Однако затем его деятельность стала вызывать нарекания. Реввоенсовет армии приказал Юркину не позднее 25 февраля начать наступление на Троицко-Печорск,

но приказание не было выполнено. 25 февраля последовало новое распоряжение о наступлении, и 26 февраля В.П.Юркин распорядился выступить на Троицко-Печорск. Однако поход потерпел полную неудачу, так как Юркин бросил в наступление лишь небольшую часть имевшихся у него войск, причем совершенно не изучил местность. В результате наступавшие красные обнаружили отсутствие моста через речку, которую должны были пересечь, только выйдя на ее берег; никаких плавсредств у них не было. Пришлось отступить, а при отходе одна из групп красноармейцев попала под обстрел своих же товарищей по оружию... Наступления на Троицко-Печорск предпринимались в марте и в августе 1919 г., но столь же безуспешно.

В свою очередь, белые в феврале 1919 г. предпринимали попытки прорваться в верховья Вычегды со стороны Верхнего Воча, Канавы и соседних с ними населенных пунктов в бассейне Сев.Кельтмы, но безрезультатно. В апреле 1919 г. белоказаки появились в районе Кажимского завода, рассчитывая занять сысольские селения, но красным удалось отбить противника. В сентябре 1919 г. подразделения Кай-Чердынского полка (так весной 1919 г. стали называться красные отряды, воевавшие на вышеназванных направлениях) были выведены из Коми края и (как ранее Ижмо-Печорский и Вашко-Мезенский полки) переброшены на Северную Двину. Оборона края была возложена на караульные роты. Впрочем, уездные руководители не ждали каких-либо опасностей в ближайшем будущем (поскольку Сибирская армия белых отступила за Урал). Но они просчитались...

Разгром красных на Вычегде осенью 1919 г.

Жители вычегодских и сысольских волостей Коми края не могли отстранить от власти большевиков, лишившихся всякого их доверия, своими силами, а отряды Белой армии до этих мест долгое время прорваться не могли. Осенью 1919 г. ситуация резко переменялась. В сентябре на Удору прибыл Особый Вычегодский добровольческий отряд, сформированный в Архангельске из бывших красноармейцев, решивших воевать против большевиков. Командовал отрядом капитан Н.П.Орлов - русский дворянин из Владимирской губернии, участник мировой войны. Удорцы встретили белых доброжелательно.

Известия о появлении белых вскоре достигли не только Яренска и Усть-Сысольска, но и командования красных в Котласе. Из Котласа в Яренск одно за другим поступали распоряжения готовиться к возможному нападению противника, к мобилизации сил для наступления на Удору. Но яренские руководители полагали, что особо беспокоиться не о чем, поскольку сил у белых было куда меньше, чем у красных. Однако в конце октября 1919 г. отряд Н.П.Орлова вышел на нижнюю Вычегду. 29 октября были заняты Айкино и Шежам. По словам одного из участников событий, в Айкино "захватили красноармейцев около роты", а все остальные "по приходе нас разбежались кто куда". Население встретило белых колокольным звоном. Советскую власть упразднили, и в Айкино и Шежаме состоялись выборы в восстановленные земские учреждения.

Появление белых на Вычегде повергло коммунистических лидеров Яренского и Усть-Сысольского уездов в состояние, близкое к панике. Оба уезда были объявлены на осадном положении. Красные военкомы сосредоточили на нижней Вычегде, между Яренском и Усть-Вымью, около 1000 человек и рассчитывали ударом с двух сторон разбить уступавший по численности белогвардейский отряд. Однако красноармейцы не испытывали желания сражаться за большевиков и Советы. Часть наступавших от Яренска красноармейцев разбежалась по дороге, другие сложили оружие при стычке с противником у Гама 3 ноября, а остатки отряда отступили назад в Яренск. Белые захватили Гам, затем Межог, а 6 ноября - Яренск, где была восстановлена власть уездной земской управы. Красные отступили вниз по Вычегде.

Из Яренска Добровольческий отряд двинулся вверх по Вычегде, где повторилась та же история. 12 ноября в Тыдоре красноармейцы отказались выходить из казарм для обороны селения от белых; часть их сдалась, остальные разбежались. 13 ноября сдались красные в Усть-Выми; почти все они вступили в ряды белых, а один из их командиров, военспец А.О.Прокушев был восстановлен в чине штабс-капитана русской армии и возглавил наступление белогвардейцев в сысольские волости.

15 ноября 1919 г. отряд белых занял Усть-Сысольск, где была восстановлена уездная земская управа, и усиленный местными добровольцами, продолжил движение на юг. 17 ноября он занял Ыб, Межадор (где народ встретил белых крестным ходом и колоколами), а 19 - Визингу. Все это время красные в панике отступали. Некоторые из них сумели закрепиться в Чукайбе, иных удалось остановить лишь в Прилузье. 19 ноября в связи с этим руководство красных в Усть-Сысольском уезде издало приказ, где, в частности, говорилось: "...Многие трусливые презренные людишки, не отдавая отчета в своих действиях, всем жалким существом своим, безумным бегством помогают белогвардейской сволочи... Задерживать провокаторов, шептунов и предателей, ...сеющих панику, арестовывать и направлять в ревком для предания суду трибунала. Сопrotивляющихся расстреливать на месте". В то же время белые,

двигаясь со стороны Усть-Сысольска и от Троицко-Печорска, захватили всю верхнюю Вычегду. За красными остались только Прилузье, верховья Сысолы, Чукаыб и Кибра.

Обычно в публикациях о гражданской войне в Коми крае при разборе причин поражения красных осенью 1919 г. говорилось о плохой подготовке войск, предательстве командиров, скверном вооружении и т.п. Все это в той или иной степени соответствует истине. Но дело не только в этом. Огромную роль сыграло настроение населения. А жители Коми края, устав от красных эксцессов, не дождавшись выполнения обещаний и грядущего царства равенства и справедливости, обратили свои взоры к новым претендентам на власть - белогвардейцам Орлова. В заключении военно-следственной комиссии красных о причинах сдачи белым Яренска и Усть-Сысольска прямо указывалось на “сочувственное отношение населения к белогвардейцам” как на один из способствовавших этому факторов. Позднее, после разгрома белых в Яренском уезде провели опрос волисполкомов об отношении жителей к белым и красным. От руководителей Сереговской волости прибыл такой ответ: “Сочувствие к белым имела 3-я часть населения, но (в связи с) чем оно выражалось, толком сообщить не можем, понять совершенно невозможно”. Из соседней Серегово-Горской волости сообщили: “Сочувствие белым было (у) более половины населения. Чем оно вызывается, исполком даже понять не может”.

Волисполкомы лукавили. Симпатии к себе белогвардейцы вызвали тем же, чем в свое время коммунисты: они пообещали быстро улучшить снабжение товарами и продуктами и, кроме того, прекратить большевистские реквизиции. С.О.Латкин, бывший председатель усть-сысольской уездной земской управы, которому белогвардейское правительство в Архангельске передало власть на отвоеванной у красных территории Северо-Двинской губернии, объявил, что “население может спокойно молотить свое зерно. Крестьянский хлеб, как и все остальное имущество ни под какой учет не входит... Большевистская власть вместо того, чтобы снабжать население продовольствием, отбирала от него при размоле зерна с каждого пуда четыре фунта.. Я отменяю это большевистское распоряжение.” Он запретил “всякие самочинные обыски и аресты”. “Реквизованное большевиками имущество немедленно” должно было быть “возвращено законным владельцам”.

Из Коквицкой волости в ответ на упоминавшийся опрос сообщили: “Вызывалось сочувствие обещанием белыми достаточно хлеба и проч. товаров и продуктов и свободной торговли хлебом и проч. и восстановлением частной собственности”. О том же информировали исполкомы Айкинской и других волостей. Примечательно, что “сочувствие к белым было как со стороны кулачества, так и со стороны середняков и бедняков”.

На заседании Северо-Двинского губревтрибунала было доложено, что “настроение крестьян антисоветское... Белые для привлечения населения раздадут ему весь хлеб с ссыпных пунктов”. Котласский райком РКП(б) сообщал, что “население Яренска видит в белых избавителей от тягот, наложенных войной. Коммунистов выдают белым”. “При белых население выдавало коммунистов (так было в гор. Яренске, Жешартской, Гамской, Айкинской, Коквицкой волостях)”, - отмечалось в сводке Яренского укома по партработе за ноябрь-декабрь 1919 г. Известны случаи, когда даже дети указывали белогвардейцам, где прячутся большевики.

Весьма показателен такой факт. Отряд нювчимских рабочих, стоявший в Семуково (на нижней Вычегде) и узнавший о взятии белыми Усть-Выми, решил выбираться из возможного окружения. Опасаясь расправы со стороны расположенного к белогвардейцам крестьянства, нювчимцы во время отступления выдавали себя за белых! В деревнях, оставленных советской властью, отряд “освободителей от большевизма” встречали хлебом-солью, выносили молоко, масло, приводили не успевших бежать коммунистов или списки последних. Так было в Ипатово, Шиладоре... В конце концов лесными тропами красные, благополучно избежав крестьянского гнева, вышли к Чукаыбу и соединились с окопавшимися там основными силами.

В разных волостях ситуация складывалась по-разному: где к белым “радушно отнеслось большинство” (Серегово-Горская волость), где “в меньшинстве сочувственно” (Гам) или “особого сочувствия населения к белым не наблюдалось” (Часово). Но то, что поражение большевиков, сама перемена власти была встречена с равнодушием повсеместно, оспаривать не приходится. Да и как иначе объяснить, что, по воспоминаниям уроженца Подъельска П.Д.Королева, записанным исследователем М.Б.Рогачевым, в ряде крупных верхневыхегодских сел (Подъельск, Аныб, Руч, Деревянск) свергли Советскую власть и арестовали коммунистов всего четыре человека (два офицера и два солдата). Усть-сысольский военком Юркин так рассказывал об обстоятельствах отступления красных из города: “Настроение города было безучастное, враждебности открытой (к красным - авт.) не было проявлено, но и никакой помощи не было оказано отступающему отряду, подводы пришлось забирать силой”. Обманувшую - вольно или невольно - ожидания людей красную власть основная часть населения не поддержала. Да и что говорить о беспартийном населении, если в Усть-Куломе вся коммунистическая парторганизация почти единогласно (против высказались четыре человека из 118) на своем собрании постановила... торжественно встретить белых! В течение трех дней в селе в ожидании белогвардейцев

звонили колокола. Навстречу задержавшемуся белому отряду отправилась делегация с хлебом-солью во главе с коммунистом Уляшевым, заверившая, что у белогвардейцев в Усть-Куломе нет противников ни среди беспартийных, ни среди большевиков...

Завершение гражданской войны

Белый режим также не оправдал надежд местных жителей. Вместо оживления хозяйственной жизни, улучшения снабжения и всего остального, что обещалось новыми властителями, последние занялись репрессиями против наиболее активных деятелей свергнутой советско-большевистской власти. Каратели из числа местных жителей пользовались случаем и для сведения личных счетов. По данным исследователей, в Яренском уезде белые расстреляли 84 чел.; в ряде случаев расстрелы сопровождались издевательствами над арестованными. В Коквицкой волости в разных селениях при белогвардейцах были расстреляны 24 человека. В имеющихся публикациях сообщается также о репрессиях белых в Усть-Сысольском и Печорском уездах. Это произвело тягостное впечатление на население. Крестьяне, особенно в Яренском уезде, где Орлов реквизирует для обслуживания соединявшего Удору и нижнюю Вычегду тракта до 1400 подвод с лошадьми, стали воспринимать белых так же негативно, как ранее - большевистские продотряды.

“Классовое самосознание граждан уезда, в связи с произведенным насилием и зверствами белых, увозом хлеба, мануфактуры, лошадей и проч. более прояснилось, и симпатии к Советской власти растут”, - отмечали советские руководители Яренского уезда. Коквицкий волисполком в начале 1920 г. доложил, что “настроение массы в период оккупации белыми до расстрелов у большинства было в пользу белых; в настоящее время в связи с расстрелами настроение масс подавленное, и в период возвращения (красных - авт.) было у большинства скрытно радостное”. Настроения коми крестьян встревожили белых, командование которых отреагировало на изменившиеся симпатии жителей строгими приказами: “Всякое выступление кого бы то ни было, распространение ложных слухов, агитации и преступные явления будут караться по всем строгостям военного времени. Население не должно забываться и проявлять свои темные стороны, явно характеризующие симпатии нашему противнику”. Этот приказ касался жителей района Помоздино, но сходная ситуация сложилась и в других местах Коми края.

Этим положением умело воспользовались большевики. Руководство красных в сжатые сроки сосредоточило немалые силы против занявших Коми край белогвардейцев. В конце ноября 1919 г. в результате ожесточенных боев красные взяли Яренск, 2 декабря - Гам и Айкино. Белые, лишившись погибшего в бою командира - Н.П.Орлова, - отступили с нижней Вычегды на Удору. На Сыsole в те же дни белые потерпели поражения под Чукайбом и Межадором и оставили Усть-Сысольск, отступив на верхнюю Вычегду. 1 декабря красные появились в Усть-Сысольске, 4 декабря - в Усть-Выми. Началось наступление красных на верхнюю Вычегду. После длительных боев они заняли Пезмог и Небдино. 9 декабря белые оставили Сторожевск. После этого в военных действиях наступил перерыв. Обе стороны перегруппировывали силы. Белые провели мобилизации среди крестьянства. В числе мобилизованных оказались и коммунисты, о партийности которых белым было хорошо известно. Об этом свидетельствовал в 1925 г. председатель усть-немского волисполкома коммунист П.Н.Игнатов: “Никаких репрессивных мер к коммунистам или сочувствующим советской власти и вообще к населению не применялось... Мы, коммунисты, чувствовали себя хорошо и ходили спокойно и свободно”. В Усть-Куломе В.Н.Бобров и еще несколько коммунистов организовали для белых телеграфно-телефонную связь; местные жители в связи с этим направили белому командованию письмо, в котором возмущались, что коммунисты работают то на красных, то на белых. Мобилизованных коммунистов привлекали не только к хозяйственным работам, но и к охране, несению караулов, непосредственно к военной службе. Позднее их за это исключили из партии.

В январе 1920 г. военные действия на верхней Вычегде и Удоре возобновились. На Удоре белые вначале сопротивлялись довольно успешно, но, узнав о взятии в конце февраля красными Архангельска и эвакуации белого правительства, решили сдаться. В начале марта 1920 г. красные приняли капитуляцию белогвардейцев на Удоре, арестовали и позднее расстреляли офицеров.

На верхней Вычегде 4-5 марта 1920 г. после упорного сопротивления капитулировали белые гарнизоны Аныба и Керчомьи. 5 марта без боя сдались белые в Усть-Куломе, Помоздино и Усть-Неме (часть белогвардейцев с оружием в руках скрылась в лесах). 6 марта сложил оружие гарнизон Троицко-Печорска. Все взятые в плен белые офицеры попали в концентрационные лагеря, рядовой состав белогвардейских частей был отправлен на службу в Красную Армию.

Как ни парадоксально, для большевиков их временный разгром и краткий период белого владычества в Коми крае оказался спасительным: натерпевшись от “освободителей”, отчаявшиеся коми крестьяне вновь обратили взоры на большевиков. Коммунисты Проктопьевской волости в 1920 г. констатировали, что “настроения масс после авантюры капитана Орлова видимо изменились в пользу

Советской власти”. Конечно, следует вести речь не о восторженном приеме победивших красноармейцев, а опять-таки о равнодушии большей части жителей края к судьбе белой власти и об апатии, охватившей народ после трехлетней чехарды обещаний и обманов, разочарований и надежд. Реставрацию красной власти жители приняли довольно спокойно, хотя и настороженно, памятуя о прошлом. “Настроение масс... в период возвращения красных войск - спокойное”, - сообщали из Часовской волости; “...колеблющееся...” - информировали из Серегово-Горской. Часть жителей предпочла красным белых и ушла с последними. Таких насчитывалось немного, но они были. Из Коквицкой волости с белогвардейцами ушли 60 человек. Примечательно, что среди ушедших с белыми имелись далеко не одни “кулаки и спекулянты”. Из Жешарта бежали от красных 33 человека, в том числе 25 бедняков, из Межога - 12 человек (9 бедняков).

Особого авторитета у восстановленной Советской власти и большевиков не было. Так, в Прокопьевской волости, по словам местных большевиков, хотя “колеблющиеся (!) бедняки более сочувствуют коммунистам, ...все же ...ни беднота и ни середняки не примыкают к коммунистам”. Руководители Яренского уезда отмечали в конце 1919 г., что после возвращения красных “первоначальное настроение населения обрисовывали запуганное, теперь атмосфера неясности проясняется, есть симптомы сдвига, которые необходимо использовать в нашу пользу”. Но в то же время “вооружение коммунисты просят потому, что эта неопределенность настроения может быть использована как красными, так и белыми”.

Сохранявшиеся трудности со снабжением, политика военного коммунизма, жесткие репрессивные меры против “классового врага” (“мы всех негодных, паразитов, саботажников как врагов рабоче-крестьянской власти целыми десятками направляли в наш губернский центр ...или в Чека, или прямо в тыловые работы и в концентрационные лагеря”, - докладывал Усть-Сысольский уком РКП(б) 6 апреля 1920 г.) популярности большевистской власти не добавляли. Местные организации РКП(б) весной 1920 г. оказались в глубоком кризисе. Крестьяне отказывались вступать в компартию; в апреле развалилась парторганизация рабочих на Нювчимском заводе. На I Всезырянском съезде коммунистов в январе 1921 г. говорилось об отрицательном отношении части населения Сысольского района к Советской власти.

Накапливавшееся недовольство вылилось в крестьянские восстания. Одно из них началось 18 мая 1921 г. в Усинском районе (Усть-Уса, Колва, Адак, Ларвань, Ниедзьель...), готовились выступления в Ижме и Усть-Цильме, тогда же происходило восстание за Уралом, в Березовском уезде. Непосредственным поводом для них стали непомерно высокие поборы по продразверстке. Части особого назначения красных ликвидировали Усинское восстание в июне; при этом им пришлось столкнуться с явно сочувственным отношением большинства местных жителей к “белым бандам”: красным указывали заведомо неверные пути отхода белых; проводники, взятые в деревнях, вели их не в ту сторону. В то же время для скрывающихся в тундре участников восстания “каждый оленевод...был приютом, и долго еще пришлось их искать”. В середине 1921 г. отряд Е.Кириллова, также пользовавшийся поддержкой местных жителей, предпринял попытку ликвидировать власть коммунистов на Пижме, но был разбит подошедшими красноармейцами. Это были последние вспышки гражданской войны в Коми крае, хотя отдельные малочисленные группы белых в отдаленных районах уцелели и до более позднего времени. Небольшой отряд удорца Л.П.Маркова действовал, например, до 1925 года.

Очерк IX. КОМИ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ В ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

Новой власти досталось весьма скудное наследство. Империалистическая, а затем гражданская войны привели хозяйство Коми края к полной разрухе. По сравнению с довоенным периодом почти наполовину сократились все показатели сельского хозяйства, дававшего крестьянину основную массу продукции для пропитания своей семьи. Не менее губительным для экономики было то, что до минимума свернулись хозяйственные связи, а производство крестьянского двора все больше приобретало полунатуральный или даже натуральный характер. Рассчитывать на внутренние источники для подъема хозяйства не приходилось.

Территория проживания коми народа по-прежнему оставалась разделенной между разными губерниями - в основном Архангельской и Вологодской. Более того, два крупнейших района этнической территории коми - Вычегодский и Ижмо-Печорский - практически не были связаны транспортными коммуникациями. Наряду с отсутствием материальных и финансовых ресурсов, необходимых кадров все это делало весьма гипотетичной задачу быстрого возрождения края.

Тем не менее такая задача местным руководством была поставлена сразу же после окончания гражданской войны. Победа большевиков в этой войне означала стабилизацию политической власти. Отношение населения к ним было, по крайней мере, сдержанным, но людям не могли не imponировать обещания в кратчайший срок решить все проблемы. Общий перелом в настроениях коми крестьянства в пользу советской власти произошел в 1921 г., когда в стране была введена новая экономическая политика. Предоставление крестьянину определенной экономической свободы сняло уже открыто проявлявшееся недовольство политикой военного коммунизма, угрожавшее самой власти большевиков. Это стало решающим для проведения энергичного курса по реализации ими своих установок.

Как и в других регионах, в Коми крае преобразование возглавила областная партийная организация большевиков. Новейшие исследования свидетельствуют о том, что продолжали действовать некоторые партии, в частности, эсеров, однако какого-либо влияния на реальную ситуацию они уже не оказывали. Тем более, что большевики не склонны были делиться с кем-либо властью.

Первые большевистские организации в Коми крае возникли в годы гражданской войны. 8-13 января 1921 г. в Усть-Сысольске состоялся первый съезд коммунистов Коми области, организационно оформивший областную партийную организацию. В тот период ее численность превышала немногим 900 человек. Даже к концу 20-х г. численность коммунистов в области была небольшой - около 1700 человек. Однако ключевые государственные и общественные посты находились в их руках. Поскольку в структуре политической системы страны партия большевиков оказалась единственной, то вполне естественно, что вскоре она стала подменять собой государственные органы. Этот процесс ярко проявился и на местах. Уже на первом съезде коммунистов Коми края основное внимание делегаты уделили не партийному строительству, а созданию национальной государственности коми народа.

Ситуация в стране благоприятствовала этому. Советское государство сразу же заявило о своем намерении решить национальный вопрос. Революции 1917 г. вызвали всплеск национальных движений. Вслед за февральскими событиями появились идеи национального самоопределения коми народа, высказанные коми солдатами. Эти идеи были подхвачены в крае и в 1917-1918 гг. получили вполне четкое оформление. Они активно обсуждались в учительской среде, а также на съездах советов. Уже в начале 1918 г. вопрос о создании национальной государственности коми народа был поставлен со всей определенностью. Приоритет в этом несомненно принадлежит Дмитрию Яковлевичу Попову, который 17 января этого года на Учредительном съезде выступил с предложением "установить автономию на совершенно свободных началах в порядке внутреннего управления...". В марте 1918 г. I съезд Усть-Сысольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов послал в Архангельск телеграмму, в которой предлагалось "выделить в особую административную единицу зырян по этнографическим границам с правом законодательства, кроме армии, внешних сношений, монеты". По утверждению В.И.Чупрова, это был первый официальный документ по самоопределению коми народа. В 1918 г. при Наркомнаце был создан Зырянский отдел, Таким образом, готовилась почва для создания государственности коми народа.

Как только закончилась гражданская война, эта работа была возобновлена. Поскольку национально-государственное строительство рассматривалось как составная часть планов построения нового общества, то естественно усилия партийных и государственных органов были сконцентрированы на этом. Газета "Зырянская жизнь" 20 ноября 1920 г. писала, что предстоящая "грандиозная работа" возможна лишь при условии "немедленного... открытия автономной зырянской области с центром в г. Усть-Сысольске...".

Возобновил свою деятельность зырянский отдел Наркомнаца. В 1920 г. его возглавил Дмитрий Александрович Батиев, сыгравший одну из ключевых ролей в создании государственности коми народа.

При его непосредственном участии были подготовлены все необходимые документы, ставшие предметом обсуждения на первом всезырянском съезде коммунистов, состоявшемся в январе 1921 г.

В его работе приняли участие 40 делегатов с решающим и 2 делегата с совещательным голосом. Большинство из них не имели опыта практической государственной работы, за исключением участия в гражданской войне. Тем не менее, увлеченные революционным творчеством, они горячо взялись за решение чрезвычайно трудных задач.

Выступивший на съезде с докладом Д.А.Батиев предложил создать государственность в форме автономной республики, включающей в себя территории коми-зырян и коми-пермяков, нижнюю Печору, Приполярную тундру и острова Ледовитого океана, а также ряд русских волостей соседних губерний. Вряд ли правомерно объяснять эти предложения проявлением национал-шовинизма, как это делалось в традиционной советской литературе. Материалы съезда не свидетельствуют о каких-либо крайних воззрениях его делегатов. Тем более, что здесь же прозвучали возражения Д.А.Батиеву. Так, А.В.Нахлупин считал, что в силу высокой интегрированности коми в русскую культуру нет необходимости создания собственной автономии. Некоторые делегаты высказывали мнение, что с этим надо повременить. Вполне понятна национальная страстность участников съезда, впервые получивших возможность решать судьбы своего народа. Им импонировали взгляды Д.А.Батиева, предлагавшего получить максимально возможное в благоприятствующих тому политических условиях. Поэтому его предложения делегаты съезда в основном поддержали. В принятой резолюции говорилось: "...а) в целях быстрого возрождения народа коми необходимо объединить всех коми в одну административную единицу с управлением, соответствующим общему социалистическому строю республики, с одной стороны, и особенностям духа зырян, с другой, в форме автономной советской социалистической республики Коми". Съездом были избраны кандидаты в Областной Революционный Комитет (Обревком), на который возлагалась задача организации Коми АССР. Его председателем стал Д.И.Селиванов, заместителем Д.А.Батиев. Был избран также Коми обком РКП(б) во главе с Я.Ф.Потаповым.

Вскоре эти решения были утверждены Москвой. Однако, несмотря на то, что Д.А.Батиев упорно отстаивал свою позицию, центральные органы не согласились с предложением создать государственность в форме автономной республики. В конечном итоге 22 августа 1921 г. ВЦИК принял декрет "Об автономной области Коми (Зырян)". Тем самым завершился первый этап формирования национальной государственности коми народа.

Началась активная подготовка к I Коми областному съезду Советов. К этому времени Обревком уже сформировал народные комиссариаты, которые брали в свои руки управление территорией. В ноябре-декабре 1921 г. были проведены уездные партийные конференции и съезды Советов, избравшие уездные партийные комитеты и исполкомы Советов. Практически на всех форумах было поддержано решение I Всезырянского съезда коммунистов о создании автономной республики. То же самое подтвердил первый коми областной съезд Советов, прошедший 22-29 января 1922 г. в Усть-Сысольске. Он избрал первый областной исполком в составе 25 членов и 5 кандидатов. Председателем ОИК стал Д.И.Селиванов.

Однако дискуссии о формах автономии на этом не прекратились. Они стали составной частью поиска путей развития молодой государственности коми народа. Подпитывала эти дискуссии и политическая ситуация в стране.

Поскольку Коми автономия являлась составной частью федеративного государства, существовала опасность, что ее интересы будут подчинены интересам центра. Симптомы этого уже обозначились. С начала 20-х годов разрабатывались проекты нового экономического районирования страны, в соответствии с которыми Коми автономия попадала в состав Северного края с центром в Архангельске. В этом случае она теряла часть своих суверенных прав. Тем более, что Архангельск активно добивался своих целей. Так, в своем официальном издании "Северо-Восточная область", вышедшем в 1924 году, его плановые органы недвусмысленно обосновывали необходимость включения Коми автономии в состав новой административно-экономической единицы.

Добиваясь подчинения Коми автономной области, Архангельск имел в виду ее ресурсы, прежде всего лесные, пытаясь сосредоточить у себя их переработку. В то же время коми руководители возлагали большие надежды на лес, предполагая создать у себя деревообрабатывающие и лесохимические предприятия и за счет этого изыскать средства на реализацию своих экономических проектов. Дискуссия между Архангельском и Коми достигла своего апогея во второй половине 20-х годов. В нее были вовлечены общественность коми автономии, средства печати. Различные мнения публиковались на страницах местных газет, в краеведческом журнале "Коми му" ("Коми край"), в специальных изданиях. Накал страстей дошел до того, что появились утверждения о том, что "Коми не признаются за национальность" и чтобы оградить свои права, надо преобразовать Коми автономную область в республику. Главным аргументом против вхождения Коми автономии в состав Северного Края являлись опасения о превращении области в сырьевую окраину центра. Как показали дальнейшие события, они

оказались небезосновательными. В первый же год после создания Северного Края в 1929 г. план заготовки древесины на территории Коми автономной области был увеличен в два раза. Но даже несмотря на это коми руководство некоторое время продолжало отстаивать свою позицию. Выступая на первом Северном краевом съезде Советов в Архангельске в августе 1929 г., председатель Коми областного исполнительного комитета И.Коюшев заявил: “Коми область остается автономной областью, ...остается независимой от некоторых краевых отделов... Область Коми будет иметь особые бюджетные права...” Но долго такое в условиях ужесточившегося политического курса в стране продолжаться не могло. Вскоре И.Коюшев, а также редактор журнала “Коми му” (“Коми край”) М.Попов и редактор местной газеты “Югд туй” (“Светлый путь”) Н.Шахов были обвинены в национализме и освобождены от занимаемых должностей.

Одновременно это стало последним актом в попытках добиться повышения статуса Коми автономии. Тот же И.Коюшев и некоторые другие на всем протяжении 20-х гг. ставили перед Москвой вопрос о ее преобразовании в автономную республику. Они вполне резонно считали, что в таком случае национальная государственность коми народа получит больше возможностей для самостоятельного развития. Было очевидно, что Коми область, обладающая большими природными ресурсами, может обеспечить их освоение за счет собственных средств. Но при одном условии - если значительная часть денежных поступлений будет оставаться в распоряжении местных властей. Но этого не было. Например, только пушнины в пределах области за 1921-1924 гг. было заготовлено на сумму 3,5 млн. рублей, однако в силу сложившихся экономических условий местный бюджет от этого практически ничего не получил. Автономная же республика в этом случае обладала бы большими правами.

Как уже отмечалось, в первое время далеко не все создатели национальной автономии поддерживали идею республики. Они считали, что для этого нет необходимых условий. Однако вскоре скептические настроения были преодолены. Вопрос стал обсуждаться совершенно открыто и часто становился одним из главных в повестках дня областных партийных конференций и областных съездов Советов. Уже II Коми областная партконференция (январь 1922 г.) со ссылкой “на национально-бытовые и экономические условия народа коми” признала, что “...единственной формой правления является Автономная Советская Социалистическая Республика”. Подобные же решения неоднократно принимают съезды Советов, областной исполнительный комитет. Последний 31 марта 1923 г. специально рассмотрел вопрос “О преобразовании Коми области в Коми Автономную Советскую Социалистическую Республику” и решил сделать соответствующий доклад в центральных органах. Появляются многочисленные публикации по этому поводу. Один из основателей Коми государственности Д.Батиев в 1924 г. в журнале “Коми му” прямо заявляет, что есть все основания для создания республики. Соответствующая работа местными руководителями проводилась и в Москве. Однако, там она не встретила понимания. Только в 1936 г. автономная область была преобразована в Коми АССР, что в условиях сформировавшегося унитарного государства во многом было формальным актом.

А в 20-е гг. вопрос о форме автономии вовсе не был схоластическим. По мысли местных деятелей, он укладывался в общую схему развития области, которая в ходе дискуссий приобретала все более четкие очертания. Ее ядром была концепция экономического развития области. Как уже указывалось, она исходила из наличия богатых запасов сырья в крае. Задача заключалась в том, чтобы определить оптимальные пути их освоения. Единого мнения по этому поводу не было. Одни предлагали взять за основу сельское и лесное хозяйство, другие - минеральные ресурсы и так далее. Однако главная проблема заключалась в отсутствии необходимых средств и материальных ресурсов. Как справедливо отмечается в литературе, “отсталость и разруха народного хозяйства обусловили узость внутриобластных источников накопления”, вызвав серьезные финансовые затруднения. Даже в середине 20-х гг., когда бюджет области несколько стабилизировался, собственные доходы в его составе не превышали 40%. В то же время разрабатывались весьма амбициозные проекты. Так, Д.Батиев предлагал создать собственный порт, построить для автономии причалы в портах Архангельска и Мурманска.

Однако в процессе обсуждения стали зарождаться более реальные планы. Они формировались в результате серьезной работы над перспективами развития области. Уже в 1923 г. было начато составление перспективного планирования на ближайшие 10-15 лет. По утверждению О.Кузиковой, “к середине 20-х гг. у плановых органов Коми АО сложилась концепция дальнейшего развития народного хозяйства области”. И хотя она не подтверждает это фактическим материалом, документы свидетельствуют о правильности такого вывода. В 1925 г. Коми областной исполнительный комитет приходит к выводу о том, что для стабилизации бюджета необходимо максимальное расширение лесных и пушно-сырьевых заготовок, выявление природных ресурсов области и для их освоения привлечение концессионного и государственного банковского капиталов и сельскохозяйственного кредита.

Более четко задачи экономического развития были сформулированы в статье “Автономная область Коми в вопросе о районировании Севера”, опубликованной в 1925 г. в журнале “Коми му”. В ней говорилось, что “будущее Коми области должно идти по пути использования, с одной стороны,

служащих основой для развития индустриальной промышленности огромных богатств, заключенных в лесе и недрах Коми области, и, с другой, по пути дальнейшего развития и рационализации как сельского хозяйства, так и существующих промыслов..., но для этого прежде всего необходимо во всей полноте развернуть дорожно-транспортное строительство". Эти же мысли излагались и в других изданиях.

Приведенная формулировка знаменует собой этап в осмыслении перспектив развития экономики края. Несмотря на то, что подавляющая часть населения области была занята в сельском хозяйстве и промыслах, был взят курс на индустриализацию народного хозяйства. Конечно, и в самом сельском хозяйстве предполагалось осуществить коренные преобразования. Намечалось провести землеустройство, повысить культуру земледелия и животноводства, переориентировать производство на выпуск животноводческой продукции, постепенно свертывая возделывание зерновых. В качестве одной из центральных задач ставилось содействие развитию кооперации. При этом учитывались особенности сельскохозяйственного производства в северной деревне, где кооперация соответствовала интересам крестьян. Уже к концу 20-х гг. она объединяла более половины крестьянских хозяйств.

И все же основной целью являлось создание индустриального типа хозяйства Коми области. В перспективе вырисовывался контур развитого промышленного узла в южных районах области, прежде всего основанный на использовании и переработке лесных ресурсов с транспортным выходом в другие области страны.

Последнее было головной болью местных руководителей. Дело в том, что транспортная освоенность территории автономии к моменту ее создания была предельно низкой. Кроме водных и малообустроенных грунтовых дорог других в крае не было. Создание развитой сети дорог являлось важным и с точки зрения национального развития коми народа, способствуя его консолидации. Не меньше волновало местные власти и отсутствие транспортной связи с соседними областями, морскими портами и промышленными районами страны.

В связи с этим появилось поражающее обилие проектов, намечавших выход на Ленинград, Мурманск, Архангельск, Индигу, Новороссийск и другие пункты. Поскольку было ясно, что для их реализации нужны огромные средства, предполагалось привлечь к этим проектам внимание центра. Во многих случаях они обосновывались необходимостью включения в хозяйственный оборот природных ресурсов Сибири, выход к которым должен был пролегать через Коми автономию. Отметим, что такие же проекты разрабатывались еще раньше и в принципе были целесообразными. В итоге появились программы строительства железнодорожных магистралей Омск-Тюмень-Соликамск-Ухта-Индига (2,3 тыс. версты), Омск-Тюмень-Котлас-Званка-Ленинград (2,7 тыс. версты) и целый ряд других. Ни одна из них не была реализована. Единственное, чего удалось добиться областным руководителям, это строительства железной дороги Сыктывкар-Пинюг, которая позволяла связать автономию с другими областями страны. К возведению дороги приступили в 1929 г., а в начале 30-х годов оно было прекращено в связи со строительством железной дороги Котлас-Воркута. Таким образом, южные районы области и ее центр остались в стороне от транспортных коммуникаций, что способствовало их превращению в сырьевой регион.

Это прямо противоречило планам развития экономики края, разработанным в 20-е годы. Представляется, что они были предпочтительней, в том числе и с точки зрения национальных интересов коми народа, чем реализованная впоследствии структура хозяйства. Пытаясь создать в южных районах области промышленную базу, местные органы учитывали опыт хозяйствования коми крестьянства. Важным его занятием издавна были лесозаготовки. Сельское хозяйство не обеспечивало потребности крестьянской семьи. Большое количество жителей края вынуждено было ежегодно искать заработки за пределами области. Создав промышленность в южных и центральных районах, можно было занять часть излишней рабочей силы и совместить интересы сельского хозяйства и промышленности. Кроме того, это дало бы возможность сформировать сбалансированную структуру национальных кадров. Не случайно в 20-е годы намечалось создать полный цикл обработки древесины: лесозаготовку, деревообработку и лесохимию. При этом важное значение придавалось организации целлюлозно-бумажного производства, способного заложить основы глубокой переработки сырья на территории области. Попытки создания предприятий подобного профиля предпринимались вплоть до конца 30-х гг., но так и не нашли поддержки в Москве. Она исходила из своих интересов.

Мы не случайно подробно рассмотрели проекты и дискуссии о путях развития Коми автономной области, проходившие в 20-е гг. Это был этап наиболее демократического развития Советского государства. Шло не только активное национально-государственное строительство, но и одновременно нарабатывались опыт и культура решения национального вопроса.

Наряду с составлением общих планов развития территории руководству молодой Коми автономии приходилось прежде всего заниматься налаживанием повседневной политической и экономической жизни. Трудности встречались невероятные. Старый управленческий аппарат был разрушен, для создания нового не хватало самого необходимого. Об этом эмоционально докладывал на

пленуме обкома партии в ноябре 1921 г. председатель Усть-Куломского ревкома Г.А.Напалков. Вот выдержка из его выступления: “Для организации районных учреждений в Усть-Куломе было командировано в начале июля из Усть-Сысольска 3 человека. В виду отсутствия работников и полевых работ конструирование районных аппаратов было отложено до 1 сентября. Предварительно разузнав, кого из волостных учреждений можно мобилизовать, вызвали таковых персонально. Были найдены помещения. Отношение населения было отрицательное, особенно после занятия поповского дома под Ревком. Во время отсутствия членов Ревкома в названном доме был произведен разгром: разбили зеркала, лампы, захвачена часть документов. Не было ничего. В распоряжении Ревкома было 5 перьев и 1/2 стопы бумаги. В настоящее время функционируют 8 отделов. Нет военкомиссариата и финансового отдела”. Подобное положение было повсеместным.

Примечателен факт разгрома помещения ревкома. Отношение населения к мероприятиям Советской власти в первое время было довольно настороженным. Вот характерные замечания по этому поводу (на май 1922 г.): “Настроение населения (Усть-Сысольского уезда - авт.) в большинстве безразличное, враждебности нет. Население Вычегодского района более сознательно относится к переживаемым событиям, чем Сысольского, более сытого...”, “...настроение населения уезда (Усть-Куломского - авт.) безразличное, в некоторых волостях враждебное - на почве голода, от них идет один стон...Кроме местного голодающего населения в уезде насчитывается человек 400, прибывших из Поволжья...”.

Крестьяне особенно чутко реагировали на экономическую политику государства, прежде всего на налоговую, и соответственно формировали свое отношение к местным Советам, партийным организациям. Только где-то к середине 20-х гг. ситуация стабилизировалась и мероприятия Советской власти стали находить все большую поддержку. Рецидив негативного отношения к проводимой политике затем был спровоцирован еще один раз при осуществлении коллективизации и массового вовлечения (принуждения) коми крестьянства в лесозаготовки.

Немалую сумятицу положение, вызванное осуществлением новой экономической политики, внесло и в ряды партийных и советских работников. По этому поводу шли ожесточенные дискуссии на пленумах и конференциях областного комитета партии. С трудом преодолевались “отрывки” военного коммунизма. В одном из документов, датированном 1923 г., отмечается, что только теперь критика Советских органов перестала восприниматься как антисоветское выступление. А поводов для такой критики было более чем достаточно. В силу объективных причин низовые органы власти, особенно волисполкомы, с трудом налаживали свою работу. Иллюстрацией тому является, например, заметка, опубликованная 30 мая 1923 г. в газете “Югд туй” под названием “Ну и исполком!”. Вот она: “В Вильгортском волисполкоме стало вовсе неладно. Председатель, выбившись из сил, почти уже махнул на все рукой. Товарищ председателя бурлачит и не показывается в исполкоме. Секретарь, чуть не умерев с голоду, вышел со службы. Его примеру последовали 2 делопроизводителя-подростка. Весь архив около 50 пудов продан спекулянту. Оставшиеся дела раскурены и расхищены. Текущие дела спят мертвым сном и никто о них не думает. Волостной съезд Советов никаких распоряжений относительно ВИКа не делал и средств на содержание не назначал”. Заметка настолько ярко характеризует все сложности низовой работы на местах, что может быть вполне отнесена к ситуации в целом по области.

Кроме того недовольство части трудящихся вызвала ярко выраженная классовая политика партии и государства - опора на бедняцкие массы населения. Масштабы, формы и методы работы с беднотой хорошо описаны в исторической литературе. Это и бедняцкие собрания, батрацко-бедняцкие конференции, группы бедноты при сельсоветах и других выборных органах в деревне. Такая политика не всегда находила понимание даже среди середняков, которые считали, что по своему положению они мало отличаются от бедняков. В 1925 г. по данным областного земельного управления процент бедняцких хозяйств по районам определялся в пределах 21-32%, середняцких - 62,5 - 72,5% и зажиточно-кулацких - 5-5,5%. Даже эти скорее всего весьма приближенные к действительности, цифры показывают, что главной фигурой в коми деревне являлся середняк. Несмотря на это доля рабочих и батраков, а также крестьян-бедняков в местных органах власти неуклонно повышалась. Так, в 1929 г. удельный вес бедняков в составе депутатов сельских советов составил 42%.

Следует признать, что ортодоксальная классовая политика наносила значительный ущерб национальному строительству, т.к. в государственное управление было вовлечено большое количество малообразованных людей, зачастую не подготовленных к выполнению возложенных на них функций. Одновременно формировалась почва для сосредоточения власти в руках “аппарата”, взрастившая административно-командную систему управления обществом.

Однако это случилось позднее, а к середине 20-х годов была сформирована единая и эффективно действующая система управления областью, составившая каркас национальной государственности коми народа. С точки зрения развития государственности был завершен определенный организационный

период. Управлением охватывалась вся обширная территория автономной области, сформировавшаяся в 20-е годы.

Проблема определения территории также оказалась непростой и вызвала острые споры с соседними областями. Так, когда организаторы коми автономии поначалу заявили претензии на нижнюю Печору, Архангельский губисполком вообще высказался против создания государственности народа коми, предложив ее в виде культурной автономии. Добиваясь присоединения нижнепечорских территорий, руководство Коми АО имело в виду свободный выход в море через устье Печоры. Оно занимало весьма упорную позицию вплоть до конца 20-х годов и даже заявило протест против создания Ненецкого национального округа в 1929 г. Однако единственное, чего сумели добиться руководители Коми автономии, это включения Усть-Цилемского района в состав области. И то только потому, что Архангельск уступил его, когда стало ясно, что вся Коми область войдет в состав Северного края. Это случилось в 1929 г.

Сложные взаимоотношения возникли и с органами власти Пермской губернии из-за коми-пермяцких территорий. Основатели коми автономии изначально считали, что они должны быть составной частью единой национальной государственности коми народа. Уже в 1921 г. Д.А.Батиев без согласования с пермскими и центральными властями начал предпринимать активные действия в этом направлении. Разразился скандал, и в спор вмешались центральные органы. Из-за “недипломатичных” действий Коми автономии пермское руководство заняло жесткую позицию. Административным репрессиям подверглась часть коми-пермяцких партийных и советских деятелей, также выступавших за создание единой государственности коми народа. Сегодня некоторые исследователи считают, что Москва приняла компромиссное решение, постановив 26 февраля 1925 г. образовать Коми-Пермяцкий автономный округ. Возможно, это утверждение справедливо. По крайней мере, как пишет М.П.Дмитриков, “Президиум ВЦИК отклонил ходатайство Коми обласполкома и представителей пермяцкого населения об объединении пермяцких волостей с Коми АО ... ввиду значительной территориальной отдаленности Пермского края от области Коми и отсутствия экономической взаимной связи между этими двумя районами”. Утверждение об отсутствии “взаимной связи” являлось вполне справедливым, хотя Советское государство не раз весьма энергично налаживало таковые, если считало это целесообразным. В любом случае центр активно участвовал в формировании территории Коми автономии не оставляя без внимания обоснованные просьбы и передавая ей в необходимых случаях отдельные волости и деревни из других губерний. В то же время решительно пресекались чрезмерные требования, такие, например, как требование передать в состав Коми АО ряд волостей бассейнов рек Камы и Вятки с обоснованием возможного соединения в одну федерацию удмуртов и коми.

Одновременно с определением границ осуществлялось внутреннее административно-территориальное устройство Коми автономии. В первое время предполагалось создать на территории области 6 уездов, однако из-за нехватки средств от двух пришлось отказаться. В соответствии с декретом ВЦИК от 2 мая 1922 г. были сформированы Усть-Сысольский уезд в составе 38 волостей (центр - г. Усть-Сысольск), Усть-Куломский в составе 16 волостей (центр - с. Усть-Кулом), Усть-Вымский в составе 21 волости (центр с. Усть-Вымь), Печорский (Ижмо-Печорский) в составе 25 волостей (центр - с. Ижма). Такое деление просуществовало до 1929 г., когда в связи с новым районированием страны на территории Коми АО были созданы 9 районов. К середине 20-х гг. окончательно была закреплена и структура местных органов власти.

Сформировавшаяся система управления территорией и организация власти обеспечивали декларированное вовлечение широких народных масс в социалистическое строительство. Структура власти не замыкалась только на официальных органах. Ее важнейшим элементом являлась огромная по масштабам работа различных конференций, собраний, сходов, съездов, совещаний, в которых участвовали тысячи людей. В отчете обласполкома за 1924-1925 хозяйственный год отмечалось, что за этот период проведено 170 только крестьянских конференций. Население области активно втягивалось в политическую жизнь. Уже в 1926 г. более половины избирателей участвовало в выборах в Советы.

Одним из уникальных демократических институтов в рассматриваемый период были съезды Советов. Они не являлись специфичными для области, а были общесоюзным явлением, однако сыграли особую роль в определении исторических судеб малых народов. Областных съездов Советов прошло всего одиннадцать. Период их деятельности в основном приходится на 20-е гг. и в этом факте заложен ключ к пониманию развития советской демократии в 20-30-е гг. Сложившаяся административно-командная система не смогла ужиться с подобным мощным демократическим институтом и проведение трех съездов в 30-е гг. нельзя рассматривать даже как попытку интегрирования его в эту систему, а скорее всего как стремление использовать некоторые традиции для окончательного закрепления сталинской формы правления.

Однако в ранний период развития автономии съезды решительно стояли на страже ее интересов. Любые попытки посягнуть на суверенные права национальной государственности тут же вызывали

реакцию. Так в связи с намечаемой к созданию Северо-Восточной области 3-й Областной съезд Советов (14-21 декабря 1923 г.) записал в своей резолюции: "...структура Автономии и после деления ее на округа, независимо от того, будет ли она входить в особую экономическую область или нет, не должна претерпеть никаких изменений в смысле ослабления ее прав на непосредственное сношение с центральной властью..." Более того, съезды Советов последовательно принимали решения о преобразовании Коми АО в Коми АССР, причем в резолюциях применялись такие выражения как "решительно настаивать перед ВЦИК" (о преобразовании - авт.). Отстаивание национальных интересов - одна из характерных особенностей съездов. Это выражалось и в комплексном анализе состояния экономики, культуры, политических процессов в области и в определении путей их развития. В качестве примера остановимся на материалах 5-го областного Съезда Советов, проходившего 24 января - 4 февраля 1926 г. На нем присутствовало 93 человека, в том числе 87 мужчин и 6 женщин. Интересен возраст делегатов: 37 человек до 29 лет, 47 от 30 до 39 лет и только 9 делегатов были старше 40 лет. В то же время всего лишь один из избранных на съезд был с высшим образованием, в то время как 61 делегат имел низшее и 2 являлись неграмотными. Повестка дня была сформулирована следующим образом: 1. Международное и внутреннее положение Союза ССР; 2. Отчетный доклад Облисполкома; 3. Советское строительство; 4. Финансы и местный бюджет; 5. Лесное хозяйство области; 6. Состояние сельского хозяйства и скотоводства; 7. Торговля и кооперация; 8. Народное образование; 9. Здравоохранение; 10. Выборы Облисполкома. По всем из них прошли острые дебаты. И были приняты соответствующие резолюции.

Интересно отметить, что отчетный доклад по первому вопросу Ф.И.Булышев сделал на коми языке, что не было таким уж исключением, и с точки зрения закона вполне допустимым, т.к. 3-й областной съезд Советов объявил на территории Коми АО два государственных языка - русский и коми. Вслед за Булышевым многие выступили на коми языке, а самоедин Ледков даже на ненецком. При этом осуществлялся перевод на коми и русский языки. В своем заключительном слове председатель ОИК Е.М.Мишарин (по итогам обсуждения доклада облисполкома) заявил следующее: "Нам, коми, ждать нечего, за нас работать никто не будет и всю работу придется делать нам самим и коми народ это сделать может, да и делает. Коми народ не будет восхвалять себя, не глупый и не хуже других. У коми народа хватит и энергии, твердости и смелости, и если взять упрямство коми, то его больше чем достаточно, а это еще лишний раз подтверждает, что мы на своем настаиваем и сделаем то, что нужно. Упрямство должно рассматриваться не иначе как энергия..." Любопытные слова, хотя, к сожалению, "настойть на своем" удалось далеко не во всем а, может быть, и в самом главном. Уже в конце 20-х годов содержание съездов стало меняться. Они в основном начали обсуждать официальные установки, выполнение плановых заданий, спускаемых сверху. Например, 9-й областной съезд Советов (февраль 1929 г.) полностью одобрил "историческое для Северного края решение ЦК ВКП(б)" о доведении объема лесозаготовок по Коми области к концу первой пятилетки до 16 млн. кубометров в год. Далее мы увидим, чем это обернулось для коми народа. Делегаты следующего, десятого съезда не только восхваляли вхождение Коми АО в состав Северного края, но устами председателя облисполкома И.Г.Коюшева, одного из недавних противников экономического районирования, осудили те "националистические элементы", которые противились созданию Северного края. Это были явные признаки ужесточавшейся политической ситуации в стране.

Одновременно с созданием национальной государственности и новой политической системы осуществлялись энергичные социально-экономические преобразования. Они достаточно подробно освещены в исторической литературе. Исходя из экономических процессов исследователи определяли периодизацию советской истории: восстановление народного хозяйства (1921-1925 гг.); построение экономических основ социализма (1926-1932 гг.); завершение социалистической реконструкции народного хозяйства (1933-1937 гг.). Эта периодизация имела свою логику и в принципе отражала процесс возрождения и чрезвычайно быстрой структурной перестройки экономики Коми АО.

Однако если исходить из комплексного анализа ситуации в советском обществе, то следует все же выделить 20-е годы как особый этап в развитии Коми автономии. Это был период, когда экономическая политика в большей или меньшей степени основывалась на принципах НЭПа.

Учитывая аграрный характер края, в первую очередь необходимо было стабилизировать ситуацию в сельском хозяйстве и создать условия для его дальнейшего прогресса. По данным переписи населения 1926 г. в Коми АО проживало 255,5 тысяч человек. 92,2% из них составляли коми. Абсолютное большинство жителей было занято или в той или иной степени связано с сельским хозяйством. В области насчитывалось свыше 40 тысяч крестьянских хозяйств. Труд крестьянина основывался на рутинной технике, урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность скота были низкими и не обеспечивали потребности крестьянской семьи. Натурализация хозяйства привела к тому, что деньги практически ничего не значили. Многочисленные торгующие организации предлагали

свои товары преимущественно в обмен на пушнину. Осуществленная в начале 20-х гг. денежная реформа стабилизировала ситуацию в этой сфере и создала стимулы для развития производства.

В восстановлении сельского хозяйства решающее значение сыграли специальные мероприятия советского государства. Их целью являлось предоставление определенной экономической свободы крестьянину, повышение общей культуры сельскохозяйственного производства и развитие кооперации в деревне. За короткий срок во всех этих направлениях были достигнуты впечатляющие результаты. Пожалуй, впервые за последние годы сельский производитель почувствовал о себе заботу государства.

В 1924 г. на базе Усть-Сысольского отделения Северного общества сельскохозяйственного кредита открылся “Комисельбанк”, который стал выдавать крестьянам целевые ссуды на развитие хозяйства. Конечно, и здесь сказывался так называемый классовый подход к крестьянству. Ссуды в основном попадали к менее крепким хозяйствам, которые и могли использовать их менее эффективно. Учитывая к тому же краткосрочность ссужаемых средств вряд ли есть основания преувеличивать их роль в налаживании хозяйственной жизни. Тем не менее при почти полном отсутствии свободных денег у крестьянина это все же для него было хоть каким-то подспорьем.

Вскоре после образования Коми автономии в область стал поступать сельскохозяйственный инвентарь. Только в 1922-1925 гг. было реализовано около 6 тыс. плугов, 18 сеялок, 42 молотилки и другая техника, в селах открылось более 20 прокатных пунктов. В деревне начались землеустроительные работы, туда же направлялась семенная ссуда, значительно увеличились объемы агрокультурных работ. В область стали возвращаться специалисты, обученные в различных учебных заведениях страны, появились многочисленные сельскохозяйственные кружки, начали свою работу сельскохозяйственные выставки. Развернулась опытническая работа, возобновила деятельность Усть-Цилемская сельскохозяйственная опытная станция, в 1925 г. в Ижме был открыт ветеринарно-бактериологический институт.

Одной из важных тенденций развития коми деревни в 20-е гг. являлось развертывание кооперативного движения. В соответствии с установками центра местная власть всячески способствовала этому. В документах тех лет кооперирование крестьян регулярно подчеркивалось как одна из центральных задач партийных и советских органов. Тем самым исключительно точно была подмечена главная отличительная черта северного аграрного комплекса, а именно та, что рост производства продукции здесь возможен лишь при объединении усилий ее производителей. Возникли кооперативы всевозможных видов: кредитные, молочные, мелиоративные, по совместной обработке земли, потребительские и другие. Колхозы и совхозы, появившиеся в крае еще в 1918 г., вплоть до конца 20-х гг. какой-либо существенной роли в жизни деревни не играли. В 1928 г. в их распоряжении находилось всего около 1 тыс. га земли и не более 100 коров. Зато потребительские общества к этому времени охватывали около 80% крестьянских хозяйств области, сельскохозяйственные объединения - 55%.

Результаты проводимого аграрного курса не замедлили сказаться. Уже к середине 20-х гг. коми деревня восстановила свои довоенные показатели, а вскоре превзошла их. Так, в 1928 г. посевная площадь в области достигла 47,8 тыс. га и в 1,5 раза превысила довоенный уровень, поголовье крупного рогатого скота составило 154 тыс. голов. Специализация сельского хозяйства практически не изменилась, рожь и ячмень занимали 3/4 посевных площадей. Однако уже в первой половине 20-х гг. была поставлена задача преимущественного развития животноводства, реализованная в отдаленной перспективе. Не произошло, да и не могло произойти за столь короткий период заметного повышения урожайности возделываемых культур и продуктивности скота. Товарность сельского хозяйства оставалась крайне низкой, большую часть товарной продукции давало оленеводство.

Сельское хозяйство не обеспечивало прожиточного минимума крестьянской семьи. По-прежнему в некоторых районах значительное место в занятиях сельских жителей играли охота и рыболовство. Кроме того, крестьяне вынуждены были искать заработки за пределами области. Число отходников на уральские заводы и в другие места в середине 20-х гг. доходило до 6 тыс. человек. Важным источником заработков для коми крестьянина стали лесозаготовки, объем которых возрастал с каждым годом. Число занятых в лесу крестьян-сезонников достигало 18-19 тысяч человек.

Новая экономическая политика, основанная на использовании рыночных отношений, привела к активизации социальных процессов в деревне. Усилилась поляризация крестьянства. По данным В.Н.Давыдова, в 1927 г. единоличные хозяйства области использовали труд 14 тысяч сроковых и поденных рабочих, в 1928 г. 14,1% хозяйств не имели рабочего скота, в то время как 12,1% имели по 2-3 рабочих лошади. Такая ситуация вызвала у бедняков и части среднего слоя населения недовольство. Документы тех лет зафиксировали подъем настроений, отраженных в вопросе “За что боролсь?” С другой стороны, как уже отмечалось, часть крестьян была недовольна явным благоволением государства к беднякам. Таким образом, хотя положение в деревне и улучшилось, полного успокоения в среде крестьянства не наступило.

Одновременно с решением аграрных проблем местные власти предпринимали энергичные усилия по структурной перестройке народного хозяйства области. Мы уже указывали на разработку весьма амбициозных проектов по созданию развитой промышленности на территории Коми автономии и транспортному строительству. Речь таким образом шла о вовлечении в хозяйственный оборот имеющихся богатых природных ресурсов, об организации переработки сырья в пределах области. Активно поддерживались изыскательские работы. При содействии местного руководства уже в 20-е гг. на территории области работали многочисленные экспедиции, подготовившие научное обоснование для освоения запасов угля, нефти и других ресурсов. Однако их разработка являлась отдаленной перспективой, а времени для ожиданий не было. Три горных завода дореволюционной постройки - Кажимский, Нювчимский и Нючпасский - с введением хозрасчетных отношений оказались в тяжелом положении. Последний вскоре вовсе был закрыт. Из существующих перспективным являлся только Сереговский солеваренный завод, также требовавший коренной реконструкции. Во второй половине 20-х гг. были найдены средства и началось обновление оборудования на этом заводе.

Основные надежды руководство области пока связывало с лесными ресурсами. Поэтому объемы лесозаготовок к концу 20-х гг. по сравнению с 1913 г. возросли почти в 2 раза. Поначалу заготовку древесины осуществляли государственный трест "Северолес" и акционерные общества "Руссанглолес" и "Руссголландлес", а в 1927 г. был создан трест "Комилес" на долгое время ставший основным производителем древесины на территории области.

В этот же период было положено начало индустриализации народного хозяйства. В 1926 г. в Усть-Сысольске вступил в строй лесопильный завод, в с. Усть-Уса началось строительство мясо-рыбного консервного завода, в Усть-Выми, Ижме и в некоторых других пунктах были построены электростанции. В Усть-Сысольске формировалась база строительной индустрии. Однако каких-то коренных изменений в структуре народного хозяйства в рассматриваемый период не произошло. В 1926 г. доля промышленности в валовой продукции составляла лишь 1,3%. Более 60% приходилось на сельское хозяйство, 27% - на лесное хозяйство, остальную часть давали кустарная промышленность, охота и рыболовство. Малочисленным пока оставался рабочий класс, признаваемый социальной опорой Советской власти.

Наиболее впечатляющие результаты, пожалуй, были достигнуты в развитии культуры. Они хорошо освещены в литературе, поэтому остановимся на главном. В кратчайший период была создана разветвленная система народного образования. Наряду с начавшейся ликвидацией неграмотности она обеспечила широкий доступ трудящихся к знаниям. Феноменом в области культурного развития стало быстрое формирование национальной школы. Созданный в 1918 г. В.А.Молодцовым коми алфавит позволил организовать выпуск учебников и других печатных изданий на коми языке. Исследовавший этот процесс А.А.Попов отмечает, что в 1924/1925 учебном году из 230 школ 217 работали на коми языке. Этому способствовала так называемая политика "зырянизации" (комизации), ставившая целью перевод делопроизводства на коми язык и привлечение коренных жителей в органы управления. Этот процесс был непростым и шел в условиях постоянных дискуссий, однако он принес свои результаты. Наряду с тем, что на коми языке был налажен выпуск книг, периодических изданий можно утверждать, что в 20-е гг. появилась прочная основа для развития национальной культуры. Быстрыми темпами развивались коми литература, искусство. Произведения В.А.Савина и других писателей приобрели широкую популярность в народе.

Создавалась и система подготовки квалифицированных кадров. Уже в 1925 г. на территории области работали педагогический и сельскохозяйственный (Ульяновский) техникумы, две профессионально-технические школы (в Усть-Сысольске и в с. Айкино), четыре учебно-показательные мастерские. Отметим, что большим преимуществом системы образования являлась ее доступность, поскольку содержание учебных заведений, также как и обучение в них осуществлялись за государственный счет.

Таким образом, 20-е гг. стали одним из самых благоприятных и динамичных периодов в развитии коми народа. Осуществляемый советским государством курс внес успокоение в местное общество, создавал необходимые условия для социального и национального прогресса. Казалось, ничто не предвещало бури...

Очерк X. ГОДЫ БОЛЬШИХ ПОТряСЕНИЙ

Признаки сгущающихся туч на политическом небосклоне страны обозначились уже во второй половине 20-х гг. Все ожесточенней становились политические дискуссии, заканчивавшиеся отстранением от власти видных деятелей компартии и Советского государства. Укрепив свои позиции, И.Сталин решительно приступает к реализации своих представлений о путях и методах строительства социализма.

На материалах Коми автономной области четко прослеживается начальный рубеж ужесточения курса. Таким рубежом стал 1929 г. В этот год Коми АО вошла в состав Северного края. Решительно прекращаются всякие дискуссии о возможных вариантах развития национальной государственности. Более того, даже невинные попытки отстаивания ее интересов начинают квалифицироваться как проявление национализма и национал-шовинизма. Появляется литература, в которой даются крайне жесткие оценки событиям 20-х гг. Так, авторы обширного сборника статей, изданного к 10-летию Коми автономии, обвинили журнал “Коми му” в превращении в орган националистов. Особенно досталось лицам, стоявшим у истоков национальной государственности коми народа. Указывалось, что это дело попало в руки людей, “...в прошлом принадлежавших к анархистам”. Д.А.Батиев обвинялся в стремлении создать буржуазную республику, А.В.Нахлупин и В.И.Сорвачев - в великорусском шовинизме и т.п.

Следует особо сказать о журнале “Коми му”, ставшем уникальным явлением в общественной жизни области. Основанный в 1924 г. как орган активно работавшего “Общества изучения Коми края”, он привлек обширный круг авторов, публиковал интереснейшие материалы о проблемах развития Коми АО, порой выступая в качестве генератора идей и в вопросах национально-государственного строительства. В 1929 г. журнал был “реорганизован”, в 1930 г. закрыт. Само общество прекратило существование в 1931 г. Внешне нет прямой связи между прекращением работы журнала и началом разворачивания в том же году на территории области лагерной системы, однако и факт совпадения этих двух событий далеко не случаен. Журнал со своей самостоятельной позицией, дискуссионным характером не вписывался в систему безусловного подчинения национально-государственных образований распоряжениям центра. Одновременно с этим прекращается выпуск многочисленной литературы, появившейся на свет в предшествующий период развития автономии, которая содержала огромный материал о политических, экономических и культурных проблемах области. Эта литература останется прочно забытой вплоть до второй половины 80-х годов. Появившиеся в 30-е гг. редкие издания будут иметь строго охранительный характер, рассказывая только о достижениях в развитии области.

Это были явные признаки изменившегося политического курса в стране. Однако местные руководители вряд ли догадывались об этом, тем более, что все делалось под благовидным предлогом ускорения темпов строительства социализма. Имя И.Сталина укоренялось в массовом сознании как выразителя генеральной линии партии, усомниться в правильности которой уже становилось крамолой. Сам же И.Сталин умело использовал настроения части населения и прежде всего посредством разжигания ортодоксальных классовых страстей. Нельзя не признать, что коренной поворот в политическом курсе страны, осуществленный на рубеже 20-30-х гг., опирался на определенную реальную почву, важным компонентом которой являлись традиции уравнительности в общественном сознании значительной массы крестьянства.

Когда в 1929 г. грянула коллективизация, местное руководство отреагировало на это организованно. Конечно, и для него она в определенной степени стала неожиданностью. Были известны решения недавно прошедшего XIV съезда ВКП(б), в которых не ставилась задача сплошного обобществления крестьянских хозяйств. В материалах Коми обкома партии вплоть до 1929 г. коллективизация, как правило, выступала в качестве второстепенной задачи и представлялась процессом постепенным и добровольным. Укажем, что в 1927/28 гг. 30 небольших колхозов и 6 совхозов произвели 1,4% валовой продукции сельского хозяйства области. По данным Г.Ф.Доброноженко, ни 15-летний план культурно-хозяйственного строительства Коми области, ни первый пятилетний план, принятый в марте 1929 г. не предполагали форсированной коллективизации. Ее уровень к концу пятилетки должен был составить около 5%, причем имелись в виду не одни колхозы, а и другие виды кооперации. Однако уже с августа 1929 г. эти планы начинают пересматриваться, а в октябре утверждается форсированный рубеж - 15% коллективизации в 1929/30 г. Еще раз подчеркнем, что особых возражений этот курс не вызвал. Встает вопрос - почему? Однозначного ответа на него нет. Нам кажется, что тому был целый комплекс причин. Одной из них является сформировавшаяся система управления обществом, которую принято называть административно-командной. Она предполагала безусловное подчинение мест указаниям центральных органов. Следует учесть и то, что формально коллективизация логически вытекала из широко развернувшегося кооперативного движения и многим действительно представлялась, как тогда говорили, его высшей формой. Нельзя не отметить и весьма здравый смысл в самой идее обобществления

сельского хозяйства, распыленного к концу 20-х гг. на тысячи мельчайших производителей. Поднять производительность труда в этих хозяйствах требовались десятки лет. Новая власть столько ждать не могла, поскольку была поставлена задача в кратчайший период построить основы социалистического общества.

События развивались лавинообразно. Сегодня опубликована многочисленная литература, освещающая ход коллективизации. Во всех средствах массовой информации была поднята огромная пропагандистская компания. Проводились многочисленные собрания бедноты и других слоев крестьянства, активно заработали партийные, комсомольские организации. Зачастую прямо на своих собраниях они принимали решения об организации колхоза. Особым энтузиазмом была охвачена молодежь. Вот телеграмма койгородской комсомольской ячейки в адрес пленума обкома ВЛКСМ, датированная 11 марта 1931 г.: “Большой привет пленуму. Создали колхоз в деревне Венибе, вступили все комсомольцы. В деревне Ваддор организуется колхоз из 25 хозяйств. Решение партии претворим в жизнь. В лесу организовали четыре новые бригады из 40 человек. Все комсомольцы в лесу. Впредь еще усерднее будем работать на социалистическом фронте”. Между отдельными сельсоветами и даже районами развернулось соревнование за достижение наивысших показателей в коллективизации. Все это инициировалось Коми обкомом ВКП(б). Уже в начале 1930 г. он поставил задачу довести уровень коллективизации к осени того же года до 50%. В итоге были получены ошеломляющие результаты. Если на 1 января 1930 г. в колхозах состояло 9,5% крестьянских хозяйств области, то на 1 апреля уже 21,4%. Таких темпов преобразования жизненных устоев коми деревня никогда не знала. Поэтому она воспринимала происходящее с глухим недовольством. Это недовольство выражалось в разной форме. В деревнях шли разговоры о том, что советская власть желает разорить крестьян. Значительная часть сельских жителей отказывалась вступить в колхозы. Тем более, что местные власти в своем рвении повсеместно перегибали палку. Документы зафиксировали факты, показывающие абсурдность ситуации. Порой у крестьянина обобществлялось все имущество, а затем колхоз вынужден был за тридевять земель закупать для него скот. Распространенными методами нажима на крестьянина были прямое насилие, угрозы, шантаж. О том, что крестьянин вынужден был вступать в колхоз под нажимом, свидетельствовали события, последовавшие после мартовского 1930 г. постановления ЦК ВКП(б) “О борьбе с исправлениями партлинии в колхозном движении”. Начался массовый выход крестьян из колхозов. Уже в мае того же года уровень коллективизации в Коми АО снизился до 15%. Однако формальное осуждение насильственных методов, названных перегибами, оказалось всего лишь тактическим маневром И.Сталина. Г.Ф.Доброноженко, исследовавшая политику коллективизации на Европейском Севере, в последнее время выявила многочисленные факты двойной документации, когда публичные решения партийных и советских органов тут же перечеркивались секретными инструкциями, распоряжениями прямо противоположного характера.

Для утешения крестьян была осуществлена специальная программа раскулачивания. По всем подсчетам число зажиточных хозяев в Коми области едва ли достигало 3%. Как правило, это были хозяйства, ненамного превышающие средние показатели по области. Хотя следует отметить, что влияние зажиточных на деревенское общество было значительным. Об этом свидетельствуют материалы сельских сходов, на которых беднота и даже середняки, как правило, не имели решающего голоса.

На кулаков обрушились тяжелейшие репрессии. По отношению к ним уже в предшествующий период были приняты ограничительные меры. Так, в решении июньского (1928 г.) пленума Коми ОК ВКП(б) отмечалось, что “кредитование зажиточно-кулацкой части надо совершенно прекратить”. Эти ограничения затем превратились в репрессивную политику. В годы коллективизации многократно возрос налоговый гнет на кулаков, на них спускались дополнительные задания по сдаче сельскохозяйственной продукции, порой превышающие стоимость самого крестьянского имущества. За их невыполнение накладывались штрафы, применялись судебные меры. Кулаков обязывали работать на лесозаготовках, причем для них устанавливались повышенные нормы выработки. Имущество раскулаченных частично распродавалось, частично передавалось в колхоз. Отсутствие четко определенных признаков кулацкого хозяйства позволяло подводить под эту категорию и середняков и даже в некоторых случаях бедняков. Все зависело от произвола местных властей. В этих условиях выжить крепким хозяйствам не было никакой возможности, они были уничтожены.

Первая пятилетка завершилась полной “победой” политики коллективизации. В 1933 г. в Коми области насчитывалось 540 колхозов, в которых находилось около 24 тысяч или более половины крестьянских хозяйств.

Такие действия вызвали у крестьян ответную реакцию. В литературе зафиксированы случаи террористических актов против сельских активистов, поджоги и порча колхозного имущества, потравы посевов и т.п. Как нам представляется, не это было главным в сопротивлении крестьянства осуществляющему курсу. В годы коллективизации оно нанесло мощнейший удар по производительным силам страны. Такого ущерба ни до ни после этого деревня не испытывала. В советской исторической

литературе эти факты или замалчивались, или упоминались мимоходом. Единственный статистический сборник, изданный в нашей республике в 1957 г., т.е. в годы хрущевской “оттепели”, приводил эти потрясающие показатели. Для наглядности воспользуемся включенными в него данными, составив небольшую таблицу.

Поголовье продуктивного скота в Коми автономной области, тыс. голов.

Показатели	1928 г. (на 1 июля)	1932 г. (на 1 июля)
Крупный рогатый скот	153,8	114,3
в т.ч. коровы	87,9	76,5
Свиньи	16,4	4,9
Овцы и козы	157,9	107,5

Укажем, что и в 1933 и даже в 1934 г. происходила убыль поголовья скота. Приведенные цифры не нуждаются в комментариях. Чтобы не сдавать скот в колхоз, крестьяне просто-напросто его забивали.

Однако, следует отметить, что с точки зрения сформировавшейся системы коллективизация имела свою логику, самих крестьян - определенные преимущества. Объединив многочисленные единоличные хозяйства в колхозы власть получила значительно более управляемую деревню. Маломощные крестьяне, да и середняки, оказавшись в коллективном хозяйстве, обрели устойчивое экономическое положение, огражденное от рыночной стихии. Последнее было немаловажным, поскольку проблема выживания, особенно в северных условиях, для крестьянина на протяжении веков являлась чуть ли не главной в его повседневных заботах. Поэтому трудно согласиться с новейшими воззрениями о том, что порочной была сама колхозная идея. Точней было бы сказать, что порочными оказались методы ее реализации.

Коллективизация была первым актом в создании общественной системы хозяйства в деревне. Однако нанеся урон деревне, государство поставило себя в крайне трудное положение. Во многих районах страны начался голод. Коми область не входила в их число, но и здесь положение было чрезвычайно тяжелым. Маломощные колхозы не могли обеспечить население продукцией. Необходимо было поставить их на ноги. Начала осуществляться специальная политика укрепления колхозов. В годы второй пятилетки и в предвоенные годы на эти цели были направлены значительные средства. Одновременно продолжалась осуществляться коллективизация. В 1940 г. в республике было создано 718 колхозов, в которых находилось более 90% крестьянских хозяйств. Оставшиеся единоличники практически уже не были связаны с сельским хозяйством, а работали на различных государственных предприятиях. Таким образом, в 30-е годы завершился один из самых крупных социальных переворотов в истории деревни. По переписи 1939 г. из 320 тысяч человек, проживавших в Коми АССР, 290,3 тыс. составляли сельские жители. В их числе удельный вес колхозников достиг 55,2%, а неорганизованных кустарей и крестьян-единоличников сократился до 4,4%. Остальную массу составляли рабочие и служащие. Несмотря на исключительно бурные социальные процессы, количество сельских жителей не сократилось, а наоборот возрастало. Это объяснялось тем, что ведущие отрасли промышленности, в частности, лесная, развивались в пределах сельской местности, где и происходило перераспределение рабочей силы.

С созданием колхозного строя стал быстро меняться и социальный облик самого крестьянства. Началась массовая подготовка квалифицированных кадров, появилась административно-управленческая прослойка, в деревню стали поступать специалисты сельского хозяйства. Их подготовку вели Ульяновский сельскохозяйственный и Ижемский зооветеринарный техникумы. В 1936 г. в Сыктывкаре открылась школа механизации сельского хозяйства, во всех районах были организованы колхозные школы, осуществлявшие курсовую подготовку по разным специальностям. В 1940 г. только в МТС работали 747 трактористов и бригадиров тракторных бригад, 57 комбайнеров, 92 шофера и другие механизаторы. Заметим, что они были подготовлены за неполных 10 лет.

Несмотря на огромные трудности, которые приходилось преодолевать в ходе колхозного строительства ситуация в сельском хозяйстве постепенно стабилизировалась. Тому способствовали усилия, которые прилагало государство по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, подъему их экономики. В 30-е гг. за счет государственных средств началась механизация сельского хозяйства. Первая машинно-тракторная станция была открыта в 1932 г. в Визинге, затем они появились почти во всех районах. Перед войной в республике действовали 16 МТС, в которых работали 520 тракторов, 97 грузовых автомобилей и 74 комбайна. В 1940 г. МТС обслуживали около 80% посевных

площадей колхозного сектора. За произведенную работу колхозы рассчитывались с машинно-тракторными станциями натуральной продукцией. Механизация имела не только производственное, но и важное социальное значение, поскольку, как уже отмечалось, повлекла за собой появление совершенно новых для деревни профессий.

Несомненный прогресс в 30-е гг. был достигнут и в укреплении колхозной экономики. По этому поводу следует подчеркнуть следующее. С самого начала своего существования колхозы попали под мощную государственную регламентацию. Практически все стороны колхозной жизни регулировались или специальными постановлениями, или непосредственно райкомами партии и райисполкомами. В этом смысле колхозы в первые же годы деятельности стали терять свою кооперативную природу и превращаться в государственные предприятия. Но нельзя и абсолютизировать этот процесс. Некоторые демократические институты, такие как колхозные собрания, выборность и отчетность руководителей, действовали. Они были закреплены в новом примерном Уставе сельскохозяйственной артели, утвержденном на II Всесоюзном съезде колхозников в 1935 г. Вслед за тем колхозы Коми республики разработали и приняли свои уставы, что сыграло позитивную роль в упрочении колхозного строя. Тем не менее колхозная демократия развивалась в чрезвычайно стесненных условиях. С одной стороны, осуществлялись меры по ее расширению, с другой - постановления, их перечеркивающие. Так, только в 1938 г. центральными органами было принято два постановления, регламентирующих распределение денежных доходов колхозов.

Тем не менее процесс укрепления экономики колхозов становился все более заметным. Только во второй половине 30-х гг. их денежные доходы возросли в два раза и составили в 1940 г. около 33 млн. руб. Из них 16% давало растениеводство, 49% - животноводство, остальное - подсобные предприятия, промыслы, заработки на стороне. С 1932 по 1941 гг. поголовье крупного рогатого скота в колхозах возросло с 38,6 тыс. до 84,0 тыс. голов, в целом же по республике со 114,3 тыс. до 131,5 тыс. голов. Однако показатели 1928 г., т.е. до коллективизации, к этому времени не были достигнуты. В предвоенные годы были реализованы программы по развитию в республике свиноводства и овцеводства. За 1938-1941 гг. поголовье свиней увеличилось в два раза и достигло 40,4 тыс. голов, овец - с 99 тыс. до 112 тыс. голов. Кроме того, в колхозах было сосредоточено 95,6 тыс. оленей.

В земледелии не произошло существенных структурных изменений, хотя увеличивались посевные площади. Перед войной 71% колхозных полей было занято под зерновыми, 7,2% под картофелем. На 7,5% площадей возделывались технические культуры (лен, в основном в Прилузском районе). Следует отметить огромный рост посевных площадей в республике, происшедший в 30-е гг. Если в 1928 г. вся посевная площадь составляла 47,8 тыс. га, то в 1940 г. - 90,1 тыс. га. Техническое перевооружение сельского хозяйства значительно облегчило работу по освоению новых площадей. К этому следует добавить, что впервые в истории коми деревни развернулись широкомасштабные работы по повышению культуры земледелия и животноводства. Средняя урожайность зерновых культур достигла удовлетворительного уровня и составила в 1940 г. 10,1 ц с га. Во многих хозяйствах получали урожай, значительно превышающий средние показатели. Достижения ряда колхозов, районов республики демонстрировались в предвоенные годы на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. О росте колхозного богатства свидетельствовало и то, что стоимость неделимых фондов сельхозотраслей в годы третьей пятилетки увеличилась почти в два раза.

Более устойчивым стало материальное положение колхозников, хотя оплата труда в колхозах оставалась на низком уровне. Так, в 1940 г. в среднем по республике было распределено 0,64 коп. деньгами, 0,96 кг зерна на трудодень. Исключительно большое значение для колхозной семьи имело личное подсобное хозяйство, размеры которого были сопоставимы с колхозным производством. Так, в 1940 г. в колхозах было 29,5 тыс. коров, в личных подсобных хозяйствах колхозников - 26,8 тыс., свиней соответственно 12 и 14,8 тыс. голов.

Создание колхозного строя было составной частью общей перестройки социально-экономической системы коми автономии. Как уже отмечалось, местные власти разрабатывали в 20-е гг. многочисленные планы выхода из кризисной ситуации и быстрого подъема народного хозяйства. В этих проектах центральное место занимало создание современных отраслей промышленности. Ход развития Коми автономии в первое десятилетие ее существования подтверждал плодотворность выработанного курса. Однако к концу 20-х гг. политическая ситуация в стране кардинально изменилась. Установка на построение социализма "в исторически минимальные сроки" перепутала все планы.

В то же время предложенный центром путь развития экономики был весьма заманчив, а по формальным признакам совпадал с заложенными до того планами: коллективизация, казалось, логически вытекала из кооперативного движения, осваивались богатейшие ресурсы области, мощное развитие получала лесная промышленность, в кратчайший срок была проведена Северо-Печорская железнодорожная магистраль. Однако содержание и особенно методы осуществления экономических планов оказались прямо противоположными наметками предшествующего периода.

В первую очередь резко возросли лесозаготовки. Объем вывозки леса в 30-е гг. увеличился многократно и достиг 7 млн. куб.м. В связи с этим огромная нагрузка пришлась на местное крестьянство и без осуществления коллективизации “загнать” крестьян на лесозаготовки было практически невозможно. На каждый колхоз был спущен план лесозаготовок. В соответствии с разрядкой они вынуждены были выделять рабочую силу и лошадей для работы в лесу. В 1937 г. среднегодовое число постоянных рабочих в лесной промышленности республики составляло 5,1 тыс. чел., в то время как сезонных - 6,2 тыс. человек. Насколько напряженными были планы лесозаготовок, свидетельствуют данные из брошюры “К перевыборам Советов (от IX к X областному съезду). 1931-1934”, изданной в Сыктывкаре в 1934 г. В ней отмечалось, что “в период наибольшего подъема” в лесу работает свыше 30 тыс. чел., на сплаве 20 тыс., на разделке - 5 тыс.

Одновременно осуществлялась реорганизация лесной промышленности, укрепление ее материально-технической базы. К концу второй пятилетки в республике действовали 10 леспромхозов, в которых работало 109 тракторов. Однако они вывозили всего лишь немногим более 10% заготовленной древесины, остальная часть приходилась на конную вывозку.

Лесная и деревообрабатывающая отрасли промышленности стали одними из ведущих в структуре народного хозяйства. В 1936 г. в Сыктывкаре вступил в эксплуатацию новый лесопильный завод, в связи с чем объем выпуска пиломатериала увеличился более чем в два раза. Появились и другие предприятия деревообработки и таким образом производство пиломатериалов в республике в 1940 г. было доведено до 355 тыс. куб.м.

Огромные средства были направлены на освоение природных ресурсов северных территорий. В кратчайший период удалось развернуть добычу нефти и угля. В годы второй пятилетки на развитие Печорского промышленного района объем капитальных вложений возрос в 4 раза и составил 65 млн. рублей в 1937 г. Нефтедобыча развернулась на Чибюсском и Ярегском месторождениях. Уже в 1934 г. в Ухте был введен в действие нефтеперерабатывающий завод, а в предвоенные годы построена первая шахта для добычи тяжелой нефти. Кроме того, в 1933 г. вступил в строй асфальтитовый рудник, который начал обеспечивать сырьем электротехническую и лакокрасочную промышленность страны.

В чрезвычайно суровых климатических условиях создавалась угольная промышленность. Угольные месторождения стали осваиваться с 1929 г., а в 1934 г. в Воркуте вошла в строй первая эксплуатационная шахта. В этом же году начала функционировать узкоколейная железная дорога от пос. Рудник до р. Усы длиной в 64 километра. Уже в предвоенные годы третьей пятилетки завершилось строительство новой мощной шахты “Капитальная”, а в 1940-1941 гг. были заложены еще 5 новых шахт. Добыча угля достигла 330 тыс. тонн. Одновременно велись широкомасштабные изыскательские работы с целью расширения сырьевой базы для добывающих отраслей промышленности.

Создание нефте- и угледобывающей базы потребовало резкого улучшения транспортных коммуникаций. Продукция новых предприятий поначалу вывозилась по узкоколейке, затем неоднократно перегружаясь, водным путем доставлялась к местам потребления. Это крайне затрудняло выход продукции в промышленные районы страны. В 1937 г. было принято окончательное решение и начато строительство Северо-Печорской железной дороги. На ее возведение были брошены огромные силы и средства. Магистраль, протяжением свыше 1 тыс. километров, вступила в строй в рекордно короткие сроки: уже в ноябре 1941 г. открылось рабочее движение до Воркуты. Можно сказать, что в 30-е гг. республика превратилась в огромную строительную площадку.

Кроме указанных отраслей создавались пищевая промышленность, строительная индустрия, судостроение и другие. Заново был сформирован речной флот, осуществлявший основной объем грузоперевозок. Во второй и третьей пятилетке появился и воздушный транспорт, открылись авиалинии, связывающие Сыктывкар не только со многими райцентрами, но и с некоторыми городами за пределами республики. Изменялась география размещения промышленности. Во многих райцентрах появились промышленные предприятия. В 1929 г. в Усть-Цильме началось, а в 1932 г. было закончено строительство крупного замшевого завода. Это была действительно индустриализация народного хозяйства области.

Такие темпы промышленного развития обеспечивались во многом благодаря энтузиазму рабочих и колхозников. Массовые масштабы приняло трудовое соперничество или социалистическое соревнование. В 1935 г. развернулось стахановское движение, многие рабочие стали в несколько раз перекрывать нормы выработки. Имена передовиков, таких как Анфиса Пудова, Михаил Чайковский, Иван Рассыхаев, достигавших на лесозаготовках рекордных показателей, в тот период были широко известны в республике. Люди работали самоотверженно, порой в исключительно тяжелых условиях, искренне увлеченные идеей строительства социализма. Партийные и советские органы всячески поощряли трудовой энтузиазм. Проводились слеты передовиков, им давались премии, их имена публиковались на страницах газет, освещался опыт работы лучших представителей рабочего класса. Социалистическое соревнование хотя порой и имело формальный характер, но в то же время являлось

ярким примером стремления сделать жизнь лучше, внести свой вклад в укрепление экономической мощи страны.

Однако не в меньшей степени индустриальный подъем области был обеспечен за счет массового применения подневольного труда. 30-е гг. в полной мере вместили трагедию народа, попавшего под сталинские репрессии. Уже в 20-е гг. Коми область становится местом высылки лиц, неугодных советской власти.

Полномасштабная деятельность ГУЛАГа на ее территории развернулась в 30-е гг. В 1929 г. был создан Ухтпечтрест, который начал освоение угольных и нефтяных месторождений именно с помощью труда заключенных, большинство из которых составляли незаконно репрессированные в годы культа личности И.Сталина. В кратчайший период на территории области была создана система лагерей. Уже в 1936 г. в Ухтпечлага насчитывалось 100 тыс. заключенных. Отметим, что Ухтинская экспедиция ОГПУ, прибывшая на Чибью в 1929 г. насчитывала всего лишь 125 заключенных. Во второй половине 30-х гг. создаются самостоятельные отделения Ухтпечлага: Ухтинское, Печорское, Воркутинское, Интинское, Усинское. В 1938 г. из Ухтпечлага выделяются как самостоятельные Ухт-Ижемлаг, Воркуто-Печорский и Северный железнодорожный. Кроме того развернули свою деятельность два лесозаготовительных лагеря - Усть-Вымьлаг и Локчимлаг. Вот что пишет в работе "Печальная пристань" (Сыктывкар, 1991 г.) Н.Морозов: "Трудно сказать, сколько человек составляла империя Комилага. Нет пока обобщающих цифр, соответствующих архивных материалов. По некоторым данным, численность заключенных в Коми АССР на 1 января 1942 г. достигла 200 тыс. человек...". Это была действительно империя. По численности она превосходила численность населения самой республики. Трудом заключенных почти полностью были возведены нефтяные и угольные предприятия, Северо-Печорская железнодорожная магистраль. Кроме того, они работали в лесной промышленности, в сельском хозяйстве. В республику были сосланы также тысячи раскулаченных. Именно они в довоенные годы создали одно из передовых сельскохозяйственных предприятий на севере страны - крупнейший совхоз "Новый бор". Через лагерную систему осваивалась основная часть капитальных вложений. Так, из общего объема затрат на развитие народного хозяйства области, составивших в годы второй пятилетки 373,4 млн. руб., 68% было освоено по линии Ухтпечтреста.

Ради справедливости следует отметить, что руководители области не особенно противодействовали разворачиванию деятельности ГУЛАГа. Причиной тому была не только сложившаяся политическая обстановка в стране. Есть основания предположить, что предложения центра об использовании труда заключенных были встречены с пониманием. Более того, они совпадали со стремлением развернуть широкомасштабное строительство на территории области, одним из препятствий на пути которого была чрезвычайная ограниченность внутриобластной рабочей силы. Некоторые документы наводят на такую мысль.

Вскоре после того, как ВСНХ РСФСР в сентябре 1929 г. рассмотрел вопрос об использовании труда заключенных в промышленности и послал соответствующий запрос в адрес треста "Комилес", через Прилузский район заключенные были завезены в область. На пленуме Коми обкома ВКП(б), проходившем в октябре 1929 г., отвечая на высказывавшиеся сомнения о нереальности обеспечения форсированных темпов развития промышленности, докладчик М.И.Попов заявил, что "есть надежда" на увеличение численности строительных рабочих в 1929 г. до 15 тыс. чел. против 2,8 тыс. в предыдущем году, занятых на лесозаготовках - с 32 тыс. до 46 тыс. человек. Помимо крестьянства существовал лишь один источник такого роста - заключенные и спецпереселенцы. Это только один факт из серии подобных, свидетельствующий о крайней противоречивости условий развития Коми автономии.

Таким образом, на ее территории стали функционировать как бы две промышленные системы: одна - основанная на труде заключенных и генетически не связанная с местным населением, другая - крайне деформированная лесная отрасль, основную нагрузку в которой практически все довоенные годы несли сельские жители. Тем самым подрывались и суверенные основы государственности коми народа. И дело даже не в том, что не были реализованы намечаемые в 20-е годы местным руководством планы хозяйственного строительства в области. В конце концов, Коми автономия, ее экономика являлись составной частью единого экономического комплекса страны и местные интересы в какой-то мере неизбежно должны были подчиняться общесоюзным интересам. Нет, например, никакого сомнения в том, что древесина как воздух нужна была для быстро поднимающейся промышленности и если ее можно было взять на территории Коми области, то это так и надо было сделать. Проблема заключается в другом. Усилия целого народа были сконцентрированы на обеспечении одной отрасли - лесозаготовительной, последствия чего в социальном развитии республики сказываются до настоящего времени. На заготовке леса были замкнуты интересы коми деревни.

С другой стороны, создавались целые отрасли промышленности на территории самостоятельного национально-государственного образования, оказавшегося к этому малопривлекательным. Конечно, нельзя представлять их полностью изолированными от народного хозяйства области. Без того же леса

немыслимо было возведение железной дороги, шахт и других промышленных объектов на Севере. Однако государственные, партийные и хозяйственные органы Коми автономии оказались как бы сторонними наблюдателями огромного промышленного строительства, развернувшегося на их территории.

Если в конце 20-х гг. доля местного бюджета в развитии промышленности достигала 37% и была одной из высоких среди автономных образований, то в последующем она неуклонно снижалась. Помимо всего прочего это лишало возможности приобретения опыта в организации крупного производства и наряду с союзной подчиненностью новых отраслей народного хозяйства все больше и больше превращало народ, являющийся носителем государственности, в объект для выполнения, по выражению тех лет, “хозяйственно-политических задач”.

Однако, как бы то ни было 30-е гг. стали поворотным периодом в изменении экономического и социального облика Коми автономии. Именно в этот период был создан “индустриально-аграрный тип” хозяйства, заложены основы промышленных производств, надолго определивших пути развития республики. Уже в 1937 г. на долю промышленности приходилось 75% валовой продукции народного хозяйства области. О темпах индустриального развития свидетельствует тот факт, что только за три последних предвоенных года промышленное производство возросло почти в два раза.

В этот же период сформировался рабочий класс. По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. в народном хозяйстве республики было занято 44 тыс. рабочих. Среди них значительная доля приходилась на лиц коми национальности, что свидетельствовало о явном прогрессе самого народа. А в таких отраслях как лесозаготовительная, пищевая, легкая они составляли большинство. В то же время, например, в горнодобывающей промышленности доля лиц коренной национальности составляла всего лишь 19,1% (на 1939 г.). Промышленное развитие оказало воздействие на изменения в размещении рабочего класса и населения республики в целом. Возникли новые крупные населенные пункты - Ухта (1939 г.), Воркута (1940 г.), Железнодорожный (1941 г.), целый ряд лесных поселков.

Такие темпы развития Коми автономии невозможны были без создания соответствующей политической системы. В основных чертах она сформировалась уже в предшествующий период и окончательно была закреплена в 30-е гг. Сложившуюся структуру власти и методы ее исполнения в последнее время характеризуют как административно-командную систему, вкладывая в это определение негативный смысл. Это верно, но только лишь отчасти. Дело в том, что административно-командные методы в управлении применяются любым государством, их роль особенно в переломные этапы развития общества резко возрастает. Исходя из того, что в 20-30-е гг. советское государство переживало как раз такой период, администрирование и сильная централизация власти были оправданы. Именно благодаря этому удалось мобилизовать ресурсы страны для ускоренного подъема экономики. Однако этот курс был чреват тем, что мог полностью подмять демократические институты и до предела урезать права народа на распоряжение собственной судьбой. Что и случилось в 30-е гг.

Практически вся государственная власть перешла в руки партийных органов. На местах ни один мало-мальски серьезный вопрос не мог быть решен без согласия областного комитета, гор- и райкомов партии. С 1930 по 1940 г. численность коми областной партийной организации возросла с 1691 до 4379 человек. Удельный вес коммунистов в общей численности населения был невелик, однако партийные организации охватывали своим влиянием все сферы жизни. В их руках был мощный рычаг управления любым коллективом - распоряжение кадрами. Назначение на абсолютное большинство руководящих должностей осуществлялись при согласии партийных организаций. Несмотря на то, что партийные решения формально носили рекомендательный характер, постепенно они стали обязательными для выполнения во всех государственных учреждениях, на предприятиях, в колхозах. В 1940 г. в Коми республике действовали 289 первичных партийных организаций, 121 кандидатская группа, кроме того 13 партийно-комсомольских групп. В осуществлении своей политики партия опиралась на комсомольские организации. На 1 февраля 1940 г. в них состояло 12860 человек, объединенных в 985 первичных комсомольских организаций.

Эта система обеспечивала выполнение двух взаимосвязанных задач - мобилизацию населения на обеспечение высоких темпов развития народного хозяйства и его идеологическую обработку. Была создана разветвленная сеть политической учебы, которая обеспечивала изучение партийных документов и разъяснение целей и задач осуществлявшегося курса. Особенно усилилась идеологическая работа в связи с выходом в свет в 1938 г. “Краткого курса истории ВКП(б)”, надолго определившего развитие общественной мысли в стране в соответствии со сталинскими догмами. Основной целью пропагандистской деятельности стало обоснование правильности проводимой партией политики.

В стране сформировалась обстановка, в которой исключалось всякое инакомыслие. Развернувшиеся в 30-е гг. репрессии не обошли и Коми республику. Многие деятели культуры, партийные и государственные работники, хозяйственные руководители оказались в сталинских лагерях. Среди них были один из создателей коми автономии Д.Батиев, основоположник коми литературы

В.Савин, председатели облисполкома И.Коюшев и Ф.Тараканов, крупный организатор народного хозяйства области А.Бабушкин и многие другие. Репрессивная политика особенно тяжело отражалась на кадрах руководителей. За любой недостаток в работе они могли быть обвинены во вредительстве. Только за 1938 -1939 гг. в республике сменилось 465 или более половины председателей колхозов.

В этой ситуации предельно урезанными оказались права местных органов власти - Советов. Они в основном стали заниматься текущими хозяйственными проблемами. Тем не менее через Советы в государственное управление была вовлечена большая масса населения. Приведем выдержку из доклада Коми облисполкома "О советском строительстве" за 1921-1936 гг.: "связь Советов области с широкими рабочими, колхозными массами непрерывно растет. Массовые организации Советов резко увеличились, особенно после последних перевыборов в 1934 г. Число секций Советов доходит сейчас до 900..., депутатских групп в колхозах насчитывается 365 с числом членов 2906, в лесном производстве 194 депутатские группы с числом членов 1549...В деле коренизации советского аппарата Коми автономной области достигнуты крупнейшие успехи. Сельские Советы, райисполкомы, весь низовой советский аппарат области сейчас почти полностью укомплектован из местных людей - коми трудящихся. В областных аппаратах работников коренной национальности насчитывается до 80% общего состава работников в них. Создана мощная полиграфическая база по изданию печати на родном языке, учреждения обеспечены техническими и множительными средствами по ведению коми письменности в учреждениях. Успехи социалистического строительства области внесли коренные изменения и в состав Советов области. На 1 января 1936 г. из общего числа 4353 членов и кандидатов в члены советов колхозники составляют 94%, а единоличники только 1%, остальные - рабочие и специалисты колхозного села...".

Вторая половина 30-х гг. стала важным этапом в дальнейшем упрочении государственной власти. В соответствии с конституцией СССР 1936 г. Коми автономная область была преобразована в Коми Автономную Советскую Социалистическую республику. 23 июня 1937 г. чрезвычайный XI съезд Советов Коми АССР единогласно принял ее Конституцию. Первая статья Конституции гласила: "Коми Автономная Советская Социалистическая республика есть социалистическое государство рабочих и крестьян...". Конечно, в смысле самостоятельности в сложившихся в стране политических условиях республика по сравнению с автономной областью каких-то существенных преимуществ не получила, тем не менее формально статус национальной государственности коми народа был повышен. В 1938 г. прошли выборы в Верховный Совет Коми АССР, который затем сформировал правительство республики - Совет Народных Комиссаров. На первой сессии Верховного Совета председателем Президиума был избран Г.В.Ветошкин, председателем СНК - И.И.Оплеснин.

Завершающим этапом перестройки системы государственной власти стали выборы депутатов в местные Советы Коми АССР, состоявшиеся 24 декабря 1939 г. В них участвовало 92,2% избирателей, депутатский корпус составил 2947 человек. Составной частью совершенствования государственной власти являлись административно-территориальные изменения. Как уже отмечалось, при районировании в 1929 г. на территории области было создано 9 районов. В последующем из Усть-Куломского района был выделен Троицко-Печорский (1931 г.), из Ижемского - Усинский (1931 г.), из Летского - Прилузский (1935 г.). Ижемский, Усинский и Усть-Цилемский районы затем вошли в состав созданного в 1936 г. Печорского округа, просуществовавшего до 1941 г.

Преобразование Коми автономии в Коми АССР и прошедшие затем выборы населением были встречены с большим энтузиазмом. Не в малой степени он был вызван пропагандистской работой, развернутой партийными и комсомольскими органами. Но не только. Существовали и реальные основания для поддержки осуществляемых преобразований. Несмотря на то, что хватало и трудностей, люди ощущали реальные перемены в жизни. Пожалуй, не менее чем в экономической они проявлялись и в культурной сфере.

В годы предвоенных пятилеток в области культуры были достигнуты исключительно большие результаты. На эти цели государством направлялись крупные ресурсы, а такие отрасли как просвещение, здравоохранение и другие рассматривались приоритетными в государственной политике. Итоги проделанной работы следующим образом характеризовались в постановлении Президиума ВЦИК от 9 сентября 1936 г. "О хозяйственном и культурном строительстве автономной области Коми за 15 лет существования": "Трудящиеся Коми за 15 лет существования автономной области ... добились крупных успехов в хозяйственном и культурном строительстве. Осуществлено всеобщее начальное обучение, 85% детей, окончивших начальные школы в 1936 г., охватываются семилетним обучением, успешно ликвидируются неграмотность и малограмотность взрослого населения, организованы 2 вуза, 12 техникумов, 3 рабфака, 2 школы ФЗУ, 2 леспромхозуча и др. Созданы письменность на родном языке на родном языке, художественная литература, национальный театр. Растут кадры писателей, искусства и музыки...". Эта оценка полностью соответствовала действительности.

В указанный период было завершено формирование системы народного образования. В 1940 г. в республике работали 375 начальных, 103 семилетних и 27 средних школ. Расходы на просвещение достигли 70% денежных средств, выделяемых на социально-культурные мероприятия. Сеть школ обеспечивала полный охват детей обучением. По данным А.А.Попова в 1938/ 1939 учебном году в 71,8% школ обучение велось на коми, в 7,4% - на коми и русском, в 20% - на русском языке. Сложилась и система подготовки педагогических кадров. В 1932 г. открылся Коми государственный педагогический институт, с 1934 г. подготовку преподавателей вел учительский двухгодичный институт. Кроме того, работали Сыктывкарское, Усть-Вымское и Мохченское педучилища. Конечно, были и трудности в развитии общеобразовательной школы. В частности, серьезно осложнил ситуацию перевод коми письменности в начале 30-х гг. с молодцовского алфавита на латинизированный, а затем ее обратный перевод в середине 30-х гг. на молодцовский, а с конца 30-х гг. на русскую графическую основу. Однако, в целом система народного образования функционировала весьма успешно.

Помимо этого, в 30-е гг. была создана разветвленная сеть средних специальных учебных заведений. В 1940 г. они подготовили 468 специалистов против 70 в 1927 г.

Развитие народного образования и других сфер культуры стало возможным бурному росту печатного дела. В Сыктывкаре и в районах формировалась полиграфическая база, практически обеспечивавшая потребности республики в печатных изданиях. На месте выпускались все учебники для национальной школы, художественная литература, газеты. В 1939 г. печатная продукция коми книжного издательства в два раза превысила уровень 1930 г., количество названий возросло в 5 раз. Помимо районных и окружной выходили 4 республиканские газеты: “Коми колхозник”, “Вөрлэдзсы” (“Лесной рабочий”), “Коми комсомолец” и “За новый Север”.

На новые рубежи вышла коми литература, основы которой заложил В.А.Савин. В конце 20-х - начале 30-х гг. к активной творческой деятельности подключилась и целая плеяда талантливых писателей и поэтов: Г.Федоров, И.Изьюров, В.Юхнин, И.Пыстин, В.Елькин, В.Латкин, А.Размыслов, Я.Рочев, Н.Фролов. Их произведения уже в предвоенные годы стали широко известны читателю. В 1941 г. вышел в свет первый коми национальный роман “Алая лента” В.Юхнина.

В то же время следует отметить, что в 30-е гг. как художественная литература, так и вся культура оказались предельно идеологизированными. В соответствии с партийными установками разрешалось только хвалебное освещение социалистической действительности. Любые отклонения от официальных установок решительно пресекались Коми обкомом ВКП(б). Во второй половине 30-х гг. по решению облисполкома стала изыматься и частично уничтожаться, а частично закладываться на специальное хранение многочисленная литература, изданная в 20-е гг. Особенно это касалось публикаций, освещающих проблемы национально-государственного строительства. Окончательная трактовка состояния национально-государственного строительства была закреплена в издании Коми облисполкома “XV лет Коми автономной области. Итоги хозяйственного, социально-культурного и Советского строительства” (Сыктывкар, 1936) и затем многие годы оставалась незыблемой. Огромный материал, собранный в книге и показывающий действительные успехи в социально-экономическом и культурном развитии области, должен был свидетельствовать о единственно правильном избранной партией пути. Создавалось впечатление, что все проблемы или уже решены, или успешно решаются. Кстати сказать, ответственные редакторы указанного издания М.П.Минин и А.И.Бабушкин впоследствии были репрессированы.

Крайне политизирована была и работа созданной сети культпросветучреждений. В 1940 г. их насчитывалось 269, в том числе 180 изб-читален и колхозных клубов, 13 районных домов культуры. Они осуществляли огромную работу по культурному просвещению населения. В 1938 г. только на селе было проведено более 2,3 тыс. лекций, бесед, докладов. Значительную их часть составляли выступления и по марксистско-ленинской теории, социалистической демократии, разъяснению партийных документов. Была развернута огромная антирелигиозная пропаганда. Только в 1940 г. состоялось 520 лекций, 1030 коллективных бесед и чток по антирелигиозной тематике. В 30-е гг. было закрыто абсолютное большинство церквей, многие из них разрушены. Среди них оказались крупнейшие церковные здания Стефановского и Троицкого соборов в Сыктывкаре.

В культуре, как и в других сферах жизни, отразились противоречия развития советского общества в 30-е гг. И все же основным было то, что постепенно изменялся облик целых районов, всей республики. Одним из характерных в этом отношении был Сторожевский район - участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве. До 1917 г. грамотность населения здесь составляла не более 20%, а в 1940 г. свыше 90% жителей в возрасте от 8 до 50 лет умели писать и читать. В районе работали 16 начальных, 8 неполных средних и 1 средняя школы. Жителей обслуживали районный дом культуры, 10 изб-читален, 13 красных уголков, 3 библиотеки, звуковой кинотеатр и 6 кинопередвижек. Была создана система здравоохранения. В районе работали 2 больницы, 3 врачебных амбулатории, 9 фельдшерско-акушерских пунктов, 4 роддома, туберкулезный санаторий. Сформировались кадры

интеллекции. В социально-культурных учреждениях насчитывалось 126 учителей, 51 медработник, 14 специалистов сельского хозяйства. На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в 1940 г. участвовало от района 15 колхозов и 25 передовиков сельского хозяйства. Колхозы “Виль ордым”, “Ленин туйод” и “Победа” были отмечены дипломами выставки. Укажем, что Сторожевский район ничем существенно не отличался от остальных районов республики. Несмотря на все трудности, экономика и культура Коми АССР находились на подъеме.

Очерк XI. КОМИ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Занятые мирным трудом советские люди мало верили в возможность войны. Способствовала тому и официальная пропаганда, резко сбавившая в конце 30-х гг. критический тон в отношении фашистской Германии. Да и действительно, не хотелось верить, что после стольких испытаний и трудностей, когда жизнь уже наладилась и стала относительно спокойной, вновь придется браться за оружие. Однако, 22 июня 1941 г. радио неожиданно известило о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Еще многие помнят знаменитый голос Левитана, прочитавшего это известие. Через годы, десятилетия, этот голос будет напоминать о той роковой черте, которая резко очертила грань времени, принесшего столько горя, слез и испытаний нашему народу. Пройдут 1418 дней, прежде чем будет произнесено долгожданное слово “Победа”. А до этого предстояло пройти путь, полный невзгод и лишений, путь великого подвига.

Уверенные в победе встретили трудящиеся Коми АССР начало войны. В первые же дни агрессии в учреждениях и на предприятиях, в колхозах, почти во всех трудовых коллективах прошли митинги. Их лейтмотивом была одна мысль - отдать все силы на отпор врагу. Вот фрагмент одного из характерных обращений трактористок Визингской МТС, опубликованного в республиканской газете “За новый Север” 29 июня 1941 г.: “...На защиту Родины, для разгрома фашистской гадины идут в действующую армию наши братья, мужья, товарищи по работе, подлинны патриоты социалистической Родины. Можем ли мы, советские женщины, ограничиться ненавистью к злейшему врагу? Нет, не можем! Наши советские женщины - патриотки счастливой Родины - сделают все для того, чтобы обеспечить победу над коварным врагом с малыми жертвами и за короткий срок. Для этого надо, чтобы наши заводы, фабрики, колхозы, МТС работали бесперебойно и могли дать для фронта все необходимое...”. Эти люди многое перенесли в довоенные годы, им жилось нелегко, но это была их жизнь, и они готовы были ее защищать до последней капли крови. Вот только “малыми жертвами” сделать это не удалось.

О массовом патриотическом порыве трудящихся республики свидетельствовали тысячи заявлений с просьбой отправить их в действующую армию, поступивших в военкоматы в первые дни войны. А уже 27 июня 1941 г. из Сыктывкара на фронт был направлен маршевый батальон резервистов. Стремление добровольно выступить с оружием в руках на защиту Родины было характерным явлением для всех лет войны и превратилось в массовое патриотическое движение.

Оно подпитывало и народное ополчение, формировавшееся по всей республике. Ополченцы обучались военному делу, несли патрулирование в населенных пунктах, осваивали противоздушную и противохимическую оборону, знакомились с основами санитарных знаний. В кратчайший период была создана эффективная система подготовки резервистов, поставлявшая фронту уже вполне обученных солдат.

Созданная в стране в предвоенные годы политическая и экономическая система при всех ее недостатках имела одно несомненное преимущество - она обладала мощными мобилизационными возможностями. Централизованная система управления позволяла направлять ресурсы на решение первоочередных задач. Уже в 1941 г. областным комитетом ВКП(б), Президиумом Верховного Совета, Советом Народных Комиссаров Коми АССР были приняты необходимые постановления, определившие меры по перестройке работы органов власти, общественных организаций, трудовых коллективов в соответствии с требованиями военного времени. Для промышленных предприятий и колхозов были определены дополнительные задания по выпуску продукции, расширению ее номенклатуры. К примеру, в постановлении бюро Коми обкома ВКП(б) “О работе промышленных предприятий г.Сыктывкара” 17 ноября 1941 г. говорилось: “...1. Обязать Сыктывкарский ГК ВКП(б), первичные партийные организации, директоров предприятий, на основе доклада т.Сталина с ноября с.г. перестроить всю работу на военный лад, обеспечив безусловное выполнение и перевыполнение планов по каждому предприятию как по валовой продукции, так и по ассортименту. Выполнение специальных заданий: производство лыж, валенок, полушубков и выделку овчин взять под ежедневный контроль, организовать на этих предприятиях круглосуточную работу, приняв меры по выполнению задания в установленные сроки. Направить на горпромкомбинат на постоянную работу 10 коммунистов...” Таким образом расписывались задания для всех государственных и хозяйственных органов. Принимались решения о создании новых промышленных предприятий, причем не только работающих на нужды обороны страны, но и обеспечивающих потребности населения в товарах широкого потребления.

Это принесло результаты уже в первый год войны. Показатели работы промышленности республики в 1941 г. оказались значительно выше, чем в предшествующем. Так, древесины было заготовлено на 1,7 млн.куб. м больше, в том числе до 1 млн. куб. м древесины военного назначения. Местная промышленность выпустила продукции в два раза больше, чем в 1940 г. При этом было освоено значительное количество новых видов изделий. Уже в 1942 г. все деревообрабатывающие предприятия

изготавливали лыжи, на Усть-Цилемском замшевом заводе стала производиться специальная замша, в том числе для применения в авиации, промкомбинаты и другие предприятия начали выпускать большое количество различных товаров военно-технического назначения.

Люди работали с утроенной энергией, прилагая героические усилия для скорейшего расширения производства. Так было, например, на Ижемских сажевых заводах, когда в связи с оккупацией западных территорий прекратилась поставка горелок. Местные инженеры, возглавляемые П.Палкиным в короткий срок разработали новый вид керамических горелок из местных материалов. К концу войны были освоены мощности 5 сажевых заводов. Здесь же, занимаясь поисками сырья для производства горелок, репрессированный геолог В.А.Калюжный обнаруживает повышенное содержание титана в горных породах. При строительстве железнодорожных мостов вместо металлических широко стали применяться деревянные конструкции. Для Северо-Печорской железнодорожной магистрали были демонтированы и переброшены конструкции строившегося в Москве Дворца Советов, а также один из металлических мостов через канал Москва-Волга. В годы войны пропускная способность железной дороги была значительно увеличена, это позволило полностью обеспечить вывоз воркутинских углей, лесной и другой продукции в места их потребления. Значение этой магистрали было настолько велико, что в 1943 г. немцы сбросили специальную диверсионную группу с целью взорвать железнодорожный мост через р.Печору. Однако она не успела выполнить задание и оказалась обезвреженной.

Республика поставляла фронту, стране крайне необходимую продукцию, среди которой стратегическое значение имели нефть, уголь, лес. Добыча нефти "Ухтакомбинатом" в годы войны возросла почти в два раза и составила в 1945 г. 172,5 тыс. т. На полную мощность заработала первая в стране нефтешахта № 1. Добываемая здесь нефть поступала и перерабатывалась на Ухтинском нефтеперерабатывающем заводе, который вдвое увеличил ассортимент выпускаемой продукции. Была открыта целая группа газовых месторождений и создан мощный газодобывающий комплекс. Излишне говорить, насколько важны были для промышленности страны продукты, выпускаемые на основе нефти и газа. Например, получаемая здесь термическая сажа в значительной степени обеспечивала потребности в ценнейшем сырье для изготовления термических и морозоустойчивых резиновых изделий.

Исключительно высокими темпами развивался Печорский угольный бассейн, обеспечивавший углем Северный морской флот и многие промышленные предприятия Ленинграда, Кирова, Горького, Москвы. В годы войны было заложено 29 новых шахт в Воркуте и Инте, 12 из которых вступили в строй. На их строительство были направлены крупные материальные и финансовые ресурсы. В 1945 г. добыча угля комбинатом Воркутауголь составила 2,2 млн. т., набирали мощности шахты Инты.

Вывоз угля обеспечивался не только за счет увеличения пропускной способности Северо-Печорской железнодорожной магистрали, но и благодаря новаторской работе железнодорожников. Вот что писала газета "Гудок" о работе Героя Социалистического Труда, машиниста паравоза Елены Чухнюк в 1943 г.: "...Коллективу Северо-Печорской дороги памятен один из первых рейсов машиниста Чухнюк. В ту пору еще никто не преодолевал пути от Ижмы до Княжпогоста быстрее, чем за 2-3 дня. Чухнюк обязалась доставить тяжеловесный поезд без дополнительного набора топлива в пути следования, просила только обеспечить ей "зеленую улицу". Диспетчеры приняли ее вызов на соревнование. Рейс был совершен за 11 часов! Он сыграл большую роль в борьбе за скоростное продвижение поездов на Северо-Печорской дороге..."

И так было во всех отраслях народного хозяйства. Огромные усилия прилагались партийными и советскими органами для обеспечения заготовки необходимых объемов древесины. Условия работы в лесу были очень тяжелыми. Не хватало самого необходимого, отсутствовало благоустроенное жилье. Многие лесорубы проживали в землянках, где порой за ночь нельзя было высушить промокшую одежду. А утром, зачастую в тридцатиградусные морозы, приходилось идти на работу. Необходимо было обеспечить бесперебойное снабжение крепезным лесом угольную промышленность, заготавливать возросшее количество дров, выпускать необходимые пиломатериалы. Тем не менее сохранить довоенные показатели лесная промышленность не смогла. Если в 1940 г. вывозка древесины по Коми АССР составляла 6,8 млн. куб. м, то в 1944 г. - всего лишь 4,2 млн. Сказалось резкое сокращение рабочей силы и ослабление технической базы лесной промышленности. Техника и инвентарь выходили из строя, но не было ни запасных частей, ни новых механизмов. Большинство видов работ в лесу выполнялось вручную. Но и в этих условиях Коми республика бесперебойно снабжала лесопродукцией 40 крупных предприятий страны, обеспечивала работу оружейных и других заводов, ряда железных дорог.

Наряду с указанными отраслями бурное развитие получила местная промышленность. Число мастерских и цехов в райпрокомбинатах в 1945 г. по сравнению с 1940 г. возросло в 19 раз. Было освоено большое количество новых видов продукции, обеспечивавших нужды армии и населения. Из районов на фронт отправлялись тысячи пар обуви, полушубков, меховых жилетов, шапок, рукавиц. Вошли в строй и крупные предприятия местной промышленности. В Сыктывкаре был построен

кожевенно-обувной комбинат, производивший до 100 тысяч пар обуви и другие кожаные изделия. Всего же в Коми АССР выпускалось более 400 наименований изделий в основном из местного сырья.

Следует иметь в виду, что развитие промышленности, как и сельского хозяйства, происходило в крайне трудных условиях. Только в первые три месяца войны в армию ушло более трети рабочих и служащих. Причем это была наиболее трудоспособная и квалифицированная часть населения. Многие предприятия испытывали острейший недостаток рабочей силы. В 1943 г. на Усть-Цилемском замшевом заводе вместо потребных 68 человек работали всего 49 рабочих. Ушедшие на фронт в спешном порядке стали заменяться женщинами, детьми, нетрудоспособными. В 1942 г. была введена трудовая мобилизация граждан, осуществлявшаяся преимущественно за счет сельского населения. В Сыктывкаре численность женщин на промышленных предприятиях и транспорте за 1941-1943 гг. увеличилась с 1,5 до 4,4 тыс. чел. и составила 60% всех рабочих. Осуществлялся специальный учет трудоспособного населения, проводилось перераспределение рабочей силы по отраслям народного хозяйства. Несмотря на мобилизацию в армию, численность рабочих и служащих увеличивалась. В 1940 г. в производстве было занято 62 тыс. чел., в 1945 г. - 103 тыс. Способствовало тому и постоянное пополнение заключенных системы ГУЛАГа. На начало октября 1945 г. только в спецпоселениях НКВД Коми АССР находилось более 23 тыс. человек.

Обеспечение квалифицированной рабочей силой осуществлялось через систему трудовых резервов республики, в которой за 1941-1945 гг. прошли обучение 11 тыс. молодых рабочих.

Однако главной причиной успешного выполнения военных заданий все же был героический труд рабочего класса и колхозного крестьянства. 10-11-часовой рабочий день стал нормой. В необходимых случаях люди сутками не уходили с работы. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. вводились обязательные сверхурочные работы, отменялись отпуска. Однако никого не приходилось заставлять стоять за станком или работать в поле сверх положенной нормы. Наоборот, большинство стремилось брать на себя дополнительные обязательства, естественным стало двух-трехкратное выполнение заданий. На многих предприятиях большая часть рабочих становилась стахановцами. И это при том, что нормы питания были урезаны до минимума, голодные обмороки и даже смерть от истощения становились обыденным явлением.

В селах и деревнях трудились не с меньшим напряжением, чем на промышленных предприятиях. В колхозах особенно сильной оказалась убыль трудоспособного населения. Если в 1940 г. численность колхозников составляла 100,4 тыс. чел., то в 1944 г. - 82,4 тыс. Нагрузка на оставшихся увеличилась вдвойне. Приходилось работать в колхозном производстве, на лесозаготовках, заготовках дров, перевозке грузов, выполнять массу других обязанностей. На отдых оставалось 4-5 часов в сутки. Подорвана была материально-техническая база колхозов, транспортный парк удавалось содержать в основном за счет сбора и реставрации запасных частей. За штурвал трактора садились женщины. Они составили до 80% всех подготовленных в годы войны механизаторов. К весенним полевым и уборочным работам привлекались учащиеся, служащие, все, кто хоть как-то мог помочь в поле. На учете был каждый колосок урожая. Путем неимоверных усилий удавалось сохранять необходимый уровень производства. Среднегодовые поставки сельскохозяйственной продукции государству в 1941-1945 гг. превышали уровень 1940 г. Колхозы Коми АССР поставляли государству 12 видов продуктов растениеводства и животноводства. Всего за период войны они сдали 47,3 тыс. т. зерна, 89 тыс. т. картофеля, 15,5 тыс. т. овощей, 14 тыс. т. мяса, 25,6 тыс. т. молока, большое количество шерсти, кожи, пушнины. Несмотря на все усилия уменьшилась урожайность колхозных полей, сократилось поголовье скота. Только некоторый рост посевных площадей и безвозмездная передача государству продукции колхозных полей позволили не снизить поставки зерна в закрома страны.

Лишенные почти всего, во всем испытывающие недостаток трудящиеся республики стремились изыскать казалось бы уже невозможные ресурсы, лишь бы помочь фронту. Война породила много замечательных подвигов. Это и массовое социалистическое соревнование, и совмещение профессий, и взятие на себя повышенных обязательств, и многое другое. Но, пожалуй, наиболее ярко патриотизм, жертвенность поколения военных лет проявились в безвозмездном оказании помощи фронту. Рабочие, служащие и колхозники отчисляли в фонд обороны часть своего заработка, вносили свои трудовые сбережения, сдавали продукты питания. Так, колхозница Крестовского колхоза Усть-Цилемского района Т.С. Остапова - мать двух бойцов Красной Армии - в октябре 1941 г. сдала в фонд обороны 15 литров молока, 50 рублей облигациями госзаймов, овчину и 7 пар меховых рукавиц. 5 октября 1941 г. газета "За новый Север" писала, что уже к 30 сентября для бойцов Красной Армии по республике было собрано свыше 2 тыс. пар валенок, более 3 тыс. шапок-ушанок, 4 тыс. пар шерстяных перчаток и варежек, более 4 тыс. пар теплого нательного белья, двух тонн шерсти, много полушубков и т.д.

Десятки миллионов рублей в годы войны было внесено на постройку танковых колонн "Коми колхозник" и имени Коми АССР, авиазвеньев "Печорский комсомолец" и "Коми пионер", отдельных танков и самолетов. 11 января 1943 г. была получена телеграмма председателя Государственного

Комитета Обороны И.В.Сталина следующего содержания: “Передайте трудящимся Коми Автономной Советской Социалистической Республики, собравших 15 млн. руб. на строительство танковой колонны “Колхозник Коми АССР” и эскадрильи боевых самолетов “Коми комсомолец”, мой братский привет и благодарность Красной Армии”. Подобные телеграммы и письма поступали и от руководителей областей, в которые отправлялись продукция из Коми АССР. Масштабы всенародной помощи фронту были воистину впечатляющими: за годы войны трудящиеся республики внесли в фонд обороны и на строительство боевой техники 59,1 млн.руб., сдали 4800 голов скота, 202 т. зерна, 236 тыс. литров молока, 126,4 тыс. т. овощей. Это был весомый вклад в общее дело победы над врагом.

Жертвовать всем, даже самым необходимым, вдохновляли жителей республики ратные подвиги земляков на фронтах Великой Отечественной войны. За 1941-1945 гг. военкоматы призвали в Красную Армию свыше 170 тыс. человек, прошедших с боями от Москвы до Берлина. Скорбный список погибших составляет около 58 тыс. человек, из которых многие пропали без вести. Эти данные уточнены сегодня, при подготовке к пятидесятилетию Победы над фашистской Германией. Коллективом авторов проделана огромная работа по выявлению погибших на фронтах Великой Отечественной войны, имена которых опубликованы в трехтомной “Книге памяти Республики Коми”.

Ратные дела уроженцев Коми АССР и призванных с территории республики подробно изучены А.Н.Александровым. Сам ветеран войны, он тщательнейшим образом собрал многочисленные факты о боевом пути солдат - наших земляков. Поэтому в кратком обзоре нет необходимости пересказывать его работы. Итоги исследований А.Н.Александрова изложены в ряде изданных им книг. Он же является автором основных трудов, освещающих развитие народного хозяйства Республики Коми в 1941-1945 гг. Читатель, еще не знакомый с его работами, может легко найти их в каталоге любой библиотеки. Существует и другая разнообразная литература о фронтовых буднях в эти суровые годы. Изданы многочисленные воспоминания ветеранов войны в специальных книгах, периодической печати.

Говоря о боевых подвигах солдат из Коми республики, отметим главное. Они воевали на всех фронтах Великой Отечественной войны. 28-я Невельская стрелковая дивизия была сформирована преимущественно из коми воинов. Как отмечается в “Истории Коми АССР”, “она участвовала в освобождении от фашистских захватчиков городов Великие Луки, Новосокольники, Невель, Себенс и прибалтийских советских республик. За боевые подвиги, проявленные при освобождении Великих Лук, 50 коми солдат и офицеров этой дивизии награждены орденами и медалями Советского Союза. Двух боевых орденов был удостоен комсомольский вожак Невельской дивизии, бывший секретарь Коми обкома ВЛКСМ, гвардии майор А.Ф.Ракин”.

О воинах Невельской дивизии 12 февраля 1943 г. писала газета “Вперед”: “...Красноармеец Осташев пользуется среди бойцов-коми большим уважением как хороший агитатор и бесстрашный боец. В бою за одну высоту тов. Осташев уничтожил 25 немцев, захватил вражескую радиостанцию и два пулемета. Он награжден орденом Красной Звезды. Агитатор и снайпер старший сержант Есев уничтожил 81 немца и награжден орденом Красного Знамени Монгольской Народной Республики. В бою за высоту Сорьково коми боец Лыткин, несмотря на ранение, продолжал расстреливать из пулеметов немцев, перешедших в контратаку. В этом бою отважный агитатор Лыткин уложил добрую полсотню фашистских солдат и офицеров. Агитатор Микушев истребил пулеметным огнем 100 гитлеровцев. Когда кончились пулеметные ленты, он схватил винтовку и пошел в атаку вместе со стрелками. В штыковой атаке Микушев заколол одного и взял в плен двух немцев...”. Можно отметить, что это характерное описание повседневных фронтовых будней. В битвах под Ленинградом, Сталинградом, в освобождении оккупированной врагом советской территории, стран Европы, в штурме Берлина воины из нашей республики покрыли себя неувядаемой славой.

Многие из уроженцев Коми республики стали в годы войны видными военачальниками. Генерал-лейтенант Д.Г.Дубровский (Сивков) являлся членом военного совета фронта, гвардии полковник Н.В.Митюшев командовал гвардейским минометным полком “Катюш”, С.И.Турьев - дивизией, М.Осипов, А.Жилин - танковыми бригадами, ряд офицеров являлись командирами полков.

За боевые подвиги на фронтах Великой Отечественной войны 25 солдат и офицеров из Коми АССР были удостоены звания Героя Советского Союза. Перечислим их имена с датами указов о присвоении звания: М.А.Бабилов (14.09.1945), Н.С.Бойков (16.10.1943), М.П.Бочарисов (24.03.1945), И.М.Воротынцев (29.10.1943), Н.Н.Габов (13.09.1944), И.С.Гаврилов (29.10.1943), И.П.Горчаков (21.02.1944), Н.Ф.Гушин (23.03.1944), Н.П.Давидович (29.10.1943), А.Д.Данилов (15.01.1945), В.И.Дончук (02.11.1944), В.П.Кисляков (13.08.1941), В.И.Лобанов (15.01.1944), Н.Д.Маринченко (27.08.1943), М.Д.Никишин (23.02.1945), Н.В.Оплеснин (27.12.1941), С.А.Сердитов (10.01.1944), Г.Е.Собянин (29.06.1945), П.С.Сафронов (15.01.1944), Г.Ф.Тимушев (24.03.1945), А.Г.Хатанзейский (24.03.1945), С.М.Черепанов (05.10.1944), А.И.Черкасов (10.01.1944), А.Е.Чупров (13.09.1944), А.А.Шевелев (05.11.1944). Кроме того, в войне с белофиннами 11 апреля 1940 г. звание Героя

Советского Союза было присвоено И.П.Маркову. 10 человек, призванных из Коми АССР, стали кавалерами Ордена Славы трех степеней.

Самопожертвование, героическое исполнение своего воинского долга всегда будут служить примером для новых и новых поколений. Вот что писалось в наградном листе на разведчика 1323-го стрелкового полка 415-й стрелковой дивизии В.И.Лобанова: "...27 сентября 1943 г. небольшая группа бойцов во главе с командиром батальона т. Лебедевым переправилась через Днепр... Командиром полка была поставлена задача во что бы то ни стало доставить донесение командиру батальона. На выполнение этой задачи добровольно вызвался т. Лобанов, который под ружейно-пулеметным огнем противника вплавь, нагишом, переплыл на другой берег реки Днепр, доставил в срок донесение, одновременно принял участие в отражении 3 контратак противника и с наступлением темноты возвратился обратно, выполнив поставленную боевую задачу командира полка..."

Победа ковалась на фронте и в тылу. Каждый участник тех уже далеких трагических и героических дней выполнил свой патриотический долг до конца. Эти люди вынесли то, что, казалось, вынести невозможно, и выиграли жестокую битву с фашизмом.

Очерк XII. КОМИ АССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-х - В 80-е ГОДЫ

Война нанесла трудно поправимый урон народному хозяйству республики, последствия которого продолжают сказываться и до сих пор. За видимым существенным ростом производства скрывались крайне тревожные явления. Большинство предприятий возводилось наспех, без соблюдения технических требований и нуждалось в коренной реконструкции. В сельском хозяйстве была подорвана материально-техническая база, многие машины и механизмы пришли в негодность. На войне погибла наиболее трудоспособная часть населения, что не могло не сказаться на темпах и уровне развития производства. В годы войны люди работали на пределе своих возможностей и неизбежно должен был наступить спад моральных и физических сил. Одним словом, речь действительно шла о восстановлении народного хозяйства.

Эта задача была выполнена в кратчайший период. В послевоенном развитии республики выделяются свои этапы и все же вторую половину 40-х - 80-е гг. можно характеризовать как единый период в жизни общества. Остались позади бурные процессы 20-30-х гг., военное напряжение. В этот период не происходило явно видимых политических потрясений, может быть за исключением хрущевского времени, а возросшие возможности государства позволили стабилизировать экономическое положение и обеспечить достаточно устойчивые темпы развития промышленности, сельского хозяйства и культуры. В ходе выполнения пятилетних планов создавалась новая структура народного хозяйства, которой были присущи все плюсы и минусы советской экономики. Однако несмотря ни на что, происходил настоящий прогресс в развитии производительных сил республики и улучшении материального положения трудящихся. Во многом это достигалось благодаря устойчивому политическому положению в обществе. Пройдя период исключительно сильных потрясений советская государственная система обрела черты стабильно работающего механизма. В последние годы она подвергнута основательному критическому анализу. Основной упрек в адрес советской власти состоит в ущемлении демократических принципов построения общества, отсутствии гласности, всевластии коммунистической партии. Нельзя не признать справедливость этих заключений. В то же время они не дают ответа на коренной вопрос о том, почему советское государство, провозглашавшее краеугольным камнем своей политики осуществление народолюбия, не сумело реализовать его на практике. Нужен глубокий и беспристрастный анализ исторических особенностей развития нашей страны, пересмотр политизированных концепций путей исторического прогресса. Нельзя отрицать того факта, что в своем развитии любое государство проходит определенные этапы, попытки форсированного прорыва через которые создают трудно преодолимые противоречия в обществе. Подобная ситуация возникла в нашей стране в послевоенный период и привела в конечном итоге к дестабилизации самого государства.

Подтверждают это и материалы Коми республики. Структура власти, сложившаяся еще в 30-е гг., существенных изменений в рассматриваемый период не претерпела. Во главе ее стояла Коми областная организация КПСС, обладавшая исключительными властными полномочиями. Ее численность постоянно возрастала. На 1 января 1946 г. в рядах партии состояло 6,5 тыс. членов и кандидатов в члены КПСС, на 1 января 1976 г. - соответственно 50,8 тыс. Во второй половине 80-х гг. численность коммунистов в республике превысила 70 тыс. человек. Первичные партийные организации работали на всех промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, во всех государственных учреждениях и учреждениях культуры. Осуществлялось специальное регулирование рядов партии, призванное постоянно повышать удельный вес рабочих в составе коммунистов. Их доля 1987 г. составляла 56%.

На районных и областных партийных конференциях определялись основные направления развития народного хозяйства республики, политика в области культуры, идеологического воспитания масс. Ни один значительный народнохозяйственный проект не мог быть реализован без одобрения партийных органов. При этом чрезвычайно возрастала роль обкома и райкомов КПСС, которые организовывали реализацию принятых планов. Многогое зависело от позиции секретарей, и особенно первого секретаря партийных комитетов. Как правило, ими избирались компетентные и энергичные коммунисты. Так, более 20 лет возглавлял Коми областную организацию КПСС Иван Павлович Морозов, много сделавший для наращивания экономического и культурного потенциала республики.

Партийная система являлась чрезвычайно дисциплинированной и высокоорганизованной структурой. Решения вышестоящих органов подлежали обязательному исполнению. Любое постановление ставилось на контроль и регулярно заслушивались отчеты хозяйственных руководителей и партийных комитетов о его выполнении. При неудовлетворительном положении дел в отрасли или на предприятии их руководители могли быть сняты со своей должности. Одной из важных задач партийных организаций считалась мобилизация трудящихся на выполнение народнохозяйственных планов. На заседаниях бюро обкома и гор-райкомов партии постоянно обсуждался ход их выполнения и принимались решения. В областном комитете партии были созданы специальные отраслевые отделы.

В целях идеологического воспитания коммунистов и беспартийных работала разветвленная система политического просвещения, действовал университет марксизма-ленинизма, применялись другие формы пропагандистской работы. В 1980 г. в республике было 288 центров партийной учебы. Все это позволяло парткомам пронизывать влиянием все слои общества. В условиях строго централизованного руководства деятельность областной партийной организации являлась достаточно эффективной.

Однако при этом существенно ущемлялись права органов государственной власти - Советов народных депутатов. Формально они действовали на основе демократических принципов. Регулярно проводились выборы в Советы, их депутаты должны были отчитываться о своей работе перед избирателями. К работе различных комиссий привлекался широкий общественный актив. Избирательные кампании проходили при высоком эмоциональном накале, превращаясь в своеобразные праздники. Удавалось добиться массового участия избирателей в выборах. Так, на выборах в местные Советы 21 декабря 1947 г. участвовало 99,98% избирателей, за кандидатов в депутаты проголосовало 99,28%. Такое единодушие достигалось благодаря тому, что вплоть до второй половины 80-х гг. на каждое депутатское место при строгом партийном отборе претендовал один кандидат.

Предпринимались различные попытки повышения статуса Советов народных депутатов. В декабре 1968 г. Верховный Совет Коми АССР принял закон о сельском и поселковом совете депутатов трудящихся. В декабре 1971 г. были приняты законы о районном Совете депутатов трудящихся Коми АССР "О городском, районном Совете депутатов трудящихся Коми АССР". Они являлись развитием подобных законов, принятых Верховным Советом СССР и РСФСР. Целью этих актов являлось укрепление местных советов как органов власти, предоставление им более широких полномочий для решения проблем города, села, поселка. Это принесло определенные результаты. Местные органы власти значительно активизировали свою работу по решению хозяйственных, культурных и социально-бытовых проблем, однако, в строго очерченных пределах. Приведем фрагмент из работы А.Д.Напалкова, исследовавшего вопросы взаимодействия партийных органов и Советов. Он пишет: "Анализ повесток для заседаний бюро, пленумов, проводимых в 1970-1980 гг., дает объективное представление о постоянном и устойчивом стремлении партийных комитетов рассматривать на них проблемы, которыми должны заниматься прежде всего исполкомы Советов. Например, бюро Воркутинского горкома в феврале 1974 г. заслушало отчеты ряда руководителей о состоянии водоснабжения города и рабочих поселков. Несомненно, проблема жизненно важная, однако столь же очевиден "советский" характер вопроса. В постановлении есть пункт, обязывающий исполком горсовета подработать и в "месячный" срок представить меры по улучшению водоснабжения. Обязать же исполком - это прерогатива Совета или вышестоящего советского органа". И так было повсеместно, на протяжении всего рассматриваемого периода.

Тем не менее было бы несправедливо отрицать и позитивную сторону подобного взаимодействия партийных и советских органов. Они выполняли единую задачу управления политическими и социально-экономическими процессами и добивались на этом пути немалых результатов. Мощный рост экономики республики в 40-е - 80-е гг. подтверждает такой вывод. Партийные органы не ограничивались только контролем и принятием обязывающих решений, но и сами активно участвовали в их реализации. В начале 80-х гг. около 80% исполкомов сельских и поселковых Советов республики возглавляли коммунисты.

23 мая 1978 г. внеочередная сессия Верховного Совета Коми АССР девятого созыва приняла новую Конституцию Коми Автономной Советской Социалистической Республики. Каких-либо принципиальных изменений в структуру власти она не внесла. Подчеркивалось, что народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющих политическую основу Коми АССР. Однако, вслед за общесоюзной Конституцией здесь же говорилось, что КПСС "определяет генеральную перспективу развития общества". Советы же должны были обеспечивать комплексное экономическое и социальное развитие территории "в пределах своих полномочий".

К этому следует добавить, что в общественно-политической системе республики свое место занимали комсомольская и профсоюзная организации. Они не обладали властными полномочиями, но выполняли важные функции в осуществлении политики партии. Комсомолу придавалось большое значение в коммунистическом воспитании молодежи, ее мобилизации на выполнение народнохозяйственных планов. Возведение многих крупных предприятий, таких, как Сыктывкарский лесопромышленный комплекс, освоение нефтегазовых месторождений объявлялись комсомольско-молодежными стройками, благодаря чему обеспечивался приток рабочей силы на эти важные объекты народнохозяйственного значения. Так, например, в постановлении бюро Коми Обкома ВЛКСМ от 22 июня 1968 г. говорилось, что на строительство одного из важнейших объектов пятилетки - газопровода Север - Центр - комсомольцы и молодежь составляют более 70% всех работающих. Помимо производственной деятельности комитет ВЛКСМ занимался комсомольскими воскресниками, организовывал смотры художественной самодеятельности, спартакиады, конкурсы на лучшее общежитие

и лучший поселок Вуктыла. Комсомол проводил очень большую работу по организации досуга молодежи, летнего отдыха детей.

Одним из особенностей развития политической системы республики в послевоенный период стало забвение проблем национально-государственного строительства. Формально суверенные права автономных образований декларировались и закреплялись в Конституциях, однако на деле они не имели никакого значения при определении стратегических направлений в решении хозяйственных и культурных задач. Более того, суверенитет стал попирается и отдельными ведомствами, осуществляющими свою деятельность на территории республики. Такие министерства как угольной, нефтяной и лесной промышленности стали основными хозяевами природных ресурсов Коми АССР. Одним из ярких примеров осуществлявшейся национальной политики стало свертывание коми школы. С середины 70-х гг. обучение на коми языке полностью прекратилось. Сам язык превратился в один из предметов преподавания. Укажем, что в конце 60-х гг. почти половина школ работала на коми языке. Таким образом, за неполных 15 лет была свернута огромная сфера национальной культуры, на создание которой было затрачено столько усилий и средств. Тревожные симптомы возникли и в других отраслях национальной жизни. Только в 60-е гг. число газет, издающихся на коми языке, сократилось в 3 раза. У народа формировалась психология безразличия к судьбам своего национально-государственного образования, складывалось представление о национальной государственности как о совершенно формальном институте. Впоследствии, когда начнется новое реформирование общества, это станет одной из причин мощной критики партийно-государственной политики.

Отбросив в сторону решение некоторых проблем, партийные и советские органы сосредоточили мощные усилия на выполнении хозяйственных планов. Основные направления развития народного хозяйства остались теми же, что и в предшествующий период, зато резко возросли масштабы их реализации. Это достигалось прежде всего за счет увеличения капитальных вложений. Первый послевоенный, а по счету четвертый пятилетний план развития народного хозяйства Коми АССР предполагал не только восстановление всех довоенных показателей, но и значительный прирост промышленной продукции. Заготовка леса должна была возрасти в 1,5 раза, добыча нефти - в 2,3 раза, угля в 2,5 раза. Намечалось строительство целой серии новых предприятий. Эти планы были выполнены уже в 1956 г. Валовой выпуск промышленной продукции превысил уровень 1940 г. в 3,6 раза. Тем самым была создана необходимая база для наращивания производственных мощностей. Масштабы промышленного строительства действительно являлись впечатляющими. За 1946-1950 гг. в Печорском угольном бассейне было введено в строй 22 шахты мощностью 10,2 млн.т. угля в год. Одновременно осуществлялась механизация основных производственных процессов, осваивалась новая техника. В республике создавалась крупная строительная индустрия. В этот же период вступили в строй действующих кирпичные заводы в Ухте, поселках Косью, Крутая, цементный завод в Воркуте, завод шлакоблоков в Инте. В лесной промышленности наряду с созданием новых леспромхозов были освоены электропилы, трелевочные механизмы, мощные тракторы. В последующем набранные темпы развития промышленности были сохранены, что позволило многократно увеличить производство продукции. За 1946-1958 гг. добыча угля возросла в 5 раз и достигла 16,8 млн.т., газа - более чем в 2 раза и была доведена до 1139 млн. куб.м. По вывозке древесины удалось достичь почти трехкратного увеличения, по производству электроэнергии - шестикратного.

Следует подчеркнуть, что уже в этот период становилось ясным, что экономика республики развивается непропорционально. Государство отпускало большие средства на освоение богатейших природных ресурсов, разведанных на ее территории. По сравнению с другими регионами они были более доступны, поскольку располагались близко от основных промышленных центров страны и имели относительно неплохой транспортный доступ. В связи с этим дешевле было развивать добывающие отрасли промышленности, вывозя сырье для переработки на предприятиях европейской части СССР. Таким образом формировалась по преимуществу ресурсодобывающая структура народного хозяйства Коми республики, что впоследствии породило многочисленные проблемы. Важнейшей среди них стала неблагоприятная экологическая ситуация, чрезмерная нагрузка на окружающую природную среду. Были, к примеру, вырублены огромные лесные массивы, а из-за отсутствия перерабатывающих предприятий значительные объемы древесины не использовались. Разработка наиболее доступных запасов привела к истощению лесного фонда. Несоблюдение технологических требований при разработке нефтяных и газовых месторождений вызвали загрязнение больших земельных площадей, что при замедленных регенерационных процессах в специфических условиях Севера нанесло труднопоправимый ущерб природе. Значительно возросла промышленная нагрузка на окружающую среду.

Широким фронтом развернулись работы по созданию на Европейском Севере страны новой топливно-энергетической базы. В 1960 г. было образовано Ухтинское территориальное геологическое управление, разведавшее крупные запасы природного сырья на Вуктыльском газоконденсатном месторождении. В 1967 г. Совет Министров СССР принял постановление о строительстве

магистрального газопровода с этого месторождения в район центра и Северо-Запада. Уже в следующем году Вуктыльский газопромисел вступил в эксплуатацию. Темпы строительных работ были исключительно высокими. Уже в сентябре 1969 г. первый секретарь Коми Обкома КПСС И.П.Морозов докладывал, что "практически за полтора года был построен магистральный газопровод Ухта-Рыбинск, протяженностью 1060 км из труб диаметром 1120 мм. Таких темпов строительства магистральных газопроводов в условиях суровой северной зимы и бездорожья мировая практика еще не знала". По существу была создана новая мощная отрасль промышленности - газодобывающая. В 1965 г. добыча газа в республике составляла 829 млн.куб.м., а в 1985 г. - 17206 млн. куб.м., и это при том, что к середине 80-х гг. из-за истощения месторождений наметилось сокращение объемов добычи "голубого" топлива. Наибольшие показатели были достигнуты в 1981 г., когда газодобытчики извлекли из недр 19673 млн. куб.м. газа.

Сходная ситуация была и в нефтяной промышленности. В 60-80-е гг. на территории Коми АССР были введены в строй Тэбукское, Пашнинское, Усинское и другие нефтяные месторождения. В итоге добыча нефти за 1960-1985 гг. возросла в 2,4 раза, составив 19,4 млн.т. Одновременно создавалась система трубопроводов, протяженность которых превысила 11 тыс. км. В немалой степени развитие этих отраслей обеспечило высокие темпы роста товарной продукции промышленности республики, которая в 1985 г. по сравнению с 1960 г. увеличилась почти в 4 раза.

Наращивали свои мощности и другие отрасли народного хозяйства. Ведущей тенденцией в развитии одной из базовых среди них - угольной - явилась техническая реконструкция шахт. Наряду с вводом в строй новых угледобывающих предприятий проводилась замена устаревшего оборудования. В 70-е годы в объединении "Воркутауголь" было почти полностью завершено внедрение механизированных комплексов, значительная часть очистных работ также стала осуществляться механизированным способом. Уровень проходки комбайнами уже в 1980 г. превысил 70%. Была построена одна из самых передовых в технологическом отношении и крупнейших в стране шахт - "Воргашорская" - с проектной мощностью 4,5 млн.т. угля в год. Общую добычу угля воркутинские и интинские горняки к середине 80-х гг. довели до 29,8 млн.т. в год.

Новый облик в 60-80-е гг. обрел лесной комплекс Коми АССР. По-прежнему важнейшим видом в этой отрасли промышленности оставались лесозаготовки. Они также были переведены на механизированную основу. В 70-е гг. в Удорском районе развернулись совместные советско-болгарские заготовки леса. Численность болгарских рабочих достигла почти 20 тыс. человек. Однако, главным было то, что в структуре продукции лесного комплекса существенно увеличилась доля перерабатывающих отраслей. Производство пиломатериалов увеличилось почти в два раза, фанеры - в 3 раза, мебели (в стоимостном выражении) - несколько десятков раз. За этот период было создано производство древесноволокнистых и древесностружечных плит, бумаги. Выпуск бумаги в 1990 г. достиг 510,3 тыс.т. Это стало возможным благодаря пуску крупнейшего в стране Сыктывкарского лесопромышленного комплекса, Княжпогостского завода древесноволокнистых плит, Жешартского завода древесноволокнистых плит, Сыктывкарской мебельной фабрики.

Промышленное освоение территории вызвало расширение транспортной сети Коми АССР. В 1961 г. железная дорога связала Сыктывкар с Северо-Печорской магистралью. Железнодорожные линии были проведены до Кослана, Троицко-Печорска, Усинска. В ряде городов и райцентров вступили в строй аэропорты и практически все крупные населенные пункты стали обслуживаться предприятиями гражданской авиации. Авиалинии соединили республику со всеми регионами страны. Впервые появилась широкая сеть дорог с твердым покрытием, протяженность которых за 30 лет увеличилась на 3 тыс. км. Сформировалась единая транспортная система республики.

То же самое можно сказать о развитии энергосистемы. Со строительством Печорской ГРЭС мощностью почти 1,9 млн. квт., ТЭЦ Сыктывкарского ЛПК производство электроэнергии стало покрывать потребности республики.

Помимо этого развились и уже существующие, появились совершенно новые предприятия. В Сыктывкаре была построена крупная фабрика нетканых материалов. В число действующих вошли многочисленные предприятия бытового обслуживания.

Таким образом, в 60-80-е гг. коренным образом изменился промышленный облик Коми АССР. В этот период в основном был создан ее новый экономический потенциал. Обеспечивалось это за счет крупных, по преимуществу государственных инвестиций. Основных фондов предприятий было введено более чем на 28 млрд. руб. В то же время далеко не все оказалось благополучным в развитии народного хозяйства. Как отмечает А.Н.Турубанов, "... наблюдалось падение фондоотдачи, снижение темпов роста производительности труда, промышленного производства и выполняемых работ. Практически ни в одну из пятилеток за 1961-1990 гг. не выполнялся план ввода в эксплуатацию производственных мощностей и объектов, а зачастую и планов освоения капитальных вложений...". И далее: "Указывая на широкие масштабы работ в освоении капитальных вложений на строительство объектов производственного

назначения, одновременно надо отметить, что темпы развития непроизводственной (социальной) сферы Коми АССР отставали от темпов инвестиций в промышленности и транспорте республики... Остаточный принцип выделения финансовых и материальных средств на непроизводственное строительство сдерживало комплексное развитие республики, увеличивало неоправданные различия в условиях жизни населения Коми АССР по сравнению с центральными районами страны, создало дополнительные трудности в деятельности отдельных отраслей и предприятий из-за неуккомплектованности их рабочей силой и большой текучестью кадров”.

Эти замечания вполне справедливы. Хотя в указанный период осуществлялись крупные программы в области повышения жизненного уровня населения, проблем в этой сфере оставалось очень много. В 1990 г. более трети семей нуждались в улучшении жилищных условий. Многие семьи годами не могли получить квартиру. Крайне низким оставался уровень благоустройства жилья в сельской местности. Многочисленные ведомства, осуществлявшие промышленное строительство на территории республики, в первую очередь заботились о выполнении производственных заданий.

Усугубляло ситуацию и то, что длительное время формирование рабочих кадров в промышленности в значительной мере происходило за счет приезжего населения. За 1961-1990 гг. численность рабочих и служащих республики возросла в 1,6 раза и достигла 615 тыс. человек. В ходе промышленного освоения территории появились новые города Вуктыл, Усинск. В крупные города превратились Воркута, Инта, Ухта, Печора. Произошли существенные изменения в территориальном размещении населения, его концентрация в северных районах республики. Освоение нефтегазовых месторождений, к примеру, почти полностью осуществлялось за счет трудовых ресурсов, привлеченных из других регионов страны. Обеспечить для них нормальные социально-бытовые условия в столь короткий срок физически было невозможно. По переписи населения 1989 г. в районах Крайнего Севера и к ним приравненных было сосредоточено 2/3 жителей республики.

Эти же процессы вызвали крупные изменения в численности и составе населения. По переписи 1959 г. в республике проживало 815 тыс. чел., 1970 г. - 964,8 тыс., 1979 г. - 1118,4 тыс. и 1989 г. - 1261,0 тыс. Коренным образом изменились пропорции между городским и сельским населением. Если в 1959 г. удельный вес сельских жителей составлял 41%, то в 1989 г. всего лишь 24%. К концу 80-х гг. Коми республика являлась одной из самых урбанизированных среди других областей России. Хотя следует отметить, что абсолютное сокращение сельского населения в республике было не столь заметным, как в соседних северных регионах. Более того, до 1970 г. его численность увеличивалась. Причиной тому было освоение новых территорий и развитие тех или иных отраслей промышленности, например, значительный рост сельского населения произошел в тех районах, где развивались лесозаготовки. Только в верхнем течении реки Вычегды, Печоры и Мезени за 1959-1970 гг. число жителей увеличилось почти в 1,5 раза. Отметим, что в 1970 г. в лесных поселках Коми АССР проживало свыше 35% сельского населения. В этот же период сохранялся достаточно высокий уровень естественного прироста.

Однако в рассматриваемый период демографические процессы принимали все более деформированный характер. Сократилась доля лиц молодых возрастов, повысился удельный вес населения старше 50 лет. Особенно неблагоприятным в этом отношении было положение в сельской местности. На селе за 1960-1980 гг. рождаемость сократилась в два раза, естественный прирост в 2,7 раза. В то же время высокие темпы миграции привели к изменениям половой структуры населения. Повсеместно фиксировалось превышение мужчин в относительно молодом возрасте над женщинами.

Такое положение складывалось в силу социально-экономических процессов, происходивших в аграрной сфере. Многие исследователи считают, что причиной высокого уровня миграции населения из села в город являлись неудовлетворительные социально-бытовые и культурные условия в деревне, характер труда в сельском хозяйстве, во многом остававшийся физическим, ограниченность выбора предстоящей профессии и др. В последнее время особый упор делается на так называемую политику неперспективных деревень, особенно интенсивно проводившуюся в 70-е гг. К началу этого периода из 1054 сельских населенных пунктов республики в число перспективных было включено всего 97. Предполагалось, что в них будут созданы необходимые условия по городскому типу. За 1970-1989 гг. численность сельских населенных пунктов в республике сократилась с 1054 до 740. Несомненно, это усугубило демографическую ситуацию в сельской местности. Не удалось удержать население в предполагаемых благоустроенных поселках, для создания которых не было ни ресурсов, ни средств. В то же время были и оправдательные мотивы этой политики. В рассматриваемый период деревня представляла из себя территорию с избыточным населением, рассредоточенным по многим населенным пунктам. Необходимо было или создать соответствующую производственную и социальную структуру на селе, или реорганизовать саму систему сельских поселений. Наиболее предпочтительным было совмещение обеих вариантов, однако для этого требовались огромные средства, которых не было. Поэтому руководители государства избрали второй путь.

Все это вызвало дефицит рабочей силы в сельском хозяйстве. По расчетам В.В.Терентьева в начале 80-х гг. в совхозах республики он составлял 16% от потребности, а в период уборочных работ увеличивался до 35%. Для покрытия этого дефицита по разрядке партийных и советских органов на уборку урожая привлекались тысячи рабочих и служащих из города, студенты, учащиеся.

И это при том, что само сельское хозяйство в 60-80-е гг. развивалось достаточно высокими темпами, и главной тенденцией в аграрной сфере являлись механизация и интенсификация производства. В первые послевоенные годы колхозы и совхозы оказались в бедственном положении. Была не только подорвана материально-техническая база сельскохозяйственного производства, но и отсутствовали материальные стимулы к труду. Большую часть продукции по низким ценам приходилось в обязательном порядке сдавать государству. Оставалась мелочная регламентация сельскохозяйственных предприятий, сковывающая всякую инициативу руководителей. За счет собственных средств, которых в таких условиях у колхозов оказывалось крайне мало, развивать производство не было возможности, а государственные ресурсы направлялись в основном на восстановление и развитие промышленности. Для сельских жителей были установлены многочисленные нормы сдачи сельскохозяйственной продукции.

Колхозы от полного разорения в прямом смысле этого слова спас сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС, по решению которого повышались закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, снижались сельхозналоги и обязательные поставки государству. Соответственно можно было для подъема хозяйства эффективней использовать экономические механизмы. Среднегодовые государственные закупки скота и птицы в 1961-1965 гг. по мясу в более чем два раза превысили уровень 1951-1955 гг., по молоку почти в 3 раза. Однако в этот же период происходило сокращение посевных площадей и поголовья скота в республике.

Чтобы как-то изменить положение, государство предпринимало различные меры организационного характера. В 1950 г. началось укрупнение колхозов. Этот процесс шел по всей стране, но Коми республика стала своеобразным полигоном для опробования этой политики. К началу 1950 г. здесь было 673 колхоза, а в 1965 г. осталось всего лишь 71. Они располагались в северных районах - Ижемском, Печорском, Усть-Цилемском. А в 1973 г. и эти оставшиеся коллективные хозяйства были преобразованы в совхозы. Тем самым завершился целый этап в истории деревни, начавшийся еще в годы коллективизации. Вряд ли можно однозначно оценить этот процесс. С одной стороны, крестьянство потеряло остатки самостоятельности, которая еще сохранялась в колхозах. Выборность руководителей хозяйств, колхозные собрания хотя и в ограниченной форме, все еще действовали. С другой стороны, в государственных сельскохозяйственных предприятиях гарантировалась твердая оплата труда, а за счет бюджетных средств можно было значительно быстрее поднимать хозяйство, что в северных условиях имеет принципиальное значение. Уже в 90-е гг., когда резко была сокращена государственная помощь предприятиям сельского хозяйства, показатели производства круто покатались вниз.

Принято считать, что с 1965 г. начался новый этап в истории советской деревни. Его связывают с мартовским этого года пленумом ЦК КПСС, который провозгласил новые принципы аграрной политики. Основными из них были увеличение капиталовложений в сельское хозяйство, более полное использование хозрасчетных отношений, комплексный подход к развитию аграрной подсистемы общества. В истории коми деревни 1965-1985 гг., пожалуй, являются наиболее благоприятными в смысле изменений к лучшему.

Это 20-летие явилось особым этапом в переводе сельскохозяйственного производства на индустриальную основу. В деревню в возрастающих масштабах поступала техника. Количество тракторов в сельском хозяйстве только за 1970-1985 гг. увеличилось с 2962 до 5167 штук, картофелеуборочных комбайнов с 86 до 237 штук и т.д. Многие виды работ были механизированы почти полностью. В некоторых отраслях комплексная механизация труда достигла почти 100%. Применение минеральных удобрений (в пересчете на 100% питательных веществ) за этот же период увеличилось почти в три раза и приближалось к научно обоснованным нормам.

Большие средства были направлены на освоение новых земель. При этом укажем, что в рассматриваемые годы из хозяйственного оборота были выведены значительные площади. Часть из них отводилась под промышленное строительство, часть мелких участков вообще была заброшена. В то же время увеличились контуры полей, на которых можно было эффективней использовать технику. Если в 1970 г. осушенные сельскохозяйственные угодья составляли в республике 7,2 тыс. га, то в 1985 г. уже 40,4 тыс. га. Общая посевная площадь достигла 100 тыс. гектаров.

Произошла переспециализация сельскохозяйственного производства. Возросшая численность городского населения потребовала увеличения выпуска малотранспортабельной продукции, в связи с чем основной упор был сделан на развитие животноводства. Именно в этот период были построены крупные свиноводческие комплексы, такие как Зеленецкий, пять мощных птицефабрик, в значительной мере обеспечивавших потребности республики в мясе птицы и яйцах. Одновременно был свернут зерновой клин. Напомним, что в 1940 г. под зерновыми в республике находилось 57 тыс. га площадей, а в 1985 г.

только 0,4 тыс. га. Зато в эти же годы посевная площадь кормовых культур увеличилась в 7 раз и достигла 84 тыс. га. В целом можно отметить, что в 1965-1985 гг. в Коми республике было создано сельское хозяйство качественно иного, чем прежде, уровня. Основные производственные фонды колхозов и совхозов увеличились в 9 раз, а среднегодовой рост валовой продукции на 100 га сельхозугодий за рассматриваемое двадцатилетие превышал 4%.

Это не означало, что в развитии сельского хозяйства не осталось никаких проблем. Та же механизация еще была далеко от завершения. В системе необходимых машин и механизмов отсутствовали целые звенья, что приводило к использованию значительного количества ручного труда. Проявились тревожные симптомы и в повышении экономической эффективности осуществлявшегося курса. Большие средства, направленные на развитие сельского хозяйства, не давали должного эффекта, снижались фондоотдача, темпы роста производительности труда. Большие площади мелиорированных земель оказались освоенными с нарушением технологии, что сказалось на их отдаче. К этому приводила погоня за выполнением плановых показателей, от которого зависело финансирование работ. Не удалось преодолеть зависимость сельского хозяйства от погодных условий, и в неблагоприятные годы урожайность полей резко падала. Экономические условия хозяйствования мало стимулировали повышение эффективности производства, в своей деятельности совхозы полностью зависели от государства. Отставали от темпов роста сохраняющая и перерабатывающая отрасли аграрного комплекса. В 1986 г. из общего объема капитальных вложений в АПК Коми АССР на долю пищевой и мясо-молочной промышленности пришлось соответственно лишь 1,3 и 3,1% выделенных средств. Переработка и сохранение продукции были одним из самых слабых мест в развитии аграрной сферы. В некоторых случаях терялось до 1/3 и более полученного урожая. Соответственно хозяйства недополучали значительные средства от реализации продукции, которые можно было направить на прирост производства и оплаты труда.

Однако менялась не только производственная сфера деревни. Пожалуй, впервые за многие годы государство стало выделять значительные ресурсы на улучшение условий жизни сельских жителей. Именно в этот период началось строительство жилья на селе, стали благоустраиваться дома, строить дороги. К концу 70-х гг. во всех районах осуществлялся устойчивый прием телепередач. Были построены многочисленные предприятия бытового обслуживания, клубов и домов культуры в сельской местности за 1966-1985 гг. было введено на 10,2 тыс. мест. О росте материального благосостояния сельчан свидетельствовал тот факт, что среднемесячная оплата труда в 70-х - первой половине 80-х гг. в сельском хозяйстве возросла почти в 2 раза и приближалась к соответствующему показателю в промышленности. Хотя следует сказать, что в последней уровень оплаты в середине 80-х годов в 1,5 раза превышал заработную плату занятых в сельском хозяйстве. Одним словом, деревня, несмотря на все переживаемые ею трудности, находилась на подъеме. Главным условием прогресса аграрной сферы следует считать государственную политику, которая была направлена на содействие развитию производства и повышению жизненного уровня населения. Шло активное перераспределение средств из промышленности в деревню, чему способствовали опережающие темпы промышленного развития. За 1960-1985 гг. выпуск промышленной продукции в республике увеличился в 2 раза, продукции сельского хозяйства - в 1,6 раза.

Послевоенные десятилетия были характерны и дальнейшим подъемом культуры. Осуществлялся уже ставший традиционным курс на развитие народного образования, клубного дела, литературы, искусства и науки. Перепись населения 1985 г. дала важные результаты политики в области культуры. Из каждых 1000 занятых в народном хозяйстве республики 940 имели высшее и среднее (полное и неполное) образование. В 1959 г. этот показатель составлял 467 человек. По уровню образования население Коми республики соответствовало лучшим мировым стандартам. В развитии народного образования наблюдался постоянный прогресс, может быть за исключением национальной школы. Практически каждый желающий мог получить среднее образование. Значительно сократилось число восьмилетних и увеличилось количество средних школ. Если в 1940 г. в республике действовали 27 средних школ, то в 1986 г. - 224. Во всех типах учреждений народного образования работали 12,4 тыс. учителей, в большинстве своем имеющих специальное образование. Их подготовку почти полностью обеспечивали Коми Государственный пединститут, в котором в этот период было создано 2 новых факультета, и Сыктывкарское педагогическое училище.

Значительно расширились возможности дальнейшего продолжения образования. В 1967 г. начал подготовку специалистов Ухтинский индустриальный институт, в 1972 г. - Сыктывкарский государственный университет. Кроме того, работали филиалы Ленинградской лесотехнической академии и Ленинградского горного института. В 1985/1986 учебном году в вузах республики обучалось 12 тысяч студентов. Кроме того, в 18 средних специальных учебных заведениях насчитывалось 16,4 тыс. учащихся. Были созданы благоприятные условия для получения специальности в системе профтехобразования. Число профтехучилищ особенно возросло в 70-80-е годы, они открывались не

только в городах, но и в ряде райцентров. Учитывая, что во всех типах учебных заведений подготовка специалистов осуществлялась бесплатно, были обеспечены максимально доступные возможности для получения образования каждым жителем республики.

Большие средства отпускались на развитие научных исследований. Активную научно-исследовательскую работу проводили коллективы уже существующих и вновь созданных высших учебных заведений. В этот период достижения ученых республики стали широко известны на международной арене, были созданы оригинальные научные школы. Сыктывкар стал местом проведения международных научных форумов. В 1985 г. здесь состоялся VI Международный конгресс финно-угроведов. О признании заслуг ученых республики свидетельствовал и факт избрания председателя Коми научного центра Уральского отделения РАН М.П.Рощевского действительным членом (академиком) АН СССР и директора Института геологии Коми научного центра Н.П.Юшкина академиком Российской Академии наук.

Коми научный центр УрО РАН, созданный в 1949 г., превратился в один из крупнейших исследовательских учреждений страны, осуществляющий комплексные работы во многих отраслях науки. В конце 80-х гг. в его составе работали Институт биологии, Институт геологии, Институт языка, литературы и истории, Институт физиологии, Институт экономических и социальных проблем Севера, крупные самостоятельные отделы химии и энергетики. Коми научный центр УрО РАН решал важные задачи научного обеспечения рационального освоения природных ресурсов северных территорий России.

Плодотворно развивались и другие отрасли культуры. В середине 80-х гг. в республике издавалось 30 газет, 4 журнала. Годовой тираж газет за 1960-1985 гг. возрос с 458 до 1114 тыс. экземпляров. Значительно обогатилась литературная жизнь республики. Широко известными стали произведения поэтов И.Вавилина, А.Ванеева, С.Попова, В.Попова, Г.Юшкова, Н.Мирошниченко и многих других. Их сборники стихов выходили многочисленными тиражами как в республике, так и в центральных изданиях. И.Изъюровым, И.Тороповым, Я.Рочевым, Г.Юшковым были созданы крупные произведения художественной прозы, составившие новый этап в развитии коми литературы. В республике регулярно проводились дни литературы.

Значительный прогресс был достигнут в развитии театрального искусства, наряду с драматическим в Сыктывкаре был открыт музыкальный театр, появились театры и в других городах. Широкую известность получил Государственный ансамбль песни и танца Коми АССР "Асья кыа", созданный в 1944 г., неоднократно становившийся лауреатом всероссийских и международных фестивалей. Развивалось самодеятельное художественное творчество, библиотечное дело. В 1986 г. в республике насчитывалось 516 массовых библиотек, а их книжный фонд составлял 9,2 млн. экземпляров книг и журналов.

В послевоенный период произошли коренные изменения в здравоохранении. Если в 1940 г. в республике работали 264 врача и 1444 человек среднего медицинского персонала, то в 1985 г. - соответственно 4606 и 17975 человек. На каждые 10 тыс. человек населения приходилось 38 врачей.

И все же следует признать, что отпускаемых на развитие социальной и культурной сфер средств не хватало. Особенно в этом отношении ущемлялась культура, материальная база которой да и кадровое обеспечение оставались во многих случаях неудовлетворительными. Идеологическое содержание культурных мероприятий, так же как и печати, литературы, искусства строго контролировалось партийными органами и должно было соответствовать официальным установкам.

Заканчивался огромный этап в развитии республики, как и страны в целом. Это был период попыток создания нового общества на социалистических принципах. Вместе со всей страной республика пережила и трагические моменты в своей истории и бурный рост экономики и культуры. Остается фактом то, что были достигнуты крупные результаты в ее социальном развитии. Однако во всех сферах общественной жизни постепенно накапливались противоречия, требовавшие немедленного разрешения. Необходимы были реформы, способные вывести без катаклизмов общество из кризисного состояния. Однако, события пошли по другому пути...

ЛИТЕРАТУРА

- Александров А.Н.** Труд во имя победы. -Сыктывкар, 1968.
- Александров А.Н.** В боевом союзе. -Сыктывкар, 1985.
- Александров А.Н.** Звезды отважных. -Сыктывкар, 1991.
- Безносиков Я.Н.** Культурная революция в Коми АССР. -М., 1968.
- Безносиков Я.Н.** Развитие народного образования в Коми АССР. -Сыктывкар, 1973.
- Беленкина Т.И.** Из истории классовой борьбы коми народа. -Сыктывкар, 1971.
- Вычегодский край в истории России. -Сыктывкар, 1994.
- Давыдов В.Н.** Присоединение Коми края к Московскому государству. -Сыктывкар, 1977.
- Давыдов В.Н.** Образование автономной области Коми. -Сыктывкар, 1981.
- Доброноженко Г.Ф.** Коллективизация на севере. -Сыктывкар, 1994.
- Документы по истории народа коми. -Сыктывкар, 1985.
- Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б.** Этнодемографическая ситуация в Коми крае (конец XIX - 1980 годы). -Сыктывкар, 1993.
- Жеребцов И.Л., Таскаев М.В.** Коми край в годы гражданской войны: население и власть. -Сыктывкар, 1994.
- Жеребцов И.Л., Несанелис Д.А.** Четыре века истории. -Сыктывкар, 1990.
- Жеребцов И.Л.** Коми край в системе административно-территориального деления России (конец XV - начало XX века). -Сыктывкар, 1993.
- Жеребцов И.Л.** Где ты живешь. -Сыктывкар, 1994.
- Жеребцов Л.Н.** Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. -М., 1982.
- Жеребцов Л.Н.** Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII - начале XX вв. -М., 1972.
- Жеребцов Л.Н.** Расселение коми в XV-XIX вв. -Сыктывкар, 1972.
- История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. -Сыктывкар, 1978 (2-е изд. - 1981).
- История коми литературы. -Сыктывкар, 1980. Т. 1-3.
- История родного края. -Сыктывкар, 1994.
- История Сыктывкара. -Сыктывкар, 1980.
- Конаков Н.Д.** Коми охотники и рыболовы во II половине XIX - начале XX вв. -М., 1983.
- Королев В.Н.** России беспокойный гражданин. - Сыктывкар, 1987.
- Королева Е.Г., Попов А.А.** Гражданская война в Коми крае. -Сыктывкар, 1957.
- Лашук Л.П.** Формирование народности коми. -М., 1972.
- Лашук Л.П.** Очерк этнической истории Печорского края. -Сыктывкар, 1958.
- Мацук М.А.** Крестьяне Коми края в конце XVI-XVII вв. -М., 1990.
- Мацук М.А.** Коми край от Бориса Годунова до Петра I. -Сыктывкар, 1994.
- Научные экспедиции и исследования Коми края. -Сыктывкар, 1993.
- Наш край в истории СССР. -Сыктывкар, 1980.
- Образование Коми автономной области. -Сыктывкар, 1971.
- Они любили край родной. -Сыктывкар, 1993.
- Очерки по истории Коми АССР. -Сыктывкар, 1955, 1962. Т.1,2.
- Первая Коми республиканская научно-практическая конференция по историческому краеведению. -Сыктывкар, 1988.
- Политов В.В.** Яренск. -Л., 1978.
- Попов А.А., Сметанин А.Ф., Напалков А.Д., Бараксанов Г.Г.** Национальное строительство в Коми АССР (история и современность). -Сыктывкар, 1991.
- Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917-1956 гг.). -Сыктывкар, 1993.
- Проблемы исторической географии и исторической демографии Европейского Севера России. -Сыктывкар, 1991.
- Промышленные рабочие Коми АССР. 1918-1970. -М., 1974.
- Рогачев М.Б., Цой А.И.** Усть-Сысольск: страницы истории. -Сыктывкар, 1989.
- Родники пармы-89. -Сыктывкар, 1989.
- Родники пармы-90. -Сыктывкар, 1990.
- Родники пармы-93. -Сыктывкар, 1993.
- Савельева Э.А.** Пермь вычегодская. -М., 1971.
- Савельева Э.А.** Археология Коми АССР. -Сыктывкар, 1984.
- Савельева Э.А.** Вымские могильники XI-XIV вв.. -Л., 1987.
- Савельева Э.А.** Этногенез коми-зырян. -Сыктывкар. 1985.

- Савельева Э.А., Кленов М.В.** Пожеское городище. -Сыктывкар, 1992.
- Савельева Э.А., Королев К.С.** По следам легендарной чуди. -Сыктывкар, 1990.
- Савельева Э.А., Королев К.С.** Эжва перым. -Сыктывкар, 1992.
- Сурина Л.И.** На далекой окраине. -Сыктывкар, 1973.
- Традиционная культура народа коми. -Сыктывкар, 1994.
- Турубанов А.Н.** Создание целлюлозно-бумажной промышленности в Коми АССР. -М., 1979.
- Установление Советской власти и гражданская война в Коми крае. -Сыктывкар, 1966.
- Фаузер В.В.** Проблемы формирования населения Республики Коми. -М., 1993.
- Фаузер В.В., Подоплелов В.П., Загайнова Г.В.** Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми. -Сыктывкар, 1994.
- Чупров В.И.** Коми край в трех русских революциях. -Сыктывкар, 1985.
- Чупров В.И.** Социально-политическая жизнь северной деревни в конце XIX - начале XX в. -М., 1991.
- Это нашей истории строки. -Сыктывкар, 1989.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	
Очерк I. Древнейшее прошлое Коми края.....	
Очерк II. Коми край во II половине XIV-XV веках.....	
Очерк III. Коми край в XVI-XVII веках.....	
Очерк IV. Коми край в XVIII - первой половине XIX вв.....	
Очерк V. Коми край во второй половине XIX - начале XX вв.....	
Очерк VI. Развитие народного образования, культуры и здравоохранения в Коми крае в XIV - начале XX вв.....	
Очерк VII. Борьба за власть в Коми крае в 1917 - середине 1918 гг.....	
Очерк VIII. Коми край в годы гражданской войны.....	
Очерк IX. Коми автономная область в двадцатые годы.....	
Очерк X. Годы больших потрясений.....	
Очерк XI. Коми АССР в годы Великой Отечественной войны.....	
Очерк XII. Коми АССР во второй половине 40-х - 80-е годы.....	
Литература.....	